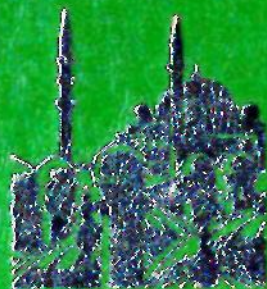

МУСУЛЬМАНСКИЕ
СТРАНЫ
У ГРАНИЦ СНГ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

МУСУЛЬМАНСКИЕ СТРАНЫ У ГРАНИЦ СНГ

(Афганистан, Пакистан, Иран и Турция -

современное состояние, история и перспективы)

Москва
ИВРАН-Крафт+
2001

ББК 65.7+66.3(07) Мил

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. Я. Белокреницкий, А. З.
Егорин (ответственные редакторы), В. Н. Москаленко,
Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко

Редактор *Г. В. Миронова*
Корректор *М.Я. Колесник*

МП МУСУЛЬМАНСКИЕ СТРАНЫ У ГРАНИЦ СНГ

(Афганистан, Пакистан, Иран и Турция - современное состояние, история и перспективы). - М.: Институт востоковедения РАН, издательство «Крафт+», 2001. - 336 с.

ISBN 5-89282-189-7 (ИВ РАН) ISBN 5-93675-024-8 («Крафт+»)

Ислам, его роль в политической, культурной и экономической жизни мусульманских стран, расположенных у границ СНГ, находится в центре внимания авторов настоящего сборника, который посвящен истории, современному состоянию и перспективам развития Турции, Ирана, Афганистана и Пакистана. Специально рассматриваются проблемы курдов, населяющих помимо Турции и Ирана, Ирак, Сирию и ряд других стран.

В книгу включены статьи ведущих сотрудников Института востоковедения РАН и других научно-аналитических центров и вузов России. Статьи подготовлены на основе докладов, прочитанных на региональной конференции в Институте востоковедения РАН 20-21 ноября 2000 г. (подробный отчето конференции см.: журнал «Восток», 2001, №2, с. 149-156).

ISBN 5-89282-189-7

ISBN 5-93675-024-8 («Крафт+»)

ББК 65.7+66.3(07)

© Институт востоковедения РАН, 2001 © Институт изучения
Израиля и
Ближнего Востока, 2001 © Коллектив авторов,
2001 © Издательство «Крафт+», 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В.Я.Белокреницкий.</i> Мусульманский регион у южных границ СНГ - структура, значение, перспективы	5
<i>В.Г.Коргун.</i> Афганистан на крутых поворотах истории XX века	23
<i>В.Н.Москаленко.</i> Итоги развития и перспективы исламской республики Пакистан	29
<i>Н.М.Мамедова.</i> Иран: от монархии к республике. Современное положение и перспективы	46
<i>Е.И.Уразова.</i> Некоторые особенности и перспективы социально-экономического и политического развития Турции	61
<i>М.С.Лазарев.</i> Курдский национализм в XX веке (особенности развития и современное состояние)	79
<i>С.Б.Дружковский.</i> Исламская модель развития как альтернатива вестернизации восточного общества (вопросы теории и практики)	96
<i>И.Л.Фадеева.</i> Расколото общество: представление о демократии политических лидеров стран Ближнего и Среднего Востока (80-90-е годы)	116
<i>Р.Р.Сиков.</i> От эмирата до халифата	141
<i>О.В.Плешов.</i> Талибанизация Пакистана - угроза реальная или мнимая?	148
<i>О.В.Плешов.</i> Пакистан: исламский фундаментализм и военный режим	157
<i>В.И.Данилов.</i> Исламское движение и политический кризис в Турции 90-х годов	165
<i>Б.М.Ягудин (Казань).</i> Эволюция парламентаризма в Турции	179
<i>О.И.Жигалина.</i> Ислам у курдов Западной Азии	198
<i>М.Р.Арунова.</i> Этнический фактор во внутриафганском конфликте	210
<i>Н.М.Емельянова.</i> Исмаилиты Афганистана и Таджикистана - краткая история и современность	218
<i>И.Н.Серенко.</i> Образование и ислам в Пакистане	228
<i>Б.С.Бойко (Барнаул).</i> Регионализм в Афганистане: «Гератская республика» Абдул Рахима (1929 - начало 30-х годов)	237

<i>И.В.Жмуйда. Роль теневой экономики и коррупции в Пакистане.....</i>	<i>256</i>
<i>Н.Ю. Ульченко.Теневая экономика в Турции: масштабы и факторы развития.....</i>	<i>266</i>
<i>П.П.Моисеев. Турция: от докапиталистических структур к товарно-рыночному хозяйству.....</i>	<i>274</i>
<i>А.З.Арабаджян. Экономический потенциал Исламской Республики Иран и проблема национальной безопасности ..</i>	<i>291</i>
<i>Г.И.Старченков. Нефть Каспия и пути ее транспортировки.....</i>	<i>298</i>
<i>Л.Б.Аристова. Россия и международные транспортные коридоры</i>	<i>307</i>
<i>Н.Г.Киреев. Антитеррористическое законодательство и борьба с радикальным исламизмом в Турции</i>	<i>312</i>

**МУСУЛЬМАНСКИЙ РЕГИОН
У ЮЖНЫХ ГРАНИЦ СНГ -
СТРУКТУРА, ЗНАЧЕНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Политико-региональные деления всегда условны, даже такие привычные, как Европа или Азия. Связано это с изменениями в международно-политической обстановке, которые отражаются на представлениях о сочетании государств в составе той или иной группы.

К югу от центральноазиатских и кавказских границ СНГ можно выделить обширный вытянутый в широтном направлении регион, где проживает преимущественно население, исповедующее ислам. Входящие в него государства - Афганистан, Иран, Пакистан и Турция - отличаются значительным культурно-политическим своеобразием и социально-экономическими различиями. В то же время их объединяет, помимо наличия общих границ, сходство геополитической роли, связанное прежде всего с промежуточным положением между Ближним Востоком и Россией. Актуализации такой роли способствуют на современном этапе рост исламского радикализма, терроризма и наркоторговли, с одной стороны, и конкуренция за контроль над добычей и транспортировкой углеводородного сырья, с другой. В данной статье предложена схема анализа конфигурации и внешней среды региона, оценена степень дифференциации и внутривосточной неоднородности входящих в него стран и охарактеризованы перспективы их развития с учетом двух отмеченных выше стержневых факторов.

Внутренняя композиция и внешние связи региона

Учитывая современные международно-политические реалии и, в первую очередь, геополитические проекции России, регион удобно рассматривать в ориентированном с востока на запад виде. Стык Памира, Гималаев и Гиндукуша представляет собой природный северо-восточный его угол. Геополитически последний образует Афганистан, имеющий южное «продолжение» в

лице Пакистана. Две эти страны вместе образуют почти правильный параллелограмм или широкий коридор, соединяющий Центральную Азию с Аравийским морем. В широтном направлении он равняется примерно 1 тыс. км, а в меридиональном - около 1,5 тыс. км (общая площадь равна приблизительно 1,5 млн. кв. км: площадь Афганистана - 0,65, а Пакистана - 0,8 млн. кв. км). Афганистан и Пакистан граничат на западе с Ираном на протяжении примерно 1,5 тыс. км, а тот на своем западе имеет небольшие по длине (менее 0,5 тыс. км) общие рубежи с Турцией. Иран по территории практически равен совокупной площади Афганистана и Пакистана (1,65 млн. кв. км) и вдвое превосходит площадь Турции (0,8 млн. кв. км). Конфигурацию региона легко представить в форме латинской буквы N. При этом турецкий западный угол имеет южное ответвление благодаря Курдистану, этнографической области, соединяющей его зону непосредственных геополитических интересов с Ираком и Сирией.

Центральное место в регионе принадлежит Ирану. Он единственный граничит с тремя другими его страновыми компонентами, а из-за наличия курдских районов имеет прямое отношение ко всей сложной и запутанной курдской проблеме. Региональная подсистема, таким образом, могла бы быть охарактеризована как «ираноцентричная». Однако стержневое положение Ирана обусловлено лишь географическими и этнодемографическими факторами и не подкрепляется экономически, а также политически в силу исторического соперничества с Турцией и противоречий между шиизмом, занимающим положение официальной религии в Иране, и суннитским исламом, наиболее распространенным в других странах региона.

Рассматриваемый регион отличают тесные и разнообразные связи с примыкающими к нему подсистемами международных отношений. Отметим прежде всего западное ответвление, соединяющее Турцию с Европой. Исторически оно обусловлено многовековой вовлеченностью Османской империи, а затем республиканской Турции в европейские дела, а географически тем, что часть ее территории (Восточная Фракия) принадлежит Европе. В период после окончания Второй мировой войны такие ее контакты символизировались членством в НАТО, тесным взаимодействием с европейскими экономическими и политическими структурами, ассоциированным участием в ЕЭС и стремлением стать

его полноправным членом.

Восточное расширение региона есть следствие включенности Пакистана в Южноазиатскую подсистему, связанную с историческим его происхождением, социокультурной близостью к Индии и амбивалентным (приязненно-неприятельским) характером политических связей с ней.

Если в меридиональном отношении выделенная региональная подсистема имеет, так сказать, органические расширения (на запад и восток), то в широтной проекции ее границы очерчены более четко. На юге географически их образует Аравийское море, Персидский залив и Месопотамия, а на севере - Черное море, Кавказ, Каспий и горы Центральной Азии.

Несмотря на наличие достаточно четкой естественной окантованности по широте, геополитическое значение региона на нынешнем этапе определяется связями «Север-Юг». На Ближний (преимущественно Аравийский) Восток регион выходит по трем направлениям через Пакистан, Иран и Турцию. Пакистанская линия взаимодействия с арабским, по преимуществу суннитским, миром усилилась, начиная с последней трети XX века. Этому способствовало превращение государств Аравийского полуострова, в первую очередь Саудовской Аравии, в ведущий мировой центр по добыче и экспорту нефти. Богатый нефтедолларами регион как магнитом притянул к себе бедный трудоизбыточный Пакистан. Миграция трудовых ресурсов не является, однако, главной и решающей линией взаимодействия. Более существенное значение имеют контакты политико-идеологического и религиозного содержания. Пакистан превратился в проводника влияния консервативной и радикальной исламской идеологии из арабо-аравийского их центра на север в Афганистан, в Центральную Азию и в целом во внутренние районы Евразии.

Второй канал связи - иранский. Шиитско-суннитские различия делают его отчасти похожим на пакистано-индийские взаимоотношения. Общая религия, в одном случае, и сходная культура - в другом, обращенные вовне, объединяют, а разногласия по поводу интерпретации религиозных и культурных ценностей, ориентированные внутрь, разъединяют. С конца 70-х годов Иран и Саудовская Аравия вступили в соперничество из-за лидерства в области исламской радикально-консервативной идеологии. Только спустя примерно два десятилетия его накал уменьшился, и

после изменения позиции Ирана стороны вступили в достаточно продуктивный диалог, очевидно, все же не означающий устранения противоречий.

Третий, турецкий, выход на арабо-ближневосточный регион связан с двумя затяжными конфликтами - курдским и арабо-израильским. Курдская проблема за последние буквально несколько лет претерпела трансформацию из исключительно острой фазы в более спокойную, даже латентную. Но нерешенная проблема Ирака и непризнание официальной Анкарой курдской идентичности грозят в любой момент вывести ее из этого состояния. Сближение Турции с Израилем, осуществленное в рамках общей прозападной линии ее внешней политики, усложняет турецкие позиции по арабо-израильскому узлу противоречий, диктуя сохранение умеренно отстраненного курса на ближневосточном направлении.

Существенное значение для региона имеют выходы его на север. Они приобретают особый смысл для России, так как касаются ареала ее безопасности, рубежи которого проходят по южным границам бывшего СССР, а в настоящее время - СНГ. Наиболее острая для Москвы ситуация существует пока на западной, кавказской, региональной перемычке. Однако после военного подавления очага сепаратизма и исламского радикализма в Чечне увеличивается значение восточного, афгано-центральноазиатско-го, конфликтного узла. Здесь Россия сталкивается с угрозами нарушения охраняемых ею рубежей и исламо-радикалистским идеологическим давлением.

Радикальный исламизм действует на всем пространстве мусульманского региона у границ СНГ, уходя корнями в толщу арабо-исламского мира и образуя с его центрами общую геоидеологическую платформу. Опирающиеся на нее религиозно-политические силы проникают на север главным образом через восточные ворота региона, т. е. через Пакистан и Афганистан, встречая на своем пути в Иране и Турции глухое сопротивление.

Национальные экономические и социокультурные параметры

К рубежу двух веков и тысячелетий страны региона существенно разошлись в стороны по уровню технико-экономического и социально-культурного развития. Это расхождение весьма замет-

но при сравнении с периодом после окончания второй мировой войны. Тогда различия по экономическим и социокультурным показателям были относительно невелики. Если взять агрегатный индекс - величину подушевого дохода, то она в 1950 г. оценивалась как равная 125 долл. США в Турции, 85 - в Иране, примерно 50 долл. - в Пакистане и 35 - в Афганистане¹. Таким образом, турецкий доход превосходил афганский в 3,6 раза, пакистанский - в 2,5, а иранский - в 1,5 раза. Доход в Иране был больше, чем в Афганистане - в 2,4, а в Пакистане - в 1,7 раза. Разница между пакистанским и афганским показателями составляла 1,4 раза.

Спустя почти полвека, по оценкам на 1998 г., номинальный (по официальному курсу обмена валют) национальный доход на душу населения в Турции равнялся 3160, в Иране - 1650, в Пакистане - 470, а в Афганистане - 250 долл. США². Следовательно, разрыв между Турцией и остальными странами увеличился - с Афганистаном до 12,6, с Пакистаном - до 6,7, а с Ираном - до 1,9 раза. Превосходство иранского дохода над афганским увеличилось до 6,6, над пакистанским - до 3,5, а пакистанского над афганским - до 1,9 раза.

Несколько иную картину представляют данные о ВВП, полученные при учете паритета покупательной способности (ППС) местных валют. Подушевой доход в Турции оценивается при этом в 6504 долл. США, в Иране - 5121, Пакистане - 1652 и в Афганистане - в 800 долл. . Увеличение разрыва оказывается меньше, более того, получается, что между Турцией и Ираном он даже сократился (до 1,3 раза). Разрыв между Турцией и Пакистаном вырос до 4, а между Турцией и Афганистаном - до 8 раз. Между Ираном и Пакистаном он увеличился до 3 раз, а между Ираном и Афганистаном - до 6,5 раз. Примечательно, что душевой доход в Пакистане, согласно этим оценкам, ровно вдвое выше, чем в Афганистане.

Из приведенных цифр очевидно, что страны региона, отталкиваясь от близкого исходного уровня, распались к концу века на две группы - более процветающих, среднеразвитых по международным меркам - Турцию и Иран, и менее развитых и благополучных - Пакистан и Афганистан. Особенно тяжелым является положение последнего. Главная причина тому - непрекращающаяся на протяжении свыше 20 лет междоусобная война, осложненная вмешательством конфликтующих внешних сил. Кстати,

вышеприведенная оценка афганского душевого дохода представляется несколько завышенной, т. к., например, в Непале, где в сходных условиях высокогорья мирная обстановка не нарушалась на протяжении второй половины XX века, он оценивается лишь в 210 долл. по номиналу и в 1000 долл. по системе ППС.

Менее существенная разница в общих экономических потенциалах трех ведущих стран региона вследствие более чем двукратного превосходства Пакистана над Турцией и Ираном по численности населения. Номинальный ВВП Турции в 1998 г. оценивался в 200, Ирана — в 102, а Пакистана - в 62 млрд. долл., а ВВП с учетом ППС - равнялся соответственно 419, 317 и 217 млрд. долл. Для Афганистана эти показатели колеблются в зависимости от оценки численности его населения, находясь в пределах 5-6 млрд. долл. в соответствии с первой и 16-20 млрд. -второй системы подсчета⁴.

В то же время к концу века выявились заметные различия в структуре экономики региональных государств. Доля сельского хозяйства в национальном доходе Турции составила всего 15, в Иране - 18, а в Пакистане - уже 25%. Что касается Афганистана, то там, согласно оценкам на середину 80-х годов - период, который можно считать пиковым в смысле развития индустрии по сравнению с последовавшими годами, сельская сфера давала 58% добавленной стоимости⁵. По вкладу индустриальных секторов в экономику лидировал Иран - 32%, причем более половины (19%) приходилось на горнодобывающие отрасли (в основном добычу нефти). В Турции индустриальная сфера обеспечивала 28% добавленной в экономике стоимости, а в Пакистане - 25%. В сфере услуг Ирана и Пакистана создавалась ровно половина национального дохода, а Турции - 57%⁶. Таким образом, экономика Турции и Ирана принадлежала к индустриально-аграрному типу, Афганистана - к чисто аграрному, а Пакистана - к смешанному, аграрно-индустриальному.

Производство и потребление электроэнергии служит еще одним ключевым индексом экономического развития. По данным на 1997 г., в Турции производство составляло 83, в Иране - 72, в Пакистане - 57 млрд. кВт. час, а среднедушевое потребление равнялось соответственно 1275, 1163 и 407 кВт. час в год⁷. Отставание Пакистана от Турции и Ирана по этим данным меньше, чем по параметрам национального дохода, а разница между

Турцией и Ираном невелика.

Зато две последние страны весьма различаются между собой по степени открытости (глобализации) экономики и динамике связей с внешними рынками за последнее десятилетие. Стоимость экспорта Турции в 1998 г. равнялась 25, импорта - 28, а внешнеторгового оборота - 53% от ВВП страны. В Иране эти показатели были значительно ниже - 13, 15 и 28%. Причем еще в 1990 г. зависимость Ирана от мирового рынка была выше турецкой, но затем она неуклонно снижалась, а открытость турецкой экономики возрастала. Темпы среднегодового прироста объема внешней торговли в Турции опережали соответствующие показатели роста ВВП на 6,8%, а в Иране - отставали от них на 5,4%⁸.

По степени втянутости в мировые хозяйственные связи Пакистан занимает ныне промежуточное место между Турцией и Ираном (16, 18 и 34% ВВП) и демонстрирует тенденцию к несколько более быстрому росту экспорта и импорта по сравнению с увеличением внутреннего продукта⁹. Афганистан с точки зрения внешнеэкономических связей во многом зависит от Пакистана и Ирана, т. к. доставка товаров туда осуществляется по преимуществу через их территорию. При этом значительная часть беспошлинно ввезенных товаров нелегально переправляется обратно в Пакистан и Иран, увеличивая там массу импортных, контрабандных товаров .

По большинству социальных показателей Турция и Иран составляют единую группу, в то время как Пакистан и тем более Афганистан заметно отличаются от них. Сходство и различия видны уже на примере такого самого общего параметра, как доля городского населения. В Турции на 1990-1998 гг. она выросла с 61 до 73%, а в Иране - с 56 до 61%. Таким образом, свыше половины жителей в этих странах уже в течение довольно длительного времени относятся к числу горожан. В Турции на рубеже веков население, по существу, стало городским на 3/4, а в Иране - на 2/3. Иная картина в Пакистане, где при абсолютно быстром росте горожан их удельный вес повышается довольно медленно - с 28% в 1980 г. до 36% в 1998 г.¹². Две трети 140-миллионного населения этой страны проживают в сельской местности. В Афганистане вне городов находится четыре пятых жителей (доля горожан увеличилась, по оценкам Всемирного банка, с 18 до 21% за 1990-1998 гг.)¹³.

В. Я. Белокреницкий

Серьезные различия между Пакистаном, с одной стороны, Ираном и Турцией - с другой, по удельному весу городских и сельских жителей несколько сглаживаются при учете структуры городского населения. В Турции и Иране в относительно небольших по численности населения городах (менее 750 тыс. жителей) сосредоточены соответственно 63 и 57% горожан, а в Пакистане - только 42%. Свыше трети пакистанских горожан проживают в крупнейших городских центрах (более 3 млн. человек), в Турции и Иране только пятая часть концентрируется в такого рода центрах, что отчасти связано с меньшей общей численностью их населения. Показатель концентрации горожан в самом крупном городе во всех трех странах, по существу, одинаков (19, 20 и 23%)¹⁴.

Средняя ожидаемая продолжительность жизни во всех государствах региона за последние десятилетия существенно выросла. В Турции, по сведениям на 1997 г., она равнялась для мужчин 67, а для женщин - 72 годам, в Иране - соответственно 69 и 70 лет, а в Пакистане - 61 и 63 года¹⁵. Следовательно, Пакистан отставал примерно на 10 лет по этому показателю от соседей по региону. Весьма рельефно это выявляется на данных за 1997 г. о детской смертности (до 5 лет на 1000 чел.) - в Пакистане она равна 136, в Турции - 50, а в Иране - 35¹⁶.

Столь же велик разрыв в уровнях неграмотности. В Турции среди мужского населения старше 15 лет она к 1998 г. снизилась до 8%, а среди женского - до 26%, в Иране - до 19 и 34%. В Пакистане же доля неграмотных осталась очень высокой - 45% у мужчин и 75% у женщин¹⁷.

Заметна также разница в благоустроенности жилья и доступности современных средств санитарии. В Турции еще в 1990 г. 99% горожан могли пользоваться канализацией, а если учесть, что к городскому населению там ныне относится более 70% всех жителей, то легко заключить, что преобладающая часть турок проживает в нормальных санитарных условиях¹⁸. В Иране различные виды канализации доступны 86% горожан и 81% всех жителей. Иная картина в Пакистане, где ей пользуются лишь 75% городских жителей и только 39% всего населения¹⁹. Примерно так же обстоит дело с наличием обеззараженной питьевой воды. По данным 1995 г., в Турции ее могло использовать практически все население, в Иране - 90%, а в Пакистане - лишь 62%. Заметим, что прогресс во всех трех странах по сравнению с 1982 г.

был значительным (показатели на тот период составляли соответственно 69, 50 и 38%)²⁰.

Проблемы Пакистана во многом связаны со стабильно высокой рождаемостью и весьма быстрыми темпами демографического роста (в 80-е годы они достигли пика - почти 3% в год). В следующее десятилетие фертильность (среднее число детей на женщину) снизилась с шести до пяти, рождаемость сократилась с 43 до 34 промилле (на тысячу человек), а естественные темпы роста упали до 2,1% .

Исключительно высокими темпами (3,5% в год) увеличилось в 80-е годы и население Ирана. Причем это было следствием целенаправленной политики властей при имаме Хомейни. В 90-х годах отношение иранского правительства к демографической политике изменилось - оно встало на путь поощрения планирования семьи и снижения темпов роста населения. И вновь политические меры оказались эффективными, тем более что они на этот раз совпадали с рекомендациями международных организаций и мировыми тенденциями. Демографические темпы в 90-х годах уменьшились до 1,7% в год при крутом снижении показателей фертильности и рождаемости²².

Более плавно изменялись демографические показатели Турции. Достигнув максимума в 2,9% в 50-е годы, они затем постепенно сокращались с каждым десятилетием и составили 1,7% в последнюю декаду XX века. Это в полной мере совпадает с иранским показателем. Очень близкими оказались и другие демографические показатели Турции и Ирана по состоянию на конец 90-х годов (фертильность - 2,5-2,6, рождаемость - 21 промилле, смертность - 5-6 промилле; последний показатель для Пакистана равен 11%)²³.

Завершая короткий анализ образовавшихся к концу века различий в уровне развития стран региона, следует отметить особенности их приспособления к новейшим тенденциям научно-технической эволюции. Речь идет об освоении передовых информационных технологий и выпуске высокотехнологичных товаров. Безусловным лидером в этом плане является Турция. На высокотехнологичные товары в 1997 г. приходилось 9% ее экспорта. По данным на январь 1999 г., она располагала свыше 27 тыс. терминалов в сети Интернет, в то время как Иран имел только 248 такого рода выходов в международную информационную паутину.

В. Я. Белокреницкий

Разрыв, очевидно, объясняется особенностями политики двух государств по отношению к внешнему миру, а также, возможно, спецификой культуры среднего класса. Промежуточное положение между ними занимает Пакистан. В начале 1999 г. он имел более 3 тыс. интернетовских терминалов, а высокотехнологичный экспорт в 1997 г. давал 4% поступлений²⁴. В расчете на душу населения Пакистан по первому показателю в 6 раз превосходил Иран, уступая Турции почти в 20 раз. Однако если брать во внимание не все, а лишь городское население, то его отставание от последней снизится вдвое.

В целом можно заключить, что перепады в развитии стран региона за вторую половину XX века увеличились. Турция и Иран ушли вперед, между тем как Пакистан и особенно Афганистан отстали. При этом экономическая эволюция последнего с конца 70-х годов фактически прекратилась. Там наблюдались вызванные войной деградация традиционного хозяйства, разрушение анклавов современных производительных сил, расширение теневой, с использованием доходов от продажи наркотиков, экономики, точнее, «антиэкономики»²⁵. Частично эти процессы затронули и Пакистан. Эта страна оказалась в наибольшей степени «расколотой» на городской и сельский сегменты, а внутри последнего на различные хозяйственно-общественные ареалы. Впрочем, заметная порайонная неоднородность характеризовала также развитие и Ирана, и Турции. Учитывая эти обстоятельства, интерес может представлять постановка вопроса о кроссгосударственных социально-экологических зонах, предварительное рассмотрение их особенностей, степени различий между ними и влияния на протекающие в них политические процессы.

Разлом региона по вертикали

В первом приближении можно выделить три такие зоны - индустриально-городскую, равнинно-земледельческую и горноскотоводческую. Первая наиболее сильно представлена в западных присредиземноморских и причерноморских районах Турции,

Определение «терминал» в начале 90-х годов в зарубежной литературе означало, как правило, количество компьютеров, подключенных к сети Интернет. В данном контексте приведенные цифры, вероятно, показывают не количество таких компьютеров, а количество доменных имен (пользователей, получивших право на размещение своей информации в сети Интернет), зарегистрированных в той или иной стране (*Прим. ред.*).

Мусульманский регион у южных границ СНГ

прикаспийских и центральных областях Ирана и в восточной части Индской равнины в Пакистане. Сходной является конфигурация второго ареала, охватывающего дополнительно области распространения поливного и богарного земледелия в восточной и юго-восточной части Турции, на юго-востоке и северо-востоке Ирана, на западе и северо-западе Пакистана. Если первая зона как бы обрамляет регион со стороны морей и водных артерий, то третья замкнута по преимуществу во внутренних его пределах. Природную ее основу составляют мощные Армянское и Иранское нагорья, горы Эльбурс и Загрос в Иране, Гиндукуш и его отроги в Афганистане и Пакистане.

Пространственное (по площади) преобладание третьей экологической зоны сочетается с демографическим превосходством первой и второй. При этом индустриально-городской ареал распадается на два сегмента - портово-городской, опирающийся во многом на внешнюю торговлю, и местно-городской, зависящий преимущественно от внутреннего товарообмена. Последний тесно взаимосвязан со второй экологической зоной, подчиняя ее себе экономически и культурно-политически в случае сильной своей продвинутое™ или подчиняясь ей при слабом развитии.

Весь регион можно представить себе распадающимся на прибрежно-равнинную и нагорно-высокогорную, индустриально-земледельческую и пастушеско-скотоводческую, внешнюю и внутреннюю по своей торговой ориентации зоны. При этом западная его часть в большей степени принадлежит прибрежно-равнинному, индустриально-земледельческому и ориентированному вовне типу. Центральная и восточная части рассматриваемого региона, напротив, в большей мере тяготеют к иному типу, горно-скотоводческому, замкнутому на себя.

Наметить точную линию водораздела между двумя главными сегментами региона достаточно сложно. Но, по всей видимости, она пролегает по меридиональному коридору, соединяющему Каспий с Персидским заливом. Иран, таким образом, оказывается состоящим из двух ареалов - более развитых и населенных северо-западного и центрального, с одной стороны, а с другой - редконаселенного и слабо развитого восточного, включающего пустыни Дашт-е Кевир и Дешт-е Луг.

С геополитической точки зрения наибольшее значение ныне, безусловно, имеет восточный сегмент рассматриваемого нами ре-

гиона. Помимо восточной части Ирана, он включает Афганистан и Пакистан. Его площадь можно условно оценить примерно в 2,5 млн. кв. км, суммарное население, в 170-180 млн. человек. На юге он выходит на восточную часть Персидского залива, Ормузский пролив, Оманский залив и Аравийское море, а на севере - на восточную часть Каспия, Закаспийские районы вплоть до Памира. Заметная международно-политическая роль выделенного регионального сегмента объясняется следующими четырьмя факторами. Во-первых, ведущим положением, которое он занимает в мире как центр производства и незаконного вывоза наркотиков. Во-вторых, сохранением очага напряженности и непрекращающихся военных действий в Афганистане. В-третьих, размещением в его труднодоступных, прежде всего афганских, районах лагерей по подготовке боевиков, и широким распространением сети духовных школ и мечетей, служащих базой для сил международного исламского экстремизма. В-четвертых, географическим положением между расположенными в глубине континента районами нефте- и газодобычи и западной частью акватории Индийского океана²⁶.

Исламский радикализм

Из отмеченных выше факторов особого внимания заслуживают два последних. Фактор исламского радикализма, впрочем, тесно связан с обоими первыми выделенными обстоятельствами и не может быть в полной мере оценен без их учета.

Распространение исламского радикализма в этой географической зоне произошло относительно недавно и тесно связано с событиями в Афганистане, а именно: развернувшимся там после ввода советских войск «джихадом». Территориальной базой исламского «крестового похода» стали прилегающие к Афганистану западные и северо-западные районы Пакистана. Опиравшийся на пакистанские военные ведомства и структуры «афганский джихад» получал, особенно в 1982-1987 гг., значительную финансовую и организационно-техническую поддержку США, а также Китая, Саудовской Аравии и ряда других арабских стран, в частности Египта. Добившись геостратегического успеха, США и Китай, а также официальные структуры арабских государств прекратили поддерживать радикалов-«джихадистов», но к этому моменту экстремизм набрал силу инерции²⁷.

Исламский радикализм на рубеже 80-90-х годов соединился с рядом других параллельно развивающихся течений. В Афганистане - это борьба за власть между различными группировками, где главным подспудным, субстратным, фактором выступал своеобразный пуштунский ирредентизм, т. е. борьба за восстановление в афганском государстве преобладающего положения представителей пуштуязычного населения. При поддержке Пакистана (а также исламистов Афганистана, особенно движения «Талибан») в Кашмире радикализм соединился с борьбой кашмирских националистов. А в самом Пакистане послужил основой

ТО

для попыток подрыва светских основ государственности .

Во всех этих случаях радикализм находит благоприятную почву, массовую питательную среду, вследствие расплзания зоны бедности и нищеты, незанятости и неграмотности. Исламизм при этом использует эрозию и разрушение традиционных социальных структур, заменяемых новоархаичными по сути военно-криминальными связями²⁹.

Финансовую основу исламо-радикализма составляют разные источники, но на первом месте, очевидно, идут доходы от наркотиков. «Пуштунский наркотический полумесяц» охватывает юг Афганистана и далее уходит на северо-восток, включая полосу племен по обе стороны от линии Дюранда, отделяющей Афганистан от Пакистана. Незаконный вывоз наркотических средств производится разными путями - через Иран, Центральную Азию и Индию.

Среди источников поддержки радикальных группировок нужно отметить и доходы от контрабанды товаров, ввозимых в регион беспрошленно отчасти, как выше отмечалось, на законных основаниях с последующей их нелегальной переправкой через границу Афганистана с Пакистаном, а отчасти и прямо незаконно. Проницаемость границ между тремя странами служит обстоятельством, позволяющим проводить различные контрабандные операции, включая доставку оружия и боеприпасов. Определенную роль при этом играет наличие зоны расселения белуджских племен, охватывающей смежные районы всех трех государств.

Кроме внутренних источников финансирования радикализма, имеются, разумеется, и внешние, связанные с существованием каналов связи с сетью международных (со штаб-квартирами главным образом на Арабском Востоке, но также и в Европе) под-

В. Я. Бепокреницкий

полных, полулегальных и вполне легальных групп, действующих под флагом ислама и пропаганды его «чистых», фундаменталистских основ и строгой пуританской этики³⁰.

Коммуникационно-транспортные коридоры

Вопрос о соединении внутренних районов Евразии с южными морями имеет весьма длительную историю, и как идея выдвигался еще в последней трети XIX в. известным инженером, руководителем строительства Суэцкого канала Фердинандом Лессеп-сом. Новый всплеск интереса пришелся на конец XX в. и был связан с образованием в центре материка ряда новых независимых государств. Другое обстоятельство, обусловившее интерес к прокладыванию трубопроводных коридоров, - усиленная разработка крупных запасов углеводородного сырья в Центральной Азии. У таких государств региона, как Туркмения и Казахстан появилась объективная необходимость поиска разнообразных путей транспортировки нефти и газа за свои пределы в целях увеличения экспортных доходов.

Южное направление для экспорта нефти и газа вовсе не принадлежит к категории самых технически легких и экономически выгодных. У Казахстана и Туркмении есть уже проложенные трубопроводы на северо-запад через территорию России. Имеются также достаточно продвинутые планы сооружения новых трубопроводных артерий в западном направлении через Каспий и Кавказ.

Проработка южного направления для руководства Туркмении или Казахстана представляется в этой ситуации логичным тактическим ходом. Проект прокладки, например, газопровода из Туркменистана через западный и южный Афганистан и далее через пакистанский Белуджистан к Синду и побережью Аравийского моря может стать важным козырем при ведении переговоров по поводу практически выполнимых и экономически рентабельных планов. К тому же обсуждение и даже предварительные экспертные оценки упомянутого и подобных ему проектов удачно вписываются в стратегию выстраивания долговременных эпохальных перспектив, которую разделяют представители всех так или иначе заинтересованных стран и различные межгосударственные и негосударственные организации.

Между тем реальные возможности реализации планов разви-

тия трубопроводного транспорта в центре Азии довольно ограничены. Крот истории копает медленно, и вряд ли можно ожидать нарушения историко-географических констант.

Практически более осуществим иной путь через центральный Иран по линии Каспий западная часть Персидского залива. Именно по нему собираются осуществлять перевозки грузов в рамках уже подписанного в сентябре этого года проекта транспортного коридора «Север-Юг». Он, как известно, призван соединить Россию с Индией через Иран. Реализация этого проекта оставляет за бортом Пакистан и Афганистан, оттягивая на себя внимание и ресурсы и как бы подвергая дальнейшему остракизму выделенный нами территориальный сегмент.

Именно это, очевидно, заставляет Пакистан активизировать свои дипломатические усилия. Он пытается прорвать блокаду, в которой оказался по ряду причин и по стечению многих обстоятельств. Отсюда визит главы исполнительной власти генерала Мушаррафа в Казахстан (ноябрь 2000 г.), явное стремление привлечь симпатии Москвы, оттянуть Иран от Индии и улучшить связи с Узбекистаном.

Среди планов, способных подключить Пакистан к созданию общерегионального транспортно-коммуникационного пула, надо отметить как практически, очевидно, возможное сооружение газопровода из Ирана через Пакистан в Индию. Менее вероятно ввиду экономической нерентабельности (доставка грузов морем дешевле и безопаснее транспортировки по суше) такого рода расширение в сторону Пакистана коридора «Север-Юг». Но он мог бы быть задействован в качестве одного из конечных пунктов на пути перевозки товаров морским путем.

В целом борьба вокруг «транспортно-коридорных проектов» носит весьма острый характер, и ее исход способен сыграть существенную роль в судьбах региона, расположенного к югу от центраальноазиатских границ СНГ.

Заключение

Касаясь возможных перспектив, обычно выделяют, с одной стороны, более, а с другой - менее благоприятный варианты. Первый из них в данном случае предполагает поступательное экономико-социальное развитие всех государств региона, сохранение или сокращение, но не увеличение разрыва между ними по

уровню дохода и результатам экономической деятельности. Выполнение такого сценария в решающей степени зависит от ситуации в восточном сегменте региона, от положения в Афганистане и прилегающих к нему районах Ирана и Пакистана.

Оптимистический вариант предполагает сокращение или, во всяком случае, не увеличение разрыва в развитии трех выделенных социально-экологических зон - индустриально-городской, равнинно-земледельческой и горно-скотоводческой. Стимулировать эволюцию обширных горных и пустынных районов может, прежде всего транспортно-коммуникационное строительство. Поэтому многое будет зависеть от реализации проектов в этой области.

Менее благоприятный вариант с точки зрения экономико-социального развития, а также однородности региона предполагает увеличение разрыва между составляющими его странами, существенно более быструю эволюцию Турции, ее нарастающее сближение с Европой. Он также допускает достаточно успешное развитие Ирана, но при увеличении разрыва между его более продвинутыми, западными и центральными, районами и отстающими восточными. Сохранение неурегулированности положения в Афганистане обостряет при этом варианты обстановку вокруг него, способствуя усилению исламского радикализма, усугублению проблем наркоторговли и контрабанды, росту экологических и гуманитарных проблем. Особенно тяжело все это сказывается на Пакистане. Его темпы развития замедляются, и он едва удерживается (или не удерживается) от перехода на исламо-радикалистские рельсы политической эволюции. Вся восточная зона региона, упирающаяся на севере в Центральную Азию, превращается в ареал еще большей политической нестабильности, обращает на себя повышенное внимание внешних сил и становится ареной столкновения их интересов.

Большое значение с точки зрения реализации того или иного пути развития (или какой-то их средней результирующей) будет иметь, конечно, общая международная обстановка, конъюнктура мировых рынков нефти и газа, положение на Ближнем Востоке. Далеко не последнюю роль сыграет экономико-политическая эволюция России как государства, находящегося в прямой геополитической взаимосвязи с регионом и способного сыграть в разворачивающихся там событиях весьма существенную роль.

Существует, конечно, обратная связь - влияние событий в регионе на политику России в Центральной Азии, на Кавказе и во всем южном секторе ее внешнеполитической активности.

Примечания

- ¹ Ранее принятые автором оценки (см. его статью: Послевоенная модернизация в странах Западной Азии. Общие тенденции и расходящиеся траектории развития. - В кн.: Особенности модернизации на мусульманском Востоке. М, 1997) несколько скорректированы, а именно: снижен показатель Пакистана с 60 до 50 долл. США и повышен Афганистана - с 20 до 35 долл. Ранее автор приравнивал душевой доход Пакистана к таковому в Индии, что представляется неправомерным в связи с менее развитым характером экономики северо-западного региона бывшей британской колонии, на месте которого существует современный Пакистан. Что же касается Афганистана, то его тогдашнее национальное хозяйство не могло, как представляется, более чем в полтора раза уступать пакистанскому уровню.
- ² World Development Indicators. World Bank. Wash.-N.Y., 2000, p. 10-11; оценка Афганистана дана по: Nations of the World, Encyclopedia Britannica CD2000.
- ³ World Development Indicators. Ibidem; для Афганистана - The World Almanac and Book of Facts 2001, N.Y., 2001, p. 760.
- ⁴ Ibidem.
- ⁵ UNCTAD. The Least Development Countries. 1987 Report. N.Y., 1988, p. 102.
- ⁶ World Development Report 1999-2000. Wash.-N.Y., 2000, p. 252-253.
- ⁷ UN Monthly of Statistics, July 2000, 7, p. 89-90.
- ⁸ World Bank Book of Facts. 2000. Wash., 2000, p. 113,214.
- ⁹ World Development Report. Op. cit., p. 255, 269.
- ¹⁰ Афганистан. Справочник. М., 2000, с. 164.
- ¹¹ World Bank Book of Facts. Op. cit., p. 113, 214.
- ¹² World Development Report. Op. cit., p. 233.
- ¹³ World Bank Book of Facts. Op. cit., p. 26.
- ¹⁴ World Development Report. Op. cit., p. 218-219.
- ¹⁵ Ibid., p. 232-233.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ World Bank Book of Facts. Op. cit., p. 214.
- ¹⁹ World Development Report. Op. cit., p. 218-219,242-243.
- ²⁰ World Bank Book of Facts. Op. cit., p. 214; World Development Report. Op. cit., p. 242-243.

По данным статистического приложения к годовому отчету разви-

- тия Всемирного банка за 1999-2000 гг., темпы ежегодного прироста населения Пакистана в 1980-1990 гг. составляли 4,6% (исключительно большую величину), а в 1990-1998 гг. - 2,8%. World Development Report. Op. cit., p. 235. Вместо этих мы приводим оценки, скорректированные с учетом результатов переписи населения 1998 г. О проблеме измерения демографических показателей Пакистана см.: В. Я. Белокреницкий. Мусульманские страны к югу от СНГ: геодемография и геополитика XXI века. - В кн.: Ислам и политика. М., 2001, с. 257-259; Он же. Восток через призму мировых демографических прогнозов. - Восток, 1999, №5, с. 112.
- ²² International Data Base Summary. US Bureau of the Census - <www.census.gov/iran.demo.htm>
- ²³ Ibid, <turkey.demo.htm> Характерно, что в статистическом приложении к отчету Всемирного банка приводятся близкие по тенденциям, но не совпадающие с данными американского бюро переписей оценки прироста численности населения как Турции, так и Ирана - оценки турецких темпов в 1980-1990 гг. - 3,6%, а в 1990—1998 гг. - 1,8%, а иранских - соответственно - 4,6% и 1,9% - World Development Report. Op. cit., p. 234-235.
- ²⁴ World Development Report. Op. cit., p. 266-267.
- ²⁵ См. об этом: Афганистан. Справочник. Указ. соч., с. 156-165; А. Д. Давыдов. Война и проблемы восстановления экономики Афганистана. В кн.: Афганистан: проблемы войны и мира. М, 2000, с. 49-63.
- ²⁶ См. об этом подробнее: В. Белокреницкий. Геополитическая вертикаль в сердце Азии - Pro et Contra, 1997,2, с. 99-108.
- ²⁷ См., напр.: А. Игнатенко. Эндогенный радикализм в исламе. - Центральная Азия и Кавказ, 2000, 2, с. 114-125. В Пакистане действует немалое число влиятельных религиозных партий и организаций, однако, ввиду ограниченности их поддержки населением, наиболее опасными являются попытки «взорвать» систему правления «изнутри», путем установления исламо-экстремистского военного режима. Последний раз ее предприняли несколько высокопоставленных военных осенью 1995 г., но их заговор был раскрыт. - Сегодня, 16.11.1995.
- ²⁸ Доклад М. Абу-Захаб на конференции, посвященной 50-летию Пакистана, в Париже. Июнь 1998 г.
- ²⁹ См., напр.: А. А. Игнатенко. Самоопределение исламского мира. - В кн.: Ислам и политика. М., 2001, с. 7- 20.

АФГАНИСТАН НА КРУТЫХ ПОВОРОТАХ ИСТОРИИ XX ВЕКА

История Афганистана XX века настолько противоречива, непоследовательна, полна зигзагов и неожиданных поворотов, что вряд ли кому сейчас по силам определить общую парадигму его политического развития. Робкие и, как правило, непоследовательные, а порой судорожные попытки реформации, модернизации и даже (страшно сказать!) демократизации афганского общества сменялись социальными взрывами, отбрасывавшими страну в прошлые или качественно иные исторические измерения. При этом, что очень важно, рождавшиеся с таким трудом новые формы общественно-политического бытия, которые, казалось, прочно утвердились на национальной почве, подвергались ломке, в лучшем случае глубокой деформации, так что стране приходилось вновь возвращаться к поиску оптимального для нее пути развития. На это уходило время, и неоправданно расходовался материальный и духовный потенциал. В результате страна все более отставала от темпов общемирового развития.

Оставшись в стороне от двух мировых войн, Афганистан, тем не менее, не избежал острых внутренних катаклизмов, некоторые из них были порождены не только внутривнутриполитической динамикой, но и активным вовлечением внешних сил в афганские события. Причем внешнее участие порой принимало такие масштабы, что страна оказывалась в эпицентре конфронтации двух мировых систем и даже ее жертвой.

Итак, общий вектор развития Афганистана от абсолютизма к современным моделям постоянно прерывается откатом, порой глубоким, как в настоящее время, к исторически обреченным формам бытия и общественного сознания. И хотя в этом прослеживается некая закономерность, тем не менее характер эволюции Афганистана на разных исторических этапах далеко не всегда вписывается в общепринятые схемы и модели, в рамках которых вершилась современная история соседних стран со схожей исторической судьбой.

©В. Г. Коргун, 2001

Анализируя характер политического развития Афганистана в XX веке, представляется важным выделить важнейшие факторы, не только влиявшие на ход и направление этого развития, но и во многом **определившие его** - это соотношение внутренних процессов и внешнего воздействия, роль ислама и национальные проблемы.

До настоящего времени принято считать, что основные политические события в Афганистане стали итогом взаимодействия или противодействия внутренних сил, внешнее же воздействие не **являлось** в этом определяющим фактором. Вероятно, это **характерно и** для других стран, по крайней мере региона Ближнего и Среднего Востока. Однако вряд ли будет правомерным абсолютизировать этот тезис, ибо революция **1978 г. и последовавшие** вслед за ней драматические события в Афганистане заставляют нас усомниться или иначе взглянуть на соотношение внутренних и внешних факторов.

Если до восстановления страной независимости в 1919 г. она оставалась (усилиями британского колониализма) во внешнеполитической **изоляции, то в дальнейшем** Афганистан вступил в прямые контакты с внешним миром, став субъектом международной политики. С этого времени **многоплановое внешнее** воздействие на страну стало неизбежным. Причем оно оказалось двояким.

С одной стороны, Афганистан познакомился с ценностями западной цивилизации и даже воспринял некоторые из них, завязал торговые, экономические и культурные связи с внешним миром, что, безусловно, ускорило его социально-экономическое развитие. Наиболее ярко это проявилось в 20-е годы, в период правления реформаторского режима эмира Амануллы. С другой стороны, политическое, экономическое и идеологическое проникновение иностранных держав в Афганистан сопровождалось не только содействием его развитию, но и установлением своего влияния, навязыванием своих моделей и стандартов.

Характерным примером может служить деятельность двух великих держав - СССР и США - в Афганистане в 50-60-х годах, вступивших в соперничество в борьбе за влияние. Задачи у **них** были схожие - включить страну в зону своего влияния, но методы оказались разными. Американцы оказывали дозированную помощь в развитии экономики, в основном в частном секторе, и в

подготовке кадров национальной технократии, исподволь прививая афганцам (преимущественно столичному истеблишменту) западный образ жизни. Советский Союз, оказывая гораздо более масштабную экономическую помощь, главным образом в рамках государственного сектора, готовил почву для будущего революционного переустройства страны. Для этого использовались два канала: перевооружение и модернизация афганской армии и негласная пропаганда марксизма, создание революционного авангарда в лице Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), деятельность которой попала под прямой контроль советских спецслужб.

Таким образом, уже в 70-80-х годах внешнее, а именно советское, участие в афганских делах стало фактором, определяющим ход и направление национального развития, превратив Афганистан в объект жесточайшего социального эксперимента.

Что касается динамики внутренних политических процессов, то Афганистан стремился выработать собственный путь развития на основе исторических и национальных ценностей. Однако все попытки синтезировать традиционное, чрезвычайно консервативное общество с современными нормами и стандартами, поощряемые или даже инициируемые извне, завершались неудачей. Сильнейшим тормозом на этом пути неизменно оказывалась инерция национальной психологии, в основе которой лежат традиционные ценности, в первую очередь ислам.

Действительно, в периоды наивысшего социального напряжения, порождавшегося трансформацией, реформированием или модернизацией афганского общества, на политической арене неизменно появлялся ислам, выступая прямым антиподом реформаторской политики. При этом происходила радикальная трансформация режима: новая власть, как правило, или базировалась на религиозных лозунгах (как это было в 1929 и 1992 гг.), или принимала чисто теократические формы (талибы). Сходные процессы мы наблюдаем в других странах мусульманского ареала: недавние попытки исламских радикалов прийти к власти в Турции, исламская революция 1979 г. в Иране, война исламских фундаменталистов против светских властей в Алжире, гражданская война в Таджикистане. Но лишь в Иране и Афганистане социальные потрясения завершились торжеством ислама и созданием теократических режимов.

В. Н. Корзун

Победу исламских сил в Иране, вероятно, можно объяснить глубиной и масштабом деформации традиционных структур и образа жизни, произошедшей в ходе навязанной извне и поддержанной шахским режимом вестернизации, или, точнее, американизации общества. И это при том, что Иран имел достаточно длительный опыт общения и даже взаимодействия с западным миром. К тому же американское присутствие и влияние в этой стране в дореволюционный период не привели к ломке экономических устоев и смене режима, в большей степени коснувшись лишь внешних атрибутов общественной и социальной жизни.

В Афганистане же процесс его советизации принес более масштабную ломку традиционных политических, социальных и экономических структур. Поэтому крах просоветского режима и победа радикального ислама были предопределены не только тем, что, как и в Иране, ислам и его проповедники стали объектом и даже жертвой реформаторской политики, а и тем, что навязываемые извне модели были глубоко чужды традиционным национальным ценностям и никак не вписывались в систему устоявшихся представлений.

Что же касается национализма и национальных противоречий, то они никогда не были приоритетными в шкале факторов, определяющих историческую судьбу афганского народа. В рамках системы монархической власти существовал если не консенсус, то, по крайней мере, определенный баланс различных народностей и их национальных интересов при политическом доминировании пуштунского этноса, который являлся опорой афганской государственности. Однако это по большей части касалось лишь правовой стороны проблемы.

На практике же национальное равноправие в стране было относительным. И, конечно же, существовала негласная иерархия различных этносов. Национальные меньшинства, в первую очередь хазарейцы, были в разной степени ущемлены в политической, социальной и экономической сферах. При этом пуштунский национализм давал о себе знать лишь в 30-х и 60-х годах, да и то не выходил за рамки предоставления преимуществ языку пушту. Де-юре национальная дискриминация отвергалась. Монархия ловко балансировала в вопросах национальных отношений. И хотя национальные меньшинства не имели адекватного социального и политического представительства, на всех этапах после-

военной истории мы видим их представителей в рядах политической, военной и экономической элиты. Поэтому хрупкий национальный баланс, за редким исключением (Бачаи Сакао), не нарушался.

После падения монархии в 1973 г. пуштунский национализм стал частью государственной политики, но опять же он реализовался преимущественно во внешнеполитической сфере (проблема Пуштунистана³) и по существу не затронул структуру национальных отношений в стране.

Национальная политика НДПА также не содержала радикальных перемен и на практике свелась к пустым декларациям. Требования отдельных политических сил, представлявших интересы национальных меньшинств, о предоставлении последним автономии напрочь отвергались правящей верхушкой. Национальные отношения внутри самой НДПА носили скорее клановый характер (между крупнейшими союзами племен дурани и гильзаев), не перерастали в открытый антагонизм и серьезно не сказывались на ее деятельности.

То же можно сказать и о партиях моджахедов, ряд из которых были построены на принципах национальной принадлежности (таджикское «Исламское общество Афганистана» Б. Раб-бани, хазарейские группировки). После их прихода к власти в рамках менявшихся коалиций, враждовавших между собой, объединялись группировки с различным национальным представительством, хотя факт пребывания Б. Раббани на посту президента трактовался пуштунскими лидерами как узурпация власти таджиками, и воспринимался весьма болезненно. Впрочем, национальный фактор все же вышел на поверхность, когда в стране возникли квазигосударственные, де-факто автономные образования, на территории которых доминировали отдельные этносы (на севере - владения узбека генерала А. Р. Дустома, в Панджшере и Бадахшане - таджика А. Ш. Масуда, на западе, в Гератском регионе - также таджика Исмаил-хана). Признаки надвигающейся национально-территориальной дезинтеграции страны стали одним из факторов, способствовавших появлению движения талибов.

Действительно, на первом этапе это движение заявило о себе как об интеграторе, «собирателе земель афганских», борце против раздробленности страны. Более того, талибы выступили в качестве представителей интересов пуштунского этноса

довавшего на статус государствообразующей нации, как жесткие сторонники унитарного государства. Подобного рода декларации сопровождалась этническими чистками (преимущественно хазарейцев). Однако со временем национальный антагонизм талибов ослабевал, уступая место исламу как цементирующей силе. Ибо, проповедуя «чистый ислам», семинаристы разделяют одно из важнейших его положений о единстве мусульманской уммы независимо от национальных различий входящих в нее народов.

Тем не менее, вероятно, национализм как политический фактор сохранится в Афганистане в исторической перспективе, по крайней мере, в первой четверти XXI века.

Что касается современной ситуации в стране, то она не поддается однозначной оценке. Ясно одно: режим талибов прочно утвердился на большей части территории Афганистана и, независимо от того, признает Россия или нет, именно он определяет характер общественно-политических процессов в стране. Дальнейшая судьба Афганистана, тем не менее, во многом зависит от того, насколько мировому сообществу удастся воздействовать на этот режим. Причем речь не идет о его трансформации в направлении создания некоей умеренной структуры власти - это проблема самих афганцев. Задача мирового сообщества состоит в том, чтобы вынудить талибов отказаться от действий, которые подрывают безопасность и стабильность в регионе и в мире - терроризма, экспансии идей исламского экстремизма, наркобизнеса. И здесь не последняя роль принадлежит России.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: Коргун В. Г. Афганистан: политика и политики. М., 1999.
- ² См.: Barnett Rubin. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation and Collapse in the International System. Yale University, 1995.
- ³ Имеется в виду поддержка Кабулом требований части пакистанских пуштунов о создании государства Пуштунистан.

ИТОГИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПАКИСТАН

Попытаться подвести итоги развития этого государства, образованного в 1947 г., чрезвычайно важно и интересно хотя бы потому, что Пакистан - это уникальное государственное образование, возникшее на конфессиональной основе в разгар национально-освободительного движения в колониальном мире. Поэтому Пакистан как бы дитя двух довольно разных родителей - антиколониальной борьбы народов Индии за независимость и религиозно-сепаратистского движения мусульман субконтинента за создание «собственного государства». В те времена оно рассматривалось как «отступление от общих правил» социально-экономической и этнополитической борьбы народов колонии, как аномалия; поэтому многие искренне считали, что Пакистану не уготована долгая жизнь. Лидеры Индийского Национального конгресса расценивали раздел Индии как явление временное и выражали уверенность относительно воссоединения индусской и мусульманской частей этой древней страны. «У меня не было никаких сомнений, - заявлял Дж.Неру, - что рано или поздно Индия должна стать единой».

Однако Пакистан существует уже более 50 лет; ныне он шагнул в новое столетие, имея определенные успехи. При этом надо иметь в виду, что все это время он находился в жесткой конфронтации с Индией (в полном соответствии с теорией С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций») и Афганистаном (в полном противоречии с упомянутой выше теорией С. Хантингтона). Правда, нынешний Пакистан - это не то государство «двух крыльев», которое было создано при разделе Индии. В 1971 г. в условиях подъема бенгальского национализма и сепаратизма в Восточном Пакистане и активного действия внешнего фактора восточная провинция отпала и объявила себя независимым государством Бангладеш. Однако Пакистан в новых границах продолжает существовать и следовать идеологии, заложенной при разделе Индии; при этом он демонстрирует завидную живучесть в

В. Н. Москаленко

труднейших условиях международной изоляции и зажатости между двумя «фронтами» - индийским и афганским.

В настоящее время вновь возродились предположения о неизбежном крахе Пакистана. Так, весной 2000 г. при подготовке визита американского президента Б. Клинтона в Южную Азию спецслужбы США представили свои прогнозы относительно развития южноазиатских стран в ближайшие 25 лет. Основной их вывод - распад Пакистана. Здесь надо иметь в виду, по крайней мере, два момента. Во-первых, речь не идет как о ближайшем событии, а довольно длительной перспективе; как известно, в соответствии с методологией Х. Насредина - долгосрочные прогнозы - самое безопасное дело для их составителей. А во-вторых, специфика работы спецслужб обуславливает излишний алармизм их оценок. Однако, конечно, были какие-то основания для столь пессимистических выводов. Ведь из всех стран Южной Азии выбран именно Пакистан. Это еще больше заставляет задуматься о результатах развития Пакистана, его нынешнем положении и о перспективах государства.

Говоря об итогах развития Пакистана, следует иметь в виду, что свою экономическую и культурную эволюцию он начал с крайне низкого уровня, поскольку во вновь образованное государство в 1947 г. вошли наиболее отсталые районы бывшей колонии. К числу несомненных успехов следует отнести создание собственной промышленности, которой практически не было в Пакистане в начале его существования. К настоящему времени доля промышленности и сельского хозяйства в ВВП страны примерно равны 25%, хотя с сельским хозяйством связана половина всего трудоспособного населения². Таким образом, из аграрной страны Пакистан стал, по крайней мере, аграрно-индустриальной. Доход на душу населения вырос с 50 долл. в 1949 г. до 470 долл. в 1999 г. (по официальному курсу валют, и до 1650 долл. - по курсу покупательной стоимости).

Из всех стран Южной Азии только Индия и Пакистан экспортируют оружие. Этот вид экспорта устойчиво растет и включает артиллерийские установки, боеприпасы, товары двойного назначения.

В Пакистане относительно широко развиты высокие технологии. Довольно значительны исследования верхних слоев атмосферы, компьютеризация, атомная энергетика. В марте 2001 г.

вступила в строй вторая АЭС в Чашма мощностью в 300 МВт. Развитие атомной энергетики чрезвычайно важно для страны, бедной природными энергоносителями.

В Пакистане создан замкнутый ядерный цикл - от производства сырья до боезарядов. Значительны успехи в области ракетостроения. Пакистан строит не только ракеты малого, но и среднего радиуса действия. Создание последних - это резкий скачок в технологии ракетостроения. Он связан с проблемами многоступенчатости, сложной системы управления, принципиально иного топлива. Лишь немногие страны сами производят ракеты средней дальности (этого не делает даже Англия!).

Позитивные сдвиги, хотя и явно недостаточные, произошли в культуре, образовании, здравоохранении, условиях жизни населения - увеличилась продолжительность жизни, грамотность, выросло потребление электроэнергии на душу населения, пользование питьевой водой и др.⁴ За годы независимости в стране возникло 300 городов.

Перед тем как рассмотреть основные негативные моменты развития Пакистана, следует отметить, что некоторые из тех позитивных явлений, о которых шла речь выше, имеют и сильные отрицательные последствия. Возьмем ракетно-ядерные достижения. Они, конечно, свидетельствуют о высоком научном и технологическом уровне страны. Но какое это бремя для экономики, какие препятствия для улучшения положения людей! Журнал «Фар Истерн Экономик Ревью» справедливо писал накануне годовщины ядерных взрывов в Пакистане в мае 1998 г.: «Прошлогодние ядерные испытания означали сильнейший бомбовый удар по пакистанской экономике»⁵. А какой произошел в стране взрыв милитаристских, шовинистских, фундаменталистских настроений!

Значение равенства долей ВВП, произведенных в промышленности и сельском хозяйстве, во многом обесценивается относительно небольшими размерами конечного продукта, создаваемого в сфере материального производства. Промышленная база Пакистана довольно ограничена, многие ее звенья отсутствуют, и потребности производства удовлетворяются за счет импорта промышленных товаров и техники. Мощная, одна из крупнейших в мире ирригационная система на р. Инд с трудом обеспечивает весьма невысокие потребности пакистанского населения в продуктах питания. Модернизация различных сфер жизни общества

носит узкий и анклавный характер. Традиционализм в экономике - это огромная ее зависимость от погодных условий. Плохая погода бьет не только по сельскому хозяйству, но и по экономике в целом, поскольку ее основные отрасли - текстильная промышленность, гидроэнергетика, водный транспорт - в значительной мере зависят от погоды. Неурожай хлопка снижает экспортные доходы, ухудшает положение хлопчатобумажной промышленности, что, в свою очередь, осложняет всю экономическую конъюнктуру в стране, ведет к росту цен на товары первой необходимости, снижает уровень жизни населения. Одна из причин тяжелого экономического положения Пакистана в настоящее время - следующие в течение последних нескольких лет сильные засухи.

В процессе развития Пакистана всегда большую роль играла политическая составляющая. Политическая элита страны с самого начала сосредоточила в своих руках всю полноту власти. Экономическая политика определялась не столько объективными потребностями развивающегося общества, сколько узкокорыстными интересами преобладающих в данный момент политических группировок. Поскольку эволюция Пакистана отличалась крайней нестабильностью, частыми сменами правительств, военными переворотами, и при этом не соблюдался важнейший принцип государственного управления, сформулированный еще Пушкиным: «Преемственность - душа державы», то экономическая стратегия менялась довольно часто. Особенно это видно на примере политики в отношении госсектора.

Пакистан, как и подавляющее большинство колоний, пошел по пути развития смешанной экономики. Совершенно очевидно, что значительное огосударствление экономики - необходимый этап эволюции освободившихся стран, когда острый недостаток средств требует их аккумуляции в руках государства и направления на крупные и важные народно-хозяйственные объекты, которые к тому же долгое время не являются прибыльными. Чрезвычайно важен своевременный переход к свободному предпринимательству, когда условия для этого созрели. Думается, что современный экономический динамизм Индии проистекает благодаря правильно выбранному моменту перехода к рыночной экономике (рубеж 80-х - 90-х годов.).

В Пакистане же не было строгой последовательности в этом вопросе. В первое десятилетие огосударствление, как и везде,

приняло значительные размеры. Однако после военного переворота в 1958 г. был взят курс на расширение частного сектора, когда для этого еще не было создано необходимых условий. Пришедший к власти в начале 70-х годов «исламский социалист» З. А. Бхутто стал проводить курс усиленного вмешательства государства в экономическую жизнь, национализацию не только крупных, но и средних, и даже части мелких предприятий. Это повело к нарушениям структурного характера, росту недовольства городских и сельских собственников, и стало в конечном итоге одной из основных причин падения правительства З. А. Бхутто. Затем, после очередного военного переворота в 1977 г. и в дальнейшем, проводились денационализация и приватизация, однако этот процесс шел, и идет ныне с большими трудностями: государственные предприятия находятся в таком состоянии, что на них находится не так уж много охотников; к тому же в интересах социального спокойствия власти обязывают новых хозяев не сокращать в течение года весьма раздутые штаты, обеспечить за это время переподготовку и трудоустройство «лишних» работников и др. И все это за счет переживающего не лучшие времена предприятия.

Как отмечает В. Я. Белокреницкий в своей книге «Капитализм в Пакистане»: «Экономика колониальной Индии к концу периода господства англичан имела достаточно "открытый" характер, т. е. была тесно связана, точнее, привязана к внешним рынкам». Это же продолжилось и после приобретения Пакистаном независимости, что определялось, прежде всего, внешнеполитическими факторами, политической ориентацией Пакистана на США и другие западные страны. Глубокое его включение в мировую экономику имело, по крайней мере, два значительных негативных последствия. Во-первых, тесные взаимоотношения с передовыми странами, благожелательное их отношение к Пакистану в довольно длительный начальный период, большая иностранная помощь позволили Пакистану развивать свою экономику, руководствуясь сиюминутными интересами, откладывая решение важных дорогостоящих экономических проблем, приобретать, а не производить необходимые, но сложные с технической точки зрения промышленные изделия. Результатом стало создание мощностей в неосновных отраслях тяжелой и в легкой промышленности⁷, отсутствие в цикле национального производ-

ства некоторых важных узлов и ступеней, что в какой-то мере восполняется зарубежными поставками. И во-вторых, привязанность пакистанской экономики к внешним источникам капитала и технологий делает ее крайне чувствительной к колебаниям мировой экономической конъюнктуры. Малейшее ее ухудшение самым неблагоприятным образом сказывалось на народном хозяйстве Пакистана. Энергетический кризис в мире в 70-е годы и его последствия для Пакистана явились важной причиной внутренних неурядиц в стране, приведших к отстранению З. А. Бхутто от власти.

И в настоящее время обширные и жесткие санкции западных стран буквально сковали пакистанскую экономику. В этом смысле конец XX века был крайне неблагоприятен для Пакистана. В мае 1998 г. Исламабад вслед за Индией провел испытания ядерного оружия и подвергся экономическим репрессиям со стороны своих основных доноров, особенно (по вполне понятным причинам) суровой была Япония. Однако потому, что зачинщиком нарушения «ядерного спокойствия» была Индия, а Пакистану пришлось лишь последовать за своим соперником, мировое сообщество было более расположено к нему, чем к Индии. Это положение, однако, вскоре изменилось, когда летом 1999 г. Пакистан совершил агрессивный акт в Кашмире («Каргильский конфликт»); после этого Пакистан оказался в морально-политической изоляции на мировой арене. Когда же в октябре 1999 г. в Исламабаде был совершен военный переворот и отстранено от власти законное конституционное правительство, Пакистан по сути превратился в изгоя цивилизованного мира.

Экономическая ситуация и положение широких народных масс крайне сложны. Уменьшились темпы экономического развития и основных отраслей народного хозяйства⁸, внутренний и внешний долг государства составляют более 50 млрд. долл., растет дефицит торгового баланса и бюджета. Самым негативным образом сказываются высокие цены на нефтепродукты. Государство не в состоянии обеспечить достойный жизненный уровень для своих граждан. По индексу социального развития Пакистан находится в конце длинного ряда государств мира. Зато уверенно входит в число наиболее коррумпированных государств и наименее привлекательных стран для внешних инвестиций. Растут безработица, неравенство в распределении доходов, цены на про-

дукты первой необходимости. Как явствует из помещенной в сборнике статьи В. Я. Белокреницкого, положение пакистанцев было и раньше весьма тяжелым и по основным параметрам отставало от соседних стран. По данным на середину - конец 90-х годов, средняя продолжительность жизни в Пакистане была меньше, чем в Турции и Иране; тоже касается и таких показателей, как грамотность, число жителей, пользующихся питьевой водой, потребление электричества на душу населения и др. В настоящее время, в условиях тотальных санкций, изоляции на международной арене, сильнейших неурожаев и продолжающейся губительной милитаризации, экономические и социальные трудности еще больше возросли.

Важный момент отмечен Ю. В. Ганковским в статье «Экономические трудности, этнические проблемы»⁹. В связи с острой нехваткой финансов объем выделяемых центральными органами провинциям средств, всегда игравших важную роль в их развитии, за последние годы сократился на треть. Имея в виду, что примерно 70% этих средств идет на развитие социальной инфраструктуры, нынешняя ситуация может привести к обострению социально-экономической ситуации и усилению политической нестабильности в провинциях, другими словами - к обострению проблемы сепаратизма, ныне главной опасности стран Южной Азии, да и не только их одних. Может быть, именно сепаратизм и имели в виду главным образом американские прогнозисты.

Крайне сложна и нестабильна внутривнутриполитическая ситуация в Пакистане. Помимо застарелой болезни - этнического сепаратизма, наибольших размеров достигшего в Синде, из года в год усиливается другая опасность - исламский радикализм. Много причин этому, как внутренних (рост недовольства жизнью и ее бесперспективностью), так и внешних (достаточно указать на близость и влияние Афганистана и Кашмира). В стране быстро растет число религиозных школ - медресе, в которых готовятся будущие «борцы за веру». Возникают все новые военизированные религиозно-политические организации, которые ведут борьбу с властями, иноверцами, между собой, а главное - с простыми, невинными людьми, устраивая террористические акты устрашения (взрывы в густонаселенных городских районах Исламабада, Лахора, Карачи, ракетные обстрелы зданий и т. д.). Терроризм - это главная и наиболее опасная форма исламского экстремизма в

Пакистане. Как отмечал Ю. В. Ганковский, «попытки военных властей стабилизировать обстановку оказываются в целом мало эффективными...». Все же, несомненно, суровости военного режима препятствуют полному раздолью террористов. Что же будет, когда военные «вернутся в казармы» и будут сброшены железные обручи военного правления?

На взгляд автора, решающее негативное воздействие на все стороны развития пакистанского государства имели взаимоотношения с соседней Индией (данная проблема напрямую связана и с перспективами Пакистана). С самого начала существования этих двух независимых государств их отношения носили напряженный, конфронтационный характер. Между ними, по сути, непрерывно шла «холодная война», сопровождаемая перманентной гонкой вооружения, постоянными взаимными угрозами, перераставшими в силовые акции (имело место пять вооруженных конфликтов разной интенсивности и продолжительности), развитием военных ядерных программ и созданием ценой огромных усилий и средств собственного оружия массового уничтожения (ОМУ). Весьма ограниченными и часто прерываемыми были торгово-экономические и научно-культурные связи. Решающие внутривнутриполитические события в Пакистане - падение режима М. Айюб-хана в 1969 г., отпадение восточной провинции в 1971 г., приход военных к власти в 1999 г. и т. д. - были в конечном итоге обусловлены остротой отношений с Индией.

Конфликт между Индией и Пакистаном возник сразу же с появлением их на мировой арене. Главное, это не только его продолжительность, но и отсутствие позитивной тенденции к его ослаблению и урегулированию. Конфликт мало подвержен влиянию извне. Прекращение противостояния двух мировых систем и окончание «холодной войны» в мире практически не повлияли на состояние индийско-пакистанских отношений.

Основой конфронтации остается проблема Кашмира, вопрос о принадлежности одного из крупнейших в прошлом индийских княжеств. Однако кашмирский вопрос далеко выходит за рамки просто территориального спора; ныне - это комплексная проблема идеологического, политического, конфессионального, престижного характера. Больше половины вооруженных столкновений между Индией и Пакистаном произошли именно из-за кашмирской проблемы. Ее опасность серьезно возросла в последнее

время, когда двусторонний локальный спор превратился в один из международных очагов исламского терроризма, стал звеном общей исламской дуги, протянувшейся от Восточной Африки до Дальнего Востока.

Но сама кашмирская проблема, порожденная разделом 1947 г., не причина, а скорее следствие «холодной войны» между Индией и Пакистаном. Кашмирский вопрос - главный раздражитель взаимоотношений двух стран. В нем концентрируются основные противоречия этих отношений, а точнее - противоречия самого существования обоих государств. Сущность и причины этого состояния кроются в принципах создания этих государств путем раздела единого исторического образования на конфессиональной основе и его последствиях.

Инициаторы раздела, по мнению автора, искренне, «хотели как лучше, а получилось...», вероятно, они считали, что раздел - это лучший путь выхода из ситуации, в которой оказалась Индия накануне достижения независимости, что таким путем будет решена или хотя бы серьезно ослаблена проблема противоборства мусульман и индусов. Лишь немногие считали или предчувствовали, что подлинного решения проблемы не будет, что, наоборот, она сохранится и усилится, перейдя в сферу межгосударственных противоречий. Выдающийся деятель Национального конгресса мусульманин Абул Калам Азад еще до 1947 г. считал, что проект создания Пакистана «вреден не только для Индии в целом, но, в частности, и для мусульман. Фактически он не столько разрешает, сколько ставит новые проблемы»¹². Дальнейшее развитие Индии он видел в сохранении ее единства, но в форме федерации и децентрализации государственной власти. «Конституция Индии, - утверждал он, - должна, исходя из характерных особенностей страны, быть федеральной. Далее, она должна быть составлена так, чтобы обеспечить провинциям максимум возможной автономии. Мы должны суметь примирить требования провинциальной автономии с требованиями национального единства»¹³. Вскоре после 1947 г. Абул Калам Азад отмечал, что «образование Пакистана не только не разрешило религиозно-общинной проблемы, но придало ей еще более обостренный и вредный характер... Основой раздела явилась вражда между индусами и мусульманами. Образование Пакистана придало этой вражде постоянную конституционно закрепленную форму и, таким обра-

зом, сделало ее ликвидацию делом значительно более сложным... Индийский субконтинент разделен на два государства, с ненавистью и страхом взирающих друг на друга»¹⁴.

Обратим внимание на то, что раздел привел к появлению многих, так сказать, обычных проблем, связанных с территориальными претензиями, разделом материальных ценностей, финансов, вооруженных сил, бюрократического аппарата, полицейского корпуса и т. д. Но все эти проблемы постепенно решались, уходили в прошлое. Конфликтность межгосударственных отношений между тем оставалась и усиливалась. Не оправдались и надежды тех, кто считал, что ситуация улучшится после смены поколений жителей и руководителей обеих стран, которые были свидетелями кровавых ужасов в период раздела 1947 г.¹⁵

По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с самым опасным и труднопреодолимым видом конфликтности - межцивилизационным. Напряженность между Индией и Пакистаном определяется не какими-то обычными «материальными» вещами, а принципиальными расхождениями идеологического характера, включая важнейший принцип построения государства - секуляристского или конфессионального. Отсюда неизбежным и стало постоянное гипертрофированное чувство взаимного недоверия и подозрительности. Что бы ни делал один сосед, другой усматривает в этом направленные против себя опасные козни. Различные предложения, как бы они ни были разумны и полезны, как правило, отвергаются с порога. Отношения Пакистана и Индии к важным международным событиям, развитие связей с третьими странами определяются позицией соперника.

В Пакистане уверены, что в Дели по-прежнему считают раздел ошибкой, которая должна быть исправлена. По мнению индийской стороны, Пакистан стремится с помощью религиозно-сепаратистских сил провести новый раздел Индии, то есть, по сути, развалить ее. В Исламабаде расценивают политику Индии в Южной Азии как гегемонистскую, направленную на установление своего безраздельного влияния в регионе, как главную опасность для Пакистана. Поэтому Исламабад взял на себя миссию противостояния «индийской экспансии» - он постоянно пытался консолидировать и активизировать антииндийские силы (более успешной эта политика была в период обострения индийско-китайских отношений).

Но самым опасным и губительным для страны стало принятие пакистанской элитой генеральной линии на достижение военно-стратегического паритета с Индией. Обеспечение этого предполагалось путем усиленного военного строительства за счет внутренних средств и значительных внешних поступлений, а также наличием сильных союзников. В начальный период эта задача еще как-то решалась - страна «двух крыльев» имела широкие связи с США, а затем и Китаем, причем обе эти державы, особенно последняя, находились в сложных и даже напряженных отношениях с Индией. После раздела бывшей единой армии и ухода английских офицеров индийские вооруженные силы не представляли значительную силу. Однако в дальнейшем ситуация решительно изменилась - Пакистан потерял большую по численности населения восточную провинцию, США с начала 90-х годов прекратили военную и значительную часть экономической помощи, ослабили его связи и с Китаем (одновременно улучшились отношения этих держав с Индией). Обладая огромными, по сравнению с Пакистаном, возможностями, Индия усиленно наращивала все виды своих вооруженных сил. Реально военно-стратегического паритета Пакистана с Индией давно уже нет, но Исламабад не признает этого и продолжает тратить огромные средства на абсолютно нереальные цели.

Все прошедшие годы в Пакистане происходила усиленная милитаризация страны. На военные цели тратилась основная часть внутренних ресурсов, иностранной помощи. В Пакистане доля ВВП на оборону и военные расходы на душу населения были в два раза больше, чем в Индии. Несопоставимы были военные расходы Пакистана и других стран Центральной Азии. Так, в Бангладеш, примерно равной с Пакистаном по численности населения страной, на военные цели в 1998 г. было израсходовано 619 млн. долл., а в Пакистане - 4 млрд. долл."

Особенно тяжелым бременем для Пакистана стало развитие, вслед за Индией, ракетно-ядерного оружия. Большие трудности для Пакистана по сравнению с Индией состояли не только в существенно различных технологических уровнях, с которых стартовали оба государства. Пакистан начал создавать свою военную ядерную программу с середины 70-х годов (после того, как Индия провела первое испытание своего ядерного устройства в 1974 г.). Именно в это время развитые страны резко изменили

свою политику в области ядерной энергетики. Осознав, что нет принципиальной разницы между мирным и боевым атомом, что военная ядерная программа последовательно вырастает из мирной, международное сообщество ввело в 70-е годы жесткие ограничения на поставки в сфере ядерной энергетики. Поэтому Пакистану приходилось удовлетворять свои потребности в ядерной технологии посредством тайных закупок и махинаций на «черном рынке», что стоило огромных денег и сопровождалось международными скандалами. Что касается средств доставки, то Индия относится к странам, довольно продвинутым в создании ракетной технологии. Пакистан же зависел и зависит ныне от поставок извне (как считается, главным образом из КНР и КНДР)⁸.

Получив ядерное оружие, Пакистан практически ничего не добился (кроме того, что дал адекватный ответ своему недругу). Исламабад надеялся, что наличие ОМУ обеспечит ему полную безопасность и военное равенство с Индией, что боязнь превращения обычного конфликта в ядерный вынудит Дели занимать более осторожную, менее активную позицию и это во многом развяжет руки Пакистану, особенно в Кашмире. Однако в настоящее время ядерное оружие не играет такой роли, и Каргильский конфликт, где Индия действовала очень жестко и бескомпромиссно, подтвердил это и показал, что по-прежнему все решается обычным оружием.

В этой же сфере Индия имеет больший перевес - и в численности вооруженных сил, и в их техническом оснащении¹⁹. Имея в виду масштабность индийских военных планов по производству и закупкам (особенно в России) боевой техники, реформированию и модернизации военных структур, развитию научно-исследовательских работ в области вооружений, компьютеризации всей армии и т. д., с абсолютной уверенностью можно сказать, что соотношение военных сил будет и дальше меняться в пользу Индии. Не будем забывать и амбициозные планы Дели в отношении стратегического оружия; Индия намерена стать «нормальной» ядерной державой со всеми присущими таковой элементами, к числу которых, прежде всего, относится пресловутая «триада» - стратегические ядерные ракеты наземного, подводного и воздушного базирования.

Безрассудная политика поддержания военно-стратегического равновесия со своим соседом дорого обходится Пакистану. Хро-

нически большая экономика не в состоянии обеспечить быстрый хозяйственный рост, характерный для ряда бывших колоний, в том числе Индии. В условиях экономического кризиса, под гнетом международных финансово-экономических санкций, реальной изоляции на мировой арене, при внутренних сложностях Пакистан не выдерживает взятых прежде темпов военного строительства; в последние два года, т. е. при власти военных, оборонные расходы в Пакистане уменьшились абсолютно, тогда как в Индии они выросли довольно существенно.

По мнению автора, в нынешнем бедственном состоянии Пакистана виновата прежде всего ориентация на стратегическое противостояние с Индией и обусловленная ею милитаризация в широком понимании этого слова. Именно милитаризация негативно влияет практически на все сферы жизнедеятельности пакистанского общества. Помимо прямого расхода огромных средств на военные нужды, она отвлекает значительные материальные, финансовые, научные, духовные силы нации на непроизводительные цели. Вся стратегия развития страны деформирована ориентацией на главную цель - противостояние с великим соседом. Одним из результатов этого стала огромная зависимость Пакистана от внешних источников финансирования. И сейчас она сделалась настоящей трагедией, когда из-за нарушения режима ядерного нераспространения, авантюрных действий в Кашмире и прихода к власти военных Пакистан лишен внешних поступлений. По этим же причинам Исламабад потерял влиятельных союзников: США пошли на сближение с Индией, Китай от прежней поддержки Пакистана стал на нейтральную позицию. Конфликт с Индией - основным российским партнером - является крупным препятствием на пути сотрудничества Пакистана и России.

Наконец, длительная милитаризация ухудшала внутреннюю обстановку в стране; она во многом способствовала росту шовинистических и сепаратистских настроений, сил радикализма, экстремизма и терроризма. Милитаризация - это материальная основа политического влияния пакистанской армии, четыре раза приходившей к власти.

Каковы же перспективы Пакистана? На взгляд автора, во многом они будут зависеть от отношений с Индией. Абсолютно необходимо изменить стратегический курс на противостояние с великим соседом и пойти на примирение с ним. Сделать это

крайне трудно в силу всех отмеченных причин, к которым надо добавить набранную за столетия силу инерции. Поэтому сделать даже шаг в сторону примирения с Индией будет крайне трудно, непопулярно и опасно. Для этого потребуются большие усилия, энергия и мужество. При этом надо иметь в виду, что Индия вряд ли, особенно в первое время, ответит тем же. Позиция победителя в «холодной войне» двух соседних стран будет достаточно жесткой. Но сделать это Пакистану, тем не менее, надо, ибо на деле это будет его спасением.

Прежде всего, пакистанские власти должны привести в соответствие с реальностью общественно-политическое сознание людей, чтобы они поняли объективное положение вещей и отказались от старых мифологических стереотипов. Надо осознать, что Индия - не соперник для Пакистана, что эта держава - другого калибра и уровня, и свои стратегические цели и потребности национальной безопасности она соотносит с более крупными величинами. Нереально говорить о возможностях достижения военно-стратегического паритета с государством, вступившим в новую стадию развития, призванную вывести его в число крупнейших промышленно развитых стран мира, играющим все большую роль в международных делах, имеющим большие шансы стать постоянным членом Совета Безопасности. К тому же Пакистан уже долгое время ведет «борьбу на два фронта» - индийском и афганском. Подобная ситуация крайне опасна для Пакистана, и он должен, по крайней мере, закончить борьбу на одном «фронте», в данном случае речь идет о южном направлении.

Пакистан должен сделать шаги по разблокированию кашмирской проблемы и ее мирному решению. Как известно, в далеком 1949 г. под эгидой ООН в Кашмире была установлена «линия прекращения огня» (ныне - «линия контроля»), которая разделила это бывшее княжество на территории, контролируемые Индией (большая часть по территории и населению часть Кашмира) и Пакистаном. Каждое из двух государств стремится под разными предлогами присоединить к себе контролируемую противоположной стороной территорию. Пакистан, например, выступает за проведение плебисцита на всей территории бывшего княжества, который и определит, в состав какого государства войдет весь Кашмир. Проблема присоединения к Индии или Пакистану «чужой» части территории Кашмира - абсолютно нереальна и

крайне опасна. За более чем 50 лет обе его части и политически, и экономически интегрировались соответственно в Индию и Пакистан; уже несколько поколений кашмирцев выросло в разных государствах. «Решение» кашмирской проблемы на нынешних условиях Дели и Исламабада будет означать не что иное, как насильственное присоединение части территории одного государства к другому, что неизбежно поведет к острому кризису, массовым столкновениям, по сути - к гражданской войне.

В мире имеется немало планов, порой очень тонких и интересных, решения кашмирской проблемы²⁰. По мнению автора, самым простым и приемлемым явилось бы признание де-юре того, что уже давно является де-факто. Имеется в виду, что следует принять и формально признать давно существующую реальность - фактический раздел Кашмира и превратить «линию контроля» в государственную границу между Пакистаном и Индией. Сохранение статус-кво не будет иметь таких неблагоприятных последствий, как его нарушение. К тому же, при таком варианте каждое государство, хотя и не приобретает желаемого, зато не теряет имеющегося. Думается, что это хорошая основа для взаимоприемлемого компромисса.

Отказ от плебисцита - трудное решение для Пакистана. Такими же трудными будут и дальнейшие шаги, например прекращение помощи сепаратистским и экстремистским силам в индийском штате Джамму и Кашмир. Но это надо сделать, ибо только таким будет подлинное решение кашмирской проблемы. В этом случае станет не нужным оказание помощи исламистам Кашмира, что даст Пакистану большие выгоды экономического и политического (особенно внешнеполитического) характера.

Несомненно, что осознание своего реального положения в геополитическом пространстве региона и прекращение противостояния с Индией, шаги по урегулированию кашмирской проблемы вызовут ответные действия Индии по налаживанию отношений с Пакистаном (сильное давление на нее в этом плане окажет мировое сообщество). Это будет очень важным моментом, ибо урегулирование межцивилизационных конфликтов, как самых трудных и острых, возможно лишь при желании и действии обеих сторон. Сейчас трудно представить, как дальше будут развиваться пакистано-индийские взаимоотношения. Даже то, о чем сказано выше, может быть достигнуто ценой огромных усилий,

серьезных уступок со стороны Пакистана (главным образом эмоционально-престижного характера), но даст несравненно большее - вопреки многочисленным прогнозам, позволит сохранить целостность Пакистана.

Налаживание всестороннего сотрудничества с Индией крайне выгодно Пакистану. Выход из двусторонней гонки вооружения позволит ему принять меры по решению острых экономических и социальных проблем. Отказ от военно-стратегического паритета с Индией, от реагирования на все индийские действия сделает внешнюю политику Пакистана значительно более самостоятельной, позволит осуществить такие популярные на мировой арене шаги, как присоединение к договорам о нераспространении ядерного оружия и всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Зарубежные держатели капиталов возобновят предоставление финансовых средств и пойдут на облегчение долгового бремени Пакистана. Ослабление напряженности между Индией и Пакистаном улучшит внешнеполитическое положение Пакистана, ослабит его изоляцию на мировой арене, даст возможность иностранным государствам более активно развивать отношения с обеими странами, поскольку в условиях острого конфликта они должны делать выбор, который, естественно, не в пользу Пакистана (яркий пример тому - позиция России). Налаживание мирных добрососедских отношений с Индией будет означать закрытие одного, самого опасного и разорительного для Пакистана «фронта». Можно предположить, что это будет содействовать ослаблению пакистанского участия и на другом «фронте», поскольку «афганское направление» в немалой степени определяется пакистано-индийским противостоянием. Наконец, установление добрососедских отношений между Индией и Пакистаном улучшит ситуацию во всем южноазиатском регионе, усилит кооперацию стран региона, вдохнет новую жизнь в деятельность Южноазиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК).

Урегулирование отношений с Индией, ослабление милитаризации содействовало бы оздоровлению внутренней политической обстановки в Пакистане. У него появится реальный шанс сбросить с себя тяжелый груз поддержки исламских экстремистов, что, в свою очередь, существенно ослабит их деятельность в самом Пакистане. Стабилизация внутривнутриполитических процессов сделает реальным существование в стране демократических форм

правления.

Если же всего этого не произойдет, и Пакистан не пойдет на пересмотр своей политики в отношении Индии, мрачные прогнозы современных экспертов могут и осуществиться.

Примечания

- ¹ Цит. по: Гопал С. Джавахарлал Неру. Биография. 1989, М., Т.1, с. 373.
- ² Pakistan. Islamabad, 2000, July - September, p. 26.
- ³ Ibid., p.22; The Military Balance. 2000-2001. L., 2000, p. 173.
- ⁴ См. помещенную в этом сборнике статью В. Я. Белокреницкого «Мусульманский регион у южных границ СНГ - структура, значение, перспективы».
- ⁵ Far Eastern Economic Review. Hongkong, April 29, 1999, p. 73.
- ⁶ Белокреницкий В.Я. Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития (середина XIX - 80-е годы XX в.). М., 1988, с. 131.
- ⁷ Там же, с. 136.
- ⁸ Pakistan Crisis. Political and Economic Analysis. Tokyo, Institute of Developing Economies, 2000, p. 28-29.
- ⁹ Азия и Африка сегодня, 2001, №1, с. 42-47.
- ¹⁰ Подробнее об этой проблеме см. статью Белокреницкого В.Я. Исламский радикализм в Пакистане: эволюция и роль в регионе.-«Центральная Азия и Кавказ». Lulea, Sweden, 2000, №6 (12), с. 116-131.
- ¹¹ Азия и Африка сегодня, 2001, №1 с. 43.
- ¹² ² Абул Калам Азад. Индия добивается свободы. Автобиографический очерк. М., 1961, с. 211.
- ¹³ Там же, с. 207.
- ¹⁴ Там же, с. 317.
- ¹⁵ См., напр.: Tahir-Kheli S.R. India, Pakistan and the United States : Breaking with the Past. N.Y., 1997, p. 147-148.
- ¹⁶ The Military Balance. 1998-1999. L., 1999, p. 296-297, 300.
- ¹⁷ Ibid., 2000-2001, p. 167-173.
- ¹⁸ Подробнее об истории создания ракетно-ядерных потенциалов Пакистана и Индии см.: Москаленко В.Н. Ядерное оружие - конфликт интересов. - «Южная Азия: конфликты и геополитика». М., 1999, с. 144-155.
- ¹⁹ Зарубежное военное обозрение. М., 2001, JV» 1, с. 45-46,54.
- ²⁰ О некоторых из них см., напр.: Afghanistan and Kashmir. Report of a Joint American - Russian Study Mission. New York, 1993, p. 5-31.

Н. М. Мамедова

ИРАН: ОТ МОНАРХИИ К РЕСПУБЛИКЕ. СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Исторические процессы в Иране в XX веке были крайне насыщены событиями, оказывавшими огромное влияние на ход исторического развития как в самом Иране, так и на региональном и даже мировом уровне. Эти события сопровождались поворотами в области внешнеполитических и внешнеэкономических отношений, экономической стратегии, внутренней, культурной и этно-национальной политики. Одними из внешних проявлений этих масштабных по историческим меркам изменений стали перемены и в самих формах государственности. Изменение форм государственного устройства Ирана в XX веке внешне соответствовало общемировым стереотипам эволюции политических систем: от абсолютной монархии к конституционной, и от нее — к республике. Конечно, этот внешний стереотип далеко не всегда совпадал с внутренним содержанием государственной власти. Например, Реза -шах, фактически целиком заменивший шариатские нормы европейским правом, был даже в большей степени абсолютным монархом, нежели Каджары в доконституционный период (т.е. до 1906-1907 гг.). Возникновение же республиканского Ирана (1979 г.) оказывается связанным с созданием в конце XX века теократического государства во главе с религиозным лидером-рахбаром, что вообще выходит из привычных схем политической власти. Но, несмотря на эти особенности, государственное устройство вполне адекватно отражало сущность каждого исторического периода. Поэтому предпринятая в данной статье попытка раскрыть особенности исторического развития Ирана в XX веке через призму ее политико-государственного устройства представляется вполне оправданной.

В XX веке в Иране сменились две монархические (шахские) династии-Каджаров и Пехлеви, первая из которых правила страной ровно 100 лет (1796-1926), вторая - вдвое меньше (1926-1979).

В XX век Иран, некогда могущественная восточная империя,

© Н. М. Мамедова, 2001

вступил экономически отсталым и зависимым от европейских стран. Господствовавшая на протяжении всего XIX века династия Каджаров, испытывавшая сильное политическое и экономическое давление Британской и Российской империй, пыталась противостоять этому давлению и усилить потенциал Ирана как путем расширения его территории за счет возврата части ранее принадлежавших земель, так и путем попыток реформирования социально-экономической системы, главным образом путем заимствования опыта европейских стран¹. Но сделать ни того, ни другого ей не удалось. Пожалуй, главное, что удалось Каджарам - это сохранить национальный суверенитет Ирана, и то во многом благодаря соперничеству за Иран Англии и России. Безусловно, во многом этот суверенитет носил формальный характер, особенно после заключения в 1907 г. договора между Россией и Англией, фактически поделившими Иран между собой. Относительность этого суверенитета становится очевидной и в свете того факта, что, несмотря на провозглашенный Ираном нейтралитет в годы Первой мировой войны, на его территорию были введены иностранные войска, в том числе Англии и России.

Именно влияние этих двух стран олицетворяет собой внешний фактор, который, как и для большинства восточных стран, с XIX века стал усиленно отражаться на их политическом и экономическом развитии. Своеобразие действия этого фактора в Иране в том, что это не была экспансия одной страны, но соперничество в экспансии, имевшее разнообразные и разнонаправленные последствия. Соперничество России и Англии за Иран, хотя и помогло ему сохранить политический суверенитет, но в значительной мере снизило эффект от возможной модернизации даже в тех направлениях, которые традиционны для экспансионистской политики европейских стран. Пожалуй, только в Иране родился документ: русско-иранское Соглашение 1890 г. о «нестроительстве» железных дорог в Иране в течение 10 лет, которое в 1900 г. было продлено еще на 10 лет. Соглашение было одобрено и Англией.

Несмотря на то, что современные границы Ирана сформировались в 20-е годы XIX века, проблема сохранения устойчивости его как государственного образования сохранила свою остроту и в начале XX века. Конечно, доминантными для страны были такие черты, как шиизм, персидское этническое большинство, официальный персидский язык, преобладание оседлого населения,

традиции единого государства, в том числе в организации экономической жизни. Однако наличие весьма значительных иных этнических анклавов, кочевого населения (до трети населения), религиозных отличий питало центробежные тенденции. Географические условия усиливали изоляцию отдельных регионов и также способствовали росту сепаратистских настроений. Понятие национальной идентичности как государственной фактически отсутствовало. Каджары, чтобы сохранить свою власть и целостность государства, сделали своим основным методом - поддержание баланса самых разных сил и противоречий, даже противоречий между европейскими странами.

В этой связи хотелось бы остановиться на исламском факторе, который при определенных условиях является государство-образующим и который также пытались использовать Каджары для укрепления своей власти. Шиизм, хотя и не единственная, но преобладающая и государственная религия. В этом качестве шиизм «работает» на центростремительные тенденции, но только тогда, когда интересы государственной власти, региональных (или этнических) властей, высшего духовенства совпадают. В шиизме нет единой структуры духовенства, и право каждого из представителей высшего духовенства на иджтихад (интерпретация наиболее видными богословами-муджтахидами исламско-правовых источников и норм) объективно может способствовать сепаратистским настроениям. Особенно сложным является отношение шиитского духовенства к государственной власти, которая, с точки зрения шиизма, легитимна только в том случае, если находится в руках Алидов (потомков имама Али). Легитимность любой династии может быть подвергнута сомнению под предлогом, что она не действует в интересах всей уммы, т. е. всей мусульманской общины, что и случилось с обеими династиями. Но эта причина, как ни парадоксально, в значительно большей степени обеспечила падение династии Пехлеви на исходе XX века, чем низложение в 1924 г. Каджаров, которое было проведено конституционным путем, в результате решения меджлиса.

Первая в Иране Конституция была принята в ходе иранской революции 1906-1911 гг., или, как ее называют в Иране, «конституционного движения». Был создан меджлис как законодательный орган страны, и Иран стал конституционной монархией.

Особенностью конституционного движения в Иране было то,

что в борьбе за конституцию, в отличие, например, от борьбы за конституцию в Османской империи, являвшейся по своему государственному устройству исламским государством-халифатом, самое активное движение приняло духовенство. Шиитское духовенство пыталось путем принятия конституционных норм, олицетворявших общий для всей страны иджтихад, поставить под контроль деятельность Каджарской династии, приведшей в XX веке страну к почти полной политической и экономической несостоятельности. В составленную, в основном на базе европейских норм права, Конституцию была включена статья о создании Комиссии из 5 богословов, которые наделялись правом вето, если принимаемые меджлисом законы противоречили исламу. Принятие Конституции и создание меджлиса обеспечили появление правовых норм, которые должны были структурировать иранское общество, создать единое правовое поле для развития различных регионов, правовое обоснование монархического государства.

Однако этот процесс после 1911 г. крайне затянулся, меджлис то распускался шахом, то прекращал работу в связи с вводом иностранных войск и фактически был прерван Первой мировой войной, главные последствия которой для Ирана были связаны с распадом Российской и Османской империй. В этих соседних с Ираном странах начались бурные процессы поиска новых форм и типов государственного устройства. (С 1906 г. по 1921 г. меджлис работал в общей сложности немногим более 5 лет). Развал империй-соседей, присутствие иностранных войск на территории Ирана, ослабление центральной власти вызвали в нем всплеск сепаратистских настроений.

Подписание правительством Ирана в 1919 г. соглашения с Англией, фактически на 20 лет превращавшего страну в английский протекторат, еще более усилили центробежные тенденции. В Гилян вошли советские войска, в пределах иранского государства впервые была провозглашена Иранская советская социалистическая республика (1920 г.)⁴. Противостоящие центральному правительству движения ширились, особенно в зонах кочевых племен. Страна оказалась на грани развала.

В этих условиях на арену политической борьбы в Иране впервые вышла армия, которая в Иране была представлена регулярной Казачьей Дивизией. В результате военного переворота 21 февраля 1921 г. Резахан, ставший сначала во главе Дивизии,

затем военным министром, а в октябре 1923 г. премьер-министром, сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Ахмед-шах то выезжал из страны по совету Реза-хана, то возвращался. В становлении Реза-хана политическим лидером в эти годы много хронологических и смысловых аналогий, может быть случайных, но, скорее всего не случайных, а закономерных, с политической судьбой первого президента Турецкой республики Кемалья Ата-тюрка⁵.

В программных заявлениях Реза-хана, как и первого президента Турецкой республики, отчетливо прослеживалось стремление к проведению националистической политики, курса на независимость, на модернизацию общества и экономики. В 1922—1924 гг. Реза-хан активно выступил с программой создания республики, в которой он видел себя президентом (в октябре 1923 г. он стал премьером, Кемаль Ататюрк - президентом). Поддерживавшее Реза-хана большинство в Пятом меджлисе, состоявшее из членов националистической партии «Таджаддод» (партия прогресса) и социалистов, выдвигая эту программу, расценивали ее как шаг на пути создания буржуазного национального государства. В процесс вмешалось иранское духовенство. Но иранское духовенство стало активно выступать против установления республики, пожалуй, только после принятия в Турции закона о ликвидации халифата в марте 1924 г. До этого в Турции существовала несколько необычная ситуация, когда был ликвидирован султанат (в 1922 г.), провозглашена республика (в 1923 г.), но номинально сохранялся халифат. Объявление о ликвидации халифата стало почти главным аргументом иранского духовенства против республики, доводом, что ислам и республика несовместимы. В конце марта 1924 г. Реза-хан посетил один из главных религиозных центров Ирана - Кум, и Кумское духовенство убедило Реза-хана отказаться от идеи республики. 31 марта 1924 г. было опубликовано обращение Реза-хана, как премьер-министра страны, к народу, в котором он предлагал «оставить мысль о республике»⁷. 31 октября 1925 г. меджлис вынес решение о низложении Каджаров, передаче временного правления Реза-хану и необходимости выборов в Учредительное собрание, которое должно было окончательно решить судьбу государственной власти в стране. 12 декабря 1925 г. Учредительное собрание избрало шахом Реза-хана, взявшего фамилию Пехлеви.

Период пребывания Реза-шаха на троне - всего 15 лет. Когда в 1941 г. в Иран вошли советские и английские войска, он отказался от трона в пользу своего сына - Мохаммада Реза. Но за эти 15 лет страна изменилась больше, чем за все предыдущее столетие. Поражала массовость и скорость привнесения в иранское общество элементов европейской цивилизации.

Реза-шах добился укрепления единства страны, роста идентичности населения как иранцев. Роль главного из идеологически объединяющих факторов стал играть иранский национализм, и в меньшей степени ислам, тем более что позиции духовенства в период его пребывания на престоле сильно ослабли. Основное внимание в этот период было уделено модернизации страны, главным образом индустриализации, созданию современной инфраструктуры, современной армии при широком использовании опыта развитых стран мира. При Реза-шахе впервые возникла правовая законодательная база, соответствующая европейским нормам.

Как и в соседней Турции, до конца 20-х годов в Иране предпринимались попытки создать относительно либеральную в политическом и экономическом отношении модель развития, однако политическая и экономическая слабость национальной буржуазии, а затем и последствия мирового кризиса, привели к формированию жестко централизованного государства.

В политическом отношении Иран периода 30-х годов - это личная диктатура шаха, в экономическом - госкапитализм, включающий почти всеобъемлющее государственное регулирование через торгово-промышленные монополии, контролировавшие частный и государственный сектор. Госсектор стал и основной базой проведения начального этапа индустриализации в Иране. При этом индустриализация и модернизация инфраструктуры осуществлялась на национальной основе, без использования внешних займов. Даже концессионные платежи от нефти расходовались только на армию.

Но созданная этатистская модель работала эффективно только в тепличных условиях протекционизма или госсектора, и как показали 40-50-е годы, частный капитал при ослаблении протекционистской политики оказался неспособным взять на себя освоение новых производств, технологий и т. п.

Несмотря на объявленный нейтралитет, Иран, как и в Первую мировую войну, оказался непосредственно втянутым и во

Вторую мировую войну. Так как шах не давал согласия на использование территории Ирана, ссылаясь на нейтралитет,- для транспортировки военных грузов, Англия и Россия в августе 1941 г. ввели свои войска в Иран, используя в качестве юридического обоснования ст. 6 советско-иранского договора 1921 г.

Падение личной диктатуры Реза-шаха имело самые разнонаправленные тенденции - и положительные и негативные. Возродилась партийная жизнь, свои первые партии создали Мехди Базарган, Карим Санджаби и др. Но активизировалось и духовенство, которое при Реза-шахе не осмеливалось вмешиваться в политику. Оно не только создало свои партии, такие как «Феда-яне ислам» и «Моджахедине ислам», сыгравшие значительную роль в политической истории Ирана, но и стало отвоевывать некоторые из утраченных позиций⁸. Так, духовенство издало фетву о ношении чадры, добилось увеличения школьных часов по изучению Корана, разрешения проводить траурные процессии в дни ашуры, что было запрещено при Реза-шахе. Под давлением духовенства правительство издало указ о соблюдении поста в Рамазан в государственных учреждениях.

Ослабление центральной власти вновь возродило сепаратистские настроения, страна вновь, как и в 20-е годы, оказалась охваченной национальными движениями. В конце 1945 г. были провозглашены автономные республики в Азербайджане и Курдистане. Возникла угроза раскола страны. После вывода советских войск центральное правительство уже к концу 1946 г. подавило национальные движения. Но их размах показал, что проблема национального самосознания, несмотря на старания в 30-е годы унифицировать его на основе «персиизации», осталась весьма острой.

Важнейшим по своим политическим и экономическим последствиям событием послевоенного периода стало движение на национализацию нефтяной промышленности, которая, согласно концессии 1901 г. и концессионного соглашения 1933 г. (срок действия - до 1993 г.), полностью находилась в ведении Англо-Иранской нефтяной компании. Это движение стало важнейшим фактором формирования самосознания как общеиранского, так как было общенациональным в отличие от национальных движений в Азербайджане и Курдистане. Значение его и в том, что в нем активное участие приняли организационно оформленные буржуазные партии.

Борьба за национализацию нефтяной промышленности стала главной задачей сформированного в 1949 г. Национального фронта, к которому присоединились различные группировки, партии и отдельные политические деятели. Лидером его стал М. Мосаддык, возглавивший правительство в апреле 1951 г. после одобрения меджлисом закона о национализации нефтяной промышленности. В июле 1951 г. английское правительство признало принцип национализации. Главная проблема для правительства Мосаддыка заключалась в реализации этого закона, т. е. в возможности добычи нефти и вывоза ее на мировые рынки. Началось мощное давление Англии и США на правительство Мосаддыка. Переговоры об условиях продажи нефти затягивались, в июле 1952 г. шах отстранил Мосаддыка от поста премьер-министра. По всей стране прокатились мощные выступления за возвращение Мосаддыка, в Тегеране 21 июля 1952 г. началось восстание. Впервые в истории Ирана широкое участие в восстании приняли женщины. И как всегда в Иране, одной из движущих сил в этом движении было духовенство. С призывом к «великому джихаду» против нового правительства, сменившего Мосаддыка, выступил аятолла Кашани, наиболее популярный в это время шиитский лидер. О размахе движения говорит признание шаха, что он вновь 22 июля назначил Мосаддыка премьер-министром (и военным министром), «чтобы предотвратить гражданскую войну»¹.

В июле 1953 г. по инициативе Мосаддыка проводится всенародный референдум по вопросу о роспуске меджлиса, который тормозил деятельность правительства. Референдум поддержал Мосаддыка. Распространились слухи о проведении второго референдума относительно установления в Иране республиканского строя. 16 августа 1953 г. - неудачная попытка военного свержения правительства Мосаддыка, члены правительства призывали к свержению монархии, но сам Мосаддык от открытого выступления против шаха уклонился. И 19 августа в результате спланированного с помощью США военного переворота правительство Мосаддыка было отстранено от власти. Таким образом, идея создания в Иране республиканской власти вновь не была осуществлена. Но в отличие от 20-х годов одной из главных причин стал внешний фактор, а именно: ориентация США на шаха как гаранта американских нефтяных компаний, инициаторов создания Международного нефтяного консорциума (МНК).

Шах принял условия МНК, в котором первоначально были представлены восемь крупнейших нефтяных компаний мира, 50% чистой прибыли которых выплачивалась Ирану. Срок действия соглашения о Консорциуме был определен в 25 лет, т. е. до 1979 г. Интересно, что именно в этом году шахский режим пал.

Иран в результате национализации нефтяной промышленности значительно увеличил валютные поступления от экспорта нефти, направляя их на выполнение планов социально-экономического развития, которые стали разрабатываться с 1949 г. После войны Иран находился в зоне растущего интереса США, в 1950 г. было заключено американо-иранское соглашение «О взаимной помощи в целях обороны». Иран был охвачен программой Трумена (1950-1954 гг.), с помощью американских экспертов был разработан первый семилетний план развития и последующие планы.

Экономическая система в 50-е годы начала постепенно эволюционировать в сторону децентрализации, постепенно были ликвидированы созданные при Реза-шахе монополии, планы развития предусматривают оказание поддержки частному сектору. В 1955 г. и 1959 г. были приняты законы о привлечении и о защите иностранных инвестиций. Однако попытки нового прорыва в модернизации общества и экономики натолкнулись на слабость частного сектора и на нерешенность главной проблемы страны - аграрной. Отметим, что лишь при Реза-шахе юридически было закреплено право собственности на различные виды земель. Основная масса пахотных земель оказалась в собственности крупных помещиков. Значительные земельные угодья были закреплены за государством, шахской семьей и вакфами (собственность шиитского духовенства). Преобладающей формой землепользования была издольная аренда, неэффективность которой стала причиной проведения аграрных реформ в ряде восточных стран.

С аграрной реформы началось проведение серии реформ, известных под названием «белая революция». В аграрной сфере кардинально была изменена структура землевладения, создана система крестьянского кооперирования. Основные усилия были сконцентрированы на индустриализации. Поступления от экспорта нефти позволили создать целые новые отрасли, включая базисные, закупать новейшие технологии, не всегда внедренные даже в развитых странах. Темпы роста ВВП в 60-70-е годы - одни из самых высоких в мире".

Для того чтобы начать реформы, которые ставили своей целью модернизацию социально-экономической системы страны, нужно было либо иметь широкую общественную поддержку, либо укрепить власть шаха и правительства как инициаторов реформ. В 1957 г. были внесены первые дополнения в Конституцию, по которым шах наделялся правом отлагательного вето и роспуска парламента. После того как меджлис отказался принять закон об аграрной реформе, шах распустил его. Первые проекты реформ, в том числе главная из них - аграрная, были вынесены на всеобщий референдум и получили одобрение. Национальный фронт выступил против проведения реформ в отсутствие меджлиса, но шахское правительство использовало референдум как легитимное обоснование реформам. При этом именно на референдум был вынесен аграрный проект о распродаже вакфных земель, который, конечно же, никогда не был бы одобрен меджлисом.

Однако это привело в оппозицию шаху значительную часть духовенства, которое с 60-х годов начало организационно и идеологически оформляться в антишахскую оппозицию. С этого времени особенно пристальное внимание в богословских центрах стало уделяться исследованиям по проблемам власти, политической борьбы в исламе, влиянию Запада и т. п. Духовенство вспомнило о статье Конституции, где говорилось о создании совета из 5 богословов, о котором при Реза-шахе никто не смел и вспомнить. Шах добился отмены этой статьи.

Постепенно в руках шаха сконцентрировалась вся полнота политической власти, особенно в отсутствие политических свобод. Так как создание новых производств осуществлялось в рамках госсектора, то укрепились экономические позиции высшей бюрократии и прежде всего самой шахской семьи. Рост банков в значительной мере был связан с перераспределением нефтяных государственных денег. Жесткий протекционизм, необходимый при импортозамещающей модели индустриализации, избранной в 60-70-е годы, еще более способствовал централизации экономики. Регулирование всеми товарными потоками - внутренними и внешними - достигло чрезвычайно высокой степени. Со второй половины 70-х годов усилилось ценовое регулирование, основные сельскохозяйственные товары оказались вне свободного рынка. Аграрный сектор превратился в своеобразный анклав, и эта анклавность усиливалась в связи с ростом импорта продо-

вольствия и расширением номенклатуры товаров, охватываемых политикой фиксированных цен. Такая жесткая экономическая модель импортозамещающего направления достаточно эффективно работала до середины 70-х годов, т. е. 12-15 лет, и постепенно начала давать сбои".

Аграрные реформы и индустриализация вызвали всплеск процессов урбанизации. Особенно быстро росли Тегеран, Тебриз и Исфаган, ставшие центрами таких отраслей промышленности, как автомобильная, производство электрооборудования, машиностроение, металлургия, нефтехимия. Скачок цен на нефть на мировом рынке и увеличение валютных поступлений от ее экспорта вызвали коррективы в экономической политике в сторону предпочтения строительства «под ключ» высокотехнологичных и менее трудоемких предприятий. Началось быстрое расслоение общества, «вымывание» мелких предпринимательских слоев, что повысило напряженность социального фона.

Казалось бы, что успех реформирования страны, выразившийся в экономической модернизации, должен был сопровождаться постепенной либерализацией политической жизни. Однако политическая власть в стране все больше и больше приобретала черты личной диктатуры. В стране назревал кризис всей системы власти, подогреваемый исламской оппозицией. В 1997—1978 гг. режим стал терять экономическую динамику и социальную привлекательность, что с точки зрения оппозиционных исламских лидеров означало и потерю своей легитимности. Даже в США, сделавших Иран своим главным союзником на Среднем Востоке и в Персидском заливе, зрело осознание того, что сохранение антидемократических тенденций в Иране непродуктивно¹³, и своевременная смена шахского режима могла бы предотвратить развитие оппозиционного движения по советскому образцу.

Революция 1979 г. в Иране изменила его государственный строй, внесла значительные коррективы в быт, культуру, экономику. По результатам референдума 1 апреля 1979 г. Иран был объявлен исламской республикой, что было закреплено Конституцией, принятой в декабре того же года. Это своеобразная республика, республика, в которой парламентаризм сочетается с авторитарностью, олицетворяемой религиозным лидером-рахбаром. Конституция 1979 г. провозгласила пожизненным лидером Хо-мейни. После его смерти в 1979 г. рахбаром стал Али Хаменеи,

избранный Советом экспертов. Исламский характер этой своеобразной форме республики придают и другие структуры власти. Помимо меджлиса, как законодательного органа, Конституция предусмотрела создание еще одного законодательного органа - Наблюдательного Совета, состоящего из 12 членов, половина которых представлена высшими улемами. Именно этот орган должен вотировать все законы, принимаемые меджлисом, контролируя то, чтобы они соответствовали нормам ислама и Конституции. Можно ли назвать такую государственную форму республикой? Если в период Хомейни мы могли скорее ответить «нет», чем «да», то сейчас - скорее «да». Выборность самого рахбара, выборность всех органов власти - несомненные атрибуты республиканского строя. Уже при жизни Хомейни, когда начались сбои в законодательном процессе из-за того, что Наблюдательный Совет отклонял большинство из принимаемых меджлисом законов, и законодательный вакуум стал ощутимым тормозом на пути экономического развития, были проведены изменения в структуре власти, снизившие значимость Наблюдательного Совета. Был создан Совет по определению целесообразности (или полезности) для исламского строя, который стал арбитром в отношениях между меджлисом и Наблюдательным Советом. В этот достаточно широкий совет входили представители руководства, религиозные правоведы и юристы, как правило, поддерживавшие решения меджлиса. После внесения в 1989 г. поправок в Конституцию этот орган приобрел конституционный статус.

В рамках новой государственности Иран показал способность к значительной эволюции. В революционном пылу была проведена национализация и конфискация крупной собственности. Были резко ограничены связи с развитыми странами, был введен запрет на использование иностранного капитала, иностранных специалистов. Женщины надели чадру, изменился быт. Но уже с начала 90-х годов назрела необходимость изменения прежнего курса, идут рыночные реформы, приватизация, демократизируется политическая жизнь. В быт, трудовую этику, культуру, экономические отношения все больше проникали европейские заимствования. Общественная жизнь приняла общедемократические и цивилизованные формы. Президент страны М. Хатами, поставивший в качестве одной из своих главных целей создание гражданского общества, стремился законодательно и на всех

уровнях обеспечить право на свободное выражение своих мнений. Это дает основание говорить о том, что республика, даже если она и исламская, оказалась в условиях Ирана в большей степени подвержена демократизации общественной жизни, чем монархический строй, даже ориентированный на Запад.

«Демократизация» по-ирански, в свою очередь, способствовала формированию общенационального самосознания. В ее формирование внесла вклад и новая культурная политика страны, в которой акценты с преимущественно исламского аспекта переместились в сторону культурных, в том числе доисламского периода. Как в 70-80-е годы массовое антишахское движение, а затем исламизация жизни сплотили многонациональное население Ирана, так в 90-е годы курс президента на открытость общества стал фактором, также его сближающим. Достаточно гибкой стала национальная политика режима. Показателем, хотя и относительным, повышения общенационального фактора в процессе самоидентификации может служить отсутствие в активных избирательных кампаниях последних пяти лет национально-этнических программ. Исламское руководство отчетливо понимало, что наиболее уязвимыми для иранского государства являлись этнические и территориальные конфликты, потенциально опасные и для всего региона в целом.

Для Ирана как исламского государства главными приоритетами в настоящее время являются сохранение символов исламской государственности и целостности государства. Одним из главных условий выполнения этих задач является повышение экономического потенциала. После достаточно успешного выполнения первого пятилетнего плана, когда темпы прироста ВВП в 1990-1994 гг. (в постоянных ценах) превысили 4%, экономический рост замедлился. Давление образовавшегося в начале 90-х годов значительного по размерам внешнего долга (в 1993 г. - 20,6, в 1998 г. - 14,4 млрд. долл.¹⁴), снижение цен на нефть в 1998 г. вызвали замедление роста инвестиций, промышленности, особенно предприятий, ориентированных на использование импортных полуфабрикатов. Одновременное замедление роста заработной платы, уменьшение темпов прироста новых рабочих мест, сокращение государственных субсидий в русле проводимых рыночных реформ повысили социальную напряженность в обществе. Однако пришедшие в 2000 г. в меджлис и местные органы

власти (в конце 1999 г.) сторонники президента остаются приверженцами модернизации страны, как политической, так и экономической. Руководство страны, особенно президент и его правительство, достаточно гибко улавливает вызовы современности. На Тегеранском саммите ОЭС летом 2000 г. М. Хатами заявил, что «мы не должны абстрагироваться от глобализации, ...и мы заинтересованы в скорейшей перестройке экономики и повышении качества жизни». В Иране в последние годы постепенно трансформируются или ликвидируются те экономические нормы, которые в значительной мере противоречат нормам мирового рынка. Иран сумел за период реформ (за 90-е годы) более чем вдвое увеличить объем ВВП в расчете на душу населения, ему удалось начать модернизацию экспортных отраслей. Но «размывание» и заметное приближение исламских норм, в том числе экономических, к общемировым можно рассматривать не только как отказ от исламских принципов, но и как их развитие в рамках иджтихада. По мере осознания собственных государственных интересов Иран встал на путь поиска совпадающих с принятыми мировым сообществом направлениями и формами развития, поиска бесконфликтных механизмов разрешения межцивилизационных противоречий. В своей книге «Страх перед бурей» Мохам-мад Хатами пишет о необходимости подлинного познания Запада «на основе сознания, логики и объективности», а не на основе «острых лозунгов и жестокости». Более того, он говорит: «Мы, совершив революцию и претендуя на создание исламского строя на ее основе, в том случае можем считать свою революцию началом новой цивилизации, если имеем способность и достоинство приобрести положительные элементы западной цивилизации, а также необходимую чуткость отличить ее недостойные элементы и избежать их»¹⁶.

Главной тревожащей проблемой XXI века остается возможность геополитических потрясений, связанных с усилением противоречий между разными цивилизационными полюсами. Возможность в перспективе создания единого исламского полюса исключать нельзя. Но представляется, что это - весьма отдаленная перспектива. Страны и регионы с мусульманским населением настолько политически и экономически неоднородны, что, несмотря на территориальную, культурную и религиозную близость, сколько-нибудь устойчивых и значительных объединений

пока не появилось. Связи между мусульманскими странами ближневосточного региона - политические, экономические, даже культурные, представляются менее необходимыми и даже менее органичными для них, чем с европейскими странами, США, Японией. Возможно, что по мере роста экономического потенциала их взаимосвязи окрепнут, но необязательно на базе противостояния остальному мировому сообществу. Пример Ирана как исламского государства, который начал свой путь с противостояния миру, а затем стал явно эволюционировать в сторону открытости мировому сообществу, дает надежду на то, что это противостояние будет проявляться главным образом в противодействии процессам культурно-цивилизационной унификации.

Примечания

- ¹ АН Reza Sheekholeslami. Integration of Qajar Persia in the World Capitalist System. - «The Iranian Journal of International Affairs», 2000. Vol. XI, №2.
- ² Очерки новой истории Ирана. М., 1978, с. 132.
- ³ Эволюция политических систем на Востоке. М., 1999, с. 33.
- ⁴ В. Генис. Красная Персия. М., 2000.
- ⁵ Мохаммад Али Хамайун Катузиан. Эжгесад-е сиясие Иран. Политическая экономика Ирана, Тегеран, 1998, с. 118-145. Ю. Н. Розалиев. Мустафа Кемаль Ататюрк. М., 1995.
- ⁶ М. Реза Годе. Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994, с. 129-130.
- ⁷ М. С. Иванов. Новейшая история Ирана. М., 1965, с. 63.
- ⁸ Е. А. Дорошенко. Шиитское духовенство в двух иранских революциях: 1905-1911 и 1978-1979 гг. М., 1998, с. 143.
- ⁹ С. М. Алиев. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX веке. М., 1985, с. 88-91.
- ¹⁰ СМ. Алиев. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX веке. М., 1985, с. 112.
- ¹¹ См.: А. З. Арабаджян. Иран. Изменения в отраслевой структуре экономики в 60-70-х годах. М., 1983, с. 64-66.
- ¹² Н. М. Мамедова. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. М., 1997, с. 58-64.
- ¹³ Иранская революция 1978-1979. Причины и уроки. М., 1989, с. 146-159.
- ¹⁴ EIU Country Report 3 quarter 1995, p. 3. World Development Report 2000/2001, World Bank, p. 314.
- ¹⁵ Третий взгляд, 2000, №73, с. 4.
- ¹⁶ Сейед Мохаммад Хатами. Страх перед бурей. М., 2001, с. 119.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТУРЦИИ

Современная Турция - наиболее продвинутая мусульманская страна региона Ближнего и Среднего Востока (БСВ). Вступив на путь догоняющего развития с близких со странами региона стартовых позиций, Турция во второй половине XX века смогла из отсталой аграрной периферии превратиться в промышленно-аграрную страну среднего уровня развития. В 1997 г., по данным Всемирного банка, Турция занимала 17-е место в мире по объему ВВП - 380 млрд. долл., исчисленного по паритету покупательной способности, обладая по данному показателю наиболее крупной экономикой не только в регионе БСВ, но и на более обширном региональном пространстве, включающем Балканы и Кавказ.

Количественные и структурные изменения в турецкой экономике, наметившиеся в 30-е годы, получили динамичное продолжение в послевоенные десятилетия. Ее поступательный рост (в среднем на 4—5% в год) при опережающих темпах роста промышленности (в среднем на 8-9% в год) был относительно устойчив. За последние 50 лет страна пережила лишь пять относительно непродолжительных экономических спадов (1949, 1954, 1979-1980, 1994, 1999 годы), которые в большой мере были обусловлены неблагоприятной внешней конъюнктурой.

Среднедушевой доход Турции, равный в первое послевоенное пятилетие (1946-1950) 170 долл., во второй половине 90-х годов (1995-1999) достигал около 3000 долл., а в пересчете по паритету покупательной способности - 6100 долл. Если в 1948 г. более 50% турецкого ВВП создавалось в сельском хозяйстве, около 10% - в промышленности, и 40% - в сфере услуг, то в конце 90-х годов доля сельского хозяйства снизилась до 14%, а доля промышленности (включая строительство) возросла до 29%, сферы услуг - до 57%².

Эти результаты были достигнуты в ходе социально-экономи-

ческих преобразований и модернизации страны, ее приобщения к современным технологиям и методам управления и ведения хозяйства, создания необходимой институциональной и социокультурной среды. Особое значение при создании предпосылок успешного развития имело законодательное закрепление права частной собственности и ее защиты, в том числе - на землю³, организация предпринимательства по образцу развитых государств, создание системы светского образования и подготовки кадров. Последнему уделялось повышенное внимание государства, что позволило Турции добиться кардинальных изменений в этой сфере. В частности, в настоящее время практически почти полностью ликвидирована неграмотность - если в 1927 г. доля грамотных среди взрослого населения составляла 10,7%, то уже в 1950 г. - 34,6%, а в 1990 г. - 88%⁴. Причем большинство неграмотных - это люди пожилого возраста, главным образом женщины. О масштабах расширения системы образования можно судить и по следующим данным. В 1993/94 учебном году системой начального образования было охвачено 83,1% детей соответствующей возрастной группы (против 70% в 1960/61 уч. году), средним образованием - 61,9% (против 20,5%) и высшим - 17,1% (против 3,3% в 1960/61 уч. году)⁵. В настоящее время Турция решает задачи, связанные с повышением качества образования, приведением его в соответствие с общественными потребностями и мировыми стандартами.

Позитивные изменения происходят и в условиях жизни населения, что наряду с развитием системы здравоохранения и социальных услуг привело к тому, что средняя продолжительность жизни с 51,5 лет в 1967 г. возросла до 67,3 лет в 1997 г.⁶

В 90-е годы по целому ряду социально-экономических показателей Турция вплотную приблизилась к уровню стран Восточной и Юго-Восточной Европы. В то же время практически не уменьшилось ее сильное отставание от стран Западной Европы. Не удалось Турции войти и в число так называемых новых индустриальных государств. Ее ограниченные возможности форсировать темпы догоняющего развития были связаны с рядом причин, о чем будет сказано ниже.

За прошедшие десятилетия в соответствии с инвестиционными ресурсами и условиями экономического роста в Турции менялись как его модели, так и субъекты. До начала 80-х годов Тур-

ция придерживалась стратегии импортозамещения, в реализации которой главная роль принадлежала государству. Силами госсектора были построены наиболее крупные инфраструктурные сооружения и промышленные предприятия. Предпринимательская деятельность государства в сочетании с таможенным протекционизмом, бюджетным субсидированием и льготным банковским кредитованием создавала благоприятные условия для быстрого становления и развития современного частного предпринимательства. С 60-х годов в Турции наблюдается процесс превращения наиболее крупных частных компаний и семейных фирм в финансово-промышленные объединения - холдинги. В 1997 г. их общее число, по данным министерства промышленности и торговли Турции, уже достигало 545, и они действовали во всех регионах и отраслях турецкой экономики. Крупнейшими из них, такими, например, конгломератами, как «Коч», «Сабанджи», «Эджзаджибаши», «Яшар», «Энка» и некоторыми другими, созданы многие совместные предприятия с западными компаниями, в том числе - с известными ТНК - в автомобилестроении, нефтепереработке, производстве бытовых электротоваров и электрооборудования, электронике, химии, в текстильной, пищевкусовой и других промышленных отраслях. Многие турецкие компании и банки самостоятельно действуют и инвестируют свои капиталы за рубежом. По данным турецкого казначейства, на конец 1996 г. вложения турецких фирм имелись в 47 зарубежных странах, а их общая сумма составляла 1025 млн. долл., из которых 52% было вложено в банковское дело, 18% - в обрабатывающую промышленность, 17% - в торговлю⁸.

С переходом Турции, начиная с 80-х годов, к экспортноориентированной модели, отказом государства от жесткого регулирования и монопольного положения в ряде отраслей хозяйства, превращением турецкой экономики в открытую конкурентную систему, частный сектор превращается в основного субъекта экономического развития. В качестве ведущего предпринимателя он в 90-е годы выступал в промышленности, кредитно-банковской системе, индустрии туризма и в ряде других отраслей. О перемещении центра тяжести в экономике с государства на частный сектор свидетельствуют приводимые ниже данные об изменениях в секторской структуре инвестиций в основной капитал за последнюю четверть века⁹:

Таблица 1 Вложение инвестиций в экономику Турции (в %)

	1975 г.	1985 г.	1990 г.	1999 г.
Госсектор	50,4	56,0	42,7	28,2
Частный сектор	49,6	44,0	57,3	71,8

Государство постепенно свертывает предпринимательскую деятельность, приватизируя свои предприятия, сокращая свои инвестиции и ограничивая их капиталоемкими объектами производственной (энергетика, транспорт и связь, ирригация и т. п.) и социальной инфраструктуры (начальное, среднее и частично высшее образование, НИОКР, здравоохранение и др.). Отказываясь от прежних командных и запретительных методов регулирования, оно сосредотачивается на общей координации, стратегическом и индикативном планировании, определении приоритетных направлений и задач внутреннего развития и взаимодействия с другими странами на региональном и глобальном уровнях.

Среди предпосылок развития, обеспечивших Турции отрыв от других стран региона БСВ, следует прежде всего отметить ее изначальную установку на позитивные общественные изменения и достижение уровня развитых стран через индустриализацию и европеизацию. Выработанный при создании Турецкой Республики курс, который исторически и идеологически был подготовлен еще на заключительных этапах османского периода, был заявлен Кемалем Ататюрком и последовательно проводился его соратниками и приемниками, преодолевая неприятие и прямое противодействие как традиционалистов, так и левых за его прозападную, капиталистическую сущность, его несоответствие как шариатским обычаям и исламским ценностям, так и коммунистическим идеям.

Приобщение турецких граждан, в подавляющем большинстве по своему вероисповеданию мусульман, нередко принудительное, к европейским стандартам и правилам началось в первые десятилетия республики с замены имперских, исламских, колониальных институтов на светские и буржуазные. В послевоенный период этот процесс продолжился, но теперь уже на основе установления тесных и многосторонних связей между Турцией и странами Запада. В большой степени этому способствовала «хо-

лодная война», с самого начала которой после выдвижения Советским Союзом территориальных претензий к Турции, она оказалась в «империалистическом лагере» - вступила в НАТО, была включена в ведущие политические, финансовые и прочие западные структуры. С конца 40-х годов в Турцию из стран Запада началось поступление возрастающего потока материальных и финансовых средств, первоначально в виде военной, а затем все более - экономической и технической помощи. На промышленно развитые страны - США и страны Западной Европы - были в большой степени ориентированы турецкие внешние экономические связи. Предоставляя Турции крупные материальные и финансовые ресурсы, они диктовали ей свои условия их использования, стремясь таким образом оказывать влияние на направление и характер ее развития. Наиболее критичным было отношение Запада к турецкой стратегии индустриализации, в результате чего при создании тяжелой промышленности (металлургических комбинатов в Искендеруне и Сейдишехире, нефтеперерабатывающего завода в Алиага и др.) Турции пришлось воспользоваться финансовой и технической помощью Советского Союза, которая была ей предоставлена на весьма выгодных условиях.

Привлечение внешних ресурсов стимулировало мобилизацию и производительное использование внутренних источников. Экономический рост Турции сопровождался заметным повышением нормы накопления: с 9-10% в среднем за 50-е годы она возрастает до 18-20% в 60-70-е годы, а со второй половины 80-х годов поддерживается - с небольшими отклонениями в отдельные годы - на уровне 22-24% в среднем¹⁰. Турецкая экономика вступает в активную стадию промышленного переворота, во всех ее отраслях расширяется использование интенсивных факторов - машин, оборудования, современных технологий и технических средств.

Тесное сближение с Западом, дававшее Турции как южному форпосту НАТО немалые выгоды, содержало в себе и серьезные минусы, негативно отражавшиеся на ее экономическом росте. Это, во-первых, поддержание на предельно высоком уровне военно-полицейских ассигнований, на которые в течение истекшего полувека в среднем ежегодно выделялось до четверти всех бюджетных расходов и которые в тот же период составляли от 4 до 6% ВВП. И, во-вторых, образование огромного внешнего долга

(15,2 млрд. долл. в 1980 г., 49,1 млрд. в 1990 г. и 111,2 млрд. в 1999 г.), выплата процентов по которому тяжелейшим бременем ложилась на госфинансы, истощая экономику в целом. Нарастание процентных выплат, как результат удорожания заемных средств на мировом рынке, привело к тому, что их сумма в конце 90-х годов достигла 5 и более млрд. долл. ежегодно:

Таблица 2

Погашение внешнего долгосрочного долга и поступление новых ссудных капиталов в турецкую экономику во второй половине 90-х годов* (млн. долл.)

	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Погашение долга, всего	9970	9885	10683	12997	16010
- основные суммы	5667	5685	6095	8174	10560
- проценты	4303	4200	4588	4823	5450
уд. вес в погашении долга, %	41,4	42,5	42,9	37,1	34,1
Поступление долгосрочного ссудного капитала	4126	6048	9905	11505	11036
Сальдо по движению краткосрочных капиталов	3713	5945	1761	2601	759

* Данные Центрального Банка Турции,

Источник: 1999 Ekonomik Rapor. Ankara, 2000, с. 109.

За период 1995-1999 гг. среднегодовой приток новых - долгосрочных и среднесрочных - капиталов, равный 11,5 млрд. долл., был примерно на 400 млн. долл. меньше их среднегодового оттока в виде амортизационных и процентных платежей, равного 11,9 млрд. долл.

Сильнейшее влияние на социально-экономическое и политическое развитие Турции оказали демографические процессы, развернувшиеся в 50-е и последующие годы, когда среднегодовой прирост населения Турции достиг 2,8%. Все последующие три десятилетия он держался на уровне, близком в среднем к 2,5%, и лишь во второй половине 90-х годов снизился до 1,5%". В результате за послевоенный период численность населения Турции выросла более чем в три раза: с 19 млн. в 1945 г. до 65 млн. в 2000 г. При среднегодовом увеличении ВВП на 4-5% такие тем-

пы (количественно население ежегодно пополнялось в среднем более чем на 1 млн. чел.) не могли, обеспечить повышение ни уровня, ни качества жизни для его большинства.

Повышение темпов роста населения происходило в условиях развернувшейся в стране капиталистической трансформации основной отрасли турецкой экономики - сельского хозяйства, его механизации и общего повышения агротехнического уровня, сопровождавшихся сокращением спроса на рабочую силу, ее выталкивание из деревни. Эти процессы, стимулируя быстрое развитие городских услуг и производств, в то же время сказались на характере индустриализации. Необходимость непрерывного создания дополнительных рабочих мест обрекала Турцию на преимущественное развитие трудоемких отраслей и предприятий - легкой промышленности, сферы услуг; наличие хронической высокой безработицы, которая на протяжении десятилетий держалась на уровне 12-20%, позволяло работодателям поддерживать на низком уровне заработную плату, обеспечивая таким образом конкурентоспособность своей продукции. (Например, в 1999 г. процент полностью безработных в экономически активном населении составлял 6,3%, а не полностью занятых - 7,9%, всего, таким образом, 14,2%¹².)

Массовый характер приобрели миграции населения - из отсталых восточных регионов в более развитые западные и центральные, из деревень - в города. В стране развернулась стремительная урбанизация. Согласно данным официальных переписей, удельный вес городского населения, равный в 1950 г. 25%, поднялся в 1997 г. до 65% и, как ожидается, достигнет 70% в 2000 г.¹³ Появился ряд новых городов, а уже существовавшие обросли неблагоустроенными кварталами и пригородами. Многократно возросла нагрузка на и без того слабые муниципальные бюджеты и коммунальные службы. Не только у муниципалитетов, но и у центральной власти постоянно не хватало средств для решения многочисленных проблем, возникавших в процессе урбанизации. Во многих городах, в особенности густонаселенных с численностью в миллион и более жителей (Стамбул, Анкара, Измир, Адана, Бурса и др.), в которых значительный контингент составляют недавние выходцы из деревни, возникала почва для распространения и роста политического, в особенности исламского, экстремизма. Обострение социальных проблем, связанных

с плохими жилищными условиями, безработицей, низкими заработками¹⁴, многочисленными случаями бесправия и произвола, дававшие обильный материал для пропаганды экстремистов, вело к повышению уровня политической напряженности в стране.

В определенной степени ее смягчала эмиграция турецких граждан в зарубежные страны, которая развернулась после принятия Турции (с 1 января 1964 г.) в качестве ассоциированного члена ЕЭС - именно туда, в первую очередь в ФРГ, устремился основной поток турецких рабочих-мигрантов. Позже он распространился на другие страны и регионы Арабского Востока (страны СНГ и др.), но основная масса турецких мигрантов по-прежнему находит работу в государствах Западной Европы, где их численность в 1998 г. достигла 2,9 млн. чел., в том числе в ФРГ - 2,1 млн. Всего же за рубежом на конец 90-х годов находилось 3,4 млн. мигрантов из Турции¹⁵. Благодаря государственному регулированию выезда турецких граждан на работу за рубеж, стимулированию перевода их денежных сбережений в Турцию, экспорт рабочей силы в течение последних десятилетий не только играл роль социального амортизатора, но и стал крупным источником валютных поступлений. Общее поступление в Турцию валютных переводов многократно возросло, равное в 1968-1969 гг. 250 млн. долл., оно в 1998-1999 гг. составило около 10 млрд. долл.¹⁶

За истекшие десятилетия многие сотни тысяч турецких граждан (в основном мужчины молодого возраста) побывали за рубежом, часть из них, не порывая с родиной, остались там на постоянное место жительства, занявшись предпринимательством. Тесное соприкосновение с европейским укладом жизни, условиями труда и его оплатой, системой социальной защиты, профсоюзным движением не прошли бесследно, способствуя позитивным переменам как в судьбах отдельных людей, так и страны в целом. Благодаря валютным накоплениям мигрантов расширились финансовые возможности местных мелких и средних предприятий, широкое распространение как в городе, так и в деревне получили кооперативы: жилищные, кредитные, сбытовые.

В серьезную силу, с которой все больше вынуждены считаться не только работодатели, но и власти, превратились в последние десятилетия турецкие профсоюзы.

Их деятельность в защиту экономических прав трудящихся с каждым годом становится все более наступательной и результа-

тивной. Усиливается забастовочное движение - в 1996 г. в забастовках принимало участие 5,5 тыс., в 1997 г. - 7 тыс., в 1998 г. - 11,5 тыс. человек", во многих случаях им удавалось добиваться удовлетворения своих требований, в том числе - о повышении заработной платы. Под давлением профсоюзов еще в начале 90-х годов правительством было принято решение ежегодно пересматривать минимальную заработную плату, повышая ее с учетом инфляции. Со второй половины 90-х годов такой пересмотр стал производиться дважды в течение года (в его начале и середине).

Авторитетных лидеров профобъединений власти в последнее время все чаще привлекали к участию в разработке законопроектов, затрагивающих интересы широких слоев населения, таких, например, как приватизация, налоговая реформа, реформа социального страхования и пенсионного обеспечения и др.

Хотя полный перенос в Турцию социальных завоеваний западноевропейских стран в силу объективных причин в настоящее время невозможен, нацеленность на него получает отражение в турецких долгосрочных экономических программах, в концепции рыночных реформ, объявленных еще в начале 80-х годов. Впрочем, продвижение страны в этом направлении идет медленно. Реализация намеченных реформ до последнего времени ограничивалась преобразованиями в кредитно-банковской системе, созданием рынка ценных бумаг во главе с фондовой биржей в Стамбуле; наиболее радикальной либерализации была подвергнута сфера внешних экономических связей, что сделало турецкую экономику открытой и ускорило ее интеграцию в мировое хозяйство. Успехи турецких реформ в этой области были закреплены принятием ее в 90-е годы в ВТО и Таможенный Союз ЕС.

В то же время с большим запозданием, непоследовательно, с отступлением от уже принятых решений происходило преобразование сегментов внутреннего производства и рынка, непосредственно затрагивающих социальные сферы. По оценкам западных экспертов, в середине 90-х годов турецкая экономика по ряду показателей, таких как завышенные ставки подоходного, корпоративного налогов и НДС, высокий уровень инфляции и большие масштабы черного рынка, оставалась «преимущественно несвободной»¹⁸.

Трудности, связанные с созданием в Турции современной рыночной экономики, во многом обусловлены политической не-

стабильностью, засильем бюрократии, давлением традиционных представлений, что характерно для многих стран с переходными общественными системами. При проведении внутренней политики турецкие власти, кроме того, постоянно учитывали необходимость поддержания социального мира и политической устойчивости, используя для этого не только карательные средства и меры, но и популистские, патерналистские методы и инструменты.

Последовательное проведение рыночных реформ в Турции неизбежно ведет к отказу от проводившейся длительное время политики государственного патернализма - налоговому освобождению и дешевых кредитов для сельского хозяйства, приоритетных промышленных отраслей, низких отпускных цен на продукцию и услуги госсектора, так же как и других его функций, направленных, в частности, на смягчение проблемы занятости, на поддержку мелких и средних предприятий и т. д. Слишком быстрый отход от привычного для населения государственного дотирования и субсидирования представлял бы опасность нарушения существующего зыбкого социально-политического равновесия. По сходным причинам в Турции до сих пор фактически саботировались многие меры, заложенные в стабилизационные программы, которые принимались при заключении кредитных соглашений с МВФ и Всемирным банком, направленные на сокращение бюджетных дефицитов, общее оздоровление финансовой системы, снижения темпов инфляции. Последние в 80-е годы достигали в среднем 50% в год, а в 90-х - повысились до 80%, став одной из главных причин спада инвестиций в реальную экономику, низкого притока в страну прямых иностранных капиталовложений, не говоря уже о росте дороговизны.

Экономический кризис 1999 г., разившийся в Турции под воздействием финансовых кризисов в странах Юго-Восточной Азии и России и еще более обострившийся в результате разрушительного землетрясения в промышленно развитом и густонаселенном северо-западном регионе, поставил ее в тяжелейшее положение. В этих условиях турецкое руководство было вынуждено принять новую стабилизационную программу, поддержанную МВФ и Всемирным банком обещанием предоставить кредиты - на общую сумму в 6,5 млрд. долл. в период 2000-2002 гг. Но эти средства будут предоставляться по мере и в зависимости от выполнения обязательств, взятых на себя турецкой стороной и

содержащих комплекс мер, включая завершение приватизации и других структурных реформ, которые должны сделать турецкую экономику рыночной в полном смысле слова.

Надо сказать, что за последние годы большинство турецких граждан, в том числе многие политики, ученые-экономисты, не говоря уже о крупных бизнесменах¹⁹, адаптировалось к неизбежности и необходимости сведения к минимуму госсектора, существенного реформирования налоговой, банковской, пенсионной систем, пересмотра действующей системы закупок сельскохозяйственной продукции и других назревших преобразований. Свою роль в этом сыграли СМИ, в том числе за счет предоставления трибуны политическим лидерам, известным бизнесменам, руководителям торговых и промышленных палат и другим сторонникам (так же, как и противникам или сомневающимся) рыночных преобразований. Проводимые в настоящее время приватизация и другие реформы пользуются не только полной поддержкой деловой элиты, которая в последнее время весьма остро критиковала правительство за медлительность, подталкивая его к более решительному осуществлению принятых решений, но и средних предпринимательских слоев, уставших от негативных явлений, характерных для переходного состояния экономики.

Не менее сложно протекает в стране процесс демократизации, начавшейся после окончания второй мировой войны - также в значительной степени под западным влиянием. Одним из наиболее знаменательных событий второй половины 40-х годов стал отход от однопартийной политической системы, которая в Турции с начала республиканского периода была авторитарной, в пользу многопартийности и развития демократических институтов власти. Переход к политическому плюрализму сопровождался появлением большого числа общественных организаций и фондов, объединявших своих участников по профессиональным, этноконфессиональным, возрастным, культурным и иным признакам и интересам. Создание и деятельность многих из них инициировалось и пользовалось финансовой поддержкой из-за рубежа. В качестве примера можно привести созданную в 90-е годы организацию по защите окружающей среды, которая координирует свою деятельность с западными отделениями «Гринпис». Турецкие «Зеленые» в последние годы стали силой, способной влиять на решения властей, в том числе еще на стадии обсуж-

дения тех или иных проектов. В 1998 г. в результате организованного ими массового протеста было приостановлено, а позже отменено заключение контракта с известной франко-германской компанией "Nuclear Power International" о строительстве АЭС в Аккуйю (под Мерсином)²⁰. Влияние турецких защитников окружающей среды сказывается и на ужесточении позиций Турции в отношении режима черноморских проливов, в частности - режима прохода крупных нефтеналивных судов.

Однако турецкий путь к демократии и построению гражданского общества был и остается тернистым. И сегодня в Турции нередко задаются вопросом: «А возможна ли у нас демократия?» - столь велика общественная неоднородность и возникающие на этой почве конфликты и противоречия и столь еще часто далеки от демократических методов их разрешения.

Трижды за послевоенный период - в 1960, 1971, 1980 гг., - когда гражданская власть обнаруживала свою несостоятельность перед лицом экономического и политического кризисов, разгула терроризма и других нарушений общественного порядка, демократический процесс прерывался военными переворотами. Их инициаторы объясняли свои действия стремлением спасти страну от распада и хаоса. За переворотами следовало установление почти тоталитарных режимов, сопровождавшихся введением чрезвычайного положения и жестких репрессивных мер - производились массовые аресты общественных деятелей и журналистов, запрещалась деятельность политических партий и общественных организаций, из государственных учреждений, высших учебных заведений изгонялись неугодные лица, закрывались газеты и т. д. Но в отличие от ряда развивающихся стран, где в результате подобных переворотов к власти приходили высокие военные чины, диктатура которых длилась годами и сопровождалась сменой политического курса и экономической стратегии, в Турции периоды правления военных были непродолжительными. Наведя «порядок» и устранив опасности, угрожавшие движению страны «по пути, указанному Ататюрком», военные передавали власть гражданской администрации, продолжая и далее пристально следить, чтобы ее курс отвечал кемалистским принципам территориальной целостности, единства, светскости и вестернизации.

Военные перевороты, достигавшие общественного «санитария» (оздоровления) и экономической стабилизации ценой жес-

токих, а подчас и бесчеловечных методов, всякий раз вызывали резкое осуждение как в самой Турции, так и в западных странах за их несовместимость с общепринятыми нормами демократии.

В начале 1997 г. в результате деятельности коалиционного правительства с участием исламистов вновь сложилась ситуация, поставившая страну на грань военного переворота, однако на этот раз генералитету удалось придать своему вмешательству несколько более цивилизованную форму и заставить неугодное правительство уйти в «добровольную» отставку средствами политического давления.

Медленно изживаются в Турции антидемократические методы²¹ политических запретов и преследований, использование режима военного положения для жестоких полицейских расправ и армейских операций против тех, кто, как, например, курды, не согласны с политикой ассимиляции, фактически вытекающей из турецкой конституции. Подобные действия, квалифицируемые в цивилизованных странах как нарушение прав человека, постоянно служили основным аргументом при отклонении ЕС обращений Турции о принятии ее в полные члены этого объединения.

Серьезное беспокойство как в самой Турции, так и на Западе в последние десятилетия вызывает усиление влияния и политических позиций в стране исламистов. Два момента способствовали этому. Первый - внутренний - был обусловлен углублением процесса общественной поляризации и на этой почве - социальной напряженности. В 90-е годы Турция оказалась в числе пяти стран мира с наиболее несправедливым распределением дохода²² - результата сильной безработицы, инфляции, низкой оплаты труда. Второй - внешний - связан с массивной поддержкой, оказываемой турецким исламистам соседними странами с исламистскими режимами, которые, разбогатев после национализации своих нефтяных месторождений и повышения мировых цен на нефть, имеют фактически неограниченные возможности направлять средства для повсеместного возрождения институтов традиционного ислама.

Турция, ставшая в республиканский период светским государством, является объектом повышенного внимания исламистских режимов - в первую очередь суннитских Саудовской Аравии и Ливии, и в последнее время - шиитского Ирана, с территории которого направляется деятельность экстремистского

движения «Хезболлах». Целью исламистов является ликвидация светскости турецкого государства, девестернизация его модернизаторской политики, переориентация с западного на исламский мир. Надежды и планы по реализации этих целей связывались с турецкой Партией Благоденствия - Рефах. Финансируемая зарубежными и местными, часто посредническими исламистскими организациями и фондами, Рефах развернула в стране организационную и пропагандистскую деятельность. Используя популистские приемы - такие как, например, оказание материальной помощи нуждающимся, раздача бесплатных обедов жителям бедных кварталов и т. п. - она в первой половине 90-х годов стала открыто выступать с демагогическими лозунгами, обещая в случае прихода к власти установить в стране исламский «справедливый порядок». Это позволило ей добиться заметных успехов на местных и общенациональных выборах²², а в 1996 г. в коалиции с Партией Верного Пути она вошла в правительство, которое возглавил ее лидер Н. Эрбакан.

Во время своего пребывания у власти, длившегося около года, это правительство и лично Н. Эрбакан предприняли максимум возможного, чтобы направить в исламистское русло внутреннюю и внешнюю политику страны. Одним из «достижений» правительств Эрбакана стало создание в апреле 1997 г. исламской «восьмерки» - объединения ряда мусульманских стран, которое с самого начала было нежизнеспособным. Эта инициатива, так же как и многие другие факты, свидетельствовавшие о нарастании угрозы исламского фундаментализма в Турции, стала одной из причин исключения Турции из числа кандидатов на принятие в полные члены ЕС. Главы правительств стран ЕС на своем совещании в Люксембурге (12-13 ноября 1997 г.) пришли к заключению, что «Турция не в состоянии обеспечивать необходимые экономические и политические условия для начала переговоров о присоединении к ЕС»²⁴. Политические отношения Турции с ЕС были на два года заморожены и лишь на совещании в Хельсинки (11-12 1999 г.) эта «историческая ошибка» была исправлена и Турция вновь была включена в процесс расширения ЕС в прежнем статусе и на равных условиях с другими странами-кандидатами.

Хотя происламское правительство после вмешательства военных, как уже отмечалось, было отправлено в отставку, а сам

Эрбакан был на пять лет лишен права заниматься политической деятельностью, исламисты продолжают удерживать позиции в политической жизни Турции. Вместо запрещенной Рефах была создана новая исламская Партия Добродетели - «Фазилет». На словах она отказывалась от крайностей Рефах и объявляла в своей программе о намерении интегрироваться в действующую политическую - светскую и демократизирующуюся - систему. Однако, как показали последующие события, над намерениями части руководства Фазилет, лояльной по отношению к светской власти, возобладали радикально настроенные выходцы из Рефах, что в конце 2000 г. поставило Фазилет на грань запрета²⁵.

Турецкое руководство традиционно рассматривает ислам как проявление исторически сложившегося национально-конфессионального своеобразия страны, важной составной части турецкого менталитета, но это не предполагает выхода исламских партий и общественных организаций за рамки основных принципов действующей политической системы.

Тем не менее опасность исламизации Турции сохраняется, особенно учитывая ее близкое соседство со странами, от которых исходит данная угроза. Если волна радикального исламизма будет и далее нарастать, она может накрыть и Турцию. Эта опасность осознается турецким руководством, которое в рамках демократического процесса в настоящее время прилагает усилия для изоляции и нейтрализации активных исламистов, действующих в стране, оно также в последнее время предпринимает шаги для координации борьбы против исламского экстремизма с руководством центральноазиатских республик. Эта тема, в частности, обсуждалась во время визита президента Турции Ахмета Сезера в октябре 2000 г. в столицы ряда центральноазиатских государств.

Одновременно руководство Турции демонстрирует свою приверженность Западу, готовность выполнять союзнические обязательства, вытекающие из членства в НАТО, следовать рекомендациям МВФ, Всемирного банка по преодолению макроэкономических дисбалансов, продолжать рыночные и демократические преобразования с тем, чтобы в предстоящие десятилетия достичь соответствия критериям, необходимым для вступления в полные члены ЕС. Эти критерии, обязательные для всех стран, участвующих в процессе включения в ЕС, установленные еще в 1993 г. на совещании руководителей стран ЕС в Копенгагене,

включают: политические критерии, а именно - наличие институтов, гарантирующих верховенство права и демократии, соблюдение прав человека и национальных меньшинств; экономические критерии - наличие свободной рыночной экономики, способной выдерживать конкуренцию и другие силы свободного рынка ЕС; и, наконец, освоение законодательства ЕС таким образом, чтобы обрести способность брать на себя обязательства, соответствующие политическим, экономическим и монетарным задачам Союза²⁶. Чтобы отвечать «копенгагенским критериям», Турции необходимо гармонизировать свое законодательство с законодательными нормами ЕС по 31 позиции. При этом первоочередными требованиями ЕС в отношении Турции является внесение в турецкое законодательство изменений, защищающих права человека, в том числе гарантирующих предоставление их курдскому меньшинству, а также отмена смертной казни.

Таковы непростые условия заключительного этапа европеизации, в который Турция в настоящее время вступает, и которые в значительной степени будут в предстоящие годы определять ее развитие.

Резюмируя сказанное, в качестве итога можно отметить, что, следуя с самого начала республиканского периода модернизаторским курсом и имея на протяжении последнего полувека открытый доступ к зарубежным финансовым источникам, широко пользуясь технико-экономическим содействием индустриальных, преимущественно западных государств, Турция смогла добиться заметного прогресса в своем экономическом и социально-политическом развитии. Но этот прогресс относительно невелик - Турции пока не удалось по большинству показателей приблизиться к промышленно развитым странам, завершить промышленный переворот. Турецкая промышленность и сельское хозяйство, за исключением отдельных предприятий и производств, сохраняют черты технологической отсталости, характеризуются относительно невысокой производительностью труда. По-прежнему требуют решения многие социальные и региональные проблемы страны.

В предстоящие годы можно прогнозировать ускорение либеральной экономической и социально-политической трансформации, которую будут подталкивать обязательства, принятые на себя турецким руководством **перед** западными финансовыми структурами, а также в связи с подготовкой Турции к вступлению

в полные члены Европейского Союза. Однако выполнение этих обязательств потребует огромных усилий и консолидации как руководства страны, так и ее ведущих общественных сил.

Примечания

- 1 Milliyet, 25.04.1999.
- 2 Türkiye Tarımsal ve Ekonomik gelişmenin 50'Yil. Ankara, 1977, с 79; Türkiye İstatistik Yıllığı, 1998. Ankara, 1999, с 22-23.
- 3 С этим был связан отказ турецких властей от отчуждения и передела земельной собственности крупных владельцев при проведении в послевоенные десятилетия аграрных реформ - 97% всей земли, переданной или проданной на льготных условиях безземельным и малоземельным крестьянам, в ходе этих реформ было выделено из государственного земельного фонда. Отказ от передела земли и ее отчуждения был постоянным объектом критики аграрной политики Турции как турецкими левыми, так и советскими авторами.
- 4 Onur Oymen Türkiye'nin Gücü. İstanbul, 1998, с. 56-57.
- 5 Там же, с. 61.
- 6 Там же.
- 7 Finansal Forum, 16.06.1997.
- 8 Finansal Forum, 25.05.1997.
- 9 İktisadi Rapor 1980. Ankara, с 29; 1989, с. 20; 1991, с. 41; Power, ekim 2000.
- 10 Данные пятилетних планов развития Турции.
- 11 1999 Ekonomik Rapor. Ankara, 2000, с. 115.
- 12 Там же.
- 13 1999 Ekonomik Rapor, с. 115.
- 14 В августе 2000 г. средний прожиточный минимум в Турции составил, по данным профсоюзов, 464 млн. лир, тогда как заработная плата городских занятых равнялась в среднем 85 и менее млн. лир (Cumhuriyet, 01.09.2000).
- 15 Onur Oymen, ук. соч., с. 68.
- 16 Данные Делового банка Турции.
- 17 1999 Ekonomik Rapor, с. 119.
- 18 Turkish Probe, 22.12.1995, с. 8.
- 19 Приведем высказывание известного турецкого предпринимателя С. Сабанджи, в котором отражены взгляды, характерные для большей части турецкого бизнеса: «Турция уже не оторванная от мира страна, живущая лишь в своих собственных границах, но открыться миру не значит только покупать и продавать товары. Открыться миру означает объединение с другими странами, разделение с ними общих идейных ценностей. Турция не имеет шансов развития, если она не пожелает принять во внимание общепринятые представле-

ния, существующие в мире, такие как демократия, свобода, права человека, условия окружающей среды» (Intermedya Ekonomi, 02-08.04.1995, с. 16).

Hürriyet, 23.07.1998.

20
21 Подробнее об этом, а также о роли турецких профсоюзов в движении за демократизацию общественной жизни страны см. в кн. «Турция между Европой и Азией». М., 2001, с. 246-250.

22 См.: Ислам и политика. М., 2001, с. 3 83.

23 На общих выборах в 1991 г. исламская партия Рефах получила 4,1 млн. голосов, в 1995 г. - 6,0 млн., в результате ее представительство в турецком парламенте увеличилось с 62 до 158 (из 550 общего числа мест) (Istatistiklerle Türkiye 2000. Ankara, 2000, с. 133).

24 1999 Ekonomik Rapor, с. 135-136.

25 Обращение турецкой прокуратуры в Конституционный суд с требованием запретить Фазилет, которая продолжала использовать религию в политических целях, активно поддерживала лидера турецких исламистов Эрбакана, требуя отмены запрета на его участие в политической деятельности, поступило еще в марте 1999 г. После парламентских выборов, проведенных в апреле, генеральный прокурор страны Вурал Саваш вновь выдвинул это требование в связи с возбуждением уголовного дела против депутата нового парламента Мерве Кавакчи, которая в нарушение конституции пришла на его первое заседание в исламской одежде - хиджале. Конституционный суд принял тогда дело о запрете Фазилет к рассмотрению, но затем по просьбе защиты оно неоднократно откладывалось (Dilnya 14.07.2000).

26 1999 Ekonomik Rapor, с. 135-136.

КУРДСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В XX ВЕКЕ (особенности развития и современное состояние)

В 1998 г. отмечалось столетие курдской журналистики. В 1898 г. в эмиграции вышла первая курдская газета «Курдистан», на страницах которой развернулась пропаганда идей курдского национализма, основной целью которого была борьба за независимое и объединенное курдское государство. Так на ближневосточной арене заявил о себе курдский национализм как идеология и как политика.

Его юбилей дает повод напомнить об особенностях самого курдского вопроса, который значительно старше, ибо за ним стоит самая характерная традиция 2500-летней курдской истории -неукротимая борьба за свободу и независимость, против чужеземного ига. Однако организационное и идейно-политическое оформление курдское освободительное движение начало получать только в первые десятилетия XIX века. Национальным в то время его можно называть с большой натяжкой, поскольку курдское общество, веками жившее в условиях государственно-территориальной разделенности и отставшее главным образом по этой причине в своем социально-экономическом, политическом и культурном развитии, сильно запоздало в выработке единого политического идеала. Многочисленные восстания племен не выходили из рамок феодально-сепаратистских рамок, когда каждый харизматический вождь преследовал собственные эгоистические цели. Естественно, что врагам курдской свободы без особого труда удавалось по одиночке подавить эти выступления, которые, однако, заложили основу для перехода курдского движения на новую, более высокую ступень.

Произошло это в эпоху, названную в нашей историографии по почину В. И. Ленина «Пробуждением Азии», когда по всему Востоку на исходе XIX - и в начале XX вв. прокатилась волна антиколониальных по форме и демократических по содержанию народных движений, приблизивших кризис и последующий рас-

ния, существующие в мире, такие как демократия, свобода, права человека, условия окружающей среды» (Intermedya Ekonomi, 02-08.04.1995, с. 16).

²⁰ Hürriyet, 23.07.1998.

²¹ Подробнее об этом, а также о роли турецких профсоюзов в движении за демократизацию общественной жизни страны см. в кн. «Турция между Европой и Азией». М, 2001, с. 246-250.

²² См.: Ислам и политика. М, 2001, с. 383.

²³ На общих выборах в 1991 г. исламская партия Рефах получила 4,1 млн. голосов, в 1995 г. -6,0 млн., в результате ее представительство в турецком парламенте увеличилось с 62 до 158 (из 550 общего числа мест) (Istatistiklerle Türkiye 2000. Ankara, 2000, с. 133).

²⁴ 1999EkonomikRapor, с. 135-136.

²⁵ Обращение турецкой прокуратуры в Конституционный суд с требованием запретить Фазилет, которая продолжала использовать религию в политических целях, активно поддерживала лидера турецких исламистов Эрбакана, требуя отмены запрета на его участие в политической деятельности, поступило еще в марте 1999 г. После парламентских выборов, проведенных в апреле, генеральный прокурор страны Вурал Саваш вновь выдвинул это требование в связи с возбуждением уголовного дела против депутата нового парламента Мерве Кавакчи, которая в нарушение конституции пришла на его первое заседание в исламской одежде - хиджале. Конституционный суд принял тогда дело о запрете Фазилет к рассмотрению, но затем по просьбе защиты оно неоднократно откладывалось (Dilnya 14.07.2000).

¹⁶ 1999Ekonomik Rapor, с. 135-136.

КУРДСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В XX ВЕКЕ (особенности развития и современное состояние)

В 1998 г. отмечалось столетие курдской журналистики. В 1898 г. в эмиграции вышла первая курдская газета «Курдистан», на страницах которой развернулась пропаганда идей курдского национализма, основной целью которого была борьба за независимое и объединенное курдское государство. Так на ближневосточной арене заявил о себе курдский национализм как идеология и как политика.

Его юбилей дает повод напомнить об особенностях самого курдского вопроса, который значительно старше, ибо за ним стоит самая характерная традиция 2500-летней курдской истории -неукротимая борьба за свободу и независимость, против чужеземного ига. Однако организационное и идейно-политическое оформление курдское освободительное движение начало получать только в первые десятилетия XIX века. Национальным в то время его можно называть с большой натяжкой, поскольку курдское общество, веками жившее в условиях государственно-территориальной разделенности и отставшее главным образом по этой причине в своем социально-экономическом, политическом и культурном развитии, сильно запоздало в выработке единого политического идеала. Многочисленные восстания племен не выходили из рамок феодально-сепаратистских рамок, когда каждый харизматический вождь преследовал собственные эгоистические цели. Естественно, что врагам курдской свободы без особого труда удавалось по одиночке подавить эти выступления, которые, однако, заложили основу для перехода курдского движения на новую, более высокую ступень.

Произошло это в эпоху, названную в нашей историографии по почину В. И. Ленина «Пробуждением Азии», когда по всему Востоку на исходе XIX - и в начале XX вв. прокатилась волна антиколониальных по форме и демократических по содержанию народных движений, приблизивших кризис и последующий рас-

пад мировой колониальной системы. Этот процесс всемирно-исторического значения непосредственно затронул и Курдистан, разделенный в ту пору между Османской империей и Ираном.

Курдский национализм в его идеологическом и политическом аспектах за истекшее столетие проделал значительную эволюцию. В своем первоначальном виде он выглядел весьма незрелым и малоэффективным, отражая тогдашнее состояние курдского общества, находившегося в значительной мере еще в системе традиционных феодально-племенных и клерикальных представлений. Первые курдские националисты, идеологи и политики, вели свою работу в основном в эмиграции, среди узкого круга проживавших на Западе курдских интеллигентов, или в конспиративных кружках в столице Османской империи Стамбуле. Они были оторваны территориально и, можно сказать, духовно от самого Курдистана, где правила бал феодально-племенная верхушка, реально руководившая освободительными курдскими движениями. Их внешнеполитическая ориентация ограничивалась спорадическими связями с дипломатическими и военными представителями России на Ближнем Востоке, не давшими определенного результата. Только во время Первой мировой войны курдские вожди в Иране и Турции установили было тесные контакты с русским военным командованием, но по известным причинам они не были реализованы. Курдские эмигранты в Европе больше надеялись на помощь со стороны западных членов Антанты - Англии и Франции, однако результаты были прямо противоположны ожидаемым: эти державы воспользовались своей победой над Четверным союзом и последующим за ней крушением Османской империи, чтобы наложить новые цепи на значительную часть Курдистана. Таким образом, в период своего первоначального существования курдский национализм не сыграл заметной роли в движении за свободу Курдистана, разве что заложив его идейные основы.

Продиктованное Антантой мирное урегулирование имело судьбоносное значение для курдского народа, стало важным этапом в его новейшей истории. Возникли новые факторы, которые раздули тлеющий очаг курдского национализма:

1. Итоги войны были катастрофичны для курдского народа. Его страна была ареной военных действий с сопутствующими им умирениями, депортациями, голодом и тому подобными прямы-

ми и косвенными последствиями, которые повлекли за собой огромные людские и материальные потери. Это создало почву для дальнейшего роста протестных настроений у населения Курдистана, перед которым остро встала проблема выживания.

2. После войны резко ухудшилось геополитическое положение Курдистана. Те части Курдистана, которые находились в арабских владениях упраздненной Османской империи, попали под контроль Англии и Франции. В результате политическая раз-деленность курдского народа удвоилась: его основная часть проживала теперь уже в четырех смежных государствах: двух суверенных - в Турции и Иране, и двух подмандатных - в Ираке и Сирии. Это воздвигло новое серьезное препятствие на пути векового стремления курдов к политическому объединению. Возможность создания объединенного курдского государства отдалялось, с чем не могло примириться резко возросшее в эту переходную эпоху национальное самосознание курдского народа.

3. Державы Антанты выставляли себя во время войны и сразу после ее окончания «освободительницами» нетурецких народов Османской империи, в том числе, конечно, и курдов (знаменитые «14 пунктов» президента США Вильсона и другие декларации руководителей Антанты), и посулили последним автономию и даже, в перспективе, независимость (по Севрскому мирному договору с Турцией 1920 г.). Однако Севрский в 1923 г. был заменен Лозаннским договором, в котором о национальном самоопределении курдов (впрочем, как и других меньшинств бывшей Османской империи) не говорилось ни слова. Что касается иранских курдов, то им даже и такого рода обещаний не давали. Тем самым престиж западных «демократий» в курдских национальных кругах был серьезно подорван. Глубокое разочарование курдских националистов в возможности получить помощь с Запада побудило их сосредоточить собственные усилия на организации всенародной борьбы за свободу и независимость.

4. Революционные события в соседней России не могли не повлиять на Курдистан. Программа большевиков по национально-колониальному вопросу, сердцевину которой составляло право наций на самоопределение вплоть до полного отделения и разрушение всей колониальной системы империализма, воспринималась курдскими патриотами и как руководство к действию, и как знак готовности Советов оказать им морально-политическую

и практическую помощь. Внутренняя (в решении национального вопроса) и внешняя политика СССР прямо и косвенно способствовала радикализации курдского движения, однако Москва, кровно заинтересованная в нормальных, а еще лучше добрососедских отношениях с Турцией и Ираном, избегала любого вмешательства в конфликты правительств этих стран со своими курдами. Как бы там ни было после Первой мировой войны в курдском национальном движении возникло левоориентированное направление.

5. В странах, разделивших Курдистан, положение курдов в новейшее время объективно ухудшилось. Если в Османской империи и каджарском Иране курдов от произвола правительства частично защищала феодально-племенная верхушка, значительная часть которой фактически находилась на полунезависимом от центра положении, то после войны положение изменилось: к власти пришли буржуазно-националистические круги господствующих наций, которые проводили в национальном вопросе под видом централизации и борьбы с сепаратизмом окраин яро шовинистическую политику. В Ираке и Сирии к числу открытых противников освободительного движения местных курдов прибавились английские и французские империалисты, проводившие в этих отдаленных им по мандату Лиги Наций странах колонизаторскую политику (даже после того, как истек срок прямого управления ими), одной из характерных черт которой было разжигание конфликтов между арабским и курдским национализмом. Осуществлявшаяся правящими кругами Турции и Ирана, а в Ираке и Сирии - отчасти и мандатариями, модернизация в социально-экономической сфере скорее ухудшала положение курдского населения, ибо разрушала их традиционный уклад, мало что дав взамен, а реформы в области управления, культуры и образования носили по отношению к курдам дискриминационный и ассимиляторский уклон. Словом, изменения, происходившие в Курдистане в 20-30-е годы, дали новый и обильный горючий материал для подъема курдского национализма во всех его проявлениях.

Под прямым и косвенным воздействием упомянутых факторов молодой курдский национализм в период между двумя мировыми войнами заметно вырос, перешел на новую, более высокую ступень. В Курдистане и в диаспоре из отдельных групп и кружков патриотов и интеллектуалов выросли курдские политические

организации (главная из них - Хойбун), имевшие собственную структуру и разрабатывавшие планы борьбы за создание объединенного и независимого государства. Это были еще довольно незрелые образования, но из них впоследствии выросли влиятельные политические партии. В многочисленных курдских восстаниях, которыми по-прежнему руководили в основном традиционные вожди, курдские националисты не играли решающей роли, однако они внесли большой вклад в пропаганду идейно-политической платформы курдского сопротивления.

В эпоху Второй мировой войны курдский национализм сделал дальнейший шаг вперед. Освободительный характер войны, в которой демократия и социализм победили фашизм и милитаризм, оказал благотворное влияние на курдский национализм, способствуя его радикализации и полевению, на всё курдское освободительное движение вообще. Весомым стимулом и помощью для него, особенно в Восточном (Иранском) Курдистане, стали непосредственные контакты курдского населения и его руководителей (племенных вождей и лидеров возникавших в то время национальных организаций) с Советским Союзом во время пребывания Красной Армии в Северном Иране в 1941-1946 гг. В левоориентированном в целом национальном движении иранских и иракских курдов отчетливо проявились революционно-демократические тенденции, о чем говорит кратковременная деятельность в 1946 г. так называемой Мехабадской автономии в Иране и ее лидеров Казн Мохаммеда и Мустафы Барзани. Несмотря на ее поражение, она наметила перспективу для курдского национального движения на всю вторую половину XX века.

Принципиально новым явлением в курдском национализме после Второй мировой войны было изживание стихийности и его организационно-политическое оформление. В 1945 г. и в 1946 г. возникли националистические партии современного типа с почти одинаковыми названиями: Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК) в Иране и Демократическая партия Курдистана (ДПК) в Ираке. В 1965 г. в Турции появилась Демократическая партия Турецкого Курдистана (ДПТК), в 1957 г. в Сирии - Курдская демократическая партия. Вскоре во всех частях Курдистана (в особенности в Сирии) появились и другие партии, менее значительные. Многие из них не имели прочных корней в курдском обществе и обязаны были своему появлению на поли-

тической арене честолюбивым амбициям отдельных предводителей. Такие карликовые партии быстро сходили на нет, не оставив заметных следов в истории курдского национализма.

Однако процесс партийно-политического размежевания в курдском национальном движении продолжался. Он шел параллельно с эволюцией самого этого движения в соответствии с изменениями, происходившими на мировой и ближневосточной арене во второй половине XX века.

Крушение колониальной системы в Азии и Африке после Второй мировой войны послужило мощным стимулом для дальнейшей радикализации курдского национализма во всех его аспектах. Сила примера освободившихся от колониального гнета народов Востока глубоко воздействовала на общественное сознание курдов, оставшихся самым крупным этносом планеты (сейчас около 30 млн.), которому отказано в праве на самоопределение (за исключением значительной части иракских курдов, добывших свою автономию, фактически полунезависимость, в значительной мере благодаря наличию американо-английского воздушного «зонтика»). Закономерный рост протестных настроений в курдском обществе создал почву для созревания революционной ситуации во всех частях разделенного Курдистана, которая традиционно и специфически проявлялась в повсеместном росте повстанческого и партизанского движения. Указанная революционно-демократическая тенденция в курдском национализме приобрела устойчивый характер, стала преобладающей в его политической характеристике, наложила отпечаток на деятельность большинства старых и новообразованных курдских политических партий.

Вместе с тем повсеместный подъем освободительного движения в Курдистане поставил перед курдским национализмом такие проблемы, с которыми он не всегда мог совладать. Политическая жизнь в странах обитания курдов значительно усложнилась, обострились старые и возникли новые социальные и политические противоречия как внутреннего, так и внешнего порядка. Под воздействием этих объективных изменений курдский национализм перестал быть более или менее единым идейно-политическим течением; плюрализм далеко не всегда оказывался для него плодотворным.

Политический партикуляризм стал наиболее характерной

особенностью партийной структуры курдского национализма. Она отражала общее состояние курдского общества и в целом, и в его отдельных страновых подразделениях, т. е. в населенных по преимуществу курдами регионах разделенного Курдистана, а также в ближней и дальней диаспоре. Расслоение шло и по этнокультурному, и по религиозному, отчасти по лингвистическому, наконец, по идейно-политическому и социально-классовому признакам. Не исключается и влияние живучих еще у курдов традиций феодально-племенного строя и прочих пережиточных категорий.

В последней трети XX века заметно ускорился этот процесс партийно-политического размежевания современного курдского общества; приоритетным направлением стало формирование страновых курдских партий, стратегической целью которых была борьба за национальные права курдов фактически только в пределах данного государства. При этом все без исключения региональные курдские политические организации обязательно сохраняли в своих программных документах и пропагандистских материалах общекурдские мотивы с неизменными призывами к борьбе за объединенный и независимый Курдистан как к высшему национальному идеалу. Курдские националисты, где бы они не проживали, всегда оперировали как бы и «программой-минимум», и «программой-максимум», причем первая была предназначена для практического применения в данной конкретной стране, вторая же, воплощая идеологию курдизма, служила пропагандистской крышей. Таким образом, типичной особенностью курдского национализма было органическое сосуществование его партикулярной формы с глобальной.

В разное время разные части этнического Курдистана выходили на авансцену освободительной борьбы, служили основной ареной для усилий националистов добиться своих целей. Между двумя мировыми войнами то был Турецкий (Северо-Западный) Курдистан, во время и сразу после окончания Второй мировой войны - Иранский (Восточный) Курдистан, с 60-х годов прошедшего столетия - Иракский (Южный) Курдистан. Именно последний и стал в наше время подлинной колыбелью и очагом курдской независимости, откуда идут импульсы для всего курдского народа как на Ближнем Востоке, так и за его пределами.

Еще в эпоху сорокалетнего британского владычества (формального и фактического, с 1918 по 1958 гг.) в Ираке была подго-

товлена почва для последующего расцвета курдского национализма. То были боевые традиции антиосманских и антибританских восстаний племен во главе с харизматическими вождями (такими, например, как шейх Махмуд Барзанджи) и объективные последствия проводившейся англичанами некоторой капиталистической модернизации страны, создавшей условия для появления кадров гражданских и военных курдских националистов. Немалое значение имел и субъективный фактор: во главе политического и военного руководства освободительного движения иракских курдов уже с 40-х годов встал такой выдающийся лидер общекурдского масштаба, как Мустафа Барзани.

Демократической партии Курдистана, созданной и руководимой в течение 30 лет Мустафой Барзани, принадлежит главная заслуга в том, что в наше время Южный Курдистан вышел на авансцену общекурдской борьбы за свободу и независимость и достиг в этом деле впервые в курдской истории прочного и устойчивого успеха. В Ираке, в 1992 г. после многолетнего вооруженного восстания, начавшегося в сентябре 1961 г. под руководством ДПК, был создан уже без умершего Мустафы Барзани, как говорилось, фактически независимый курдский анклав, так называемый «Свободный Курдистан», находящийся под-военной защитой НАТО (практически США и Англии) и признанный, хотя и неофициально, ООН. Этой победы иракские курды добились в результате благоприятной международной обстановки, создавшейся после сокрушительного поражения саддамовского Ирака от руководимой американцами международной коалиции, прогнавшей войско багдадского диктатора из оккупированного им Кувейта.

Это историческое событие в новейшей истории Курдистана, положившее начало курдской государственности, можно назвать первым значимым триумфом курдского национализма на исходе XX века, который имеет общекурдский масштаб. Вместе с тем оно вскоре выявило и некоторые существенные и типичные для всех курдских националистов (в особенности для южнокурдских-танских) проблемы.

Первейшая и важнейшая из них - неопределенность в правовом отношении и ненадежность в перспективном плане внутреннего статуса и международного положения этого полугосударственного образования - «Свободного Курдистана». Формально

на него распространяется юрисдикция Багдада, ибо он занимает в основном территорию Курдского автономного района согласно договоренности между Мустафой Барзани и багдадскими властями, закрепленной декларацией от 11 марта 1970 г. и законом № 33 от того же числа 1974 г., который курды отвергли. Фактически же реальная власть в «Свободном Курдистане», занимающем более 2/3 всего курдского региона Ирака, принадлежит местным курдским национальным силам, пользующимся значительной военной, политической и экономической помощью Запада, преимущественно США и Англии. Стало быть, легитимность нынешнего курдского режима в Ираке с международно-правовой точки зрения при любом серьезном изменении внутри- и внешнеполитической конъюнктуры вокруг этой страны и вообще на ближневосточной и мировой арене (чего нельзя исключить) может быть оспорена. Это делает позиции курдских националистов в Ираке потенциально уязвимыми, ибо внешняя и внутренняя угроза самоопределению иракских курдов сохраняется, тем более что их значительная часть (населяющих богатый нефтью район Киркука и ряд других) остается под властью Багдада.

Другой типичной, особенно для националистов Южного Курдистана, проблемой было установление единства в их рядах. Характерный курдский партикуляризм, имеющий глубокие исторические корни, и в наше время продолжает негативно влиять на курдское национальное движение, органически проникнув в его военно-политическую структуру. До середины 60-х годов, в разгар барзанистского восстания, авторитет и лидерство ДПК во главе с Мустафой Барзани были неоспоримы. Затем в партии появились признаки раскола, которые преодолевались с трудом. В 1976 г. отколовшаяся часть ДПК (которую ныне возглавляет сын Мустафы Барзани Масуд Барзани) создала «Патриотический союз Курдистана» (ПСК), во главе которого встал Джалал Талабани.

Обе эти партии, имеющие примерно равное число сторонников и, соответственно, политическое влияние, принципиально не отличаются ни по своим программным установкам, ни по стратегической линии. Это - типичные национал-патриотические партии с левodemократическим уклоном, взявшие курс на самую широкую автономию Южного Курдистана в составе Ирака, которого следовало преобразовать на федеративных (а для курдского региона фактически на конфедеративных) началах. Они имели в регионе

свои вооруженные силы, полицию, органы власти и управления. Видимые разногласия между ними практически касались главным образом тактических вопросов, а в сущности сводились к проблеме лидерства в движении и к функции власти в подчиненных им районах Иракского Курдистана (ДПК на севере и в центре, ПСК на юге). Таковы были особенности политической культуры современного курдского общества, так и не избавившегося от пережитков племенного (по происхождению) партикуляризма.

В то же время эти раздоры не носят необратимого характера, хотя и приводили иногда к кровопролитию, как это случилось в 1994 г. и позже. Обе партии показали свою способность к достижению взаимопонимания и к совместному вкладу в строительство в Ираке реальной курдской автономии, а также к плодотворному сотрудничеству с другими курдскими патриотическими партиями, играющими второстепенные роли в политической жизни курдского региона. Это внушает оптимизм в отношении жизнеспособности «Свободного Курдистана».

В другой арабской стране - Сирии становление и развитие курдского национализма происходило примерно по той же схеме, что и в Ираке, но позже и специфично в соответствии с особенностями ее новейшей истории. Здесь курдский вопрос никогда не стоял так остро, как в Турции, Ираке и Иране, ибо курды были только маргинальным этносом страны, населявшим ее северную и восточную периферию, и не претендовали на территориальную автономию. Требования курдского национализма не шли дальше ликвидации в Сирии системы этнического неравенства и шовинизма, законодательного признания национальной идентичности сирийских курдов, отмены всех дискриминационных и репрессивных мер, направленных против них. Наряду с этим в идейно-пропагандистский багаж курдских националистов Сирии входили и все главные общекурдские политические лозунги, в особенности относящиеся к борьбе их иракских собратьев. Кстати, именно в Сирии (и Ливане) еще во времена французского мандата были сформулированы основные доктрины курдского национализма.

Организационно-политическая структура национального движения в курдском регионе Сирии (в так называемом Сирийском или Юго-Западном Курдистане) в общем повторяет ту, которая характерна для других частей Курдистана, особенно

Иракского. В Сирии в 60-80-х годах прошлого века вырос целый букет курдских политических партий, мало чем отличавшихся друг от друга; некоторые из них были чисто кланового происхождения, обязаны своим появлением на свет амбициям отдельных функционеров и оказались эфемерными образованиями, обреченными на скорое исчезновение или слияние друг с другом. Этот чрезмерный плюрализм курдской политической жизни в Сирии был показателем не ее силы, а слабости и незрелости, которые, однако, делаются попытки преодолеть.

Уже в 1986 г. в Сирии сформировалось ядро наиболее влиятельных курдских партий, объединившихся в «Курдский демократический союз в Сирии» (КДСС). В него входили две наиболее влиятельные партии «Курдская демократическая партия в Сирии - Аль-Парти» (сирийский вариант иракской ДПК), «Курдская партия народного союза в Сирии» (КПНСС во главе с Сала-хом Бадреддином), а также «Курдская левая партия». В начале 90-х годов КДСС расширил свой состав, включив в него третью по значению партию «Курдскую демократическую прогрессивную партию в Сирии» (КДППС во главе с Хамидом Дарвешом), а также «Курдскую демократическую партию Сирии» (КДПС во главе с Шейхом Баки). Сейчас Курдская левая партия, КДППС и «Аль-Парти» объединяются в Курдский демократический фронт Сирии.

Несмотря на некоторую консолидацию в последнее десятилетие курдских национально-патриотических сил в Сирии, они так и не стали серьезным фактором, способным продвинуть решение курдского вопроса в стране. Бесконечные разъединения и объединения курдских националистов в Сирии отвлекают их от настоящего дела, не дают им собрать силы для действенного нажима на репрессивный баасистский режим. Дамаск продолжает держать «своих» курдов под контролем, ни в чем существенном не уступая требованиям курдских партий и организаций. Давление курдских националистов на баасистский режим в Сирии недостаточно и не эффективно, поскольку оно не опирается на массовую поддержку. Курдское движение в Сирии представлено в основном пропагандистскими действиями местных националистов, навешанными не столько процессами, происходящими в курдских районах страны, сколько в соседних Турции и Ираке. Многие сирийские курды считают, что именно там решается их судьба.

В известной мере так оно и было. Если в Иракском Курдистане ковалась курдская государственность, то в Турецком (Северо-Западном) Курдистане борьба за нее в 80-90-е годы приняла наиболее острые формы (хотя она и не принесла еще ощутимых результатов), а курдский национализм предстал в самых радикальных образцах. Это вполне объяснимо. Именно в Турции с момента образования в 1923 г. Турецкой Республики, согласно официальной доктрине кемализма, целиком действующей до сих пор и воплощенной во всех конституциях и в политике всех правительств государства, курдам, которые компактно проживают на более 1/4 ее территории и составляют более 1/5 ее населения (свыше 15 млн.), целиком отказано в этнической идентичности, в праве на любое проявление своей национальной жизни вплоть до публичного употребления родного языка, особенно в СМИ, Потопив в крови народное сопротивление, вылившееся в курдские восстания 20-30-х годов, правящие круги Турции надолго установили в Юго-Восточной Анатолии, регионе основного обитания курдов, тоталитарно-террористический режим, исключавший возможность какого-либо проявления политического протеста. Только с 60-х годов прошедшего столетия, когда Турция вступила в двадцатилетнюю полосу затяжного политического кризиса с тремя государственными переворотами, созрели условия для возрождения курдского национализма в стране. Курдский вопрос выходил на авансцену политической жизни страны.

В середине 60-х годов, наряду с упомянутой ДПТК, в Турции возникли и некоторые другие курдские партии и общества, в том числе Социалистическая партия Турецкого Курдистана (СПТК); ДПТК была тогда наиболее влиятельной и напоминала по своим программным и тактическим установкам ДПК Ирака, Ирана и Сирии («Аль-Парти»). Однако ДПТК, СПТК и другие появившиеся в то время курдские организации были малочисленны, состояли в основном из левоориентированной интеллигенции и молодежи, работали в глубоком подполье и были слабо связаны с народными массами. Их влияние на курдское движение в общем было невелико.

На рубеже 70-80-х годов напряженность в Турецком Курдистане нарастала и вместе с ней быстро росла активность функционеров курдских политических партий и организаций. За ними пошла значительная часть курдского населения страны, возму-

щенного категорическим отказом властей покончить с политикой его дискриминации. Яро антикурдский курс по-прежнему открыто демонстрировали армейские и другие силовые структуры, за которыми всегда было решающее слово в управлении страной. Шовинистическим духом была проникнута практически продиктованная ими последняя турецкая конституция 1982 г. Рост протестных настроений в Турецком Курдистане создавал атмосферу, благоприятную для начала вооруженной борьбы. Напряженная ситуация в других частях Курдистана создавала дополнительные стимулы для турецких курдов.

Призывы к оружию были написаны на знамени Партии рабочих Курдистана¹, основанной в 1978 г. Абдуллой Оджаланом, обладавшим несомненным организационным талантом. Это была левоэкстремистская партия, официально исповедовавшая марксизм-ленинизм, но фактически в его сугубо маоистско-кастровском толковании и исполнении. Марксистско-ленинская фразеология апочистов прикрывала их специфическую ультрареволюционность националистического направления, с присущей ей авантюризмом и неразборчивостью в средствах для достижения своих максималистских целей. Широко применялись заговорщическая тактика и индивидуальный террор. Особое внимание уделялось таким пропагандистским приемам, как создание харизматического ореола вокруг Оджалана и аскетический образ жизни членов и сторонников партии.

ПКК умело использовала накопившийся в курдском обществе Турции огромный потенциал ненависти, направленный против шовинистического и репрессивного режима Анкары, и развязала с августа 1984 г. повстанческое движение на юго-востоке страны. Партии удалось привлечь на свою сторону многочисленных активных сторонников, особенно среди безработной городской молодежи и маргинальных слоев, которые и составили основную боевую силу повстанческих отрядов. Кроме того, ПКК пользовалась моральной и материальной поддержкой большого количества сочувствующих не только в самой Турции, но также в Сирии и среди гастарбайтеров и других эмигрантов на Западе. Сторон-

¹ Общеупотребительная курдская аббревиатура - ПКК. В литературе эту партию чаще называют Рабочая партия Курдистана (РПК). Сторонников партии называют апочистами по кличке Оджалана «Апо» - дядя, дядюшка.

ники Оджалана видели в нем и в его приверженцах беззаветных борцов за будущую свободу, символизирующих всенародное сопротивление угнетению.

Апочисты сделали немало, чтобы заработать такую репутацию и поставить себя, так сказать, на пьедестал. Организованная ими повстанческая борьба в Юго-Восточной Анатолии вызвала широкие отклики в курдском мире, а также в сочувствующих курдам либерально-демократических кругах, во всевозможных правозащитных и гуманитарных организациях, критически относящихся к политике турецкого правительства в национальном вопросе. Но, пожалуй, привлечение внимания мировой общественности к нетерпимому в современную эпоху положению курдов в Турции и к курдской проблеме вообще было главным, если не единственным, вкладом ПКК в курдское освободительное движение. Других реальных и позитивных достижений за этой партией не числится.

Избранная ПКК тактика вооруженных налетов на военные и полицейские объекты, подпольный террор, развернутый апочистами против отдельных представителей турецкой администрации и их курдских прислужников (так называемых «сельских стражей»), имели только демонстрационный эффект; такими акциями было невозможно ни установить контроль над Турецким Курдистаном или отдельными его районами, ни запугать правящие круги в центре и на местах и заставить их пойти на существенные уступки курдам. Напротив, они только способствовали ужесточению ответного военно-полицейского террора правительства в курдском регионе Турции и росту антикурдских настроений в турецком обществе.

В конце концов ультралевый радикализм апочистского крыла курдских националистов показал свою несостоятельность и в военном, и в политическом отношении. Он не мог противостоять во много раз превосходящей его в силе турецкой военно-карательной машине и был не в состоянии заручиться активной поддержкой большинства курдского населения страны. Авантюристическая тактика ПКК, попытка ее распространить «курдскую революцию» на другие части Курдистана, в первую очередь Иракского, и гегемонистские притязания апочистов в курдском движении отвратили от этой партии другие отряды курдских националистов в самой Турции и в соседних странах и стали причиной углуб-

ления раскола в их рядах, причинив таким образом большой вред общекурдскому делу. Арест Оджалана в феврале 1999 г. и его изоляция послужила причиной глубокого кризиса и последующего резкого падения популярности и влияния ПКК, показавшей свою внутреннюю структурную слабость и идейно-политическую несостоятельность.

Развитие (фактически возрождение) курдского национализма в Иране после долгого периода вынужденного затишья (конец 40-х - начало 60-х годов) происходило в экстремальных условиях внутреннего и внешнего характера: «белая революция», т. е. энергичные попытки модернизации социально-экономической структуры страны, проводившиеся деспотическим шахским режимом, исламская революция (фактически контрреволюция) имама Хомейни, являющаяся патологической реакцией на них, ирано-иракская война 1980-1988 гг. и последующие события. Курды не остались безучастными и активно выступили в защиту своих прав.

На руководство борьбой иранских курдов против захватившей власть в Иране клерикальной реакции, установившей тоталитарный режим исламо-шиитской диктатуры, напрочь отрицавшей существование в стране национального вопроса, претендовали три политические силы. Главная партия национально-патриотического движения в Восточном Курдистане, вновь воспрянувшая ДПИК, прокоммунистическая экстремистская Комала («Революционная организация трудящихся Курдистана») и оппозиционные режиму суннитские организации (шейха Изеддина Хосейни, шейха Ахмада Мофтизаде и др.; подавляющее большинство иранских курдов - сунниты).

Ни коммунисты, ни исламисты не составляли серьезной конкуренции ДПИК. Всех их объединял если не целиком, то в значительной мере стратегический, можно сказать, только один лозунг: «Демократия - Ирану, автономия - Курдистану». Подлинный автор этого лозунга - ДПИК, в нем - суть ее программы. Сама партия после хомейнистской революции быстро эволюционировала от бывлой просоветской и прокоммунистической ориентации к социал-демократизму и стала в 1996 г. членом Социалистического Интернационала, тем самым значительно повысив свой авторитет на международной арене, особенно в Западной Европе.

Именно ДПИК и составила наибольшую угрозу позициям

тегеранских муллократов в курдском регионе Ирана. После подавления партизанских выступлений в Иранском Курдистане на рубеже 1970-1980-х годов и окончания ирано-иракской войны против этой партии был направлен основной огонь правительственных репрессий и террора. В 1989 г. агентами тегеранской охранки был убит генеральный секретарь ДПИК Абдуррахман Касемлу, а тремя годами позже - его преемник Садик Шарафкинди.

Наряду с террористическими, иранские власти применяли и тонкие, косвенные методы борьбы с поднимающимся курдским национализмом. Допускаются некоторые послабления в области образования, культуры и СМИ. В отличие от Турции, в Иране не преследуется курдский язык, как и в шахские времена, делается упор на этническое и лингвистическое родство курдов с персами и другими ираноязычными народами страны. Главный же упор делается на исламский фактор. Тегеран готов был мириться с суннитской ересью, лишь бы укрепить клерикальный фронт в Курдистане. С этой целью происламские организации иранских курдов объединились в Исламскую Курдистанскую партию. Усиленная пропаганда политического исламизма идет среди курдов Ирака и Турции. Исламизм противопоставляется курдскому национализму - такова тактика Тегерана в курдском вопросе как в самом Иране, так и в сопредельных странах.

Итак, курдский национализм входит в XXI век в состоянии повсеместного разброда и шатаний. Правда, пробивает себе путь (в Ираке, например) понимание необходимости объединения разрозненных сил национального сопротивления, выделяются наиболее влиятельные и перспективные партии (в Иране - ДПИК), однако далеко еще не изжиты взаимное недоверие и подозрительность даже между самыми прогрессивными и влиятельными фракциями современного курдского национализма. В его недрах продолжают свою работу на крайне левых и правых флангах явно деструктивные силы типа ПКК и инспирируемых аятоллами исламистов. Установление стабильного единства в курдском национальном движении остается пока недостижимым идеалом.

Таким образом, курдский национализм как идеология и, особенно, как политика на текущий момент не может считаться единым и интегративным понятием, как это могло показаться в 20-40-е годы. Главная причина этого - последствия многовековой государственно-территориальной разделенности этнического

ареала постоянного обитания курдского народа - Курдистана, создавшей труднопреодолимые препятствия на пути формирования цельного курдского общества, социума. Более перспективна консолидация, в первую очередь в политическом аспекте, страновых курдских национализмов (в Ираке, Иране и т. д.), которые становятся главной движущей силой курдского национального движения в этих странах. Но и здесь консолидационный процесс далеко еще не завершен (например, в Турции). Что касается идеологического аспекта формирования интегрального курдского национализма, то он, как всегда, популярен в самом общем и неконкретном виде: борьба за независимый и объединенный Курдистан, но практически нереализуем, ибо в современной международной обстановке не имеет никаких шансов на политическое воплощение. На ближайшее обозримое будущее можно прогнозировать реальное существование и развитие именно странового курдского национализма как важнейшего геополитического фактора в Западной Азии.

Примечания

- ¹ Гасратян М. А. Курдская проблема в Турции (1986-1995). М., 2001.
- ² Гасратян М. А. Курды Турции в новейшее время. Ереван, 1990.
- ³ Жигалина О. И. Национальное движение курдов в Иране (1918-1947 гг.). М., 1988.
- ⁴ История Курдистана. М., 1999.
- ⁵ Курдистан-98. Азия и Африка сегодня. 1998, № 2.
- ⁶ Курдистан: на перекрестках истории и политики. М, 1994.
- ⁷ Курдское движение в новое и новейшее время. М, 1987.
- ⁸ Мгои Ш. Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М., 1991.
- ⁹ Современный Курдистан. Проблемы национального движения. М., 1995.
- ¹⁰ Южный Курдистан сегодня. Уроки кризиса. М., 1997.

С. Б. Дружиловский

**ИСЛАМСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ КАК
АЛЬТЕРНАТИВА ВЕСТЕРНИЗАЦИИ
ВОСТОЧНОГО ОБЩЕСТВА
(вопросы теории и практики)**

В последние годы усилилась полемика между учеными обществоведами о возможностях **и пределах многополярного и** многовариантного пути развития человеческого общества в наступившем столетии. Все больше голосов раздается в пользу в пользу западных стандартов развития общества, так как в современных условиях преимущества западной экономики, демократических институтов и образа жизни проявили себя в сравнении с другими типами общественного устройства. Поэтому тем незападным странам, которые хотят избавиться от экономической и социальной отсталости, необходимо предпринять всесторонние усилия для унификации своих социальных, экономических и политических структур в соответствии с западными стандартами и взять курс на интеграцию с западным миром.

При этом как-то в стороне остается вопрос о том, готов ли сам западный мир к такой интеграции, **стремится** ли благополучный «золотой миллиард» пополнить свои ряды за счет исламской, индуистской, китайской и других восточных цивилизаций. От ответа на этот вопрос во многом зависит возможность будущей конвергенции Востока и Запада.

В данной статье на примере двух мусульманских стран, Ирана и Турции, которые в разные годы претендовали на особые отношения с Западом и проводили радикальные прозападные реформы, автор намерен показать, что на современном этапе Запад заинтересован отнюдь не в модернизации и ускорении социально-экономического развития других государств, и тем более не в слиянии с ними в единое целое. Политика Запада направлена на стандартизацию экономик и общественных институтов отсталых народов с целью создания оптимальной для него системы международного разделения труда и обеспечения эффективного

© С. Б. Дружиловский, 2001

контроля за **иностранными товарными** и валютными **рынками**. В тех же случаях, когда другие, в частности мусульманские, государства начинают претендовать на **равноправное** с Западом участие в мировых процессах, их быстро ставят на место.

Для того чтобы обосновать выше сказанное, необходимо развеять некоторые мифы, которые до настоящего времени бытуют в зарубежной и отечественной историографии. Так, сегодня есть все основания пересмотреть устоявшееся представление о том, что Запад и, в частности, США являлись естественными союзниками иранского шаха в период осуществления им реформ по модернизации иранской экономики и превращению Ирана в передовую индустриальную державу. Отсюда вытекает и иное представление о роли США в антишахской революции.

Беспристрастный анализ **ставших доступными после** свержения шаха свидетельств и документов позволяет со всем основанием утверждать, что на определенном этапе развития шахских **реформ, а именно с середины 70-х годов, Запад начал отходить от поддержки** шахских преобразований, а в последующем приступил **к поискам альтернативы** шахскому режиму. **Причина** этому крылась в попытке иранского монарха выйти из-под контроля западных монополий и использовать резко возросшие нефтяные доходы Ирана в качестве средства превращения этой страны в независимый субъект мировой политики. Свое видение будущего Ирана шах **изложил в написанной им книге «К великой цивилизации»**, а суть нового курса прояснил в интервью египетскому журналисту Мохаммеду Хейкалу в начале 1976 г., в котором, в частности, заявил: «Я хочу, чтобы уровень жизни в Иране через десять лет достиг уровня сегодняшней Европы. Через двадцать лет мы будем впереди Америки»¹.

После этого у шаха начались трения в отношениях с его **западными союзниками**, и прежде **всего с главным из них - США. В последующем шах, уже покинув** страну и находясь в эмиграции, сам начал приходить **к пониманию** истинной сути политики **Запада** в отношении Ирана. В своей **последней книге «Мой ответ истории»** он, в частности, писал: «С какого-то времени я начал задумываться, а была ли когда-нибудь в политике Запада в отношении Ирана четкая направленность, за исключением успешных попыток по моему устранению?.. Западная поддержка моего правления всегда сопровождалась значительным контролем с его

стороны. Правда, масштаб этого контроля варьировался в зависимости от изменений, происходивших в Иране и на международной арене, и в период правления Моссадыка стремление Запада "подрезать мне крылья" отошло в сторону. Однако оно вновь проявило себя, когда я начал проводить самостоятельную политику. ...Теперь я уверен, что Запад организовывал против меня фронт каждый раз, когда моя политика расходилась с его интересами»².

Однако из последней книги шаха так и не становится ясным, понимал ли он истинную причину охлаждения Запада к его реформаторской политике. Видимо, нет, если судить по следующему его высказыванию: «Я никогда не понимал нежелания Британии и Америки признать Иран как полностью независимое государство... Частичный ответ, я думаю, состоит в отсутствии интереса Запада к иранской истории и в его несостоятельности понять разницу между собой и Ираном, как древним, так и современным»³.

А вот шахиня Фарах Пехлеви в еще дореволюционных мемуарах бесхитростно, но точно определила характер западно-иранских отношений и причины неприятия Западом амбициозных планов шаха по созданию общества «Великой цивилизации». В своей книге «Мои тысяча и один день» она писала: «Сегодня Иран отказывается быть слугой у той или иной державы. Но Запад не сдаст так просто своих позиций, он шепчет нам: "Мы все еще самые сильные. Если вы попытаетесь вырваться, помните, что мы следим за вами и мы можем причинить вам много вреда". И они могут, потому что у нас нет средств защитить себя от них. Ни наша пресса, ни наше телевидение не могут сравниться с их. Кроме того, есть возможность использовать против нас международный терроризм, который проявляет себя сегодня повсеместно»⁴.

Следует отметить, что две вышеупомянутые работы были опубликованы небольшими тиражами лишь в западных издательствах и никогда не выходили на персидском языке. То есть отпадает подозрение в том, что подобными заявлениями монарх и его супруга пытались объяснить со своим народом. Их прозрение было обращено к самому Западу и тем восточным странам, которые опрометчиво пытались подражать их прозападной политике.

То, что все более понятным становилось правящим кругам Ирана накануне и после победы антишахской революции, не хо-

тел признавать почти никто из западных исследователей. Большинство из них настаивали и продолжают настаивать на том, что поддержка Западом шахского Ирана оставалась неизменной вплоть до свержения иранского монарха, и что западные страны во главе с США не имеют никакого отношения к краху шахской модели развития. Что же касается последней книги иранского шаха, то она просто замалчивалась. Лишь в начале 90-х годов на Западе появились редкие публикации, в которых начали предприниматься попытки пересмотреть устоявшуюся трактовку иранских событий. Одной из таких публикаций явилась книга известного американского востоковеда-ираниста М. Зониса «Величественный неудачник. Падение шаха», опубликованная в 1991 г., в которой автор прямо ставит вопрос о желании США рассматривать Иран исключительно как зависимую страну с упором на право распоряжаться его природными ресурсами⁵. В книге М. Зониса показано, как американская администрация Картера начала навязывать шаху свое видение прав человека, пытаясь обеспечить в этой стране режим наибольшего благоприятствования иранским либералам, которые, как считалось, готовы будут в случае прихода к власти и далее безоговорочно следовать в фарватере американской политики. Автор пишет, что в июне 1977 г. американского посла Р. Хелмса, находившегося в близких отношениях с шахом и разделявшего его экономические и геополитические устремления, сменяет посол В. Салливан, который сразу же собирает в своем посольстве экономическую элиту Ирана и пытается внушить ей мысль отказаться от планов ускоренной модернизации иранской экономики. Пожалуй, впервые на страницах этой книги мы узнаем, что именно под давлением США шах расформировал правительство А. Ховеиды, претворявшее в жизнь программу модернизации, и поставил во главе нового кабинета Д. Амузгара, который немедленно взял курс на резкое ограничение инвестиций в развитие иранской промышленности и довел дело до дестабилизации финансовой системы страны⁶.

Однако ни М. Зонис, ни какой-либо другой автор не доходят до того уровня откровения, который характеризует те страницы последней книги иранского монарха, где он описывает предательскую, по его мнению, позицию, занятую официальными западными представителями в Иране в период антишахской революции. Вот что писал шах о последних месяцах своего общения с пред-

С. Б. Дружиловский

ставителями западных стран в Иране: «Американский посол В. Салливан, которого часто сопровождал посол Англии А. Пар-сонс, в последние месяцы революции посещал меня по несколько раз в неделю. Он всегда уверял меня в стопроцентной поддержке со стороны США, но каждый раз, когда я пытался уточнить, какова же позиция США в отношении иранских событий, всегда отвечал, что он не получает по этому поводу никаких инструкций... Теперь мне понятно, что своим молчанием американская администрация давала мне понять, чтобы я ушел»⁷. Касательно назначения последнего шахского премьер-министра Ш. Бахтиара, который всегда считался личным назначенцем самого шаха, последний писал: «Бахтиара я назначил премьер-министром под давлением Запада, который рекомендовал мне его как видного представителя Национального Фронта. Я же знал его как известного англофила и агента Бритиш Петролеум Компани, не имевшего под собой какой-либо социальной базы. Назначение Бахтиара состоялось после моей встречи с лордом Дж. Брауном, бывшим министром иностранных дел в правительстве Лейбористов. Он рекомендовал Бахтиара и умолял меня покинуть страну для отдыха на пару месяцев». Далее шах пишет, как накануне его отъезда, в декабре 1978 г., в Иран, даже не поставив его об этом в известность, прибыл командующий вооруженными силами США в Европе генерал Р. Хаузер, который в сопровождении посла В. Салливана посетил его лишь однажды и разговаривал только о сроках отъезда шаха из Ирана. В то же время, как утверждает шах, позже ему стало известно, что генерал «вел переговоры с вновь назначенным мной начальником генштаба генералом Кара-баги, которого я считаю предателем и с будущим премьер-министром хомейнистского правительства М. Базарганом». «Именно генерал Карабаги, - писал шах, - в последующем использовал свой авторитет, чтобы предотвратить какие-либо военные действия против Хомейни. Он один знает, почему он принял такое решение, и сколько за это было заплачено. Но примечательно, что хотя все мои генералы были казнены, генерал Карабаги был помилован»⁹.

Нет никаких оснований не доверять этим откровениям уходящего из жизни человека, тем более что он надеялся на реставрацию монархии в Иране и верил, что Запад окажет в этом поддержку его наследнику. Как известно, случилось иначе. Рухнули

не только надежды шахского окружения на реставрацию монархии, но и планы США, - воспользовавшись антишахской революцией, поставить у власти в Иране проамерикански настроенных представителей либеральной буржуазии, которые должны были восстановить вассальную зависимость Ирана от США. Новый исламский режим взял курс на полный суверенитет и независимость Ирана, заявив о готовности сотрудничать с любыми государствами только на принципах равенства и взаимной выгоды.

Что касается Турции, то это государство, как хорошо известно, вступило в особые отношения с Западом и прежде всего с США после окончания Второй мировой войны. Турция была единственной восточной страной, на которую США распространили действие доктрины Трумена и предоставили ощутимую финансовую помощь. Турция также является единственным азиатским государством, представленным в военно-политическом блоке Запада - НАТО, она же, как считается, имеет хорошие шансы на вступление в Европейский Союз, ассоциированным членом которого является с 1963 г. Демократические институты Турции в целом соответствуют западным стандартам. За последние десятилетия не было ни одного случая, чтобы турецкое руководство отказалось участвовать в какой-либо экономической или политической программе, осуществляемой западными странами. Может сложиться впечатление, что отношения Турции с Западом в целом развиваются вполне стабильно, западно-турецкий союз прочен и вопрос о полной интеграции Турции в европейские структуры практически решен. Не будет преувеличением сказать, что до последнего времени подобную точку зрения разделяло большинство отечественных и зарубежных туркологов. Однако в последние годы во внутривнутриполитической жизни турецкого государства и в его внешней политике стали происходить процессы, которые ставят под сомнение оптимистические прогнозы о скором присоединении Турции к Европейскому Союзу и полной интеграции ее в европейское сообщество.

Первый ощутимый удар по своим амбициям, связанным с намерениями оформить полноправное членство в Европейском Союзе, Турция получила в 1987 г., который с точки зрения достижений турецкой экономики стал, пожалуй, наиболее успешным за всю послевоенную историю Турции. «Мы готовы к вступлению в Европу», - заявил тогдашний премьер-министр Турции

Т. Озал и вслед за этим направил официальную просьбу турецкого правительства об ускорении присоединения Турции к ЕЭС в качестве полноправного его члена. Однако на это последовал решительный отказ со стороны этой организации. В последующем Турция неоднократно повторяла свои попытки присоединиться к Европейскому Союзу, но каждый раз получала неизменный отказ, который мотивировался отнюдь не экономическими или политическими требованиями, а все той же, что и в случае с шахским Ираном, необходимостью совершенствования демократических институтов и соблюдением прав человека. Понятно, что в этой области добиться совершенства еще не удавалось никому, даже самым развитым западным демократиям. Обращая на это внимание своих западных партнеров, президент Турецкой Республики С. Демирель как-то заявил, что «неограниченная свобода выражения мнений может привести к тому, что Турция станет неуправляемой», а один из высокопоставленных турецких генералов Ч. Бир вообще заявил о разочаровании турецкого народа претензиями, предъявляемыми ЕС к своему преданному союзнику Турции. «Сегодня, - сказал он, - обычные, далекие от политики люди спрашивают, а не лучше ли было бы, если бы Турция все последние сорок лет была членом коммунистического Варшавского пакта и угрожала европейской безопасности? Может быть, в этом случае можно было бы гораздо быстрее добиться вступления Турции в ЕС, который пытается сегодня, с одной стороны, не допустить Турцию в Европу, а с другой стороны, не обращает никакого внимания на турецкую озабоченность в области политики безопасности?»¹⁰

Затянувшийся процесс принятия Турции в ЕС можно объяснять разными причинами, но одна из них, несомненно, кроется в том, что западное сообщество просто не желает пополнять свои ряды за счет неевропейских государств, какие бы аргументы в пользу своей приверженности европейской модели развития они не приводили. В качестве доказательства этого можно привести результаты опроса, проведенного в странах ЕС и США по вопросу об отношении граждан этих стран к туркам как к потенциальным партнерам. В 1994 г. эти данные были опубликованы на страницах информированной ежедневной турецкой газеты «Тор-киш Дейли Ньюс», выходящей на английском языке. Опрос, проведенный в университетах США, в стране, которая, как писала

газета, является «нашим другом и союзником», свидетельствует, что турки возглавляют список иностранцев, к которым в Америке относятся негативно. Американцы находят турок более неприятными, чем, например, колумбийцев и нигерийцев. В Америке трудно найти другую этническую группу, о которой думают хуже, чем о турках.

Аналогичная ситуация в странах Европейского Союза, где в 1976 г., отвечая на вопрос, кого бы вы хотели видеть среди членов ЕЭС, европейцы на первое место поставили Швейцарию с 58% голосов, а на последнее - Турцию с 11% голосов. В 1988 г. уже 2/3 опрошенных высказались в пользу Швейцарии. Швеция, Норвегия, Финляндия и Австрия получили поддержку 55%. Турция вновь оказалась на последнем месте с 39% голосов. Опрос 1990 г. впервые включил в список кандидатов восточноевропейские государства и ряд стран Азии. И если к вступлению в объединенную Европу таких стран, как бывшая ГДР и Венгрия отношение было теплым, то такие, как Румыния и Болгария получили наименьшее количество голосов. Турция так же, как и в 1988 г., замыкала список стран-кандидатов. При этом если в 1988 г. она делила последнее место с СССР, то в 1990 г. - с Китаем".

Таким образом, на наш взгляд, есть все основания сомневаться в чистосердечности намерений Запада осуществлять процесс глобализации и интеграции с мусульманским миром, впрочем, как и со странами, представляющими другие цивилизации, на принципах равенства и взаимной выгоды. Поэтому не случайно, что народы Востока, в том числе двух рассматриваемых в этой статье государств, предпринимают определенные шаги на пути поиска альтернативы западному видению будущего человечества. Естественно, что в мусульманских странах в качестве такой альтернативы все чаще предлагается исламская модель или исламский путь развития.

До победы антишахской революции в Иране «исламская модель» развития имела чисто умозрительный характер. Причем абсолютное большинство западных исследователей полностью отвергало саму возможность каких-либо конструктивных решений на этом направлении. В самих же мусульманских странах идея исламского пути развития находила все больше приверженцев, которые не переставали доказывать, что в исламской доктрине есть все для экономического, социального и культурного

возрождения мусульманских народов. Лидер иранской революции аятолла Р. Хомейни был одним из таких убежденных проповедников возможности исламского пути развития. Еще задолго до революции в своей книге «Исламское правление» он порвал с традиционным подходом шиитских богословов к вопросу о власти и заявил, что высшее духовенство не только может, но и обязано возглавить экономическое, политическое и духовное возрождение правоверных народов. Хомейни считал, что у мусульманских стран есть все необходимые предпосылки для такого возрождения: исторические, культурные, геополитические, демографические, религиозные, экономические. В последующие двадцать с лишним лет существования Исламской Республики Иран (ИРИ) религиозно-политическое руководство этой страны сделало немало для наполнения понятия «исламская модель» развития практическим содержанием. Сегодня, признавая те достижения, которых достигла ИРИ в своем социально-экономическом и политическом развитии, можно попытаться выделить те новации, которые отличают современный Иран, именно как исламское государство, и проследить влияние этих новаций на все стороны его жизнедеятельности.

Важнейшим источником для такого исследования является Конституция ИРИ. Разработанная специальной конституционной ассамблеей и одобренная на всенародном референдуме 3-4 декабря 1979 г. иранская конституция представляет собой оригинальный документ, существенно отличающийся от других известных основных законов. В свое время, консультируя членов конституционной ассамблеи, аятолла Р. Хомейни настаивал на том, чтобы она была «на сто процентов исламской». В целом с этой задачей творцы новой иранской конституции справились.

Уже в преамбуле Конституции записано, что она создана «на основе исламских установлений», и что исламское правление в Иране будет основываться на принципе «веляте факих» (правление исламского богослова) со ссылкой на суру Корана, где сказано, что «дела вершатся улемами, точно выполняющими повеление бога о дозволенном и недозволенном».

Основополагающей статьёй Конституции является ст. 4, которая гласит, что «все гражданские, уголовные, финансовые, экономические, административные, культурные, военные, политические и другие законы и установления должны быть основаны

на исламских нормах». При этом подчеркивается что «эта статья приоритетна по отношению к другим статьям конституции, а также законам и установлениям, причем заключение по поводу соответствия исламским нормам выносится "факихами" (исламскими правоведами) Совета по охране конституции и исламских норм»¹².

Все последующие статьи Конституции изложены строго в соответствии с исламскими представлениями о законности и принципах функционирования государства и общества.

Таким образом, очевидно, что Конституция ИРИ не только декларирует основные принципы построения исламской республики, но и гарантирует неуклонность их выполнения.

Реализуя записанные в Конституции нововведения исламского типа, руководство ИРИ проделало громадную работу, давшую очевидные результаты. Был создан новый государственный аппарат, в котором главенствующее место занимают представители высшего шиитского духовенства. Коренным образом была изменена система судопроизводства, где духовенство сегодня играет решающую роль. Деятельность высшей законодательной власти в стране - меджлиса - стала контролироваться на предмет соответствия Конституции и исламским нормам Наблюдательным советом, центральное место в котором занимали шесть авторитетных исламских правоведов. Работа исполнительной власти перешла под пристальное внимание рахбара. В экономике Ирана был реализован целый ряд исламских принципов, которые придали ей существенное своеобразие, а в определенном смысле и уникальность. Здесь наряду с таким известным в исламском мире явлением, как беспроцентные банки существенную роль стали играть исламские фонды, сочетающие в себе как экономические, так и социальные функции, поскольку они одновременно являются и крупнейшими холдинговыми компаниями и источником благотворительности для многочисленных категорий «обездоленных», забота о которых объявлена приоритетным направлением в политике исламского государства. Уникальным представляется создание института созидательного джихада, в котором также чисто экономические задачи, связанные с быстрым подъемом иранских окраин и оживлением нерентабельных отраслей экономики, сочетаются с решением проблем трудоустройства неквалифицированных рабочих, сокращения безработицы, широкой мобилизацией

населения на реализацию экономических проектов, имеющих общегосударственное значение. При этом следует отметить особую роль исламского государства в развитии экономики, где ему принадлежат и им контролируются главные ее секторы и направления, а экономическое развитие имеет плановый характер.

Наиболее радикальными и глубокими в послереволюционный период были общественные преобразования в ИРИ, которые во многом предопределили специфику общественно-политического развития современного Ирана. Коренные нововведения были осуществлены в системе образования, культуре, досуге, бытовых и семейных отношениях. Изменилась сама социальная структура Ирана в результате демографического взрыва, в результате которого за 15 послереволюционных лет население страны практически удвоилось, достигнув к 1993 г. 60 млн. чел.¹³

Своеобразную исламскую специфику приобрела и внешняя политика ИРИ. Несмотря на определенные корректировки во внешнеполитическом курсе, иранское руководство неизменно придерживается нескольких главных направлений в своей международной политике, которые отражают ее исламский характер. Во-первых, как это зафиксировано в ст. 3 Конституции, приоритетный упор был сделан на «установление братского союза со всеми мусульманами». Во-вторых, это всемерное распространение идей исламской революции. В-третьих, это «бескорыстная поддержка борьбы угнетенных против угнетателей всего мира». Не все эти направления одинаково успешно реализуются во внешней политике ИРИ. Временами иранскому руководству приходится даже отказываться от каких-то внешнеполитических императивов или по-другому их интерпретировать. Так произошло в свое время с лозунгом «Ни Восток, ни Запад», который постепенно утратил свою остроту, или с таким направлением во внешней политике ИРИ, как «экспорт исламской революции», которое в последующем было интерпретировано как «экспорт идей исламской культурной революции». Однако в целом внешняя политика Ирана имеет ярко выраженную промусульманскую направленность, и Иран активно откликается на все инициативы, связанные с оживлением исламского фактора на международной арене.

Таким образом, можно констатировать, что за двадцать с лишним лет своего существования исламский режим в Иране сумел осуществить ряд неординарных общественно-политичес-

ких и экономических преобразований, которые дают основание говорить о проявлениях специфической исламской модели развития. При этом следует подчеркнуть, что это действующая и достаточно эффективная модель развития. В подтверждение этому служит тот факт, что многие цели, поставленные исламскими лидерами на заре антишахской революции, сегодня выполнены или успешно выполняются. Так, представляется, что Иран в целом достиг самодостаточности своей экономики, которая в значительной степени обеспечивает потребности населения страны, что выгодно отличает ее от экономики периода шахского правления. В качестве примера можно привести тот факт, что накануне исламской революции около 80% всего промышленного производства в стране осуществлялось на сборочных предприятиях, которые без иностранной помощи, сырья и технологий были не в состоянии производить свою продукцию. К концу 90-х годов основная масса производства в Иране стала работать на отечественном сырье, обслуживаться иранскими специалистами и наполнять внутренний рынок иранскими товарами, вытесняящими иностранную продукцию. В промышленности произошла демонополизация производства и оживление деятельности широких предпринимательских слоев. Постепенно повышается самообеспеченность Ирана сельскохозяйственной продукцией. В среднем ее прирост в послереволюционный период ежегодно составлял 5%.

Потребности населения в овощах, фруктах, бахчевых, пряностях, яйцах, молоке, сыре, курином мясе практически полностью обеспечиваются за счет внутреннего производства. Иранская экономика не обременена большими иностранными займами. Ее внешний долг не превышает 20 млрд. долл., что приблизительно соответствует объему валютных накоплений. Средние показатели ВВП в 90-х годах составляли в Иране 5-6% в год¹. Правительству удается постоянно сокращать долю нефтяных доходов в общей доходной части бюджета. В конце 90-х годов, по иранским данным, она составляет 57,2%. В эти же годы Ирану в основном удавалось сохранять положительный внешнеторговый баланс, что позволяло увеличивать валютные накопления страны и расплачиваться с зарубежными кредиторами.

В социально-политической области удалось добиться известной стабильности. За счет упора на исламскую солидарность и

С. Б. Друютовский

направления значительных средств на развитие национальных окраин удалось снять остроту национального вопроса, который еще в начале 80-х годов стоял настолько серьезно, что казался неразрешимым. Режим сумел обуздать политическую оппозицию, но при этом не делает ставку на полное искоренение инакомыслия в стране. На первых порах, борясь за право руководить послешахским Ираном, духовенство широко применяло методы подавления и дискредитации своих внутренних и внешних противников. Но даже в эти смутные и кровавые годы оно апеллировало ко всему иранскому народу, и особенно к той его многочисленной части, которая игнорировалась шахским режимом в период «Белой революции» и даже получила от духовенства специальное название - «мостазефин» (обездоленные). Исламский режим всячески инспирировал и поддерживал те мероприятия, которые приобретали всенародный характер, будь то массовые кампании по обличению США или Израиля, Запада или Востока, захват американского посольства, ирано-иракская война или массовое движение против публикации книги С. Рушди.

Постепенно такие общенародные мероприятия стали охватывать всю социальную сферу: кампания по переходу на ношение исламской формы одежды, борьба с проституцией, алкоголизмом и наркоманией, борьба с неграмотностью, развитие системы образования и здравоохранения. Только на первый взгляд может показаться, что эти меры носят исключительно популистский характер. На самом деле - это эффективный способ дойти до каждого и каждого вовлечь в процесс общественных преобразований, каждого убедить, что он ценный, равноправный и полезный член общества.

Исламскому руководству Ирана удается достаточно успешно контролировать молодежное движение. Осуществив реформу школьного, профессионального и высшего образования, исламское правительство изыскало средства для введения всеобщего бесплатного школьного обучения, расширило контингент обучающихся в вузах и открыло десятки новых университетов и профессиональных училищ в различных городах страны. Только за период с 1989 г. по 1996 г. количество студентов иранских университетов возросло с 447 тыс. до 1,3 млн. чел.¹⁸.

Наибольшие споры вызывает сегодня вопрос о положении женщин в Иране. Действительно, первые шаги иранского прави-

тельства в отношении иранских женщин расходились с западным представлением об их роли и месте в обществе. Так, например, иранское руководство ввело запреты на профессиональную и учебную деятельность иранок, запретив им работать судьями, геологами, археологами, занимать руководящие должности, заниматься спортом и пением. В 1982 г. в ИРИ был принят уголовный кодекс, согласно которому женщина могла быть приговорена к различным жестоким видам телесного наказания, включая побитие камнями. Это дало основание критикам исламского режима заявить о его средневековом менталитете и патологической жестокости. Однако, как известно, в последующем практически все ограничения на профессиональную деятельность женщин в Иране были сняты, а жестокость соответствующих законодательных положений редко проявлялась в повседневной судебной практике. Важным решением правительства стал запрет каких-либо проявлений самосуда над женщинами даже в случае нарушения ими исламских законов¹⁹.

Начиная с 90-х годов наблюдалось постоянное повышение внимания исламского правительства к роли и месту женщин в иранском обществе. Всячески поощрялось широкое их участие в таких сферах, как научные исследования, литература, искусство и даже спорт. Известно, например, что Иран стал организатором проведения II Олимпийских игр женщин мусульманских стран в декабре 1997 г.

Очевидно, что женский вопрос в Иране пока не исчерпал себя. Потребуется еще немало времени для приведения в соответствие возможностей и реального потенциала женского населения страны с тем местом, которое оно занимает ныне в иранском обществе. Однако нет сомнений в том, что исламское руководство будет решать этот вопрос, отталкиваясь от исламских представлений о роли и месте женщин в обществе.

Большие изменения претерпели культура и творчество в ИРИ. Главным итогом исламских преобразований в этой сфере явилось то, что в Иране подорвано доминирование западной массовой культуры, которая всячески культивировалась в этой стране в период шахского правления. Но при этом не образовался вакуум. Исламисты сумели возродить и раскрыть многие элементы национальной, прежде всего исламской культуры. Особое внимание придается популяризации поэтического наследия средневе-

кового Ирана. Поэтический дар в Иране сегодня ценится и поддерживается. Опубликовано поэтическое наследие аятоллы Р. Хомейни. Не скрывает своих поэтических наклонностей нынешний президент Ирана С. М. Хатами.

Иран переживает кинематографический бум. Сегодня в этой стране ежегодно выпускаются десятки полнометражных художественных и документальных фильмов, которые не только пользуются популярностью в самом Иране, но и неоднократно становились лауреатами самых престижных международных кинофестивалей.

Возрождаются национальная музыка и театр, литература и изобразительное искусство, различные виды национального спорта и конкурсы чтецов Корана. Можно сказать, что в целом это компенсирует запрет на публичное прослушивание западной эстрадной музыки, западные танцы, просмотр кинофильмов, пропагандирующих секс и насилие, ограничения в пользовании Интернет, хотя порой и выливается в требования отдельных представителей молодежи снять все запреты на культурные международные обмены. Учитывая призывы нынешнего президента ИРИ к мировому сообществу приступить к «диалогу цивилизаций», можно ожидать, что культурные обмены Ирана будут постоянно расширяться при доминировании собственно исламской культуры.

Что касается Турции, то здесь также имели место как попытки теоретического обоснования «исламской модели», так и ее практического применения. Представление о теоретических изысканиях турецких исламистов может дать программа происламской Партии Благоденствия (ПБ), принятая на первом съезде партии в июне 1985 г. В программе утверждается, что последние сто лет развития Турции были трагической ошибкой. За это время она не стала передовой державой, но приобрела такие пороки, как проституцию, наркоманию, алкоголизм, неизвестные ранее болезни, одновременно утратив любовь, доброту, правдивость, альтруизм, поэзию. Программа выступала за дальнейшую индустриализацию страны, но при понимании того, что развитие экономики должно осуществляться с учетом интересов всего турецкого населения, справедливо распределяясь по всем регионам страны. Программа нацеливала на построение индустриального общества, где будут доминировать чувства товарищества и взаимопомощи. В программе содержался призыв к свободе совести и

мысли, а также к разработке законов, которые «обеспечивали бы общественный порядок, не жертвуя правами и свободами». Особое значение придавалось заботе о семье как «основе нации», охране ее от «вредных материальных и моральных факторов», совместному воспитанию детей²⁰. Экономическая программа ПБ была изложена ее лидером Н. Эрбаканом в его книге «Справедливый экономический порядок», в которой действующая в стране экономическая система была охарактеризована как «рабский порядок», пораженный пятью вредоносными микробами: процентом, несправедливыми налогами, режимом обмена валюты, монетным двором и банковской системой. «Когда мы придем к власти, - писал Н. Эрбакан, - мы сразу начнем преобразования, которые избавят Турцию от этих микробов»²¹. Н. Эрбакан и другие турецкие исламисты объявили себя яркими противниками прозападного курса, выступив против членства Турции в ЕС. Свою страну они видят в семье исламских государств в качестве одного из ее лидеров.

Во второй половине 90-х годов турецкие исламисты получили ограниченную возможность на практике применить некоторые положения исламской модели развития. Речь идет о кратковременном периоде пребывания у власти в качестве премьер-министра лидера Партии Благоденствия Н. Эрбакана в июле 1996 г. - июне 1997 г. Это стало возможным после успеха ПБ на парламентских выборах 1995 г., по итогам которых она вышла на первое место, получив 21,4% голосов избирателей. Победа исламистов стала возможной на фоне экономического упадка в стране и нежелания Европейского Союза ускорить процесс принятия Турции в эту организацию в качестве полноправного члена. Турецкие исламисты предложили программу социально-экономического возрождения страны, опираясь на культурно-исторические традиции и духовные ценности ислама. Коалиционное правительство Н. Эрбакана продержалось у власти менее года и ушло в отставку под давлением турецкого генералитета.

Большинство турецких и зарубежных авторов считают, что этот год был периодом невиданных провалов, ошибок и некомпетентности со стороны пришедших к власти исламистов. При этом указывается на то, что при правительстве Н. Эрбакана произошло резкое ухудшение для Турции конъюнктуры на международных финансовых рынках, снижение международных рейтингов кре-

дитных и инвестиционных рисков. В этих условиях правительство вынуждено было проводить активную политику по привлечению внутренних займов, что привело к значительному увеличению внутреннего долга и усугубило проблему уже имевшейся большой внешней задолженности Турции. Турецкая пресса откровенно высмеивала те методы, которые предлагал Н. Эрбакан для улучшения тяжелого финансового положения страны. Так, новый премьер-министр предоставил право беспошлинного ввоза из-за рубежа подержанных автомобилей каждому турку, который депонирует в государственном банке 50 тыс. немецких марок под 10% годовых. Такой шаг, рассчитанный главным образом на работающих за границей турок, по замыслу премьера пополнил бы казну на 1,5 млрд. марок². Серьезную критику вызывали мероприятия правительства Н. Эрбакана по исламизации системы образования, в частности расширения сети школ имамов-хатибов, дающих учащимся диплом о среднем образовании, значительное увеличение количества различных исламских курсов и семинаров. Исламисты настояли на том, чтобы в государственных учреждениях, в частности в парламенте страны, служащие придерживались исламских норм в ношении формы одежды.

Неприятие вызывали внешнеполитические мероприятия и ориентиры Н. Эрбакана. Известно, что свой первый зарубежный визит он, в отличие от всех своих предшественников, спешивших посетить одну из влиятельных европейских стран или США, совершил в Исламскую Республику Иран. В то же время в качестве главного внешнеполитического приоритета Н. Эрбакан предложил противопоставить мусульманскую восьмерку в составе Турции, Ирана, Пакистана, Бангладеш, Малайзии, Индонезии, Египта и Нигерии существующей семерке развитых капиталистических государств²³.

Были заявлены и другие невыполнимые в нынешних условиях для Турции декларации.

В то же время если быть объективным, то следует признать, что обвинения Н. Эрбакана в доведении его правительством страны до серьезного экономического кризиса и тем более краха не подтверждаются известными фактами. Ему всего лишь не удалось в отведенный отрезок времени изменить негативную тенденцию, сложившуюся до его прихода к власти. Но даже при крайне неблагоприятных финансово-экономических условиях правитель-

ству Н. Эрбакана удалось удержать, а на некоторых направлениях и улучшить общие экономические показатели. Так, оно сумело несколько оживить программу приватизации, продав в 1996—1997 гг. небольшие государственные предприятия на сумму 900 млн. долл. Прирост ВВП составил на конец 1996 г. 7,9%. Причем в структуре ВВП произошло резкое сокращение темпов роста сельскохозяйственного производства с 14% в конце 1996 г. до 1,1% в середине 1997 г. При этом развитие промышленного сектора происходило в основном за счет предприятий, работающих на местном сырье. Этим, в частности, можно объяснить тот факт, что в первой половине 1997 г. объем импорта практически остался на уровне соответствующего периода прошлого года и составил по данным Ведомства внешней торговли Турции 21,3 млрд. долл. (в 1996 г. - 20,4 млрд. долл.). Что касается объема экспорта, то он также существенно не изменился и составил 11,8 млрд. долл. в январе-июне 1997 г. по сравнению с 10,8 млрд. долл. соответствующего периода 1996 г. Фактически стабилизация объемов экспорта и импорта предопределила, соответственно, и стабилизацию внешнеторгового дефицита: 9,6 млрд. долл. в январе - июне 1996 г. и 9,5 млрд. долл. в январе - июне 1997 г. Незначительный рост импортных платежей в немалой степени обусловил тот факт, что Турции в период пребывания у власти правительства Н. Эрбакана удалось не только стабилизировать резервы национальной валюты, но и обеспечить даже некоторый их рост. Так, по данным ЦБ Турции, в августе 1997 г. их размер составил 25 915 млн. долл. по сравнению с 25 008 млн. долл. в декабре 1996 г.²⁴

Таким образом, представляется, что решительные шаги для устранения от власти происламского правительства были предприняты турецким генералитетом не по причине «вопиющей некомпетентности» последнего, о чем писали многие турецкие газеты, а потому, что турецкие исламисты, даже оказавшись неспособными, используя свои методы, преодолеть спад в экономике, все-таки продолжали сохранять популярность на фоне дезорганизации и упадка в других партиях и все более громких скандалов, потрясавших светский политический истеблишмент Турции в этот период. С этим военные, являющиеся оплотом светского республиканского строя в Турции, мириться не пожелали и настояли на отставке неугодного им правительства.

С. Б. Дружиловский

Однако вскоре после запрета Партии Благоденствия и устранения с политической арены ее лидера Н. Эрбакана, исламисты сумели зарегистрировать новую Партию Добродетели и на парламентских выборах 1999 г. вновь заявили о себе, заняв общее третье место по итогам этих выборов.

Таким образом, можно констатировать, что исламская модель развития - это реальность, хотя и не получившая пока широкого распространения в качестве основы общественного и государственного устройства мусульманских стран. В то же время увлечение Западом идеями всемирной глобализации без учета особенностей развития и справедливых требований других, в частности исламских государств, может со временем спровоцировать серьезные антивестернизаторские процессы на Востоке и распространение опыта иранских и турецких исламистов на другие мусульманские страны.

Примечания

- ¹ Mohammed Heikal. Return of the Ayatollah: The Iranian Revolution from Mossadeq to Khomeini. London, 1981, p. 65.
- ² Mohammad Reza Pahlavi. Answer to History. New York, 1980, p. 22.
- ³ Ibid., p. 34.
- ⁴ Farah Shahbanou of Iran. My Thousand and one day An Autobiography. London. 1978, p. 106.
- ⁵ Marvin Zonis. Majestic Failure. The Fall of the Shah. Chicago, 1991, p. 167.
- ⁶ Ibid. p. 208.
- ⁷ Mohammed Reza Pahlavi... p. 161, 165.
- ⁸ **Ibid. p. 171.**
- ⁹ Ibid. p. 172-173.
- ¹⁰ International politic. January 1997, №1, p. 32.
- ¹¹ Turkish Daily News, 25.04.1994.
- ¹² Конституция Исламской Республики Иран (на русск. яз.). - В сб. «Весна свободы». М., 1994, с. 64, 65, **71**.
- ¹³ Третий взгляд 1993, № 20, с. 9.
- ¹⁴ Дружиловский С. Б. Социально-политическая история Ирана (конец 70-х - 80-е годы). М., 1989, с. 9.
- ¹⁵ Третий взгляд 1998, №53, с. 34.
- ¹⁶ Мамедова Н. М. Опыт социально-экономического развития Ирана в условиях исламского правления. - В сб. «Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее». М., 1999, с. 59.
- ¹⁷ Третий взгляд. 1998, № 53, с. 29.
- ¹⁸ Этгелаат, 3.03.1997.

- ¹⁹ **Iran Focus.** 1990, Vol. 3, №6, June, p. 3.
- ²⁰ Refah Party 1st Congress. 1985, June 30, p. 4, 6, 11.
- ²¹ Цит. по Уразова Е. И. К оценке роли исламских идей и капиталов в турецкой экономике. В сб.: «Ближний Восток и современность». 2000, М., вып. 9, с. 225.
- ²² Мировая экономика. 1997, № 83, с. 5.
- ²³ International Politic. 1998, N 1, p. 21.
- ²⁴ Статистические данные из «Информационного бюллетеня Государственного института статистики». Анкара, 1997.

**РАСКОЛОТОЕ ОБЩЕСТВО: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О ДЕМОКРАТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ
СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА
(80 - 90-е годы)**

На рубеже XIX - XX столетий широкомасштабная социально-политическая трансформация стран Ближнего и Среднего Востока, обусловленная европейской экспансией, вызвала к жизни такие реалии западных социальных систем, как многопартийность, парламентаризм, межпартийная политическая борьба. Одновременно в политический обиход начали проникать западные политические термины «свобода», «равенство», «демократия», «нация» и т. д.¹

Попытки некоторых политических лидеров - приверженцев вестернизаторской политики реформировать мусульманские общества изначально наталкивались на стену массового отчуждения, непонимания, неприятия. На пути реализации вестерниза-торских реформ стояли бастионы мусульманского права, мусульманских институтов, мифологизированного массового сознания, т. е. иных цивилизационных реалий. Поэтому для осуществления таких реформ некоторые их инициаторы были вынуждены прибегнуть к секуляризации социально-политических институтов, носивших, как и все другие элементы общественной жизни, религиозный характер.

Вместе с христианством в средневековой Европе постепенно укоренялись античные представления о демократии, личной свободе, входившие в обиход вместе с нормами римского права, чему немало способствовал дуализм светского и религиозного начал, их многовековая борьба, закончившаяся отделением религии от государства. Появление на Западе доктрины либеральной демократии и приоритета прав человека, элементы которой содержались в работах Никколо Макиавелли (1469 - 1527), Томаса Гоббса (1588 - 1679), Джона Локка (1632 - 1704) и др. европейских мыслителей, было связано с революционными движениями, гражданскими войнами, ожесточенной политической и идеоло-

© И. Л. Фадеева, 2001

гической борьбой различных социальных слоев и групп.

Идеи либеральной демократии проросли из опыта европейских стран, опыта борьбы и взаимодействия.

Что касается мусульманских обществ, где имели место попытки вестернизации, то эти общества не были готовы в силу цивилизационной инородности к использованию западных форм национального суверенитета, форм местного самоуправления, информационной открытости и др. элементов демократии. Однако постепенная социальная и политическая трансформация в ближневосточном регионе происходила в разных формах и различными темпами, как вынужденное, но необходимое условие существования в быстро меняющемся мире. Во всех этих странах вначале трансформацию в военной и политической сферах местные элиты связывали с освобождением от колониальной и полуколониальной зависимости, с преодолением комплекса отсталости.

Наиболее заметно трансформировалось турецкое общество под воздействием радикальных реформ кемалистов в политике, экономике, культуре. И тем не менее по мере развития в мусульманских обществах таких атрибутов демократии, как многопартийность, парламентаризм, свобода печати, других конституционных норм возник так называемый парадокс демократии: в мусульманских обществах, где прижилась западная избирательная система, демократия облегчила борьбу за власть фундаменталистским антизападным исламистским движениям, что имело место в Тунисе, Алжире, Пакистане и многих других странах. При всем том оказалось, что не все исламистские движения отказываются от понятия «демократия».

Политических лидеров мусульманских стран можно в этом отношении разделить на три категории: 1) те, кто воспринимает этот термин более или менее адекватно западному толкованию, хотя и с некоторыми модификациями; 2) те, кто считает его неприемлемым для мусульманского общества; 3) те, кто пытается дать этому термину собственное истолкование, отнюдь не адекватное западному, как это ни парадоксально.

Рассмотрим вышеперечисленные варианты. Не случайно представления первого типа наиболее характерны для политиков Турции, в отличие от других мусульманских стран, интегрированной в европейские межгосударственные организации, страны с достаточно устойчивыми демократическими институтами.

Премьер-министр и председатель Демократической левой партии Турции Бюлент Эджевит, один из политических долгожителей, не сомневается, что его страна - единственный пример в мусульманском регионе, где демократия выжила вопреки тому, что турецкое общество разделено глубокими противоречиями и конфликтами. Следовательно, полагает он, ислам и демократия совместимы. Б. Эджевит признает, что «существуют определенные культурные, законодательные, институциональные и структурные предпосылки для успешного становления и функционирования демократии. Они могут быть созданы в любом обществе, если на то есть политическая воля». Сознывая все же излишнюю оптимистичность такого суждения, оправдавшегося за более чем полувековой опыт успешного демократического развития пока что лишь в одной стране мусульманского мира, Б. Эджевит уточняет свое представление о путях и возможностях внедрения демократических норм в зависимости от национальной и культурной специфики каждой страны, что обуславливает отличие такой местной модели от европейской: «Конечно, - поясняет он, - темпы и сам процесс созидания предпосылок для демократии, варьируются в различных обществах. Становление демократии в одних обществах может оказаться более трудным, чем в других... Было бы также нереалистичным ожидать, что новые члены сообщества демократических государств будут в точности копировать демократические модели Запада. Национальные особенности, культурное наследие и специфические условия каждого общества неизбежно отразятся в его демократическом устройстве. Демократия не должна рассматриваться как готовая единая модель, подходящая для всех обществ. Демократия должна быть скроена в соответствии с характером каждого отдельного общества»². Б. Эджевит не дает собственного определения базовых демократических ценностей, вероятно, все же признавая уже существующие в международном обиходе, как это будет видно далее. Однако трудно себе представить его модели «демократии, скроенные в соответствии с характером каждого отдельного общества», поскольку есть общепризнанные критерии, по которым можно судить о том, насколько общество демократично.

Переходя от теории к конкретным реалиям политического бытия в странах Ближнего и Среднего Востока, турецкий политик признает, что, за исключением Турции и Израиля, в настоящее

время здесь не существует демократии и сильных демократических движений. Демократическая революция, охватившая в последние годы многие страны мира, пока обходит этот регион стороной. В то же время в этих странах социально-политическая ситуация различна. Ирак и Сирия, хотя и находятся в процессе модернизации, но управляются диктаторами, установившими деспотический режим. Египет - динамично развивающееся общество, однако его несомненные потенции к демократизации сдерживаются влиятельными в обществе фундаменталистскими силами. В Йемене также есть движения к обновлению и демократизации, но они еще очень слабы.

Ливан переживает подлинную трагедию: относительно модернизированное общество, в котором могла бы существовать демократия, расколото постоянными внутренними конфликтами между отдельными религиозными общинами, группами, кланами, активно разжигаемыми извне. В Иордании переход к более или менее устойчивой демократии блокируется также внутренними конфликтами с палестинцами, составляющими около половины населения, а сверх того свойственным всем странам региона ростом влияния исламистских организаций фундаменталистской ориентации.

Как полагает Б. Эджевит, важным фактором региональных изменений могло бы стать независимое палестинское государство. Однако многие арабские правящие режимы в большей степени, чем Израиль, противятся созданию независимого палестинского государства. Главную причину такой позиции Эджевит видит в том, что арабские лидеры опасаются (и эти опасения, по мнению Эджевита, вполне реальны), что палестинское государство будет «современным, демократическим и светским, а потому станет эффективным агентом модернизации, секуляризации и демократизации во всем регионе, и это подорвет не только анахроничные и деспотические режимы стран Персидского залива, но также подтолкнет к демократизации и более модернизированные режимы других государств Ближнего Востока»³.

Главным препятствием к модернизации и демократизации на Ближнем Востоке, по мнению Б. Эджевита, является группа анахроничных режимов в зоне Персидского залива во главе с Саудовской Аравией. Западные державы поддерживают эти консервативные, однако прозападные режимы, поскольку опасаются,

что силы, порожденные демократизацией, могут стать угрозой их интересам в регионе⁴. Возникает парадоксальная ситуация. Казалось бы, силы, пришедшие к власти благодаря демократическим процессам, естественно должны были бы искать опоры в странах с давно устоявшимися демократическими традициями. Но каковыми будут эти силы, порожденные демократизацией, если их приход к власти чреват угрозой для Запада?

Б. Эджевит приходит к выводу, что при любом раскладе сил политика стран Запада в регионе в ближайшем будущем может обернуться против него самого. Из его рассуждений следует, что страны региона, в каком бы то ни было варианте событий, окажутся в эпицентре нарастающих антизападных настроений. Здесь Б. Эджевит вполне солидарен с идеей известного американского социолога С. Хантингтона о постепенно нарастающей изоляции Запада и его ценностей в мире.

Далее Б. Эджевит объясняет возможность подобного сценария растущим народным недовольством коррумпированными, репрессивными и к тому же прозападными ближневосточными режимами. В отсутствие организованной, дееспособной светской оппозиции все недовольные консолидируются под знаменами набравшего силу исламского фундаментализма. Последний в отличие от предшествовавших движений будет еще более антизападным. Турецкий лидер не исключает возможности появления суннитской версии иранского шиитского фундаментализма⁶, а поэтому призывает к всесторонней поддержке процессов модернизации и демократизации в регионе все тот же Запад, дабы избежать грядущих мощных религиозных катаклизмов. Таким образом, он предлагает из двух зол избрать меньшее. Б. Эджевит несколько не сомневается, что в регионе существуют потенции к модернизации и демократизации. Он полагает, что если Турция демонстрирует пример совместимости «ислама с секуляризмом, демократией и даже западными нормами жизни», то такому примеру республиканской Турции вполне могут последовать другие страны региона; чего так опасаются вышеупомянутые архаичные, деспотические ближневосточные режимы и теократический Иран.

Саудовская Аравия и Иран не жалеют сил и средств на поддержку фундаменталистских движений во всем ближневосточном регионе, они активно и широко пропагандируют фундамента-

листские доктрины, особенно среди молодежи, всемерно стремятся дестабилизировать демократические светские режимы. Как показали выборы в Алжире и Иордании, эта кампания приносит заметный успех. Стратегическая ошибка властей Алжира и Иордании состоит в том, что они провели свободные выборы, не создав предварительно многопартийной системы, включающей мощную светскую оппозицию. «Лучший способ сдерживать фундаментализм или любое другое проявление экстремизма - это открыть все каналы демократического мирного выражения народного недовольства и найти разумное решение возникающих проблем»⁷. Опыт Турции доказывает, что сам по себе «ислам не является препятствием к изменениям. Он становится инерционным фактором только тогда, когда его используют в качестве обоснования власти государства или олигархических групп, которые стремятся сохранить свою власть и влияние, упрочить существующую систему». «Республиканская Турция, - продолжает Б. Эджевит, - вот уже более полувека демонстрирует эффективность кемалистской модели, когда секуляризм, т. е. отделение религии от государства и политики, возможен и придает развитию общества значительный динамизм, одновременно возвращая религии присущую ей функцию опоры в жизни для верующего. Вместе с секуляризацией, а может быть, вследствие ее на пути к демократизации в республиканской Турции женщины впервые в мусульманском мире получили гражданские свободы и равноправие. Такое равноправие - необходимое условие демократического развития».

Б. Эджевит полагает, что в настоящее время в ближневосточном регионе сформировались вестернизированные элиты, заинтересованные в модернизации, секуляризации и демократизации своих стран, однако им противостоят фундаменталистские движения, активно поддерживаемые Саудовской Аравией и Ираном, стремящиеся дестабилизировать режимы, ориентированные на демократические светские нормы. Фундаменталистам удалось дестабилизировать ситуацию в Алжире, они прилагают огромные усилия в этом направлении в Тунисе, Иордании, Египте и других странах. Не прибегая к историческому анализу, Б. Эджевит заключает, что элиты этих стран упустили шанс создать полноценную многопартийную систему, которая способствовала бы формированию мощной светской оппозиции⁸. При этом он упускает

из вида, что в результате многопартийности в мусульманских странах прежде всего возникает мощная религиозная оппозиция, стремящаяся подавить все остальные силы. Турция не была исключением. С введением в 1945 г. многопартийной системы, несмотря на опыт нескольких десятилетий жесткого подавления религиозной оппозиции при однопартийной кемалистской диктатуре, сразу же набрала влияние и силу именно легализованная религиозная оппозиция. Понадобилось несколько военных переворотов, чтобы как-то стабилизировать ситуацию.

И все же наиболее пригодной турецкую модель развития Б. Эджевит видит для тюркоязычных республик Средней Азии в силу языковой и культурной близости. В каждой из них сформировались исламистские партии. Они противостоят светским режимам, возглавляемым бывшими партийными советскими лидерами, однако ни в одной из этих республик исламистские силы пока не представляют достаточно мощного единого движения с единой политической ориентацией. Часть из них выступает за создание теократического государства, другие отстаивают идеал так называемой «исламской демократии». Одни предпочитают иранскую модель исламской революции, другие ориентируются на турецкую модель развития, показавшую свою жизнеспособность, несмотря на серьезные проблемы внутрицивилизационно-го конфликта. Более умеренные исламистские лидеры допускают принципы светского государства, в котором могли бы свободно действовать исламские нормы. В исламистских кругах широко обсуждается идея создания исламской республики Туркестан, что весьма беспокоит нынешних лидеров среднеазиатских республик. В противовес этой идее в мае 1995 г. Ислам Каримов в парламенте открыто провозгласил идеал «общего Туркестана» как большого общего дома, большой семьи, т. е. зоны экономического, духовного и политического единства, скорее этнического, чем религиозного.

Идея поддержки Турцией родственных тюркских народов Средней Азии и Кавказа находит отклик и в кругах вестернизированной прокемалистской элиты, и в исламистской среде, однако цели и методы такой поддержки - разные, поскольку у них разные мировоззренческие ориентиры.

Следует заметить, что соотечественники Б. Эджевита турецкие исламисты ни в какой мере не разделяют даже скорректиро-

ванных демократических идеалов этого старейшего политика. Противопоставление гражданского общества государству лежит в основе исламистской критики не только западной демократии, но и той, которую пытаются взрастить на турецкой почве последователи Мустафы Кемала. «Наряду с доминирующей ролью государства, фактически контролирующего и подавляющего формы общественной жизни, - заявляют они, - другим столь же существенным изъяном современной демократии является правление большинства. Права меньшинств в этой системе не могут быть достойно защищены, поскольку решения большинства обязательны для всех. В политической модели турецких исламистов, где община (разумеется, мусульманская. - *И. Ф.*) более важна, чем государство, "демократия" заменена псевдоплюрализмом, при котором каждая община управляется по собственным религиозным законам». Таким образом, в обществе допускается сосуществование нескольких различных юридических систем при доминировании ислама в важнейших вопросах, как это было в средневековой Османской империи. Роль государства исламисты видят в том, чтобы гарантировать автономию каждой общины. В этой системе, утверждают они, гражданское общество автономно от государства, а меньшинство автономно от большинства. Исламская модель государства, заключают они, основана на религиозном плюрализме, тогда как современное государство - это не что иное, как бюрократическая система национального суверенитета на данной территории. По сути в этой критике широко используется как терминология, так и аргументация в целом того самого западного мира, против ценностей которого она направлена.

До сих пор критикуемой турецкими исламистами бюрократической системе удавалось сохранять баланс сил, удерживать исламистскую оппозицию в конституционных рамках, однако не случайно оптимистично настроенный относительно перспектив демократии в регионе Б. Эджевит столь большое внимание уделяет политической ситуации в других мусульманских странах, тем силам, которые способны дестабилизировать эту ситуацию. Он не рассматривает вариант значительного усиления радикального исламизма в мусульманском мире даже сравнительно с сегодняшним днем, но, конечно, понимает, что Турции очень сложно будет поддерживать ныне существующий баланс политических сил.

Рассмотрим второй вариант, более распространенный в мусульманском мире, — идеологию, отрицающую и возможность, и необходимость демократии, идеологию, обосновывающую жесткий авторитаризм теократического государства. Вот рассуждения его сторонников.

Если человек от природы злобен, иррационален и склонен к насилию (в чем немало не сомневаются идеологи радикального ислама), то свобода личности неизбежно ведет к социальному хаосу. Демократия мостит путь к анархии. Западные демократические институты, замечают они, ведут к разрушению не только традиционного уклада жизни и религиозных ценностей, но также к уничтожению политических структур, непредсказуемой смене лидеров, тотальной коррупции, экономической стагнации, а в итоге к насилию и кровавым эксцессам. Жесткие рамки в пределах общины, диктат общины, безусловная полная зависимость индивида от общины, вот что защищают современные исламисты и что изначально обусловлено неверием в какую бы то ни было личную инициативу, боязнь такой инициативы.

Такая точка зрения вполне согласуется с концепцией человека в исламе. В этой религиозной системе, как и в других восточных религиях, нет представления о божественной природе человека, что присуще западному христианству. Ранее подобные идеи высказывали некоторые древнегреческие философы.

В массовом сознании мусульман не сложилась идея о суверенной личности. Человек на Востоке не был мерой вещей, не был целью земных усилий. Свой суверенитет он передоверял правителю. Ислам в его основных течениях есть прежде всего религия коллектива как целого, а не религия индивидов, из которых этот коллектив состоит.

Философы европейского просвещения исходили из теории естественного права, настаивая на том, что человек рождается свободным, имеет неотъемлемое право на свободу и собственность. Исламские идеологи отвергают естественное право как чужеродное и секуляристское понятие. Они рассматривают собственность как божественный дар. Идеологи прав человека на Западе придерживались постулата о природной доброте и разумности человека, в силу этих качеств способного уважать права других. В противоположность этому авторитетнейший шиитский лидер Хомейни считал людей от природы алчными, иррацио-

нальными, склонными к насилию, «более опасными, чем дикие животные»¹⁰. А потому вполне логичен вывод, что плюрализм в обществе порождает беспорядок и беспредел. Без сильной централизованной власти социальные группы и индивиды имеют соблазн постоянно нарушать права друг друга, и невозможно будет обеспечить порядок и сохранность собственности. В свете именно такого взгляда на человеческую природу публичные порки и ампутации конечностей в качестве наказания за преступления, практикуемые в ряде мусульманских стран, можно квалифицировать как возрождение средневековых норм, а функции политической власти становятся очень близки роли публичного палача.

Хомейни выдвинул и сумел реализовать идею исламского государства, в котором духовенство заняло руководящее положение, а пост верховного судьи и правителя - наиболее почитаемый религиозный деятель. Религиозные судьи, утверждал Хомейни, имеют «ту же самую власть, что и Пророк, и имамы. Неповиновение религиозным судьям - это неповиновение богу».

Современное государство, по Хомейни, должно быть не более сложным, чем во времена раннего халифата. Основные задачи его сводятся к поддержанию порядка и соблюдению законов ислама, сохранению баланса между различными социальными группами, сбору налогов и самое главное - сдерживанию дурных инстинктов людей, особенно инстинкта воровства. Однако вернуться во времена раннего халифата, как хотелось бы Хомейни и его сторонникам, не удалось. Численность бюрократии при Хомейни выросла втрое. Для утверждения порядка, а также исламской законности, подавления инакомыслящих, для войны с Ираком и активной внешней политики, в которой экспорт идей Иранской революции был важнейшей составляющей, пришлось содержать большую армию. Был создан также институт исламских стражей порядка, другие военизированные формирования, расширена и укреплена служба безопасности. Хомейни наделил государство правом вмешиваться в частные дела граждан во имя общего блага и долгосрочных интересов ислама в полном соответствии с принятой конституцией Исламской Республики Иран.

Созданная Хомейни жесткая модель управления вела Иран к изоляции в мировом сообществе. Она не встретила поддержки и во многих мусульманских странах, воздвигавших преграды экс-

порту исламской революции. После смерти Хомейни умеренное крыло его сторонников во главе с Хаменеи и Рафсанджани заметно укрепило свои позиции, оттеснив с руководящих позиций радикалов, и осуществило серьезные изменения в социально-экономической политике, судебной системе, во внешней политике. Был открыто провозглашен более либеральный, чем ранее, экономический курс. Во внешней политике Иран отказался от ранее провозглашенного курса на экспорт исламской революции, восстановил дипломатические отношения с Англией и Саудовской Аравией, улучшил отношения с Египтом, государствами Персидского залива и рядом европейских стран.

Радикальное крыло хомейнистов, теснимое с руководящих позиций, резко обличает умеренных, обвиняя их в буржуазном перерождении, предательстве революции и идей Хомейни.

Главная особенность современных радикальных исламистских идеологов - активная борьба со светскими режимами. Они открыто провозглашают основные цели своих движений: 1) исламское общество должно быть свободно от любых иностранных влияний; 2) необходимо создать свободное исламское государство, действующее в соответствии с предписаниями ислама, применяющее его социальные регуляторы, провозглашающее его принципы и несущее его мудрую миссию всему человечеству¹². При этом они постоянно напоминают, что «свободное исламское государство не имеет ничего общего с западными принципами демократии». Некоторые из них объявляют исламскую форму правления истинно свободной, по-своему демократической, поскольку Коран и традиции играют в нем роль конституции.

В отличие от мусульманских реформаторов прошлого, стремившихся приспособить нормы ислама к некоторым реалиям западной цивилизации, современные исламисты пытаются подчинить реалии окружающего мира требованиям ислама.

Радикальные исламистские движения и в некоторых арабских странах, и в Афганистане, не довольствуясь пропагандой идей мусульманского государства, стремятся к немедленному насильственному захвату власти (джихад). Там, где они не сумели пробиться к власти, радикальные исламисты считают какое бы то ни было сотрудничество с не устраивающими их правительствами и попытки мирными средствами изменить политический

режим изнутри - бессмысленной затеей, поскольку правящая элита, в которую они не входят, не допускает системных изменений. Теоретик подобной египетской радикальной группы «Джихад» Мохаммад аль-Фарадж утверждал: «Сила - единственный путь к возрождению ислама. Мы отвергаем идею о том, что можно реформировать систему, добиваясь должностей в правительстве. Мы отвергаем также идею о возможности достижения широкой народной поддержки путем пропаганды ислама в целях создания исламского государства»¹³.

Радикальные исламисты отвергают демократию как чужеродную теорию и практику, присущие западным обществам. При этом они исходят из следующих посылок:

1. Несовместимые различия между демократией и исламскими политическими принципами, согласно которым суверенитет принадлежит богу, а не людям. Поэтому исламская форма правления право людей устанавливать законы ограничивает шариатом. Представители народа не могут принять закон, противоречащий законам, предписанным богом. Позволить людям устанавливать законы по своему усмотрению - значит установить тиранию. Реальная свобода достижима лишь при исламском правлении, которое никому из людей не дает абсолютного права устанавливать законы. Ислам обладает уникальной самодостаточной политической системой, которая — лучше других форм правления, включая демократию, и не нуждается в заимствовании западных политических идей и институтов.

2. Западное происхождение демократии. Многие исламисты оспаривают тезис о том, что демократия - это власть народа. Фактически, заявляют они, на Западе властвуют экономически могущественные группы, а выборы - это ритуалы, существенно не влияющие на политику. Идеологи радикального исламизма считают, что демократия вызывает моральный упадок современных западных обществ (этот тезис эксплуатируется исламистами уже более ста лет. - *И. Ф.*).

В пропаганде западных идей демократии исламисты усматривают политический интерес: сформировать в мусульманском регионе прозападные режимы и утвердить свою гегемонию.

3. Демократические реформы в мусульманских странах вызывают сугубо негативную реакцию радикальных исламистов еще и потому, что их, как правило, исключают из политического процес-

са, запрещают их партии и движения. Радикальные исламисты рассматривают все подобные реформы как одно из проявлений коррумпированной идеологии коррумпированного режима¹⁴.

Радикальные исламисты категорически отвергают идеи реформаторов о совместимости исламских и западных ценностей. Они считают, что невозможно совместить несовместимое. По их убеждению, западные политические ценности непригодны для исламских обществ, более того, они оказывают на человеческую душу негативное, пагубное влияние. Такие атрибуты западной действительности, как демократия, секуляризм и национальное государство противостоят основам ислама. Они выступают за чисто «исламское решение» всех проблем, стоящих перед мусульманскими обществами. Однако есть расхождения в отношении к западным ценностям, в частности к демократии, между фундаменталистами-теоретиками и фундаменталистами-политиками. Первые открыто критикуют и отвергают западную демократию как несовместимую с исламскими ценностями и ставят под вопрос ее эффективность в самих западных обществах. Вторые, строго придерживаясь принципов «исламских норм», в то же время широко используют терминологию современного политического обихода, представляя себя в качестве «защитников демократии и прав человека», хотя и трактуют эти термины скорее в духе шариата, чем в интерпретации Канта или Руссо. При этом декларируемая фундаменталистами-политиками приверженность к демократии носит лишь тактический характер, ибо они хотели бы легитимизироваться в современном мире, в котором велика тяга к демократическим ценностям, даже если они не проникли в основы очень многих обществ. В мусульманских странах тяга к демократическим ценностям постоянно сталкивается с традиционными ценностями ислама, которые, казалось бы, могли сосуществовать с первыми, но практически постоянно им противостоят.

Успех радикального ислама у части населения стран мусульманского мира нельзя объяснить только духовной притягательностью его идей. В настоящем он обладает бесспорными коммуникационными и организационными способностями, умело манипулирует установившимся политическим языком, активно распространяет свои идеи через современные средства массовой информации (аудио- и видеокассеты, факсы и спутниковое телевидение, пиратские станции в Интернете). Таким образом

ему удается обойти государственную монополию на телевидение.

Немалую долю своей притягательности радикальный ислам черпает и в атрибутах модернизирующихся обществ. Опираясь на них, радикальные исламисты используют такие «ареалы свободы», как частные мечети, профессиональные объединения, больницы, кассы взаимопомощи, исламские банки и школы, предоставляющие исламистам неистощимые источники привлечения адептов, позволяющие ему распространять свое влияние практически повсюду. За короткий срок они создали мощную, разветвленную социальную базу, объединив всех, кто разочарован издержками модернизации, проводимой властями.

Одна из важнейших причин успеха радикального ислама состоит в том, что в противовес западной модели развития исламисты предлагают собственный идеал исламского общества. Вину за все просчеты в социальной политике они видят в моральной несостоятельности сторонников демократизации. Единственное решение всех проблем для них состоит только в универсальном применении законов шариата.

У радикальных исламистов имеются собственные представления о формирующемся региональном и мировом порядке. Они отвергают концепцию современного мироустройства, которая исходит из возросшей в 90-е годы взаимозависимости мирового сообщества в таких важнейших сферах, как экономика, среда обитания, иммиграция и распространение оружия массового уничтожения, что влечет за собой катастрофические последствия при вооруженных конфликтах. Исламисты радикального толка отвергают как метод урегулирования конфликтов мирные переговоры с целью достижения консенсуса, поскольку убеждены, что такой метод закрепляет гегемонию Запада. Мирное разрешение конфликтов для них - иллюзия, так как международные отношения по своей природе конфликтны. Теория джихада основана именно на извечной природе международных конфликтов. Поэтому радикальные исламисты считают, что единственно возможным ответом мусульманского мира нынешним прозападным режимам может быть только священная война во имя Аллаха. Лишь после уничтожения всех прозападных режимов и восстановления единства всех мусульман (уммы), как это было в эпоху халифата, внутри уммы могут быть установлены мирные взаимоотношения.

И все же, несмотря на возрастающую активность радикаль-

ного исламизма, у его сторонников не так уж много шансов захватить власть путем террора, особенно если учесть решительные и жестокие ответные меры, предпринимаемые правящими режимами. Исламская революция в Иране, в результате которой к власти пришли радикальные исламисты, не смогла распространить свое влияние на другие мусульманские страны, а после смерти Хомейни правление перешло к более умеренным исламистам. В Афганистане успехи радикального ислама были обусловлены длительной кризисной ситуацией, войной, подорвавшей политическую стабильность. Однако и афганскому радикальному режиму талибов внутри страны оказывается сопротивление.

В целом же деятельность радикальных исламистов оказывает негативное воздействие на политическую ситуацию в исламском мире, ограничивает сферы действия правящих режимов, которые не считают приемлемой программу радикалов, замедляет проведение ими структурных реформ, затягивает их в спираль насилия, подрывает политическую стабильность и блокирует процессы политической демократизации.

В мусульманском **мире** наиболее распространен третий вариант восприятия демократии, свойственный умеренным исламистам. В отличие от радикалов они рассматривают исламизацию всех сторон общественной жизни как постепенный процесс, осуществляемый мирными средствами на основе постоянной, кропотливой, многообразной работы в низовых социальных структурах, работы, непременно учитывающей местную специфику. Они полагают, что прежде всего должны «исламизировать-ся» индивиды, после чего «реформированные» мусульмане, обретя новое сознание, смогут преобразовать общество в целом и создать исламское государство. По своему мировоззрению и опыту умеренные исламисты являются в большей степени модернистами, чем традиционалистами. Некоторые из них получили западное образование, имеют ученые степени, занимают видное положение в социальной иерархии.

Они осуждают тактику и насильственные методы достижения цели, практикуемые радикалами. Умеренные полагают, что насилие контрпродуктивно и лишь затрудняет исламизацию общества, поскольку укрепляет стереотипы, изображающие исламистов фанатиками, преступниками, что развязывает руки правящему режиму и оправдывает его репрессии. Они предпочитают

другие методы: проповедь ислама на индивидуальном уровне; создание исламских экономических институтов (исламские банки, кредитные союзы), служащие одновременно источником доходов и альтернативой государственным структурам; предоставление населению, особенно низшим его слоям, социальных услуг (бесплатная медицинская помощь, поддержка в получении образования, создание рабочих мест и т. д.); давление на правительство с тем, чтобы оно применяло нормы шариата в законодательной практике; упорная работа по укреплению своего влияния в различных структурах общества (прежде всего в профессиональных и студенческих союзах), участие в политических акциях, и в первую очередь в выборах.

Различную позицию занимают радикальные и умеренные исламисты по проблемам демократизации общества. Умеренные, а именно они возглавляют наиболее массовые исламские движения, не отвергают демократию как таковую по нескольким причинам. Во-первых, многие из них (в первую очередь лидеры и активисты) постоянно подвергаются жестоким преследованиям со стороны правящих режимов, они на себе ощущают горькие плоды авторитаризма. Поэтому борьба с любыми формами политического деспотизма и произвола стала неотъемлемой частью их деятельности. Во-вторых, исламисты умеренной ориентации видят в демократии наилучшее средство борьбы за власть. Они не теряют надежды победить на выборах и вполне законно прийти к власти. В-третьих, демократия в большей степени, чем какие-либо другие формы правления в современном мире, по мнению умеренных, совместима с исламскими принципами. Шейх Мохаммад аль-Газали (Египет) видит в демократии «средство организации отношений между правителями и управляемыми, а также гарантию против злоупотребления властью. Сделать правителей подотчетными тем, кем они управляют и не допустить деспотического правления - это общие цели демократических, исламских принципов»¹⁵.

Лидер исламистского движения в Тунисе Рашид аль-Ган-нуши подчеркивает, что борьба за свободу и разрушение репрессивных структур власти - это борьба за истинный ислам. Такие демократические механизмы, как свободные выборы, мирный приход власти, правление большинства, защита прав меньшинств, как он считает, не противоречат исламским ценностям.

«Любое исламское государство должно охранять гражданские и политические свободы и бороться с любой формой деспотизма». Имея целью создание исламского государства, Ганнуши вместе с тем сознает, что осуществление такой цели - итог длительного естественного процесса исламизации общества. Он сознает также и то, что в настоящем большинство населения во многих странах пока что не разделяет таких убеждений. Нужно, продолжает он, заключить пакт между умеренными исламистами и другими не экстремистскими политическими силами на условиях уважения к существующим государственным структурам, отказа от применения силы для достижения поставленных целей, мирной смены правительства и политического курса путем выборов. Ганнуши полагает, что демократическое государство - это переходная форма, предтеча исламского государства.

Один из наиболее известных идеологов умеренного исламизма шейх Юсуф аль-Карадави издал специальную фетву против радикалов, объявивших демократию формой правления неверных. По словам Карадави, те, кто отрицает демократию, не понимают сущности ни демократии, ни ислама. А она как раз состоит в праве народа свободно и без принуждения избрать своих лидеров и политическую систему, а также лишить их власти, если они нарушают общественный договор.

Главное достоинство демократии, продолжает он, состоит в ее процедурах и механизмах, защищающих поколения от произвола и тирании. В исламе содержится сходный механизм согласования мнений - шура, который необходимо институировать в системы властных структур и разработать новые условия их взаимодействия. Карадави рассматривает демократию как «наиболее надежное средство для достижения цели... Дух демократии созвучен духу исламской шуры». Он высказывается за допуск многопартийной системы, «если это соответствует общественным интересам, религиозным ценностям и моральным идеалам»¹⁷. Нельзя не отметить, что в целом различие вариантов государственного устройства и политических принципов в идеологии и практике радикальных и умеренных исламистов объясняется, в частности, тем, что ислам, как и другие мировые религии, содержит такое многообразие ценностей, символов, идей, что из них вполне можно сконструировать современную политику и социальный код для различных слоев населения. Конкретные полити-

ческие формы исламизма, его роль в общественном сознании в известной мере зависят и от политической ориентации правящего режима. В государствах, где элита не вовсе чужда демократических установлений, пришла к власти с осознанной секуляристской модернизаторской программой (Египет, Алжир, Тунис), возникает острый, непримиримый конфликт между светски ориентированной правящей элитой (нередко приверженной националистическим идеям) и исламистами. Общество при этом поляризуется, правящая верхушка видит в исламистах главную угрозу своему существованию и стремится любыми средствами устранить исламистов из политического процесса. Но, как правило, в этой борьбе ни одна из сторон не может одержать полную победу. Репрессии со стороны правительства порождают террор исламистов, а это в свою очередь еще более ужесточает ответную реакцию властей. Когда обе противоборствующие силы поймут, что насилие не даст желаемых результатов, тогда возможен будет поворот к диалогу и компромиссам, откроются возможности продолжения демократизации мусульманских обществ. Часто этому **долгому** процессу, попыткам диалога предшествуют гражданские войны.

Победа Фронта исламского спасения на парламентских выборах 1991 г. в Алжире явилась поворотным моментом и для правящих элит, и для населения страны. Она показала недовольство масс правящим режимом и не оставила сомнений в том, кто мог бы прийти к власти в случае свободных выборов. Подобный результат со всей очевидностью продемонстрировал, что исламизм - мощная политическая сила, претендующая на власть в странах национальной ориентации, прошедших десятилетия модернизаторских реформ. Военный переворот в Алжире и разразившаяся вслед за ним гражданская война показали также, во что обходится столь резкий раскол в обществе.

В странах, где элиты не допускают подобной поляризации политических сил и столь ожесточенного противостояния (Иордания, Кувейт и др.), исламисты включились в политический процесс и стали его легитимными участниками. Взаимоотношения исламистов с правительствами этих стран, как и в Турции, несмотря на все проблемы, строятся в режиме диалога.

В Иордании такой диалог привел к выработке Национальной хартии, в которой учтены позиции всех участников. Исламисты

были признаны легальной партией, которая, как показывают парламентские выборы, стала крупнейшей оппозиционной силой в стране. Подобные нормы в политической борьбе создают основные предпосылки для дальнейшей демократизации мусульманских обществ.

В последнее десятилетие в ряде мусульманских стран происходит постепенное, очень медленное сближение позиций светских националистов и умеренных исламистов по таким принципиальным вопросам, как определение приоритетов в экономическом развитии, некоторым вопросам внешнеполитического курса и внутреннего управления. Они по существу смогли договориться о путях решения таких неотложных проблем, как преодоление слаборазвитости, социальной несправедливости, авторитаризма в системе управления. Они пытаются достичь согласия в направлении и пределах вестернизации, а также в установлении приемлемого уровня сотрудничества с Западом. Националисты признали приоритет ислама в воспитании, образовании молодежи, его главенствующую роль в формировании морального климата в обществе. В свою очередь умеренные исламисты, хотя и с оговорками, согласились примириться с некоторой дозой демократии и поддерживать постоянный диалог всех политических плюрализма в мусульманском государстве, в том числе с необходимостью сил в совместных поисках общей позиции по основным проблемам.

Таким образом, идеи демократии постепенно адаптируются местными элитами к специфическим условиям мусульманских обществ, однако столь медленно, что пока нет оснований признать какие-либо существенные достижения в этой сфере. На сегодняшний день в них отсутствуют столь важные предпосылки к демократизации, как то: определившаяся, преодолевшая раскол в обществе коллективная идентичность (на Западе нация-гражданство); благоприятная для большинства граждан социально-экономическая политика, высокий профессионализм руководства на всех уровнях управления.

Препятствием к демократизации и даже угрозой политической целостности ряда мусульманских государств является их полиэтничность и поликонфессиональность, нередко являющиеся поводом к многолетним вооруженным конфликтам, как то имеет место в Ливане, Ираке, Турции, Афганистане и других странах. Решение этой проблемы в большей степени связано с уровнем

демократической культуры и правосознания, чем с формой государственного устройства. Демократическая культура обусловлена наличием гражданского общества, консолидирующего этнические и религиозные группы для участия в общегосударственном политическом процессе. Демократическая культура, которой все еще нет в мусульманских странах, содействует: 1) увеличению проницаемости этнических и религиозных групп; 2) ограничению сферы культурной идентичности группы, ограничению ее специфики частной сферой. Это означает, что какая-либо этническая группа не должна ни в какой мере политически или экономически вознаграждаться, то есть иметь какие-то преимущества перед другими этническими группами.

В то же время этническая идентичность должна быть конституционно защищена. Должно быть гарантировано культурное многообразие в обществе. Демократическая культура содействует: 3) усилению горизонтальной солидарности населения путем обогащения компонентов гражданского общества, поскольку этнорелигиозная идентичность - лишь одна из многих идентичностей, свойственных индивиду в современном мире. Поэтому нет оснований фокусировать внимание лишь на этническом аспекте личности.

Демократия присуща обществам, способным к высоким формам самоорганизации граждан, где высок уровень личной ответственности и правосознания всех и каждого. Кроме того, как упоминалось выше, весьма важную роль в предпосылках к демократизации и дальнейшему ее продвижению играет экономическая ситуация в стране. Тем, кто испытывает крайнюю нужду, не до демократии. Такие народы стремятся выжить любой ценой, возлагая надежды скорее на равенство, пусть и в нищете, чем на демократические компромиссы и утверждение индивидуальной свободы. В их понимании свобода сводится лишь к сохранению элементарного права на жизнь. Однако политические и экономические условия существования людей теснейшим образом взаимосвязаны и взаимообусловлены. Нестабильность социального и экономического статуса любого человека в авторитарной системе, в их числе и власть предрержащих, которые могут оказаться калифами на час, порождает тотальную коррупцию, господствующую в подавляющем большинстве восточных обществ. Коррупция возникает также в силу слабой политической и эко-

номической конкуренции (господство олигархических группировок), замедленностью или структурной неравномерностью экономического роста (даже если он есть), слабостью демократических институтов.

Развитие демократии предполагает сокращение огромного разрыва в доходах населения, политическую стабилизацию, наличие партнерских отношений между правительством и частным сектором.

Однако далеко не всегда можно проследить прямую корреляцию между демократией и экономическим процветанием. Опыт развития ряда стран Дальнего Востока, в их числе так называемых «азиатских тигров», доказывает, что модернизация и успешное экономическое развитие возможны без демократии, но невозможны без активных собственных усилий в развитии и применении новейших технологий.

Слабость демократических институтов в мусульманских странах, на которую уже обращалось внимание, проявляется, в частности, в специфике как формальных, так и неформальных ассоциаций, в которых некоторые исследователи пытаются разглядеть основу демократизации ближневосточных обществ. Хотя многие из них имеют многовековую историю, однако по сей день нет ни малейших признаков того, что ремесленные гильдии, религиозные братства, семейные и клановые организации, соседские объединения и т. д. хоть сколько-нибудь способствуют демократизации общества. В действительности они, возможно, оказывают противоположное действие.

Семейственность, принадлежность к клану до сих пор является основой социализации во многих странах мусульманского мира. В свою очередь, это означает, что личность никогда не предстает перед «публикой» сама по себе, отъединенная от родственного клана. По мере того как его члены продвигаются по социальной лестнице, их отношения с окружающими приобретают все более закрытый характер.

Политические партии, религиозные движения, профессиональные объединения и т. д. в арабских странах строятся вокруг серии эндогамных асабий, т. е. основанных на семейных обязательствах, общей собственности, родственной солидарности монолитных структурах. Даже идеология используется асабией для укрепления власти клана.

Что касается таких политических неправительственных институтов и организаций, как оппозиционные партии, пресса, профсоюзные объединения, то они, несомненно, активизировались, но все еще слишком слабы, чтобы обеспечить подотчетность и прозрачность деятельности правящих режимов, что необходимо для демократизации системы правления.

Анализ политических процессов в мусульманских обществах осложняется тем, что власть в них концентрируется прежде всего в личностных отношениях и социальных структурах, скрытых за формальным фасадом правительственных институтов, притом находящихся в состоянии постоянных изменений. Сознание населения большинства мусульманских обществ по сути все еще остается патриархальным, оно руководствуется не идеологией «класса» или «нации», а идеологией унаследованной веры и традиционных ценностей, которые обладают потенциалом и молчаливого согласия, и воинственности. Поэтому чрезвычайно трудно в европейских терминах достаточно адекватно оценить реальные политические процессы, механизмы принятия ключевых решений, равно как и программ, деклараций политических лидеров. Следовательно, главными объектами исследований становятся формальные институты государственного управления: законодательные учреждения, политические партии, бюрократия, выборы и т.д. В то же время политическая культура этих обществ все еще недостаточно исследуется даже в рамках западного научного аппарата.

Нет единых критериев в оценке уровня демократизации незападных обществ. С. Хантингтон в качестве одного из таких критериев предлагает наличие двукратной смены правящих лидеров путем выборов, результаты которых приняты и признаны всеми участниками.

Другой американский ученый, профессор Р. Ротстайн, считает неправомерным применять критерии и характеристики развитых западных демократий к иным цивилизационным системам ввиду принципиальных качественных различий между ними. Он предлагает использовать для незападных обществ термин «слабые демократии» в противовес «сильным демократиям» развитых западных стран. «Слабые демократии», к которым он относит ряд стран Восточной Европы (включая государства, возникшие после распада СССР), Азии и Латинской Америки, это - «гибридные

режимы, в которых на фоне определенного движения к рыночной экономике рост политической либерализации сочетается с сохраняющимися элементами авторитаризма».

По классификации Р. Ротстайна, ни одна арабская страна не попадает даже в категорию «слабых демократий», в том числе такие экономически процветающие государства, как Саудовская Аравия, ОАЭ¹⁸. Хотя во многих арабских странах наблюдаются признаки политической либерализации, включая такие, как проведение выборов, появление оппозиционных партий, наличие относительно автономных от властей общественных организаций, ослабление деспотичных традиций здесь еще очень невелико. Когда правящие режимы ощущают реальную угрозу, они по-прежнему действуют жестко. Теми же методами действует оппозиция. В большинстве этих стран по-прежнему нет культуры диалога.

Правящие режимы постоянно пребывают в нестабильной политической ситуации и озабочены в основном собственной безопасностью. Они видят опасность в любой оппозиции. Следует отметить, что большая часть правящих режимов ближневосточного региона не поощряет становления гражданского общества, которое могло бы культивировать низовую демократию.

Государство во многих из этих стран доминирует и в сфере экономики, что дает правительствам дополнительные политические преимущества: политическую лояльность в обмен на экономические привилегии.

Однако неверным было бы утверждать, что бедность населения - решающий фактор, препятствующий становлению демократии. Скорее препятствие в массовой психологии и ценностных ориентирах общества. Пример стран Персидского залива свидетельствует о том, что избыток богатства автоматически не способствует демократизации общества. Устойчивые традиции патриархальности и трайбализма - существенное препятствие внедрению в общество демократических норм. Как уже говорилось, в Европе такие нормы вырастали из традиций, часть из которых восходит к античности. Их распространение и развитие активизировалось в силу раздельности мирского и религиозного начал в западных обществах.

В исламском мире движению к демократии препятствует приоритет религиозных ценностей. Кроме Турции, нигде больше

не была сделана даже попытка разделения религиозной и государственной сфер.

Большинство исламских движений в современном мире не идет далее призыва к соблюдению «истинного ислама», основанного на Коране и сунне. Они игнорируют необходимость постоянных преобразований с учетом потребностей современного мира, пытаются навязать обществу устаревшие идеи и представления. Их программы редко выходят за рамки абстрактных, утопических ценностей, связанных с политизированным исламом и системой халифата. Когда исламские фундаменталисты приходят к власти, то, как показывает пример Ирана, Судана, Афганистана и некоторых других государств, их реальная политическая практика не имеет ничего общего с какими бы то ни было принципами демократии.

Усилят ли радикальные исламисты свое влияние в дальнейшем, будет зависеть и от политических, и от экономических факторов, которые, в свою очередь, - лишь часть цивилизационного уровня общества. Пока кризисная ситуация в ряде мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока не урегулирована, политизированный ислам будет популярным среди значительной части населения, что, несомненно, чревато серьезными социальными и межнациональными конфликтами.

Примечания

- ¹ Исследуя суть, смысловую адекватность этих западных терминов в контексте восточных реалий, необходимо учитывать сугубо европейское их происхождение, отражающее иной цивилизационный опыт, иные ценностные критерии, а следовательно, сознавать специфику и ограниченность их применения в качестве инструмента исследования политических процессов в неевропейских обществах.
- ² Ecevit B. Prospects and difficulties of democratization in Middle East. - Rules and rights in the Middle East. Democracy, law and society. Seattle, L., 1993, p. 142-143.
- ³ Ecevit B. Prospects and difficulties of democratization in Middle East, p. 148-149.
- ⁴ Ecevit B. Prospects and difficulties of democratization in Middle East, p. 145.
- ⁵ Huntington S. The West: Unique, not universal. "Foreign affairs". N. Y., 1996, Vol. 75, №6.
- ⁶ Нечто подобное уже существует у афганских талибов.

- ⁷ Ecevit B. Prospects and difficulties of democratization in Middle East, p. 150.
- ⁸ Ecevit B. Prospects and difficulties of democratization in Middle East, p. 146-149, 160-161.
- ⁹ Gulalp H. Globalizing postmodernism: Islamist and Western social theory. - Economy and Society. Henley on Thames etc., 1997, Vol. 26, № 3, p. 424-426.
- ¹⁰ Abrahamian E. Khomeinism. - Berkeley etc., 1993, p. 42-44. Здесь Хомейни вполне прав в оценке отдельной личности тоталитарного общества. Однако во многих европейских странах, особенно протестантских, такой проблемы нет.
- ¹¹ Abrahamian E. Khomeinism, p. 25,55.
- ¹² Ghabbian N. Democratization and the Islamist challenge in Arab world. - Boulder-Oxford, 1997, p. 60.
- ¹³ Ghabbian N. Democratization and the Islamist challenge in Arab world, p. 74.
- ¹⁴ Ghabbian N. Democratization and the Islamist challenge in Arab world, p. 76-77.
- ¹⁵ Цит. по: Ghabbian N. Democratization and the Islamist challenge in Arab world, p. 78.
- ¹⁶ Ghabbian N. Democratization and the Islamist challenge in Arab world, p. 78-79.
- ¹⁷ Ghabbian N. Democratization and the Islamist challenge in Arab world, p. 78-80.
- ¹⁸ Rothstein R. Democracy in the Third world. - Democracy, war and peace in the Middle East, - Bloomington, Indianapolis, Garnham and Fessler.M., 1995, p. 74-75.
- ¹⁹ Проблематичность становления демократических институтов в мусульманских странах отражают материалы конференции «Кризис демократии в арабском мире» (Кипр, ноябрь 1983 г.). Многие выступавшие трактовали демократию как управление социальными процессами и руками «просвещенной политической элиты» или харизматического лидера. Не подвергался сомнению тезис о том, что условием и гарантом демократии в мусульманских странах является сильное государство.

ОТ ЭМИРАТА ДО ХАЛИФАТА (о мессианских
амбициях руководства талибов)

*Наш народ уповает на то, что
Исламский Эмират Афганистан
станет первой ступенью на пути к
всемирному халифату мусульман.*

Из талибского журнала «Халифат»

За последние 6 лет, прошедшие с момента появления движения «Талибан» в Афганистане, ориентиры их внешнеполитического курса определились достаточно четко. Если на ближайшую перспективу главной задачей является добиться признания их власти и занятия места Афганистана в ООН, то в долгосрочном плане ставятся более глобальные задачи. Как известно, до сих пор руководству Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА) приходится довольствоваться лишь официальным признанием трех государств: Пакистана, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов. Разумеется, такое положение явно не устраивает руководство ИЭА, и поэтому его дипломатическая служба прилагает немало усилий, чтобы каким-то образом исправить это. По утверждению самого лидера талибов муллы Омара, подобная ненормальная ситуация стала возможной лишь потому, что внешний мир ничего не знает о сущности нового исламского государства и его внутренней и внешней политике. Чтобы исправить подобное положение, руководство ИЭА направляет своих эмиссаров за рубеж для разъяснительной работы¹. Сегодня представительства талибов действуют в США, Канаде, ФРГ и других странах, хотя и без официальной аккредитации. А газета «Тулуйи Афган» в передовице под заголовком «Исламское государство в преддверии возвращения ему международного статуса» писала, что наряду с активной дипломатией правительства отправка нескольких тысяч афганских паломников в Мекку под эгидой исламского государства поможет еще лучшему пониманию сущности «исламского и народного государства и скорейшему его

признанию»². Примечательно, что среди аргументов, приводимых талибской пропагандой в пользу признания режима, есть тезис о том, что талибы, в отличие от правительства Б. Раббани, пользуются поддержкой подавляющего большинства населения страны, что дает им право претендовать на признание мирового сообщества.

Что касается долгосрочных планов руководства движения «Талибан», несмотря на всю их, на наш взгляд, химеричность, то необходимо остановиться на этом вопросе подробнее. Талибские идеологи и пропагандисты утверждают, что талибам удалось добиться на подконтрольной им территории мира и спокойствия, утвердить законы шариата, обеспечивающие каждому человеку, независимо от его этнической принадлежности, все права и свободы. Теперь же, после установления в Афганистане «подлинного исламского строя» и выполнения «национальной задачи», наступило время позаботиться и о братьях-мусульманах во всем исламском мире, страдающих от произвола «неверных» и выполнить свой «интернациональный долг». «Настоящий мусульманин не может радоваться и жить в благополучии, если его сосед несчастен. И горе и радость у всех мусульман должны быть общими, - писала газета «Анис» в статье «Точка зрения ислама на радость и печаль»³.

Более того, выступая в роли защитника мусульман, хранителей моральных ценностей ислама, талибы считают своей священной обязанностью поддерживать мусульман всего мира, оказывавших военно-политическую поддержку афганцам в годы «священной войны». Так, в феврале 2000 года руководство ИЭА через радио «Голос Шариата» передало обращение к мусульманам мира выступать в поддержку Чечни и объявить России джихад. «Если сегодня мы не вступимся за Чечню, — говорилось в обращении, - завтра мусульман в какой-нибудь другой стране или регионе постигнет та же участь»⁴. Аналогичное заявление сделал и спикер талибов Абдулла Мутмаен: «Мы исламское государство и исламское правительство, - сказал он в интервью Би-Би-Си. - Неужели у нас не хватает смелости помочь мусульманам? Мы не можем погрязнуть в исламскую солидарность ради удовлетворения США»⁵. (Напомним, что в числе так называемых приоритетных обязанностей Исламского Государства Афганистан (ИГА), принятых на «Совете компетентных авторитетов» («Шурайе ахле халь

ва акд»)), на котором, кстати, Б. Раббани был избран президентом, также значился пункт 12, согласно которому ИГА обязывалось «поддерживать все исламские освободительные движения в регионе и мире».)

Какими же видят талибы счастливое мусульманское общество? «Наша заветная мечта, - говорится в газете «Тулуйи Афган», - состоит в том, чтобы все мусульманские страны мира в конечном счете объединились в один, единый, нерушимый исламский халифат и выступили бы как великая сила». При этом талибы считают, что созданный ими Эмират - это всего лишь первая ступень на пути создания всемирного халифата.

Заметим, что идея возрождения теократической системы управления государством в форме халифата всегда импонировала афганским религиозным авторитетам. Так, еще в 1920 г., отвечая на запрос тогдашнего премьер-министра Абдул Куддус-хана, сделанного им кандагарским улемам относительно наиболее приемлемой для мусульманской страны формы государственного устройства, улемы уведомили Куддус-хана о том, что наиболее «законной, полезной и разумной» формой являются «халифат и имамат», которые служат укреплению религии и соответствуют всем законам шариата.

Следует подчеркнуть, что талибские улемы, исповедующие известную заповедь Пророка о том, что «Любовь к родине проистекает от веры» («хоб уль-ватан мин уль-иман»), абсолютизирующие религиозный фактор и игнорирующие все другие, не видят никаких формальных препятствий на пути создания халифата, поскольку, как утверждает газета «Анис», в основе такого государственного образования лежит идеологическое (т. е. религиозное. - Р. С), а не национально-географическое понятие. Поэтому различия в языке, цвете кожи, вероисповедании или пола не могут считаться факторами, ограничивающими пределы такой всемирной исламской общины. Талибские идеологи также утверждают, что государственные границы, очерченные людьми, - это явление не божественное и носит лишь временный характер, а вот общее вероисповедание - это дар Аллаха, который создал всех мусульман братьями по вере.

Чем же мотивируют талибские идеологи стремление создать всемирный халифат? В первую очередь они объясняют это «происками неверных», которые, отбросив существующие между

ними разногласия, каждый раз объединяются против ислама. «Ни Восток, ни Запад, - писала «Тулуйи Афган», - не желают, чтобы в каком-то уголке мира возникло исламское государство, так как такое независимое государство будет полностью опираться на собственные экономические и политические возможности»¹⁰.

При этом талибские идеологи советуют руководству ИЭА не обращать внимания на требования и порядки, существующие в мире «неверных», а идти своим путем к построению всемирной мусульманской империи. Какой же это путь и каковы методы, с помощью которых они собираются достичь этой цели?

Та же газета «Тулуйи Афган» утверждает, что «халифат (эмират) можно построить на земле с помощью джихада (священной войны)». При этом особо подчеркивается, что если для «неверных-кафиров джихад - это «несчастье», то «для мусульман - джихад является благом, милостью («рахмат»), поскольку с помощью джихада мусульмане не только создадут халифат, но и улучшат свое экономическое положение, захватив богатые трофеи у кафиров»".

В связи с вышесказанным невольно возникает вопрос: зачем талибам, все еще продолжающим войну со своими противниками в пределах Афганистана, вдруг понадобилось выступать с воинственными заявлениями об объединении всех мусульман мира и, судя по всему, под эгидой Исламского Эмирата Афганистан?

На наш взгляд, подобные гегемонистские устремления, прикрываемые панисламистскими лозунгами, во многом могут быть объяснены тем, что с момента появления талибов в Афганистане пропаганда приложила немало усилий, чтобы создать вокруг них некий мистический ореол, подчеркнуть их мессианскую роль. Так, само их появление называлось «орудж» («вознесение»), участники движения именовались не иначе как «талибхайе карам» («милосердные талибы»), избранные для выполнения миссии «ангелов-избавителей» («ферештейе неджат») афганского народа от смуты и безбожия.

Особые усилия при этом направлялись на создание из муллы Омара харизматической фигуры, нового «обновителя» веры - муджаддида, способного претендовать на роль лидера всего исламского мира. Например, среди множества мифов, окутывающих личность «повелителя правоверных», был и такой: Мухаммеду Омару приснился вещий сон, в котором божественный

голос велел ему идти и спасти афганский народ. Руководящие деятели движения «Талибан» не раз говорили, что талибы совсем не против, если их лидера признают в качестве халифа все мусульмане мира и принесут ему присягу на верность. Не случайно и сам лидер талибов выбрал местом своей ставки не Кабул, а древнюю столицу Афганистана - Кандагар, где хранится мусульманская святыня «хиркейи мубарак» («благословенная плащаница») Пророка, что уже само по себе должно было придать сакральность его власти. Примечательно, что и строящейся ныне в Кандагаре новой огромной пятничной мечети присвоено название «Мечеть Омара»¹¹.

Одновременно религиозно-политическое руководство талибов, судя по всему, было бы не против выступить в роли гегемона мусульманского мира. Вот, например, что заявил мавлави Нур Мухаммад Сагеб - один из руководящих деятелей Исламского Эмирата: «Сегодня Всевышний вновь избрал талибов для того, чтобы у мусульман мира появился в самом сердце Азии центр исламской надежды, центр, который называется Афганистаном»¹³.

Надо признать, что подобные претензии талибов имели под собой историческую почву. В традиционном афганском обществе идеи высокого предназначения Афганистана, его мессианской роли в исламском мире существовали издавна. Для иллюстрации сошлемся на авторитетное мнение И. М. Рейснера, который в своей книге «Независимый Афганистан», отмечал, что воинствующий ислам всегда был присущ Афганистану, и афганские эмиры в качестве своей политической программы борьбы за независимость неизменно выдвигали идею защиты ислама. «Вместе с тем, - подчеркивал И. М. Рейснер, - сам ислам получает в афганской обстановке мессианское значение... Немудрено, что афганский народ в сознании идеологов-панисламистов получает мессианский ореол: ему, дескать, выпала на долю особая историческая задача, он народ, избранный богом, чтобы освободить Восток от европейского ига. Афганистан - богом данная страна ("Афганистане ходадад")»¹⁴.

Таким образом, широко рекламируя свое мессианское предназначение, талибы невольно стали заложниками своих амбиций и теперь, чтобы сохранить свой имидж борцов за «исламскую солидарность», они вынуждены идти на весьма непопулярные для них меры, которые наносят им серьезный урон в глазах мировой

общественности. Именно из этих амбициозных побуждений проистекают, на наш взгляд, такие действия талибов, как предоставление убежища Усаме бен Ладену, организация лагерей для подготовки террористов, поддержка исламских экстремистов, ведущих вооруженную борьбу в различных районах мира и т. п.

Вместе с тем, пытаясь опровергнуть обвинения в пособничестве терроризму, талибы все чаще **начинают апеллировать** к международному сообществу. Так, тот же А. Мутмаен в уже цитированном интервью, комментируя переход в Афганистан группировки узбекских экстремистов во главе в **Джумой Наман-гани**, заявил, что переход произошел **на участке границы**, контролируемом силами А. Ш. Масуда, а не талибами. На этом основании А. Мутмаен призывал мировую общественность судить о политике талибов, опираясь только на факты, с учетом «ситуации и условий» и различать, что талибы делают «осознанно», а что под «давлением обстоятельств».

Итак, как следует расценивать все вышеизложенное. Как нам представляется, все рассуждения относительно воскрешения всемирного халифата, мессианском предназначении талибов есть не что иное, как пропаганда, как религиозная демагогия, в основном **рассчитанная на** то, чтобы **заручиться поддержкой** тех слоев исламских фундаменталистов за рубежом, которые выступают за возврат к исламу «праведных предков» («ас-салаф ас-салихун»).

Цель этой пропагандистской кампании **заключается** в том, чтобы, во-первых, добиться популярности в исламском мире в качестве единственных и последовательных борцов за «чистоту ислама», а во-вторых, укрепить основы своего военно-теократического режима в Афганистане и представить дело таким образом, что мировой мусульманский халифат может быть создан только под эгидой Исламского Эмирата Афганистан.

На наш взгляд, нынешняя политика руководства ИЭА по вопросу всемирного **исламского халифата** вполне укладывается в формулу академика В. В. Бартольда. «Утопия политического объединения мусульманского мира в виде одного государства или союза государств, - писал он в своей заметке "Панисламизм", - встречается и после, до наших дней, но всегда в виде доктрины, не столько религиозной, сколько политической, большей частью как средство для достижения вполне определенных целей»¹⁶.

На самом деле руководство **талибов не** располагает ни воен-

ными, ни политическими, **ни даже религиозными возможностями** для практической реализации декларируемых идей. (В частности, трудно поверить в то, что мусульманский мир безоговорочно признает превосходство вчерашнего провинциального муллы, а **ныне** «повелителя правоверных» и присягнет ему на верность, а исламские государства, отбросив свои извечные распри, поспешат объединиться ради вящей славы талибов вокруг них в «единый и нерушимый» халифат.)

Примечания

- ¹ Кабул тайме, 7.05.1997.
- ² Тулуйи Афган, 9.04.1997.
- ³ Анис, 27.11.1997.
- ⁴ Пульс планеты, 16.02.2000, СВ-3.
- ⁵ Пакистан Обзервер, 7.05.2000.
- ⁶ Муджахед, 18.01.1993.
- ⁷ Тулуйи Афган, 30.10.1996.
- ⁸ Мир Гулям Мухаммад Губар. Афганистан по пути истории, М., 1987, с. 150-151.
- ⁹ Анис, 17.07.1997.
- ¹⁰ Тулуйи Афган, 30.10.1996.
- ¹¹ Тулуйи Афган, 23.10.1997.
- ¹² Халифат, № 4, апрель-май 1998 г., с. 47.
- ¹³ Тулуйи Афган, 26.03.1997.
- ¹⁴ И. М. Рейснер. Независимый Афганистан. М., 1929, с. 126-127.
- ¹⁵ Пакистан Обзервер, 7.05.2000.
- ¹⁶ В. В. Бартольд. Собр. соч. Т. VI. М, 1966, с. 402.

О. В. Плешов

ТАЛИБАНИЗАЦИЯ ПАКИСТАНА -УГРОЗА РЕАЛЬНАЯ ИЛИ МНИМАЯ?

Исламский фундаментализм, пустивший глубокие корни в Пакистане, пока что довольно далек от достижения своей цели - построения исламского государства. В стране действует конституция, существует независимая судебная система, сравнительно свободная (для страны с военным режимом во главе) пресса. Попытки заменить конституцию сводом шариатских законов до сих пор не имели успеха.

Однако сказанное не является гарантией против кардинального изменения обстановки и даже прихода к власти исламистов. Если принять во внимание ту скорость, с которой исламские принципы проникают во все поры общественной жизни, то следует, по-видимому, признать гипотетическую возможность их победы.

Цитадели джихада

Говоря о быстрой распространения исламских порядков в стиле «Талибан», нельзя не обратить внимание на то, что происходит сегодня в различных районах страны, в частности на северной границе Пакистана с Афганистаном - в редком по природной красоте округе Малаканд (северо-западная пограничная провинция - СЗПП).

Местный мулла Зия уль-Хак издал фатву, которая обязывает правоверных убивать без разбора всех «англосаксов», имея в виду и англичан, и американцев. «Эти неверные запретили Усаме бен Ладену путешествовать (по Афганистану. - *О. П.*). Почему мы должны разрешать им путешествовать здесь», - спрашивает мулла¹. В той же фатве он пригрозил пакистанским женщинам, работающим в этой местности на различные международные благотворительные организации, что их будут похищать и насильно «выдавать замуж» (читай насилловать. - *О. П.*). Эти акции должны будут показать похищаемым, что их место - у домашнего очага, уточнил он². Происходящее в округе Малаканд не является чем-то исключительным в СЗПП. И из других районов провинции поступают сообщения о рейдах фанатиков, их налетах на частные

©О.В.Плешов,2001

Талибанизация Пакистана - угроза реальная или мнимая? дома, уничтожении телевизионных приемников, видео- и аудиоаппаратуры, порче телевизионных кабелей и спутниковых антенн как средств «распространения антиисламской философии».

Горный район Дир, ставший известным как другой рассадник агрессивного исламского фундаментализма, готовит для военных действий в Афганистане и Кашмире воинов джихада. На подступах к городу вдоль дороги красуются призывы: «Присоединяйся к джихаду!» и «Сокрушим Индию!» (совсем как в конце 1971 г., накануне поражения пакистанской армии в Бангладеш). Сведения об интенсивности идущей здесь работы по набору рекрутов для ведения джихада в различных районах мира закрепили за Диром репутацию одного из главных центров исламского радикализма в Пакистане.

Еще одна цитадель джихада находится в другом отдаленном приграничном районе СЗПП - местечке Акора Хаттак. Здесь находится дар уль-улум Хаккани, одна из главных семинарий, или медресе, в стенах которой прошли подготовку многие видные фигуры в мире джихада. Наставник и ментор Сами уль-Хак с гордостью называет среди них нынешнего министра внутренних дел правительства «Талибан» в Афганистане Хайруллу Хайрхва и главу исламской полиции Афганистана Каламуддина, одно имя которого наводит ужас на людей по ту сторону пакистано-афганской границы³. Поступающие из провинции сообщения говорят о том, что местная администрация нередко прямо или косвенно поддерживает экстремизм мулл. Поддержка порой исходит и из центра.

Исламские радикалы явно набирают силы. Не случайно генерал Мушарраф вынужден был отказаться от своего обещания внести изменения в так называемый закон о богохульстве, на основании которого преследованиям и репрессиям повсеместно в Пакистане подвергались и продолжают подвергаться религиозные меньшинства - христиане и секта ахмадийя, еще во времена З. А. Бхутто законодательно объявленная немусульманской.

Возможность конечного торжества исламистов дает себя знать и в отношении многих в Пакистане к режиму «Талибан» в соседнем Афганистане. Симпатии к талибам - это не конъюнктура, не сиюминутные политические соображения. Это выражение искренних пожеланий им одержать победу и установить власть ислама во всей стране, исходящие снизу, со стороны, как правило, неграмот-

ных рядовых мусульман. И что особенно настораживает - исламисты проецируют вариант развития обстановки в Афганистане на Пакистан, видя в этом один из путей, а может **быть, и главный путь** учреждения в стране исламского государства.

Теперь, когда пакистано-американские отношения характеризуются заметным охлаждением в связи с изменениями в геополитической обстановке и прекращением американской помощи Пакистану, число политиков **в религиозных партиях, делавших** ставку на экономическую помощь США, практически сошло на нет. Победу одержали те, кто с самого начала утверждал, что надеяться на экономический прогресс с помощью врагов ислама, какими являются США, нереально, а то и глупо. Если и надеяться на какую-то внешнюю помощь, то только на помощь исламских стран, подчеркивали они.

Сейчас положение осложняется и тем, что в вооруженных силах, в том числе на **уровне** генералитета, идеи исламистов имеют своих приверженцев. Надо думать, этим объясняется то, что Джамаате ислами устами **своего амира** Казн Хусейна Ахмеда в последнее время резко критикует действия П. Мушаррафа и даже требует его ухода с поста главы исполнительной власти. Показательно, что Ахмед ничего не говорит о **необходимости** восстановления гражданской власти, и как в Пакистане говорят, «уходе армии в казармы». Его риторика направлена лично на генерала Мушаррафа и его ближайшее окружение. Надо сказать, что П. Мушарраф прекрасно информирован о настроениях в армии и предпринимает превентивные акции.

31 августа 2000 г. он произвел важные перестановки в **своем** ближайшем окружении. Генерал Азиз-хан, **начальник генштаба и фигура №2** в иерархии военного режима, **был смещен** со своих постов и назначен командующим корпусом в Лахоре⁴. Азиз-хан известен как человек, который осуществлял контакты с режимом «Талибан» и вообще отвечал за политику на афганском направлении. Его имя ассоциировалось с проталибской линией в политике Пакистана.

Неуправляемый процесс

Установление верховной власти исламистов - это пока из области гипотетических рассуждений. Каких-либо прямых указаний на то, что в Исламабаде готовы занять кресла в правитель-

стве апологеты исламской идеи, сейчас нет. Речь идет о существовании такой возможности в принципе.

Важно отметить, что правительства (военное или гражданское) до сих пор не были в состоянии контролировать или даже влиять на процесс роста симпатий к талибам. Ясно представляет себе, чем эти симпатии могут обернуться для Пакистана, только узкая прослойка интеллигенции. Их мнение **и предостережения** является гласом вопиющего в пустыне, поскольку печатаются в англоязычной печати, а «человек с улицы» (около 60% населения Пакистана неграмотны) в лучшем случае читает газеты на местных языках и на урду. Так что любой политический деятель, вздумавший поднять движение против распространения в стране идеологии талибов, столкнется с непреодолимыми трудностями и обречен на поражение.

Другими словами, мы имеем дело с неуправляемым и неконтролируемым процессом талибанизации Пакистана - тем главным, что объективно характеризует сегодня обстановку в стране. Неконтролируемым по той простой причине, что процесс этот исходит от обездоленных и многократно обманутых масс. Обещания, **щедро** раздаваемые **разными** правительствами и разными режимами, остаются невыполненными. Ни гражданские, ни **военные** власти не могут накормить и обустроить народ. В этих условиях людям не остается ничего, кроме веры в хорошо понятные им вековые традиции и ислам. Но не тот ислам, который проповедуют просвещенные мусульмане, прекрасно понимающие нужду в осовременивании многого в их религии, а примитивный ислам **талибов, видящий все** в черно-белых тонах.

Напрасно некоторые наблюдатели полагают, что процесс этот искусно дирижируется улемами и является воплощением хорошо продуманного и целенаправленного плана. Улемы, конечно, с удовольствием пользуются возможностями, которые дает им эта талибанизация, радостно плывут на гребне исламской волны, ошибочно считая, что они являются хозяевами положения. Они организуют поставки **продовольствия**, одеял и медикаментов в **Афганистан**, поддерживают **прямые контакты с афганскими улемами** (которые часто занимают видные посты **в правительстве**), призывают мусульман игнорировать международные санкции в отношении талибов - и только.

Подобно высшему офицерству в армии, в верхнем эшелоне

бюрократии тоже есть люди, разделяющие ориентацию на тотальную исламизацию. Их сравнительно немного, но они есть.

Надо полагать, что реалистическая оценка мощи исламских радикалов, прежде всего в армии и госаппарате, объясняет осторожность Мушаррафа во всем, что касается ислама. Если раньше он не колеблясь говорил о своих симпатиях к турецкому Кемалю Ататюрку, который еще 80 с лишним лет **назад** **понял** губительность пути, предлагаемого исламистами, то теперь этих мотивов в его публичных выступлениях не найти. Он стал более дипломатичен и порой даже делает **реверансы в сторону религиозных партий и организаций**. **Правда**, что касается последних, по крайней мере Джамаате ислами (ДИ), **то** после отставки Азиз-хана их **первоначальные симпатии к Мушаррафу - дело прошлое**. Поэтому-то амир ДИ Казн Хусейн Ахмед **и требует замены главы** исполнительной власти как не оправдавшего надежд мусульман, не возражая, однако, против дальнейшего пребывания генералов у кормила власти.

Как уже говорилось, нельзя исключать, что исламская волна в перспективе вынесет улемы на самый верх - к власти. Говорить о существовании в армии ориентации на исламизацию жизни и политики заставляет то, что командование **понимает: если** улемам и суждено занять руководящие позиции и управлять страной, то только с одобрения и при эффективной поддержке со стороны вооруженных сил. Возможно, улемы и смогут захватить власть, но править самостоятельно - нет, и для этого есть веские причины.

Все парламентские выборы, когда-либо состоявшиеся в стране, заканчивались для них крахом. Это отражает объективную реальность - население страны при всем его уважении к исламу хорошо понимает ограниченные возможности своих пастырей духовных. Улемы владеют технологией возбуждения волны общественного недовольства (одобрения, осуждения и пр.), но совершенно не приспособлены к кропотливой повседневной работе, которая является сутью деятельности любого правительства. Прихожане знают, что их мулла - это человек, который не может похвастаться ничем, кроме формалистического знания Корана и Сунны и не видит дальше пределов его мохаллы (квартала). А ведь такие муллы - это костяк любой религиозной партии, и как раз из этой среды в случае прихода к власти его партии будут

назначаться министры.

Совсем другое дело - улемы в тандеме с армией. За два с половиной десятилетия у власти армия приобрела кое-какой опыт администрирования и научилась решать элементарные проблемы управления. В перспективе и этот тандем не может быть долговечным. Опыт режима Зия уль-Хака говорит о том, что после нескольких лет у власти у генералитета едва хватало сил, чтобы преодолевать мятежи и кризисы, выходить из то и дело возникавших тупиковых ситуаций. Но дело не только в том, насколько эффективно каждая их двух сил может реализовать свой правящий статус.

Клерики и военные - это еще не все общество. Помимо крестьян, представляющих большинство населения, есть в нем и такие составные, как крупные землевладельцы-феодалы, верхушка бюрократии и крупный (хотя и сравнительно малочисленный) бизнес. Эти социальные слои и по сей день хорошо представлены в офицерском корпусе пакистанской армии. Традиционно эти силы определяли направления и пути развития Пакистана и оказывали огромное влияние на его государственную политику.

Оправданы ли параллели с Афганистаном?

Если проанализировать социально-политическую активность земельной олигархии в Пакистане, то мы убедимся, что сегодня, как и прежде, она играет роль ведущей силы, особенно в сельской местности. Предположим, что в стране произошла исламская революция, о которой так много говорят улемы, и возникли предпосылки для перегруппировки сил на социально-политической арене в деревне. Что, крупные помещики добровольно уступят свои традиционные позиции и передадут функции главной социальной силы исламистам? Ясно, что ответ может быть только отрицательным.

Аналитики порой проводят параллели между Пакистаном и Афганистаном, рассматривая перспективы торжества исламистов в их борьбе за исламское государство. Что касается общественных настроений в отношении ислама и его роли в государственной политике, то тут, вероятно, возражений быть не может. Но относительно руководящей роли клериков за счет олигархов-землевладельцев, несомненно - это продукт неоправданных фантазий.

Иногда можно слышать возражения в связи с тем, что, мол, в

Афганистане исламские фундаменталисты так осуществляют руководящую роль не только в сельской местности, но и повсюду, куда простирается их власть, и что хотя бы теоретически то же самое может произойти и в Пакистане. Эти возражения не корректны. Дело в том, что Афганистан в своем развитии отстает от Пакистана. Помимо этого сегодня там сложилась совершенно особая обстановка. Успехи талибов во многом определяются тем, что они не встречали практически никакого сопротивления со стороны тех сил, которые когда-то обладали немалой властью в сельской местности, а именно - местных феодалов. Крупные помещики-латифундисты либо сгинули в пламени революции и гражданской войны, либо подались в эмиграцию, либо стали жертвами переделов (в том числе и путем военного захвата) собственности, включая и землю. Факт тот, что политическое влияние, которое они когда-то оказывали на ситуацию в деревне, в момент нашествия талибов как фактор отсутствовало. В частности, поэтому успехи талибов были столь впечатляющими.

Препятствием для талибанизации в Пакистане может стать и верхний эшелон госаппарата, руководящее чиновничество было всегда напрямую причастно к принятию правительственных решений. Делить эту привилегию с кем бы то ни было, прежде всего потому, что она связана с прямыми материальными выгодами, эта категория бюрократов вряд ли согласится.

Точно так же воспрепятствует приходу к власти пакистанских талибов и предпринимательская прослойка. У нее уже накопился кое-какой опыт деятельности в условиях военного положения, не так уж плохо она чувствовала себя и при Айюб-хане, и в условиях номинальной демократии (при Беназир Бхутто и Навазе Шарифе), и ставить на карту свой не без труда завоеванный статус она не станет.

Отдельный вопрос - позиция армии. В конкретных условиях Пакистана выбор, который был открыт для нее состоял, в: а) строгом следовании предписаниям конституции, в соответствии с которыми ее наипервейшей задачей и функцией является поддержание боеспособности и защита государственных границ, а также (в исключительных обстоятельствах) ограниченная по масштабам помощь гражданским властям; б) прямом нарушении конституции и незаконном захвате государственной власти.

В первом случае все действия армии предусмотрены Основ-

ным законом, то есть имеют четкие юридические рамки. Во втором - ни о каких рамках речи идти не могло, так как армия сама их устанавливала и была наивысшей властной инстанцией. Зия уль-Хаки прибегал к помощи религиозной партии Джамаате исла-ми, то есть как бы делил с ней власть на условиях неравнозначного партнерства, при которых военные занимали высшую ступень в структуре власти, а улемы - несколькими ступенями ниже, предоставляя военному режиму идеологическое и организационное обеспечение. Никогда не возникало вопроса, кто в стране главный, а кто выполняет функцию поддержки. Нет никаких оснований полагать, что армия вдруг согласится поменяться местами с улемами и занять подчиненное положение, обслуживая чьи-то интересы. Когда представители армейского командования выражают симпатии к исламистам или движению «Талибан», то это никак не означает их поддержку идеи победы такого движения в Пакистане. Это скорее ностальгия по временам Зия уль-Хаки.

Следует оговориться, что действительность всегда оказывается более многогранной, чем любые прогнозы. Но уже сейчас можно сказать с уверенностью, что ползучая талибанизация, прародителем и жертвой которой оказался Пакистан, сулит этой стране только одно - годы политической нестабильности и экономической деградации. Беда Пакистана в том, что на сегодняшний день в нем нет демократических лидеров национального масштаба, которые могли бы открыть народу глаза на опасность исламизации по сценарию талибов и повести за собой массы. Пока что во многом лидерство сохраняют за собой местные улемы, пособники и идеологические братья талибов. Если военный режим во главе с генералом Первезом Мушаррафом намерен удержать бразды правления и выполнить обещание восстановить в стране демократию, они должны будут всерьез подумать о мерах, которые способны послужить барьером на пути агрессивного исламского радикализма. Времени для этого остается мало - до октября 2002 года-лимит, отпущенный военному режиму Верховным судом Пакистана. Есть сведения о якобы имеющемся у Мушаррафа намерении объявить себя президентом страны и внести радикальные изменения в структуру власти⁵. В этом случае возникнут предпосылки для пересмотра государственной политики на многих направлениях, в том числе в отношении сил, представляющих исламский радикализм. В этом же русле идут и сообщения

О якобы готовящихся всеобщих парламентских выборах как единственном пути обеспечения внутренней стабильности, привлечения иностранных капиталовложений и установления нормальных рабочих отношений с новой администрацией США .

Примечания

- 1 Daily Telegraph. 27.08.2000.
- 2 Ibid.
- 3 Guardian. 13.09.2000.
- 4 Daily Telegraph. 1.09.2000.
- 5 Business Recorder. Karachi, 31.08.2000.
- 6 Gulf News. Dubai, 23.02.2000.

ПАКИСТАН: ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ И ВОЕННЫЙ РЕЖИМ

Исследователи часто задаются вопросом: почему демократия **или** то, что традиционно принято называть демократией, никак не может прижиться в Пакистане, в то время как в соседней Индии демократические порядки установились с первой попытки и стали нормой жизни. Показательно, что вопрос этот и именно в этой постановке задают, как правило, иностранцы, обладающие другим по сравнению с пакистанцами менталитетом. Для пакистанца, будь он представителем просвещенной интеллигенции или «человеком с улицы», т. е. не отягощенным излишними знаниями или информацией, он не несет в себе каких-либо парадоксов.

Дело в том, что со времен ранней стадии борьбы между общинами индусов и мусульман, в 40-е годы, внутри последней противостояли два начала - секулярное и то, что стоит на страже традиционных ценностей. Секулярное, или либерально-демократическое, возглавлял М. А. Джинна, современный лидер, выдвинувший и до конца отстаивавший идею самостоятельной государственности для мусульман Южной Азии, но никогда не отождествлявший эту идею с созданием исламского государства. Его личная харизма и притягательная картина будущего государства мусульман были так велики, что никто, в том числе и исламские традиционалисты не смогли воспрепятствовать успеху поднятого Джинной движения за создание государства Пакистан. Трагедией этого государства стало то, что через год после его рождения «отец нации», Каид-и-Азам М. А. Джинна, умер.

Трагедией стали и его смерть, и тот факт, что вместе с ним забвению были преданы и принципы, лежавшие в основе пакистанской государственности. И это случилось не через какой-то значительный отрезок времени, что было бы легко объяснить как результат эволюционных перемен, а всего через год. Баланс сил начал меняться в пользу традиционалистов, восставших против секулярных идей и демократии как порождения этих идей. Одновременно вчерашние противники Джинны улемы занялись выхо-

лаживанием, примитивизацией принципов, выдвигавшихся «отцом нации» как руководящих при создании нового государства.

Уже через два десятка лет, то есть со сменой поколений, при всей почитаемости Джинны мало кто ясно представлял себе, в чем собственно состояла его политическая платформа, за что и против чего он выступал. И тогда и сейчас можно наблюдать, как представители правых религиозных партий, в частности Джа-маате ислами, утверждают, что Джинна, оказывается, боролся за создание исламского государства, то есть ставят все с ног на голову, представляют либерально мыслящего лидера в качестве, ограниченного, фанатичного муллы.

Было бы слишком просто и неправильно считать, что неудачи демократии связаны в Пакистане исключительно с происками религиозных экстремистов из правых религиозных партий. Следует, по-видимому, учитывать и особенности политической культуры, определяющей общественное сознание в этой стране, то есть те факторы, которые препятствуют превращению мусульманской общины в электорат, субъект демократии.

Исторические исследования показывают, что политическая культура в Пакистане, складывавшаяся на протяжении десятилетий, а если оперировать историческими категориями, то на протяжении столетий, испытала на себе сильное, а возможно, и решающее влияние со стороны феодалов и улемов. Если отбросить все второстепенное, она основывалась на суевериях и фатализме, т. е. чертах, которые присущи духовному пастырю мусульман - мулле. Именно эта культура, пишет известный историк Халид бин Сайид, повинна, в частности, в том, что по сей день сельский житель (большинство населения) исходит в своих суждениях и предпочтениях из доктрины такдира, предписывающей уважение к традициям и покорность судьбе¹. Это значит, что он готов принять как божье предназначение все, включая нищету и даже рабский труд на своего феодала. Такое восприятие жизни вкупе с непоколебимыми сектантскими и этническими привязанностями формирует его сознание, предопределяет политические симпатии и антипатии.

Тот факт, что в ходе четырех последних избирательных кампаний (1988-1997 гг.) борьба шла не между экономико-политическими программами, а между личностями (кланами), во многом объясняется этим. Другими словами, законы традиционного

общества и религия выступают в качестве фактора консерватизма и социально-политического статус-кво, даже когда на пути позитивных преобразований не стоит препятствий в виде диктатуры.

Что касается северо-запада Индии, то англичане оставили здесь после себя слабо развитую экономическую и социальную структуру. Следует, однако, отметить, что вместе с этим они оставили в наследство Пакистану слаженный бюрократический аппарат и приличную армию. Соответственно, делами в народившемся государстве заправляли крупная земельная аристократия и верхушка госаппарата, а также военные как часть госаппарата со специфическими функциями. Предпринимательская прослойка, или буржуазия, была очень слабой и не могла претендовать на право голоса в государственных делах, а ведь именно она была носителем демократической идеологии, силой, которая была непосредственно заинтересована в установлении в Пакистане демократической системы правления.

Это не значит, что в Пакистане после Джинны не осталось сил, которые считают утверждение в стране демократии делом своей жизни. Такие силы есть, и несмотря на то, что они сравнительно малочисленны, их голос хорошо слышен. Это, конечно, пакистанская интеллигенция, представители так называемых свободных профессий (юристы, врачи, журналисты, художники и др.), а также крепнущая (хотя и медленно) буржуазия. Более того, магистральная линия политической борьбы в стране проходит именно между демократами и сторонниками построения в стране «истинно исламского государства», среди которых наиболее организованной и многочисленной партией является Джамаате ислами (ДИ).

Эта партия, а также родственная ей по идеологии и приближающаяся по политическому влиянию Джамиатул улемае ислам (ДУИ) были инициаторами законодательного закрепления исламских принципов. В действующей конституции преамбула - это почти дословно Резолюция о целях, подготовленная религиозными партиями в 1949 г. Демократы сделали им эту уступку, ошибочно полагая, что это тактический шаг назад, который можно будет нейтрализовать в будущем. Между тем с Резолюции о целях началось наступление исламистов на позиции демократов, наступление, нередко приносившее им победу.

Давая характеристику нынешней политической ситуации в

Пакистане, следует подчеркнуть, что в расстановке сил в последнее десятилетие произошли определенные, довольно значительные изменения. При том, что разделительная линия в принципе, как и раньше, проходит между демократами и исламистами, позиции первых заметно ослабли, в то время как сторонники исламского пути развития в целом не только сохранили силы, но и заметно приумножили число своих последователей.

Новым моментом является очередной выход на авансцену национальной политики вооруженных сил. Военный режим генерала Первеза Мушаррафа не отменял конституцию, не вводил военного положения, однако именно ему принадлежит вся полнота власти.

Взаимоотношения между исламистами и армией в Пакистане всегда были неровными. Айюб-хан на дух не принимал религиозные партии и вообще исламистов, хорошо понимая мотивацию их политики и плохо скрытое стремление к власти. Несмотря на собственную религиозность, он считал, что вера и религия должны быть отделены от политики. Примерно таких же взглядов придерживался и Яхья-хан. Исламисты при них были в оппозиции, а при Айюб-хане ДИ как инициатор преследований против секты ахмадийя в 1954 г. подверглась довольно суровым репрессиям. Сотни активистов ДИ были осуждены, а амиру партии маулане Маудуди был вынесен смертный приговор, позже, правда, отмененный Верховным судом.

Совсем другая ситуация сложилась при военном диктаторе Зия уль-Хаке. Он исповедовал ислам ДИ, и потому сразу же после переворота, в результате которого он пришел к власти, эта партия была привлечена в качестве главного консультанта в деле законодательной и прочей исламизации. Позже она стала младшим партнером военного режима. В течение одиннадцати лет ДИ выполняла функцию главного арбитра в вопросах, связанных с религиозными нововведениями. Эта сравнительно важная роль, однако, нисколько не уменьшила аппетитов ДИ. Она никогда не переставала думать о верховной власти, но прагматизм диктовал ей умеренность и послушание: сила армии была неизмеримо больше возможностей партии. Положение младшего партнера даже давало определенные выгоды. Можно было, например, расправляться с наиболее серьезными пропагандистами светского пути развития руками военных, не беря на себя ответственность

за репрессии.

Армия выдала ДИ карт-бланш в деле идеологической индоктринации населения. В качестве противопоставления принципам секуляризма и демократии идеологами ДИ выдвигалась так называемая «идеология Пакистана», состоявшая из четырех главных компонентов: 1) ислам - государственная религия, 2) урду - национальный язык, 3) Кашмир - неотъемлемая часть Пакистана, 4) сильная армия - гарант целостности и процветания страны.

Объявление ислама государственной религией должно было стать первым шагом на пути превращения Пакистана в исламское теократическое государство. Урду как национальный язык мыслился как средство подавления и постепенной ликвидации реги-оналистских тенденций среди коренного населения. Признание Кашмира в качестве неотъемлемой части Пакистана должно было лишней раз продемонстрировать единство мусульман (в конце концов, это был единственный лозунг «идеологии Пакистана», не вызывавший разногласий. И потом ведь «К» в аббревиатуре «Пакистан» означал Кашмир²). И наконец, пункт, касавшийся армии как гаранта целостности и процветания Пакистана, делал вооруженные силы одной из опор ДИ и способствовал утверждению среди офицерского состава идеи исламизации.

Задача исламской идеологизации общества, выполнение которой взяла на себя ДИ, была не из легких. История Пакистана, по версии ДИ, начиналась не в те доисторические времена, когда процветала цивилизация Гандхары и долины Инда (Мохенджо Даро и Хараппы), а с завоевания Синда омейядским военачальником Мухаммедом бин Касимом в VIII веке нашей эры, и вообще, Пакистан как в те далекие времена, так и сейчас - это часть Среднего Востока, но не Южной Азии. Какое-либо влияние индийской (индусской) культуры на культуру мусульманской общины отрицалось. В связи с этим классический танец как порождение культуры индуизма был запрещен, музыка и театральные постановки тоже практически попали под запрет. С раннего возраста детям преподавали арабский язык (как правило, очень плохо, так как учителями были местные муллы), а все, что было связано с этноисторическими корнями, напрочь отрицалось. Стоит задуматься над тем, что сегодняшние талибы-пуштуны в Афганистане - это как раз и есть продукт подобного рода обучения.

Необходимо констатировать, что в настоящий момент пакис-

танское общество более чем когда-либо подвержено влиянию религиозного экстремизма. Демократия как форма общественного устройства всегда была весьма слабой в Пакистане, а иногда явно отдавала фарисейством. Даже в периоды гражданского правления декларируемые демократические ценности служили лишь прикрытием авторитаризма. Такой, в частности, была и власть Наваза Шарифа. Многие пакистанцы сегодня видят избавление от жизненных бед в исламской альтернативе. Это не значит, что на следующих выборах (когда и если они состоятся) они дружно бросятся голосовать за кандидатов от религиозных партий. Уже неоднократно в прошлом они демонстрировали способность отделять зерна от плевел, лозунги исламистов от их реальных возможностей. Однако нельзя не ответить, что общий настрой в отношении религиозных партий и вековых порядков меняется в пользу последних. Становится все более очевидным, что еще не пришло время хоронить законы традиционного общества. Именно во времена кризисов они мистическим образом, как птица Феникс восстают из пепла и заявляют о себе. Принцип «больше традиционного общества - меньше демократии» работает без сбоев.

Надо сказать, что после гибели Зия уль-Хака ДИ переживала нелегкие времена. Протекции центра она лишилась и стремление к власти могла теперь реализовать только через выборы, а этот путь не обещал ей ничего хорошего. 11-летнее безбедное существование под крылышком армии укрепило позиции конформистов, которые заявляли, что излишняя революционность только отдаляет партию от власти. Начался отток из ДИ фанатично настроенных элементов. Они присоединялись к различным множившимся джихадистским организациям, готовившим моджахедов для заброски в Кашмир и Афганистан. Только в конце 90-х руководство партии осознало, что потеря революционного имиджа грозит ДИ превращением в политического маргинала. Поэтому после пленума 1997 г. партия берет курс на привлечение в свои ряды массы новых членов, которым было обещано построение исламского государства даже с помощью крайних, революционных средств⁵.

Новая революционность использовалась, однако, в основном для рекрутирования молодежи, но не против правящего режима. Даже правление Наваза Шарифа подвергалось сравнительно

мягкой критике. В вопросе отношения к армии (после октября 1999 г.) ДИ и ее лидеры демонстрировали заметную умеренность. С одной стороны, это был признак интеграции ДИ в истеблишмент, с другой - указание на то, что партия продолжает питать надежды на будущее сотрудничество с военными властями.

Переворот, совершенный 12 октября прошлого года генералом П. Мушаррафом, показал рискованность каких-либо долгосрочных прогнозов относительно настроений в армии. Следует признать, что широко распространенная точка зрения о нежелании армии после 1988 г. выполнять какие-либо неконституционные функции и активно участвовать в политическом процессе оказалась ошибочной. Несмотря на заявления двух предыдущих начальников штаба Мирзы Аслам Бега и Джахангира Карамата о том, что отныне армия сосредоточит все свое внимание исключительно на защите государственных границ, следующий военачальник генерал П. Мушарраф отменил эту точку зрения как устаревшую. Сторонники неучастия армии в политике и отказа от помощи гражданским властям во времена кризисов оказались в меньшинстве.

Интересно, однако, отношение командования вооруженными силами к религиозным партиям и исламу как политическому фактору. Нет сомнений, что среднее звено офицерства или значительная его часть, а также и часть генералитета, как и прежде, находится под влиянием исламских фундаменталистов и ДИ как наиболее организованной их силы. Генералитет, ответственный за принятие решений, не един и придерживается разных точек зрения на проблему взаимоотношений с улемами.

Относительно личной позиции генерала Мушаррафа ясности тоже нет. С одной стороны, аналитики склоняются к тому, что он скорее тяготеет к принципиальной позиции турецкого реформатора Кемала Ататюрка, исповедовавшего секулярные взгляды, чем Зия уль-Хака. Однако в поведении генерала наблюдается определенная противоречивость. Наряду со смещением начальства и человека №2 в иерархии военной власти генерала Азиз-хана, он сделал несколько реверансов в сторону религиозных экстремистов, а главное - встал на их сторону в вопросах отношения к терроризму, по Кашмиру и режиму «Талибан» в Афганистане. В ходе переговоров с президентом США Клинтонем, совершившим кратковременную остановку в Исламабаде по пути из Индии в 2000 г., он дал свою собственную трактовку понятия терроризм и

заявил, что следует различать терроризм и освободительную борьбу народов. Из чего следовало, что действия пакистанских джихадистских организаций в Кашмире, например, это освободительная борьба. Между тем США **официально объявили** некоторые из них террористическими.

В настоящий момент ни **исламисты**, никто другой не в состоянии бросить вызов армии и заявить о своих претензиях на власть. Если у главы режима нет тайных альтернативных планов, то, по-видимому, из трех лет, отпущенных Мушаррафу Верховным судом Пакистана на то, чтобы поставить страну **на путь стабильного развития**, он останется у **руля еще два оставшихся** года. Что будет потом, предсказать трудно. **Ясно лишь**, что придет время, и бразды правления будут переданы гражданским лицам. Как показывает жизненная практика, армия, несмотря на опыт пребывания у власти, не может долгое время управлять государством, она просто не для этого создана. Даже поддержать **политическую стабильность** - то, **ради** чего, по словам генералов, совершаются перевороты, она может лишь сравнительно непродолжительное время. Дальше неизбежно начинаются волнения и беспорядки, ведущие к отчуждению от военного режима целых социальных слоев и даже провинций. Так было при Айюб-хане, Яхья-хане и Зия уль-Хаке.

Вместе с тем поступательное усиление исламистов говорит о том, **что нельзя** исключать их выдвижение на передовые позиции пакистанской политики и даже прихода **к** власти, вполне возможно в тандеме с армией. Кто в этом тандеме будет играть главную скрипку, другой **вопрос. Во всяком случае в национальной** политике ислам будет играть роль неотъемлемого, а возможно, и определяющего элемента.

Примечания

- ¹ Khalid Bin Sayeed. Reconstructing Muslim Society. Dawn, **Karachi**, 1998, March 3.
- ² K. K. Aziz (ed.). Complete Works of Rahmat **Alt**. Islamabad, 1978, Vol 1, p. 4.
- ³ Dawn. 1997, Nov. 4.

ИСЛАМСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ТУРЦИИ 90-х ГОДОВ

Официальные турецкие источники сообщают, что 99% населения Турции составляют мусульмане, остальные - это православные христиане, католики, протестанты, иудеи и др. Все пользуются полной свободой вероисповедания. С гордостью констатируется, что в Османской империи гораздо раньше, чем в «западном мире», проявилась веротерпимость, что в империи не было религиозных войн. Христиане, жившие в Анатолии **при Османах** и даже ранее - при Сельджуках, пользовались полной свободой отправления своих религиозных обрядов. В Анатолии же нашли пристанище иудеи, страдавшие от жестоких гонений со стороны испанской инквизиции в XV веке .

Историческим парадоксом, однако, стало то, что если говорить о свободе вероисповедания в Республике Турция в течение последних нескольких десятилетий, то **некоторые стороны** этой свободы ставятся под сомнение именно в **отношении** 99% населения - мусульман.

Явление это имеет свою историю. Организаторы и руководители национальной войны 1918-1923 гг. против Антанты и примкнувшей к ней Греции, получившие название «кемалисты» по имени их вождя Мустафы Кемалю, поставили своей целью после распада Османской империи построить в Анатолии новое государство - республику - по образцу и подобию западноевропейских стран. В план входило **и искоренение норм** шариата из сфер культуры и юриспруденции, придание республике светского характера. Тем самым кемалисты вольно или невольно наносили удар по всему комплексу культурно-традиционных ценностей этих самых 99%.

Формально закон предоставил право каждому гражданину сделать выбор: верить или стать атеистом. Однако беда в том, что значительная часть наиболее революционно настроенных кемалистов проявила склонность к тому, чтобы трактовать принцип лаицизма (секуляризма) именно с атеистических позиций, что

закономерно вызвало негативную реакцию в различных слоях турецкого общества.

В ходе кемалистских реформ, имевших, безусловно, во многом прогрессивный для Турции характер, возникали острые противоречия в основном вокруг толкования и применения принципа лаицизма, которые в течение определенного времени носили латентный характер, а затем все более явственно стали выступать наружу.

Решительно отделив ислам от государства, кемалисты тем не менее создали Управление по делам культа при администрации президента, т. е. при государстве. Работники Управления имели и имеют статус государственных служащих. Управление состоит из центрального аппарата и местных организаций, в его функции входит наблюдение за всей исламской деятельностью в стране и в определенной степени ее организация. Таким образом, кемалисты, рассматривая служителей культа или, как выражался Муста-фа Кемаль Ататюрк, «чалмоносный фронт», как силу, безусловно враждебную вестернизации, присоединению Турции к концерту западноевропейских стран, приняли меры к организации контроля за их деятельностью.

По этому поводу известный турецкий историк Али Фуад Башгиль отмечал, что «вместо зависимого от религии государства была создана зависимая от государства религия». Прикрепление исламского института в качестве ведомства к государству нанесло ущерб свободе совести и вероисповедания³.

В последние десятилетия линия напряженности и противоречий все явственнее стала обозначаться между модернизацией и традициями. По мнению автора, эта проблема приобретает все более острый и многоплановый характер не только в Турции, но и в мировом масштабе, ибо модернизация не только мыслится, но уже и организуется под руководством мирового правительства по западным цивилизационным стандартам, наезжая тяжелым катком на местные традиционные духовные ценности, на иные цивилизационные формы.

В подтверждение отмеченного применительно к Турции, приведем лишь несколько характерных высказываний. Касаясь модернизации Турции, известный ее общественно-политический деятель Исмаил Джем указывает, что Турция сознательно пошла на нее и в результате пережила самое сильное культурное

потрясение⁴.

Крупнейший турецкий ученый Халиль Иналджик пишет: «Несмотря на усиленные утверждения Ататюрка, что Турция является всего лишь одним из современных национальных государств, родившимся после коллапса средневековой Османской империи, мы должны признать тот факт, что сегодня в плане исторической идентификации и ориентации османизм живет в Турции. Исламское самосознание резко возросло по всей стране как результат глубокого разочарования в итогах социального и экономического развития и секулярной прозападной политики... Исламская реакция, проявившаяся в 50-е годы в период правления Демократической партии, оказалась направленной в то же время против бюрократии, привыкшей насаждать реформы сверху, неудачи последней дали толчок протесту масс, выразившемуся в результатах выборов»⁵.

Сошлемся, наконец, на американского исследователя, который констатирует, что политика секуляризации не оторвала массы турецкого населения от ислама, после трех четвертей века проведения секуляристской политики, являющейся одной из фундаментальных основ республики, огромные массы турок желают усиления политической роли ислама.

Таким образом, говорить сегодня, как утверждают некоторые турецкие руководители, о благополучной гармонии между традиционными исламскими ценностями, с одной стороны, и секулярным вестернизированным истеблишментом - с другой, никак не приходится. Напротив, между этими двумя категориями возникает и углубляется противоречие, становящееся одной из острых проблем дальнейшего развития демократии.

В 20-30-е годы политика культурной вестернизации и секуляризации затронула в основном верхние слои общества. Она разделила последнее на две неравные части: провинциальную глубинку, приверженную традиционным ценностям, и сравнительно узкие городские слои, в основном интеллигенцию с ее вестернизированной культурой и восприятием лаицизма (секуляризма), почти как атеизма.

Позже, после Второй мировой войны, постепенно, однако, и в городах сформировалась довольно широкая база происламского движения. В процессе бурной урбанизации, сопровождавшем кемалистские реформы, многие тысячи обездоленных крестьян

потянулись в города и заселили кварталы геджеконду (трущоб). Если в 60-70-е годы в этих городских районах наивысшей социальной напряженности были довольно сильны позиции левых, то в 80-90-е годы, стало преобладать влияние исламистов.

Начиная с 70-х годов последние оформились в политическую партию (неоднократно запрещавшуюся, но возрождавшуюся под другими названиями) и, расширяя свою социальную базу, наращивая свою популярность, получая все больше голосов избирателей, она обеспечила себе возможность участия в правительственных коалициях. Это было использовано ею для дальнейшего расширения своей базы, в том числе среди бюрократической прослойки и интеллигенции. В результате исламисты стали добиваться успехов на выборах не только в провинции, но и в городах. В частности, им в свое время удалось провести своего сторонника на пост мэра Стамбула, города, традиционно считавшегося оплотом компрадорских, враждебных исламу слоев.

Находясь в 70-е годы у власти в коалиции с левоцентристской Народно-республиканской партией (НРП), исламская Партия национального спасения (ПНС) добилась уравнивания в правах исламских школ (имам-хатипов) к секулярным средним школам, в результате чего выпускники первых получили возможность поступать в университеты, что повлекло за собой рост поддержки исламского движения со стороны студенческой молодежи.

Налицо специфика исламского ренессанса в Турции. Он имеет место в условиях активного и длительного осуществления политической вестернизации в стране, когда оформилась и достаточно глубоко укоренилась многопартийная система, положено начало формированию гражданского общества. С другой стороны, уже в 20-е годы кемалисты нанесли решающие удары по верхушке мусульманских религиозных деятелей во главе с султаном-халифом. Правоверные мусульмане Анатолии не поддержали эту верхушку, поскольку она как бы сомкнулась с оккупировавшими тогда Стамбул англичанами, хотя одно время освободительное движение 1918-1923 гг. и развивалось под лозунгом «освобождения халифа из рук неверных». Как бы то ни было в результате освободительного движения и последующего активного проведения политики секуляризации силы мусульманских служителей культа были основательно подорваны.

В силу всех этих причин в Турции процесс активизации

исламского движения проходил не в виде активизации непосредственно мусульманских служителей культа, а внутри рамок политического плюрализма, вестернизированной политической системы и получил конкретное выражение в форме создания про-исламской политической партии в рамках действующих законов.

Это оказало влияние на весь ход идеологической и политической борьбы в Турции, которое постепенно усиливалось начиная с 70-х годов. В течение 80-х годов, однако, политическая обстановка в стране была сравнительно стабильной. Показывали свою эффективность меры, предпринятые военной хунтой в период военного режима 1980-1983 гг. Маргинальные леворадикальные партии исчезли с политической сцены. Происламская партия не была допущена хунтой к участию в парламентских выборах 1983 г., а на выборах 1987 г. хотя и участвовала, но не преодолела 10%-ного барьера и не прошла в меджлис. Вплоть до 1991 г. страной правил однопартийное правительство правоцентристской Партии отечества (ПО), и это способствовало политической стабильности.

Казалось бы, золотая середина между правами и свободами личности и порядком в государстве усилиями генералов наконец найдена. После 1980 г. прошло десять лет, и установившаяся «традиция» была нарушена - очередной военный переворот не грянул. Однако генеральские запреты начала 80-х на создание и деятельность тех или иных политических партий постепенно уходили в прошлое, и модифицирующаяся многопартийная система стала все более адекватно отражать социально-политические и идеологические противоречия в обществе. В обстановке незрелости гражданского общества борьба между политическими партиями по-прежнему оказывалась далекой от западных норм, приобретая прежний ожесточенный характер и обостряя внутривнутриполитическую ситуацию.

Однако в отличие от потрясавших Турцию в конце 50-х, 60-х и 70-х годов системных кризисов, в назревавшем на рубеже 80-х и 90-х годов новом кризисе решающую роль сыграла новая политическая сила - происламская. После парламентских выборов 1991 г. на смену однопартийному кабинету ПО пришло к власти коалиционное правительство правоцентристов и социал-демократов в лице соответственно Партии верного пути (ПВП) и Социал-демократической народнической партии (СДНП).

Эта коалиция с самого начала была чревата острыми противоречиями и в сентябре 1995 г. распалась. Ординарный правительственный кризис перерос в острый социально-политический, ибо принятый в 1994 г. по инициативе премьера коалиционного правительства - лидера ПВП Тансу Чиллер «пакет мер по экономической стабилизации», который в турецкой печати был назван «пакетом нищеты», вызвал возмущение широких социальных слоев и стотысячные манифестации рабочих и госслужащих с требованиями отставки Т. Чиллер. Вчерашние непримиримые противники - Т. Чиллер и новый лидер социал-демократов Дениз Байкал, поняв, что дальнейшее обострение обстановки может подвигнуть армию на очередное политическое вмешательство, срочно провели через меджлис закон о досрочных выборах.

Выборы состоялись в декабре 1995 г. и принесли ошеломляюще неожиданный для многих результат. На первое место с 21,3% голосов и 158 местами в меджлисе вышла происламская Партия Рефах во главе со своим лидером профессором Неджмет-тином Эрбаканом. Ясно было, что кризис не только не получит разрешения, но, напротив, обострится.

Выборы означали принципиально новую расстановку политических сил. До сих пор борьба за голоса избирателей шла в основном между двумя политическими полюсами - правоцентристским и социал-демократическим (левоцентристским). Между ними были существенные разногласия по вопросам внутренней политики, но в вопросах внешней политики оба полюса сохраняли четко выраженный прозападный характер, выступали за тотальную вестернизацию, инкорпорирование Турции в новый мировой порядок. После выборов размежевание прошло в иной плоскости, образовались два новых полюса. На одном из них сосредоточились все прозападные силы, и правоцентристы, и социал-демократы, а на другом - Рефах, выступившая за известную переориентацию на исламский мир.

Это угрожало системе. Все западники объединились, чтобы не допустить прихода к власти лидера Рефах, пусть ценой нарушения демократической процедуры. Были перепробованы все возможные комбинации, но правительственный кризис продолжал обостряться.

Лишь в июне 1996 г. был создан коалиционный кабинет в составе Рефах и ПВП. Премьером стал Н. Эрбакан, но по усло-

виям коалиции его через два года должна была сменить Т. Чиллер. Влиятельные прозападные, промондиалистские круги пошли на создание такой коалиции, боясь затяжки кризиса в условиях острой социально-политической нестабильности и возможного вмешательства армии. Кроме того, они полагали, что отстранение Н. Эрбакана от участия в кабинете чревато опасностью его полной победы на следующих выборах.

Как отмечали турецкие обозреватели, в кабинете Н. Эрбакана фактически действовали два правительства - Рефах и ПВП, Т. Чиллер, занявшая посты заместителя премьера и министра иностранных дел, должна была не допустить серьезных отклонений от системного курса. Парадоксально, но участие в кабинете этой полностью проамериканской деятельности было выгодно западникам, ибо они могли даже через ее критику ослаблять позиции всего кабинета. А для критики оснований было достаточно: Т. Чиллер скомпрометировала себя своей социальной политикой и особенно скандальными коррупционными делами.

Возмущение западников вызвали визиты Н. Эрбакана в Иран, Ливию и другие мусульманские страны, его высказывания о необходимости создания исламского общего рынка. Резкую критику прозападной печати вызвало то, что Н. Эрбакан, в отличие от прежних руководителей страны, «игнорировал» тюркские республики бывшего СССР. В этом отношении Н. Эрбакан еще ранее заявлял, обращаясь к этим республикам, что со стороны Турции для них исходит опасность втягивания их в проамериканскую политику и мондиалистские планы США.

Мощные прозападные турецкие средства массовой информации делали все возможное, чтобы дискредитировать Н. Эрбакана и его кабинет. Несмотря на коалицию с прозападной ПВП, исламистам удалось осуществить некоторые мероприятия, положительно отразившиеся на состоянии экономики, положении «бюджетников», моральном уровне общества. Однако это только еще более ожесточало оппонентов Рефах и усиливало их критику. Средства массовой информации создавали картину страшной опасности, нависшей над Турцией, и здесь сваливалось в кучу все - и сама Рефах, и ее участие в правительстве, и активизация исламских фундаменталистов, и даже операции террористов из организации «Хезболлах» на юго-востоке страны, которые, по сообщениям турецкой прессы, были связаны с деятельностью

курдских националистов. Появлялись сообщения об активизации каких-то других исламских экстремистских организаций. Таким образом, общественное мнение склоняли к тому, что главное - это устранение от власти правительства Н. Эрбакана любыми способами.

Что касается самой Партии Рефах, то она была создана в 1983 г. в строгом соответствии с конституцией и законом о политических партиях. Главной целью объявлялось обеспечение на базе национальной специфики подъема во всех областях, а также культурного и духовного развития. Лаицизм трактовался как обеспечение свободы религии и совести от всяких посягательств. Именно демократия должна создать условия для этого. Национализм понимался как соответствие исторически сложившимся национальным и духовным ценностям, как основа духовного единства. Основа финансовой политики - следование путем, соответствующим национальным интересам, «вопреки рецептам внутренних и внешних врагов, стремящихся эксплуатировать страну». В национальном образовании Рефах призвала отказаться от опоры на «импортную науку и теорию». Подчеркивалась необходимость религиозного образования как основы духовного подъема. Во внешней политике акцент делался на развитии отношений со странами, связанными с Турцией «историческими и культурными узами»⁷.

Никаких указаний на то, что Рефах стремилась подорвать конституционные основы государства, в программе мы не найдем. Правда, можно допустить наличие в Рефах определенных прослоек, желавших возвести роль ислама и шариата на уровень, который угрожал бы принципу лаицизма.

Теперь о фундаменталистах. Ныне появилась тенденция непременно придавать этому термину злое отрицательный характер и распространять его на всех адептов ислама. Однако, думается, истинное значение этого термина - возврат к конфессиональным первоисточникам, со временем, по мнению фундаменталистов, замутненным, искаженным, стремление к неукоснительному следованию этим первоисточникам. В этом, как таковом, нет ничего криминального.

Другое дело, когда фундаментализм приобретает характер фанатизма, и люди берутся за оружие, чтобы доказать свою правоту и покарать инакомыслящих. Либо создаются террористи-

ческие организации, чтобы с оружием в руках, путем организации терактов доказывать преимущества и права своей конфессии.

Очевидно, все это невозможно инкриминировать Рефах как партии в целом, в том числе ее деятельности в составе коалиционного правительства.

Интересно, что в американской печати в этот период привлекали внимание к «турецкому эксперименту с демократическим исламским правлением». В США резонно подчеркивали особенность «исламского правления» в Турции - его демократический характер, его осуществление гражданскими, светскими политиками, объединившимися в партию в рамках политического плюрализма западного образца. Добавим, что это «исламское правление» возникло в результате свободного волеизъявления народа в ходе демократических всеобщих выборов.

Однако турецкая демократия вновь показала свою незрелость. В 1995 г. турецкий электорат отказался от уже ставшей привычной западноевропейской модели главной альтернативы - между консерваторами (правоцентристами) и социал-демократами и создал иную альтернативу, переведя Партию Рефах из разряда маргинальных в почти правящую. По нормам и канонам демократии, о желании внедрить которые турецкая элита заявляет постоянно, следовало, уважая мнение избирателей, повести диалог с политическим оппонентом и добиваться взаимопонимания, компромисса, решения проблемы в рамках гражданского общества, пусть и весьма незрелого.

Вместо этого представители системы, видимо, полагая, что решение вопроса в указанных рамках затруднительно, решили использовать как политическую силу военных. Вновь проявилась особенность турецкого общества (или его части) в моменты прохождения острых граней кризисов обращать свои взоры к армии. Как сообщали турецкие газеты, и как следовало из бесед автора с некоторыми турецкими журналистами, инициатива использования фактора армии против Рефах исходила из президентского дворца Чанкая. Опыт прошлых военных переворотов научил главных гражданских политиков внимательнее относиться к выдвижению генералов на руководящие посты в генеральном штабе турецкой армии. И теперь лояльной системе генералам дали понять, что их высказывания против «исламской реакции» будут приветствоваться.

Впоследствии в печати Турции и других стран появились сообщения, что «армия ликвидировала исламскую опасность». Но здесь надо подчеркнуть, что армия, как таковая, никаких прямых действий в связи с этим не предпринимала, никакие антиконституционные интервенции военных не имели места. А были на самом деле инспирированные тогдашним президентом Сулейманом Демирелем и его командой выступления высших генералов в конституционном органе - Совете национальной безопасности (СНБ), - направленные на защиту принципа лаицизма от якобы имеющих место посягательства на него со стороны исламистов в лице Партии Рефах.

В обстановке враждебной кампании в печати, критики правительства и Партии Рефах генералами в СНБ Н. Эрбакан в июне 1997 г. решил сократить срок ротации на посту премьера до одного года и передать этот пост Т. Чиллер в соответствии с утвержденным межжлисом протоколом о коалиции. Однако президент неожиданно поручил формирование нового кабинета лидеру ПО Месуту Йылмазу. Таким образом, вопреки некоторым утверждениям, не армия, а президент С. Демирель сыграл решающую роль в отставке правительства Рефах - ПВП. В турецкой прессе вся эта операция была названа «тихим переворотом», в результате которого демократическая процедура была нарушена, а результат волеизъявления избирателей и решение парламента о вотуме доверия правительству Н. Эрбакана, кстати еще раз подтвержденное им в октябре 1996 г., были проигнорированы. Отметим попутно, что состоявшиеся в начале ноября 1996 г. частичные муниципальные выборы показали дальнейший рост влияния Рефах, за которую проголосовали 30,4% избирателей.

Турецкую армию можно считать оплотом кемалистских принципов, в том числе принципа лаицизма. В таком духе воспитывают офицеров в военных училищах и академиях генштаба. Однако в отношении ислама дело обстоит неоднозначно. Попытки изобразить армию врагом ислама, думаем, несостоятельны. Ведь и офицеры, и солдаты в подавляющем большинстве своем тоже правоверные мусульмане.

Правда, вестернизированная политическая элита внимательно следит, чтобы в армии не получали распространения антизападные, «слишком исламские», националистические настроения. С этим связаны происходящие время от времени увольнения из

армии больших групп офицеров и курсантов военных училищ, о чем сообщают турецкие газеты.

В свое время кемалисты, проводя грандиозные реформы, создавая новую Турцию и обоснованно борясь против исламской реакции, несколько «перегнули палку» в подавлении исламских, традиционных ценностей и придании лаицизму атеистического характера. Теперь процесс пошел в обратном направлении. И здесь офицерский корпус турецкой армии - обоюдоострый меч, который может ударить как по «чрезмерным исламистам», так и по «чрезмерным вестернизаторам». Не случайно в ходе событий вокруг РеФах публиковались заявления военного командования, требовавшего не делать армию орудием тех или иных политических сил⁸.

Отставка Н. Эрбакана открыла путь к дальнейшему наступлению на его партию. В феврале 1998 г. Конституционный суд принял решение о роспуске Партии Рефах «за действия, несовместимые с зафиксированным в конституции светским характером государства». Почти одновременно депутаты межжлиса - члены Рефах вступили в новую партию - Фазилет (Партию добродетели), которая в течение нескольких месяцев завершила процесс своего организационного становления.

Основатели новой происламской партии действовали в отношении соблюдения закона еще более скрупулезно, чем их предшественники. Н. Эрбакан уже не мог принимать участия в этом процессе, т. к. в соответствии с законом был лишен политических прав на пять лет. Кроме того, он был подвергнут дополнительному судебному преследованию. Программа Фазилет подчеркивает, что вся деятельность партии должна осуществляться «на базе принципов Ататюрка и демократического, светского, правового государства».

Наиболее происламские положения программы заключаются в следующем. Турция обладает достаточным историческим и культурным потенциалом, чтобы вернуть себе международный статус такого государства, каким в течение шести веков была Османская империя. Одна из главных задач государства - гарантия свободы религиозных верований... Лаицизм - это обеспечение свободы совести и вероисповедания. Среди основных целей партии - верховенство национальной воли, свобода религии, национальное единство. Задача системы образования - подготовка

людей со свободой мысли и совести, с высоким моральным уровнем. В сфере культуры следует прежде всего развивать национальные ценности. Основа экономической политики партии - переход от ренты (ростовщичества) к производству. С исторической и геополитической точек зрения Турция не может быть простым сателлитом некоторых центров, существующие связи с ЕС и США должны быть пересмотрены... Необходимо укреплять братские связи с исламскими странами.

В целом преемственность по отношению программных установок Партии Рефах безусловно соблюдена. Вместе с тем Фази-лет озвучила их в более мягкой форме, учитывая обстановку, она внесла в свою деятельность новые моменты, в том числе стала привлекать женщин к участию в руководстве партийными организациями. Что касается рассуждений об Османской империи, то это - отражение тенденции, характерной не только для исламистов в турецком обществе, это - развитие наступления на позиции кемалистов, тяга не только к исламскому, но и культурно-историческому ренессансу, подогретая развалом СССР и агрессивными устремлениями мусульман на Балканах.

Сформирование в июле 1997 г. кабинета М. Ыылмаза совершенно не означало разрешения политического кризиса. Все понимали необходимость проведения досрочных парламентских выборов, чтобы после стольких потрясений выявить реальное новое соотношение сил.

Выборы состоялись в апреле 1999 г. и принесли новые неприятности прозападной элите. Победу одержала Демократическая левая партия (ДЛП) Бюлента Эджевита, получившая 22,1% голосов. Турецкий исследователь отмечает, что ДЛП пользуется поддержкой «секулярных националистов», поясняя при этом, что определение «секулярные» относится и к исламистам, не требующим создания теократического государства¹⁰. Программные документы партии декларируют: «Народ наш привязан к исламу не меньше, чем к демократии». В них указывается также, что «творческая связь ислама и идеологии придает мусульманскому обществу превосходство и динамизм». Это - новые веяния в партии Б. Эджевита - отца турецкой социал-демократии, веяния, видимо продиктованные общим настроением значительной части турецкого общества.

На второе место впервые в истории республики вышли

крайние националисты в лице Партии националистического движения (ПНД) с 17,9% голосов. Западники, направив все силы на борьбу против исламистов, упустили из виду другого своего врага — ультра националистов. Кстати, исламисты, несмотря на все обрушившиеся на них удары, вышли по итогам выборов на третье место: Фазилет получила 15,4% голосов. В создавшейся ситуации это можно расценивать как успех.

Крупное фиаско потерпели западники, бывшие с 1983 г. главной политической силой в стране. Правоцентристы в лице ПО и ПВП едва преодолели 10%-ный барьер, а социал-демократы в лице НРП вообще не прошли в парламент.

Такая ситуация таит в себе возможность дальнейшего развития политического кризиса, а сформированное после выборов коалиционное правительство во главе с Б. Эджевитом, по всей видимости, получило возможность принимать по этому поводу лишь меры паллиативного характера.

События второй половины 90-х годов указали на серьезное изменение соотношения политических сил. Газета «Фигаро» пишет: «Многие турки, наблюдая в последние годы коррупцию, полагают, что поддержка исламской партии - лучший способ показать свое отвращение к турецкому политическому истеблишменту»¹². Исламизм, пишет турецкий исследователь, - вырос как реакция на социальное, экономическое и политическое недовольство в Турции, включая такие факторы, как иностранное влияние, урбанизация, модернизация и секуляризация. Подъем исламского движения, турецкого ультра национализма и курдского этнонационализма привели к разложению политического центра¹³. Что отчетливо проявилось в результатах парламентских выборов 1999 г.

Активность происламской партии «подпортила» турецким вестернизаторам их дело полного вступления в ЕС, во второй половине 90-х Турция вновь получила отказ в этом. В Европе звучат голоса против превращения ЕС из «христианского в христианско-мусульманский клуб».

В августе 1999 г. тогдашний президент С. Демирель заявил лидеру Фазилет Реджаи Кутану: «Сегодня нет той ситуации, которая существовала в период запрета Партии Рефах»¹⁴. Тем не менее мощные прозападные силы организуют преследование Партии Фазилет. В течение 1999-2001 гг. дела о запрете ее инициировались в Конституционном суде и Генеральной прокуратуре-

туре, и положение партии оставалось неопределенным. В связи с этим Р. Кутан неоднократно выступал с заявлениями, что «в Турции нет демократии и демократического понимания принципа лаицизма». Последний интерпретируется как враждебность исламу. Лишь Партия Фазилет толкует и применяет принцип лаицизма в западной трактовке¹⁵.

И в Турции, и на Западе признают подъем исламского движения, его поддержку широким спектром социальных сил. Как совместить эти реалии сегодняшнего дня с соблюдением кема-листского принципа лаицизма? Это - одна из сложных проблем, вырисовывающихся перед турецкой демократией на пороге XXI века.

Примечания

- ¹ Internet: <http://www.byegm.gov.tr/Turkiyel/english/community404.htm>
- ² Ibid.
- ³ Basgil A. F. Din ve layiklik. Istanbul, 1965.
- ⁴ Perspeictif, nisan 1998. Istanbul - Moskova.
- ⁵ Inalcik H. Turkey between Europe and the Middle East. Journal of International Affairs. Vol. III, Number 1.
- ⁶ Derk Kinnane-Roelofsma. Islam, the Kurds and Turkey's Problems at Home and with the Neighbors. Eurasia News, November 29, 1998.
- ⁷ Refah partisi programi. Ankara, 1983.
- ⁸ International Herald Tribune, 1.12.1998.
- ⁹ Fazilet partisi. «Oncii Turkiye icin elele». Demokrasi insan hak ve ozgurlukleri, bans, adalet, ve oncii bir Ttirkiye icin kalkinma programi.
- ¹⁰ Nilufer Narli. The Rise of the Islamist Movement in Turkey. Middle East Review of International Affairs. Vol. 3, No. 3 (September 1999).
- ¹¹ Demokratik sol parti. Ak gUvercin. Program Ozeti. Internet: <http://members.xoom.com/XOOM/dspecevit/durustluk/htm>
- ¹² Le Figaro, 28.11.1998.
- ¹³ Nilufer Narli. The Rise of the Islamist Movement in Turkey.
- ¹⁴ Hurriyet, 5.8.1999.
- ¹⁵ Hurriyet, 6.4.1999; 15.11.1999.

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ТУРЦИИ

Понятия «парламент» и «парламентаризм» все более основательно входят в жизнь почти всех народов мира - и наиболее передовых, и тех, кого долго считали аутсайдерами мирового цивилизационного процесса. Уже не одно поколение исследователей пытается постичь сущность этого феномена. «Чем интересна история парламентаризма, под которым мы понимаем представительное начало в управлении? Прежде всего тем, что вся история социального бытия человека как существа общественного так или иначе связана с этим началом», - так резюмирует этот интерес исследователь парламентаризма А.И. Ковлер .

В странах «Мирового Севера» парламентаризм стал обязательным и привычным атрибутом государственного строя и политической системы. Обширные регионы «Мирового Юга» также с большей или меньшей степенью результативности осваивают теорию и практику парламентаризма. При этом все меньше и меньше становится влияние тех политических сил, которые в принципе отвергают идею парламентаризма и ратуют за иные ценности в устройстве общества и государства.

Этимология термина «парламентаризм» (parliamentarism, parliamentary system) позволяет его толкование в двух взаимосвязанных смыслах. Первое определение включает в себя систему организации и функционирования верховной государственной власти, характеризующуюся разделением законодательных и исполнительных функций при привилегированном положении парламента². Второе значение термина определяется как теория и практика деятельности парламента³. Более широким и общим является второе определение. Практическая деятельность парламента любого государства вне зависимости от того, является ли он сильным, доминирующим или, наоборот, слабым и декоративным (эти роли часто способны изменяться), может обозначаться, на наш взгляд, термином «парламентаризм».

Предложенная нами трактовка парламентаризма в некотором смысле входит в противоречие с принятой в современной консти-

туционно-правовой теории точкой зрения. Ученые-правоведы, разрабатывающие проблемы парламентского права, дают следующее определение: «...парламентаризм есть особая система организации государственной власти, структурно и функционально основанная на принципах разделения властей, верховенства закона при ведущей роли парламента в целях утверждения и развития отношений социальной справедливости и правопорядка»⁴. Здесь мы видим попытку зауженного, несколько идеализированного взгляда на сущность парламентаризма. Бесспорен тезис правоведов о том, что идеи и принципы парламентаризма становятся преобладающей тенденцией мирового государственного строительства. Однако исторический и политологический анализ может быть квалифицированно выполнен лишь при расширительном толковании термина «парламентаризм».

Парламент, являющийся общенациональным представительным учреждением государства, осуществляющим законодательные функции, появился в эпоху средневековья. Самый первый парламент в мире - это не парламент Англии, возникший в XIII веке, как трактуют почти все отечественные (да и многие зарубежные) исследователи. Еще раньше, примерно в 930 г. н. э., появился Исландский Альтунг, который по праву может быть назван первым парламентом в мире⁶. В течение нескольких столетий парламенты были сословно-представительными учреждениями феодального общества. В ходе буржуазных революций XVI-XVIII вв. и в последующий период парламентское представительство получило широкое распространение. В идеологиях английского, а позже и французского Просвещения были сформулированы важнейшие идеи о естественных, неотчуждаемых правах личности, в том числе о политических правах, о народном суверенитете, выражавшемся через парламентское представительство, разделения властей на три ветви - законодательную, исполнительную и судебную, равенство граждан перед законом и судом. Именно они легли в основу современного парламентаризма.

Довольно сложно и противоречиво складывалась парламентарная система в Великобритании, где долгое время сохранялись прерогативы короны. Война за независимость североамериканских колоний Англии, образование США и принятие Конституции 1787 г. заложили основы американского парламентаризма. Однако парламентаризм современного типа обязан своим рожде-

нием «бурным событиям Великой Французской революции» XVIII века.⁷ Весь XIX век прошел в Европе под лозунгами утверждения идей конституционализма и парламентаризма.

Постепенно в системе высших органов государственной власти западных стран парламент занял формально самое привилегированное положение. Он наделялся прежде всего исключительным правом принятия законов. В некоторых случаях в рамках системы разделения властей это право формально ограничивалось правом вето главы государства (монарха или выборного президента). При этом сложились исключительные прерогативы парламента в принятии бюджета и иных финансовых законов, контроле за деятельностью правительства, ратификации международных договоров, утверждении назначений на высшие должности. Во многих случаях парламенты наделяются определенными судебными функциями.

Идеи конституционализма и парламентаризма более или менее основательно начали внедряться в странах Востока лишь во второй половине XIX века. Парламенты как представительные учреждения возникли лишь в двух странах - Турции (Османской империи) и Японии. В результате буржуазно-демократической революции Мейдзи 1868 г. и последующих реформ была принята первая в истории Японии Конституция 1889 г., а с 1890 г. начал функционировать парламент⁸. Однако бесспорный приоритет в создании представительного органа европейского типа в восточной стране принадлежал Турции.

В XIX веке правящие верхи Османской империи предприняли несколько попыток «реформ сверху» в целях преодоления отставания страны от передовых европейских держав. Султаны Селим III (годы правления - 1789-1807), Махмуд II (1808-1839), Абдул Меджид I (1839-1861) осуществили ряд преобразований, заметно изменивших средневековый облик страны. Особенно плодотворными оказались так называемые танзиматские реформы 40-70-х гг., когда страна в значительной мере повернулась лицом к восприятию европейского опыта. С конца 50-х и до середины 70-х годов в Османской империи произошли некоторые положительные сдвиги в политико-административной, экономической и культурной жизни страны⁹.

Важнейшим результатом танзиматских реформ явилось либерально конституционное движение 60-70-х годов, связанное с

деятельностью «Общества новых османов» и наиболее передовой части имперской бюрократии¹⁰. Большую роль в пропаганде новых идей сыграли газеты «Терджуман-и ахваль» («Толкование событий»), «Тасвир-и эфкар» («Изображение идей»), «Мухбир» («Корреспондент»), «Хюрриет» («Свобода»). «Общество новых османов», созданное в Стамбуле в 1865 г., было поначалу конспиративной организацией. Оно объединило в основном молодую турецкую интеллигенцию. Его лидерами и идеологами стали писатели и публицисты Намык Кемаль, Зия-бей и Али Суави, крупный сановник Ахмед Мидхат-паша. Поначалу членов организации объединяло стремление обеспечить пути экономического прогресса страны. Однако позже была сформулирована и политическая программа. Она включала ограничение прав султана и ответственность правительства перед законом, формулировала идею необходимости разделения законодательной и исполнительной власти, отстаивала принцип выборности таких высших органов власти, как палата депутатов, пыталась теоретически обосновать принцип совместимости идей конституционализма с нормами Корана и шариата. Важнейшим инструментом социально-политического и культурного прогресса страны признавался переход Османской империи от монархии абсолютной к монархии конституционной.

Борьба конституционалистов за свою программу, совпадавшая с рядом международных и внутренних факторов, привела к обнародованию в декабре 1876 г. первой в истории мусульманских стран Конституции. В ней провозглашались принципы личной свободы и равенства всех подданных империи без различия вероисповедания, безопасности собственности и неприкосновенности жилища, пропорционального взимания налогов, запрещения барщины, конфискации, штрафов. Конституция провозглашала свободу печати и обязательное начальное образование. Предусматривалось создание двухпалатного парламента: в верхнюю палату - сенат - султан должен был назначать пожизненных членов, а в нижнюю палату депутатов должно было избирать своих представителей мужское население страны".

Несмотря на расправу султана Абдул Хаида II с лидером движения конституционалистов Мидхат-пашой, в марте 1877 г. открылась первая сессия парламента. В палату депутатов было избрано 119 депутатов, из них 71 мусульманин и 49 немусульман.

Среди депутатов-турок большинство составляли крупные землевладельцы, мусульманские священнослужители, отставные чиновники. В числе депутатов-немусульман были крупные по тому времени торговцы. 25 членов сената были назначены султаном. Первый парламент Турции занял вполне умеренные по отношению к политике султана позиции. Однако в условиях начавшейся русско-турецкой войны 1877-1878 гг. прозвучали и критические выступления. В мае 1877 г. палата депутатов потребовала у правительства объяснений в связи с неудачами в войне с Россией. За это палата была распущена. Новые выборы были проведены осенью 1877 г. Оппозиционно настроенных депутатов стало гораздо больше, критика власти стала острее. Депутаты заявили о необходимости выражения недоверия великому везиру и некоторым министрам за неспособность вести боевые действия. Палате удалось добиться от Абдул Хаида II смены правительства и смены названия главы правительства — вместо великого везира была введена должность премьер-министра. Воспользовавшись катастрофической ситуацией на фронтах войны, султан распустил палату депутатов на неопределенный срок. Формально Конституция была сохранена. Однако фактически установился авторитарный режим Абдул Хаида II.

Основной причиной поражения конституционалистов первого поколения была узость их социальной базы. Силы самих сторонников Конституции были слабы и разрозненны. Не было поддержки и со стороны лидеров национальных меньшинств, которых больше устроил авторитаризм Абдул Хаида II, нежели доктрина «османизма» «новых османов». При этом опыт первого парламентского периода отчетливо показал готовность представительного органа оппонировать султанскому правительству. Не успели, естественно, первые два созыва парламента по-настоящему освоиться с парламентской практикой, выработать определенную систему процедур, развить парламентскую культуру.

В годы длительного правления султана Абдул Хаида II (1876-1909) установился так называемый режим зулюма (деспотизм, тирания, гнет). Руководствуясь доктриной панисламизма, султан всячески подавлял проявления общественной активности своих подданных. При этом империя стремительно теряла свою экономическую независимость и в значительной мере - политический суверенитет. Все эти факторы объективно

способствовали протестному движению в обществе. Оно нашло свое проявление прежде всего в младотурецком общественно-политическом движении конца XIX - начала XX в.

В 1889 г. курсанты Стамбульского военно-медицинского училища под руководством албанца Ибрагима Темо создали тайную антиправительственную организацию, построенную по принципам деятельности карбонариев. В эти же годы сложился зарубежный центр младотурецкого движения. Он базировался в основном во Франции и включал в свои ряды многих интеллектуалов, выехавших из страны. Лидером этой ветви движения и его идеологом стал Ахмед Риза-бей, получивший образование европейского уровня.

При всех разногласиях внутри движения основной программной идеей, разделявшей всеми, была необходимость восстановления конституционного строя и созыва парламента. Основным пропагандистским тезисом движения стало утверждение, что конституционные реформы нужны как средство, способное предотвратить распад и раздел Османской империи великими державами. Статья 3 Устава младотурецкого общества «Иттихад ве тер-раки» («Единение и прогресс») ставила борьбу за восстановление конституционного режима как важнейшую задачу.

Социальное и общественно-политическое развитие Османской империи на рубеже веков, нелегальная антиправительственная деятельность младотурецких организаций, а также внешние импульсы привели к революционным событиям 1908-1909 гг. Под давлением восставших воинских частей и значительной части населения Абдул Хамид II вынужден был в июле 1908 г. согласиться на восстановление Конституции и созыв парламента. Начался так называемый «Второй конституционный период» (1908-1918).

На выборах в Палату депутатов комитет «Единение и прогресс» получил 150 мест из 230, проведя всех выдвинутых кандидатов. Политическая ситуация явно благоприятствовала этому. Младотурки оказались единственной по-настоящему организованной силой. Один из их лидеров Ахмед Риза-бей стал председателем Палаты депутатов. В середине 1908 г. возникла оппозиционная младотуркам политическая организация «Ахрар» («Либералы»).

Достигнув относительно быстрой и бескровной победы, младотурки проявили определенное благодушие. Внеся поправки к

Конституции 1876 г., они оставили на троне Абдул Хамида II, сделав его конституционным монархом. Не вошли они и в правительство, ограничившись контролем над армией и парламентом. Это привело к мятежу сторонников султана в апреле 1909 г., который, однако, был подавлен. Парламент принял решение о низложении Абдул Хамида II и лишении его сана Халифа. На престол был возведен Мехмед V Решад (1909-1918), не игравший никакой роли в управлении государством.

Комитет «Единение и прогресс» с этого времени стал ведущей политической силой в стране. Видные деятели младотурок вошли в правительство, заняли должности губернаторов, послов, военачальников, чиновников при дворе. Своей главной целью в период пребывания у власти (1909-1918 гг., с небольшим перерывом в 1912-1913 гг.) младотурки считали создание благоприятных условий для быстрого развития капитализма в стране.

Используя в числе других и парламентский механизм, они провели реформы государственного аппарата, армии, права и просвещения. Во всем этом, так или иначе, просматривалась попытка механически заимствовать европейский опыт и институты.

Наиболее примечательными актами законодательства парламента, где доминировали младотурки, следует назвать закон «О поощрении промышленности» 1913 г., ряд законов 1913-1914 гг. по аграрному вопросу - законы о земельном кадастре, о порядке владения и наследования недвижимого имущества, о продаже государственных и вакуфных земель, принятые в 1909 г. «Закон о забастовках» и «Закон об обществах». В них, а также принятых на их основе подзаконных актах определялись меры по расширению сферы капиталистических отношений в городе и деревне, а также намечались контуры политики этатизма, в полной мере реализованной уже М. Кемалем в 20-30-е годы. Расторжение договоров, заключенных на основе режима капитуляций, предпринятое младотурками в годы первой мировой войны, не могло дать реальных результатов в условиях войны.

Придя к власти под прогрессивными лозунгами, младотурки не смогли решить важнейшие проблемы развития страны. Столкнувшись с острейшими национальными проблемами, они предпочли диалогу полное подавление национального движения армян, курдов, арабов, албанцев. В социально-экономической сфере их реформистские усилия были явно недостаточны для

последовательного решения существующих проблем. В политической и административной жизни они скатывались все более на произвол и грубое попрание правопорядка.

Существовавшая во втором конституционном периоде форма правления может быть с полным основанием названа конституционной монархией. Здесь можно говорить о доминировании парламента в принятии важнейших для страны решений. Ни султан, ни шейх-уль-ислам не были препятствием для тех сил и персон, которые определяли климат в парламенте. Лидеры партии «Иттихад ве терраки» после 1913 г. установили в стране авторитарный однопартийный режим. При этом парламент и все его возможности использовались для утверждения и легитимизации действий лидеров иттихадистов. Бросающимся в глаза примером такой ситуации служит тот факт, что постановление о вступлении в войну с Германией правительство приняло без учета мнения парламента, которому оставалось лишь утвердить принятое властное решение.

Поражение Османской империи в Первой мировой войне обернулось не только самороспуском партии младотурок, но и ликвидацией парламентаризма конституционной монархии. Ему на смену в ходе борьбы с интервентами пришел парламентаризм нового, республиканского типа.

Подписанное 30 октября 1918 г. «Мудросское перемирие» означало полную капитуляцию Османской империи. Сменявшие друг друга кабинеты Ахмеда Иззет-паши, Ахмеда Тевфик-паши и Ферит-паши, назначенные султаном Мехмедом VI Вахидедди-ном, выполняли все распоряжения руководства стран Антанты. Парламент под давлением союзников 21 декабря 1918 г. был распущен с формулировкой «до заключения мира».

Турецкий народ, однако, не смирился и не согласился с начавшейся оккупацией страны державами Антанты и их планами ликвидации турецкой государственности. Вскоре в различных частях Анатолии стали возникать патриотические общества защиты прав и партизанские отряды, выступавшие против расчленения страны иностранными оккупантами. Постепенно это движение приняло общенациональный характер. Возглавил это движение выдающийся военачальник, в прошлом сочувствовавший программе младотурок, генерал Мустафа Кемаль-паша. Ему удалось убедить в необходимости сопротивления некоторых

командиров армейских соединений. Летом и осенью 1919 г., участвуя в Эрзурумском и Сивасском конгрессах обществ защиты прав, он добился их консолидации под лозунгом спасения страны от расчленения.

Сивасский всетурецкий конгресс обществ защиты прав Анатолии и Румелии сформулировал основные принципы борьбы за независимость и его программу. Важным было решение о том, что территория в пределах границ «Мудросского перемирия» не подлежала отчуждению ни под каким предлогом и составляла единое и неделимое целое Османского государства. Представительный комитет в составе 16 человек во главе с Мустафой Кема-лем, избранный в Сивасе, фактически установил контроль в стране, исключая Стамбул и оккупированные Антантой территории.

Движение против интервентов, развернувшееся почти на всей территории Анатолии, заставило султана и его окружение маневрировать и искать пути его нейтрализации. 2 октября 1919 г. кабинет возглавил сенатор Али Реза-паша, которому поручалось провести выборы в палату депутатов и подписать мирный договор со странами Антанты. Парламент по замыслу султанского окружения и союзных держав должен был перехватить инициативу у национального движения, шедшего снизу.

Однако на выборах в Палату депутатов прошли многие сторонники «Обществ защиты прав». 12 января 1920 г. в Стамбуле открыл свою работу новый парламент. Вопреки ожиданиям султана и держав Антанты, 28 января он принял так называемый «Национальный обет», декларировавший право страны на независимость и целостность в границах перед подписанием «Мудросского перемирия». Обеспокоенные деятельностью парламента союзные державы с согласия султана оккупировали Стамбул, ввели военное положение. Палата депутатов была разогнана. Аресту и высылке на о. Мальту подверглись многие депутаты и видные политические деятели.

В обстановке взрыва народного негодования действиями оккупантов и султанского окружения Представительный комитет взял на себя функции временного правительства. Он обратился с воззванием к населению страны и мусульманам всего мира, где содержался призыв оказать помощь в борьбе против интервентов. В марте 1920 г. Представительный комитет принял постановление о созыве нового парламента.

23 апреля 1920 г. в Анкаре собрался однопалатный парламент (меджлис), который получил название Великого национального собрания Турции (ВНСТ). Этот созыв парламента (23 апреля 1920 г. - 23 апреля 1923 г.) включил 233 избранных и делегированных депутатов и 105 депутатов разогнанной палаты из Стамбула. Среди парламентариев было немало представителей патристической интеллигенции, офицерства, чиновников, духовенства. Широко были представлены предприниматели, землевладельцы. Имели свое представительство национальные меньшинства - курды, черкесы, лазы. Председателем ВНСТ был избран Мустафа Кемаль. Парламент провозгласил себя единственной законной властью в стране. ВНСТ сосредоточил в своих руках и законодательную, и исполнительную власть. В мае 1920 г. было создано правительство ВНСТ в количестве 11 человек во главе с М. Кемалем, которое стало осуществлять функции исполнительной власти от имени парламента.

Новый парламент смог не только перехватить властную инициативу из рук султанского правительства. Он организовал и возглавил борьбу как с султанской «халифатской армией», так и иностранным военным присутствием. Проявив незаурядные организаторские, военные и дипломатические качества, новый парламент и его руководство сумели создать регулярную армию и одержать военную победу над противниками.

Важным шагом в конституировании новой власти был «Закон об основах организации», принятый меджлисом 20 января 1921 г. Он состоял из 23 статей. В них определялось, что власть принадлежит народу, а суверенитет - нации; ВНСТ провозглашался единственным представителем нации и носителем всей законодательной и исполнительной власти. Также был определен порядок избрания депутатов меджлиса, формирования правительства и его функционирования. Ряд статей закреплял административное деление, порядок местного самоуправления и контроля. Хотя Закон 1921 г. не определил форму правления страны, характер заложенных в Законе норм и институтов явно демонстрировали, что «речь идет о начальном этапе создания политической системы с элементами того, что на Западе принято называть политической демократией»¹³.

1 ноября 1922 г. парламент принял закон, который ликвидировал султанат. При этом был временно сохранен институт хали-

фата. «Халифом всех мусульман» был избран парламентом представитель османской династии Абдул Меджид II.

Первый созыв парламента в Анкаре оказался весьма пестрым по своему составу. Поэтому неизбежна была полемика о путях развития страны и формах государственного строя между различными по своей ориентации силами. Тем более Закон 1921 г. юридически не устанавливал форму правления. В этих условиях вокруг М. Кемаля сформировалась группа его радикальных сторонников из «Обществ защиты прав», на базе которой в апреле 1923 г. была сформирована Народная партия (позже Народно-республиканская партия). В числе сформулированных М.Кемалем девяти принципов построения новой Турции закреплялось безраздельное осуществление верховной власти в стране Великим национальным собранием Турции. С более умеренными программными установками выступила в парламенте первого созыва «вторая группа защиты прав», которая предостерегала от форсированной вестернизации и требовала учета специфики страны и ее условий в ходе начавшихся преобразований. Таким образом, уже в первом парламенте, руководимом М. Кемалем, откристаллизовались две политические тенденции: радикальная и умеренная. Между ними развернулась борьба за влияние на депутатов. Желая опередить противников, кемалисты добились проведения в июне-июле 1923 г. выборов в меджлис второго созыва. Сторонники М. Кемаля получили подавляющее большинство: из 286 депутатов по списку Народной партии прошло 263 депутата.

Успех кемалистов на выборах был закреплен еще тремя важными политическими шагами. 24 июля 1923 г. в Лозанне (Швейцария) был подписан выгодный для правительства ВНСТ мирный договор. 13 октября 1923 г. парламент объявил столицей Турции Анкару, лишив стамбульскую бюрократию, клерикалов и компрадоров реального влияния на политику. И наконец, 29 октября 1923 г. ВНСТ провозгласило Турцию республикой. Первым президентом Турецкой Республики парламент избрал Мустафу Кемаля.

Первое республиканское правительство, которое 30 октября 1923 г. возглавил Исмет-паша, один из верных сподвижников М. Кемаля, провозгласило курс на реформы. Большинство преобразований законодательно осуществлялось через механизм парламента. Среди важнейших актов этого периода следует отметить

Закон № 431 от 3 марта 1924 г. о ликвидации халифата и высылке всех членов османской династии из страны. Тогда же были приняты Закон №429 об упразднении министерства по делам шариата и Закон №430, по которому все образовательные учреждения, в том числе религиозные, подчинялись министерству национального просвещения. Также в марте 1924 г. меджлис ввел новое административное устройство со строгой централизацией. Наконец, 20 апреля 1924 г. был принят Закон №491 «Об основных установлениях», который стал конституционным законом страны.

Основной Закон «Первой республики» состоял из 105 статей, размещенных в 6 разделах. В нем были заложены три главных принципа: республиканизм, национализм, единство властей. Последний отразил идею М. Кемалья к единению двух ветвей власти: законодательной и исполнительной в рамках ВНСТ. Однако, как отмечал В. И. Данилов, в Конституции «намечалось "мягкое" разделение властей». На ВНСТ возлагались законодательные функции, а исполнительные - на президента и правительство. Хотя меджлис наделялся правом контроля за деятельностью правительства, он мог лишь ставить вопрос о доверии правительству. Функция же утверждения правительства передавалась президенту республики. Но в сравнении с Законом об основах 1921 г. Конституция 1924 г. была существенным продвижением по пути к демократии западноевропейского образца.

Дважды в первой половине 20-х годов в ходе кемалистской революции возникали ситуации, когда могла появиться реальная двухпартийная система. В 1922 г. уже упоминавшаяся «вторая группа защиты прав» пыталась противопоставить радикалам-вес-тернизаторам из окружения М. Кемалья более умеренную программу. В ноябре 1924 г. в рамках парламента второго созыва возникла Прогрессивно-республиканская партия, которая вполне признавала демократические принципы. Однако в обоих случаях М. Кемаль не рискнул поставить под угрозу свою власть и программу реформ. Оппозиция, пусть даже демократическая, была упразднена. Еще один опыт с созданием лояльной Свободно-республиканской партии («Сербест джумхуриет фыркасы») во главе с лично преданным М. Кемалю Фетхи-беом в 1930 г. был прекращен в связи с большой концентрацией вокруг новой партии всех недовольных кемалистским режимом сил.

Парламентаризм в эпоху М. Кемалья (до 1938 г.) и вплоть до

конца второй мировой войны, безусловно, обладал определенными признаками классической европейской парламентарной системы. Однако при этом он имел четко выраженный вождистский характер. Это была «демократия большинства», которое всегда (или почти всегда) шло за лидером. Через парламентский механизм утверждался фактически однопартийный режим кемалистской Народно-республиканской партии. Сам М. Кемаль, подобно О. Кромвелю, устраивавшему чистки «Долгого парламента» в Англии, постоянно прореживал ряды своих политических оппонентов. В то же время именно через систему парламента проводились жизненно необходимые для страны реформы 20—30-х годов, твердо поставившие страну на путь капиталистического развития.

В 1945 г. начался новый этап в развитии политической системы Турецкой Республики и турецкого парламентаризма. В атмосфере резкой критики однопартийной системы внутри страны и давления западных стран президент Исмет Иненю и его окружение вынуждены были разрешить создание политических партий. Начался новый, плюралистический, этап в развитии турецкого парламентаризма. В 1945-1948 гг. возникли Партия национального подъема, Демократическая партия, Либеральная демократическая партия, Партия фермеров и крестьян, Партия только для родины, Рабоче-крестьянская партия Эргенекона, Религиозная партия очищения и защиты, Партия защиты ислама, Патриотическая партия, Исламская турецкая консервативная партия, Партия возвышения Турции, Партия самих демократов, Свободно-демократическая партия, Партия социальной справедливости, Турецкая социал-демократическая партия, Социалистическая и рабочая партия Турции, Турецкая рабоче-крестьянская партия, Турецкая социалистическая рабоче-крестьянская партия¹⁶.

Реальную конкуренцию НРП составила лишь Демократическая партия, которая на парламентских выборах 1946 г. провела 61 депутата. В дальнейшем, несмотря на внутренние разногласия по вопросам дальнейшей демократизации, НРП и ее лидер И. Иненю продолжили этот курс. Проиграв Демократической партии выборы 14 мая 1950 г., НРП уступила власть. С этого времени в рамках турецкого парламентаризма начала функционировать многопартийная (реально двухпартийная) система. Демократическая процедура формирования парламента была в

целом соблюдена в 1954 г. и в 1957 г., когда на выборах побеждала Демократическая партия. Однако промахи, ошибки и злоупотребления, допущенные лидерами правящей партии, привели к государственному перевороту 27 мая 1960 г. Президент Дж. Баяр, премьер-министр А. Мендерес и другие руководители были арестованы и отданы под суд военными руководителями страны из Комитета национального единства (КНЕ).

Распустив парламент и приняв временную Конституцию, КНЕ превратился в высший законодательный орган страны. Его, а также временное правительство возглавил генерал Дж. Гюр-сель. Предложения ряда военных чинов из КНЕ установить долговременное военное правление было отвергнуто умеренной генеральской группировкой, на которую соответствующее давление оказали США и прозападная турецкая элита. Поэтому в декабре 1960 г. КНЕ принял закон об Учредительском собрании, которому передавались законодательные функции. Проработав с 6 января до 27 мая 1961 г., собрание приняло новую Конституцию, которая была утверждена на референдуме 9 июля 1961 г.

По многим позициям это был качественно новый политико-правовой документ. Статья 2 объявляла Турецкую Республику «национальным, демократическим, светским и социально-правовым государством». Важнейшими принципами государственного строя провозглашались республиканская форма правления, независимость законодательной, исполнительной и судебной властей друг от друга, выборность и сменяемость представительных органов, отчетность исполнительной власти, гарантии независимости судебной власти¹⁷.

Новая Конституция, которая фактически учредила новую, «вторую республику» в Турции, внесла существенные коррективы и в парламентарную систему страны. Здесь произошел возврат к системе двухпалатного парламента, существовавшей в первый и второй конституционный периоды. Изменялась структура ВНСТ, которое состояло из национальной палаты (нижней палаты) в 450 депутатов и сената как верхней палаты из 150 человек. Срок полномочий нижней палаты устанавливался в 4 года, верхней - в 6 лет при ротации через каждые два года трети состава сената. Значительно урезалась компетенция ВНСТ, в которую входило принятие законов, утверждение бюджета, ратификация договоров, право амнистии. При этом значительно возрастали

прерогативы исполнительной власти при снижении контролирующих рычагов двухпалатного парламента.

По чисто внешним признакам в 1961 г. была создана парламентарная республика. Правительства и правительственные коалиции создавались по итогам парламентских выборов. Но кардинальные властные решения, особенно в критических ситуациях, оставались либо за президентской властью, либо за армейской верхушкой.

В целом можно утверждать, что после 1961 г. наступил период «контролируемого» парламентаризма. Если все предыдущие конституции страны и поправки к ним принимались парламентом, то в последующий период они утверждались через плебисциты. При этом новая парламентарная система не обрела устойчивости и не смогла предотвратить ожесточенную политическую борьбу, выливавшуюся зачастую в кровавые конфликты и террор как левого, так и правого толка. Почти все правительства «второй республики» были коалиционными. Само общество было крайне атомизировано и не могло рационально воздействовать на политическую элиту.

Кризисные периоды повторялись во время «второй республики» с интервалом в 3-4 года. В ходе одного из пиков таких кризисов в 1971-1972 гг. армия вновь вмешалась в политический процесс. А в сентябре 1980 г., когда разгул экстремизма и неспособность гражданских властей справиться с ситуацией проявились с полной очевидностью, армия полностью взяла власть в свои руки. Был создан Совет национальной безопасности (СНБ) во главе с генералом Кенаном Эвренем, который выполнял функции законодательного органа и Временное правительство во главе с вице-адмиралом Бюлентом Улусу, которое стало исполнительной властью. Парламент был распущен, все политические партии ликвидированы, лидеры партий интернированы. Наведя в стране суровыми полицейскими мерами порядок, военные власти приступили к подготовке новой Конституции. Политические партии и их лидеры от этого процесса были отстранены. Составителями проекта были эксперты из числа военной и гражданской бюрократии.

Принятая на референдуме в 1982 г. Конституция учреждала фактически новую, «третью республику». Это была «жесткая конституция», которая по замыслу составителей должна была

предотвратить возникновение кризисов, подобных 1960, 1971 и 1980 гг. Поэтому новый Основной закон усиливал роль и авторитет государственной власти. При этом крен направлялся в сторону усиления исполнительной власти в лице президента республики и совета министров. Чрезвычайно широкими полномочиями наделялся надпартийный президент.

Новая Конституция предусматривала определенную «рационализацию парламентаризма»¹⁸. Вместо двухпалатного вводился однопалатный парламент, в который ныне избирается 550 депутатов. К выборам депутатов допускались кандидаты от политических партий и независимые. Вдвое, с 10 до 20, увеличивалось число депутатов, необходимых для создания парламентских групп. Предусматривались меры по упрощению парламентских процедур. В то же время вводился жесткий порядок избрания президента парламентом, на который отводилось 30 дней. Четкие сроки и порядок устанавливались для избрания председателя парламента, количество депутатов для кворума и принятия решений.

В результате принятия в 1983 г. законов о политических партиях и о парламентских выборах было разрешено создание новых партий. Этот процесс, как и процедуру выборов, жестко контролировали военные власти. К парламентским выборам в ноябре 1983 г. было создано 15 партий. Однако на выборы были допущены 3 партии. Победу одержала Партия отечества, лидеру которой Тургуту Озалу было поручено формирование правительства. Генерал К. Эврен на семилетний срок стал президентом республики.

Примерно в 1986-1987 гг. в Турции завершился процесс воссоздания многопартийности. Постепенно утвердилась функционирующая и поныне система, когда за места в парламенте соперничают силы четырех направлений политического спектра: праволиберального (представленного Партией отечества и Партией верного пути), левоцентристского (Демократическая левая партия и Народно-республиканская партия), происламского (Партия добродетели) и ультранационалистического (Партия националистического движения).

С 1983 по 1991 гг. правительства возглавляли лидеры Партии отечества Т. Озал (до своего избрания в 1989 г. президентом республики) и И. Акбулут. С момента выборов в декабре 1991 г. правительства формировались коалиционные, так как ни одна партия не набирала даже трети голосов избирателей. В 1991-

1996 гг. коалиционные кабинеты возглавляли лидеры Партии верного пути С. Демирель (до своего избрания президентом весной 1993 г.) и Т. Чиллер, вступившие в коалицию с левоцентристами. Однако досрочные выборы в декабре 1995 г. принесли ошеломляющие результаты. На них победу одержала Партия благополучия, лидер которой Н. Эрбакан в коалиции с лидером ПВП Т. Чиллер сформировал правительство. «Исламский ренессанс» никак не устраивал прозападную в целом правящую элиту. В

1997 г. Н. Эрбакана вынудили уйти в отставку. В 1998 г. Партия благополучия (Рефах) была запрещена Конституционным судом. Однако исламисты создали новую Партию благодетели (Фази-лет), которая на досрочных выборах в апреле 1999 г. стала третьей. Первой стала Демократическая левая партия Бюлента Эдже-вита, который в коалиции с националистами из Партии националистического движения сформировал правительство.

Несмотря на кризисные моменты 1995, 1997 и 1999 гг., политическая элита Турции оказалась способной разрешать политические разногласия в рамках Конституции 1982 г. и парламентского механизма. Она продемонстрировала способности находить консенсусные решения в сложных ситуациях. Примером такого подхода стало избрание парламентом в мае 2000 г. Ахмеда Неджеда Сезера, бывшего до этого председателем Конституционного суда, президентом Турецкой Республики.

Обобщая наш анализ эволюции парламентаризма в Турции XX века, можно сделать ряд общих и частных выводов. При том, что данное исследование не опиралось на прямую источниковую базу, взятую в стране изучения, ряд выводов мог бы стать основой для дальнейшего изучения различных аспектов турецкого парламентаризма. Тем более, что российская исследовательская традиция уделяла явно недостаточное внимание изучению представительных учреждений в странах Востока и их роли в развитии общества. Между тем исследованием различных аспектов исторической и современной практики парламентов Европы занимается научная Международная комиссия по изучению истории представительных учреждений и парламентских институтов, которая регулярно проводит свои конгрессы и публикует результаты своих изысканий¹⁹. Аналогичная работа, на наш взгляд, должна быть налажена для изучения представительных институтов в странах Востока.

Б. М. Ягудин

Парламентаризм в Турции проходил через непростые стадии утверждения, становления и укоренения. Нами сделана попытка периодизации парламентарного опыта страны, в котором выделены следующие этапы. После нескольких столетий деспотического правления впервые в истории стран Востока в Османской империи в 1877 г. возникло представительное учреждение европейского типа. После короткого опыта первого конституционного периода (1876—1878 гг.) был сделан по вине султанской власти тридцатилетний перерыв. В 1908-1918 гг. в так называемый второй конституционный период имел место опыт конституционно-монархического парламентаризма. 1920-1945 гг. могут быть названы периодом республиканского парламентаризма однопартийного типа. В 1945-1960 гг. сложилась реальная двухпартийная система республиканского парламентаризма. В 1961-1980 гг. в стране сложилась и функционировала многопартийная, плюралистическая демократия. Наконец, период с 1980 г. по 2000 г. может быть назван «периодом управляемого парламентаризма», «управляемой демократии».

Эволюция парламентаризма в Турции, как и в некоторых европейских странах, проходила в двух направлениях. Одно направление - это институционализация представительной системы, создание парламентарно-демократической инфраструктуры - всеобщее избирательное право, парламентская система, многопартийность, расширение форм местного самоуправления. Второе направление связано с реальным формированием правосознания населения, повышением степени зрелости и развитости властных элит, зарождением основ гражданского общества.

Опыт турецкого парламентаризма со всей отчетливостью показал, что даже малоэффективный, иногда работающий почти вхолостую, пробуксовывающий парламент играет в обществе весьма позитивную роль. Он не только выполняет необходимую функцию в системе баланса законодательной, исполнительной и судебной властей, но также влияет на характер взаимоотношений различных социальных сил и групп, налаживая между ними коммуникативный механизм, который, в конечном счете, консолидирует всю нацию.

Признавая тот факт, что политическая модернизация в Турции XX века была модернизацией «догоняющего типа», когда не удается избежать определенной подражательности, вторич-

ности в построении парламентарной системы, можно отметить все же активное восприятие турецкой элитой накопленных другими народами образцов парламентарной культуры. В настоящее время сколько-нибудь влиятельные политические силы страны не мыслят свою деятельность вне парламентарной практики, вне альтернативных проектов и цивилизованной конкуренции.

При всех сложностях и противоречиях в процессе утверждения парламентаризма в Турции XX в., неоспоримой является его роль в принятии ключевых в истории страны решений, в утверждении суверенитета и проведении реформ.

Примечания

- ¹ Парламенты мира: Сборник «Советско-американский фонд "Культурная инициатива"». М., 1991, с. 580.
- ² Юридический энциклопедический словарь. М., 1984, с. 242.
- ³ Халипов В. Ф. Власть: Кратологический словарь. М., 1997, с. 252.
- ⁴ Парламентское право России. М., 1999, с. 5.
- ⁵ Там же, с. 5.
- ⁶ The Hutchinson Pocket encyclopedia. Helicon Oxford. 1995, p. 408.
- ⁷ Из истории европейского парламентаризма: Франция. М., 1999, с. 3.
- ⁸ История Японии. Т. II. 1868-1998. М., 1998, с. 106-124.
- ⁹ Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983, с. 124.
- ¹⁰ Еремеев Д. Е., Мейер М. С. История Турции в средние века и новое время: Учеб. пособие. М, 1992, с. 214-216.
- ¹¹ Кинросс Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. М, 1999, с. 559.
- ¹² История стран Азии и Африки в новое время. Учебник. 4.2. М., 1991, с. 247.
- ¹³ Данилов В. И. Турция: борьба за создание вестернизированного демократического общества. Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация). М., 1999, с. 167.
- ¹⁴ Новейшая история Турции. М, 1968, с. 82.
- ¹⁵ Данилов В. Д. Турция: борьба за создание вестернизированного демократического общества., с. 174.
- ¹⁶ Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983, с. 216.
- ¹⁷ Там же, с. 232.
- ¹⁸ Ozbudun E. Turk anayasa hukuku. Ankara, 1986, с. 50
- ¹⁹ Contributi alia storia parlamentare Europea (secoli XIII-XX). Camerino, 1996, p. 392

О. И. Жигалина

ИСЛАМ У КУРДОВ ЗАПАДНОЙ АЗИИ

Исламизация Курдистана началась, как известно, в VII веке в городских центрах Сизре, Эрбиле и Диарбакире¹. Курды, представляющие доминирующий этнос в этом регионе, принадлежат к мусульманам-шафиитам в отличие от своих соседей - турок, арабов (ханифитов) и иранцев (шиитов), стремясь как бы дистанцироваться от них. Испытывая политическое, военное и духовное давление со стороны Османской Турции и Иранской империи, инстинкт самосохранения, очевидно, пробудил некоторую часть курдов выступить против идеи межнационального бога, отождествляющей понятие религиозной и этнической принадлежности, заложенной в исламе.

Ислам у курдов характеризуется сильным мистическим акцентом. Многие курдские улемы связаны с различными суфийскими орденами. Наиболее распространенными были накшбанди и кадери, сохранившие свое влияние на некоторую часть курдов и до сих пор. Стоит отметить, что суфийские ордена представляют собой модель социальной организации независимо от принадлежности их приверженцев к определенному племени или государству.

До 20-х годов XX века религиозный фактор играл определенную роль в курдских движениях за независимость. Значительным политическим влиянием обладали известные курдские суфийские улемы, способные собрать под свои знамена большие массы людей. В период усиления противоборства между курдами и представителями Османской империи шейхи выполняли посреднические функции в урегулировании спорных ситуаций. Это им удавалось благодаря тому, что их авторитет не зависел от племенной принадлежности. Не случайно многие курдские восстания с националистической окраской возглавляли суфийские шейхи - Обейдулла (1880) и шейхи Барзана в центральном Курдистане, шейх Сайд (1925) на севере и шейх Махмуд Барзинджи в южном Курдистане (1919, 1922 и

Возглавлявшие восстания суфийские шейхи преследовали

©О. И. Жигалина, 2001

цель освобождения от колониальной зависимости, и связывали свою борьбу с созданием такого социального порядка, который бы не противоречил сложившимся устоям и воспринимался курдским населением как привычный. Лозунги этих движений поэтому были связаны с национально-религиозной традицией Курдистана, отражая воззрения мусульманских мыслителей прошлого, в философии которых национальное начало сочеталось с религиозным.

Отметим, что специфика идеологии всех направлений суфизма не способствовала достижению курдами независимости в современном понимании этого понятия. Освобождение и независимость в то время трактовали как невмешательство Турции, Ирана и Ирака в дела внутреннего самоуправления курдского региона под руководством наследственных вождей. Для курдского суфия главным было путем нёстяжения и самоотречения, аскетической жизни, под руководством наставника - дервишеского шейха (старца) добиться не личного богатства, а благосостояния для широких масс населения. Причем основное внимание уделялось не экономическим, а духовным факторам/ Не случайно суфийские общественно-политические деятели не привлекали должного внимания курдов к улучшению их хозяйственно-экономического положения. В их проповедях пробивалась мысль об уважении к человеческой личности, о братстве и содружестве всех курдских племен и вероисповеданий, о сочувствии человеку в беде, взаимопомощи. Однако в них содержится учение о бедности, которая трактовалась так, что суфий не должен привязываться душой к богатству и не смотрел бы на себя как на собственника, а лишь как на хранителя богатства, доверенного ему Богом.

Несмотря на беспрецедентную роль курдских шейхов в мобилизации масс, их значимость в курдских движениях в первой трети XX века существенно снизилась. Это было связано с социальными сдвигами, происшедшими в курдском обществе.

В 20-30-е годы XX века традиционная социальная структура курдского общества начала распадаться³. И этот процесс сопровождался социально-политическим размежеванием курдов. Так, часть курдов-мусульман стала затушевывать свою курдскую идентичность, отдавая предпочтение принадлежности единой мусульманской общине. Эта часть курдских мусульман находилась в противоречивых отношениях с другой частью курдского

населения, которая, хотя и была чисто суннитской, подчеркивала свою курдскую национальную идентичность. Курды-сунниты проявляли наибольшую политическую активность в курдском движении⁴.

Будучи центром ортодоксального ислама, Курдистан был благодатной почвой для возникновения неортодоксальных сект, к числу которых **принадлежат езиды, алевиты** (кизилбаши), **ахле-хакк** («люди истины»).

Значительную группу в Турецком Курдистане составляют алевиты. Это собирательное наименование различных синкретических, экстремистских шиитских сект, которые являются приверженцами **Али** и испытывают влияние некоторых доисламских верований **тюркского и иранского** происхождения⁵.

Среди алевитов немало курдов, говорящих на диалекте заза, но есть и верующие, общающиеся на диалекте курманджи и даже турецкоговорящие алевиты. Вместе с тем многие курды-заза являются суннитами. В Османской империи алевитов нередко преследовали не только за их неортодоксальность, но и потому, что их подозревали в симпатии к иранцам. Это явилось причиной того, что многие алевиты **предпочитали селиться в горных** деревнях, сравнительно изолированных от их суннитских соседей. Однако с 1950-х годов многие алевитские общины переселились в города, где их **приверженцы** жили и **работали совместно** с суннитами. В ту пору в городах центральной Турции наблюдалось усиление стычек между алевитами и суннитами.

О происхождении этой секты существуют многочисленные легенды. Одна из них была записана русским дипломатом бароном Бодде, побывавшим в Иранском Курдистане в 1837 г.: «Поклонники Али-Уллаха или Алия-Бога - называются Нусейри и вот как персияне толкуют о происхождении этой секты, - писал барон Бодде. - Пророк их Али, говорили они, собираясь однажды в поход, вознамерился взять с собою одного из сыновей своих по имени Нусейра - но мать его Кейвони долго не соглашалась отпустить любимого сына и только тогда решилась с ним расстаться, когда получила слово от Алия, что он **привезет** сына невредимым. - Во время пути Нусейр ревностно служил пророку. - **Однажды** утомленный зноем и **чувствуя** сильную жажду, **Али** приказал Нусейру сойти с горы и принести ему напиться воды из источника, находившегося у **подножья** ее. — Нусейра послушался,

но приближаясь к источнику он увидел там Алия пьющего из него воду, а потому возвратился на гору, где к удивлению своему нашел пророка на том же месте где прежде оставил его. - На вопрос почему он не выполнил данного поручения, Нусейр рассказал о происшедшем и когда услышал от **Алия, что** он не сходил с места, то бросился к ногам его и начал поклоняться ему как Богу. - Раздраженный таковым поступком и огорченный, что собственное дитя его осмелилось не признавать истинного Бога и поклоняться его творению, Али в гневе отсек голову сыну. - Но вскоре заговорило в нем сердце родителя и он молил Бога возвратить жизнь преступнику. - Молитва его была услышана. Нусейр ожил, но вместо того, чтобы отречься от прежнего заблуждения своего, он после чуда над ним совершившегося еще тверже укрепился в убеждении о божественности Али. - Говорят, что Али несколько раз повторил над сыном роль палача, надеясь жестокою казнью искупить душу его и вместе с тем выказать собственную ревность в служении Богу; но наконец по внушению будто бы самого Бога, Нусейр оставлен был в живых, дабы Али мог исполнить данное жене при прощании слово. - От этого-то Нусейра по словам туземцев происходит секта Нусейри или Али-Уллахи⁶.

Алевиты появились в IX веке как **последователи учения** Нусейра, в котором сочетались астральные культы, вера в переселение душ и элементы христианства. Алевиты полагали, что некогда все их души были звездами. Али поместил их в людей, но после смерти души праведников вновь станут звездами и сольются с божественным Али, тогда как души грешников переселятся в животных. Алевиты читали христианское Евангелие, причащались хлебом и вином. Нередко они имели христианские имена. Алевиты имели свою священную книгу, составленную на основе Корана, но вся мудрость ее доступна лишь посвященным.

Приверженцы этой секты нередко конфликтуют со своими ортодоксальными соседями - мусульманами-суннитами и шиитами. В своих записях об этой секте барон Бодде отмечал: «... признавая Алия племянника и зятя Могамеда не пророком как персияне, а Богом. - По малочисленности своей секта эта не смеет однако ж обнаруживать веру свою тем более, что по закону Корана, каждый мусульманин вправе безвозбранно умертвить Алия-Уллахия, как человека не признающего истинного Бога⁷.

Отметим, что барон Боде ошибочно называет нусейритов «али-уллахами», поскольку в тех же районах распространена другая шиитская секта ахле-хакк (али-иллахи), или какай, имеющая некоторые общие черты с алевитами. Это в основном курды, говорящие на диалектах сорани и горани, а в Иране имеются и тюркоязычные какай. Они также являются адептами Али. В особенности они преклоняются перед авторитетом Солтана Сахака. Первоначально эта секта возникла среди горан и затем распространилась в Иране и части Ирака.

В отличие от алевитов секта ахле-хакк возникла много позже, в XV-XVII вв. На ее учение оказали влияние исмаилитские теории о семерых пророках и имамах. Они полагали, что Али является воплощением Аллаха и божественной истины. Согласно их учению, все пророки и имамы олицетворяли его, и он явится в виде Махди. Как и алевиты, али-иллахи верили в переселение душ и не признавали ада и рая. Существенную роль в их познании играл тезис о борьбе в человеке двух начал — разума и страсти. Обряды их, как и у алевитов, близки христианским. Так, например, гораны совершают обряд крещения, который имеет и общее и отличное от христианского обряда. Если руководствоваться записями барона Боде об обряде крещения этой секты, то вскоре после рождения ребенка приносят к Сеиду, который обмывает ему головку и произносит молитву, а затем он разбивает над головой младенца орех особого сорта, как уверяют гораны, привезенный из Индии. Ядро ореха делят среди присутствующих⁹.

Сочетая в себе христианские и мусульманские тенденции, секта не совершает намазов, как предписано в Коране, приверженцы ахле-хакк не посещают мечетей, но ходят на поклонение к гробницам.

Нередко между приверженцами этой секты и суннитами происходили стычки. Эта традиция в определенной степени сохранялась и в XX веке. В период монархии враждебность между курдами ахле-хакк и суннитами использовалась иранскими властями в своих интересах: представителей племени кельхоров, исповедовавших ахле-хакк, иранские власти записывали в пограничную патрульную полицию¹⁰. Это делалось для того, чтобы усилить разобщение этнических курдов.

В начале XX века курды стали создавать свои культурные и политические организации, которые по сути были секулярст-

скими. Курдоведы различают среди них два крыла. Одно из них ассоциируется с именем Бедирхана, а другое - с шейхом Саидом Абдулкадыром. Оба крыла состояли из представителей городской аристократии, получившей светское образование. Бедирханиды состояли из курдов, говорящих на заза, курманджи и сорани, представителей алевитов и суннитов. Эта группировка сотрудничала с езидами и представляла их адептами чисто курдской религии. Другое крыло - Абдулкадыра состояло исключительно из мусульман-суннитов.

Впоследствии в состав этих группировок стали принимать и представителей низших социальных страт. Однако эта вертикальная интеграция поначалу способствовала определенному отчуждению между суннитами и алевитами. В 1920 и 1921 гг. вожди курдских племен западного Дерсима, сторонники секты алевитов, осознававшие себя курдами, обратились в Великое Национальное Собрание Турции (парламент) с обращением предоставить административную автономию сначала всему Курдистану, а позднее - только их району. В 1925 г. в Диарбакыре вспыхнуло курдское восстание, возглавляемое националистически настроенными офицерами и интеллектуалами, но они передали руководство восстанием шейхам ордена накшбанди, которые имели большое влияние на народные массы этого региона. В числе восставших находились преимущественно сунниты заза, как племенные, так и городские. Алевиты Дерсима не участвовали в этом восстании. Небольшая группа алевитов даже выступила против восставших, поскольку суннитский характер восстания противоречил их идеологическим воззрениям¹.

В 1937 г. восстали алевиты Дерсима под курдскими националистическими лозунгами, и в это время ни один курдский суннит не оказал им поддержку.

В Иране и Ираке курдский национализм мог быть мобилизующим фактором только среди курдов-суннитов.

Некоторая часть верующих курдов принадлежит к езидам. Основателем секты езидов считается живший в XII веке в Северной Месопотамии шейх Ади. Главным и единственным храмом, в котором совершались религиозные отправления всех езидов, был храм шейха Ади, который и теперь находится в селении Лалеш в Ираке, расположенном в 70 км от Мосула.

У езидов имеются свои священные книги, написанные в

XIII веке. В одной из них, «Китабе Джилва» («Книга откровения»), излагается суть езидского вероучения; во второй, «Мас-хафе Реш» («Черная книга»), рассказывается о Езиде, сыне Моавии, обрядах и пр.¹³

Во главе езидского духовенства стоял эмир — руководитель светской и духовной власти. Затем шли шейхи - руководители езидской общины, пиры - «надзиратели за жизнью мирян», факиры - служители храма, каввалы - сборщики податей, далее -ауханы. На самой низшей ступени иерархической лестницы были прислужники храма, называемые «слугами очага».

Специалисты просматривают некоторые общие черты в верованиях и религиозной практике алевитов (кизилбашей) Турции, езидов и ахле-хакк. Английский курдовед Ф. Кроенбрук, анализирувавший неортодоксальные секты Курдистана с использованием историко-сравнительного метода, утверждает, что «доисламские иранские верования, мифы и социальные структуры играли важ-ьгую роль в формировании традиций езидизма и ахле-хакк, и в определенной степени секты алевитов. Суфизм, который сменил древние культы как доминирующая религиозная сила в регионе, четко предложил этим группам словарь, символы и мировоззрение, которые позволили им выразить и, вероятно, развить форму и духовность, которые не явно дублировали до определенной степени древнюю иранскую литературную традицию. Чувство общей шиитской идентичности более того облегчает контакты и обмен идеями между предками современных алевитов и ахле-хакк»¹⁴.

Между тем в начале XX века, несмотря на сохранявшийся авторитет курдских суфийских шейхов, идеология суфизма стала критиковаться некоторыми прогрессивными общественно-политическими деятелями Курдистана, как мусульманскими реформаторами, так и секуляристами-модернистами, которые стали осознавать, что с помощью этой идеологии нельзя реализовать ни идеи автономии, ни государственности. Так, например, курдский писатель и общественный деятель Сайд Нурзи отрицательно относился к суфийским орденам, так как они функционировали в Курдистане. Особенно он осуждал их магическую и суеверную практику и иррациональное почитание наследственных шейхов. Секуляристы-младотурки и их последователи кемалисты рассматривали суфийские ордена как очаг суеверия и реакции,

препятствовавшие пути прогресса.

После восстания шейха Сайда турецкое правительство запретило все ордена, особенно в городах. Однако курдские шейхи все же сохраняли свои влиятельные социальные позиции.

Конфессиональная раздробленность курдов сохранялась до конца XX века.

В последней четверти XX века в Турции возобновилась деятельность суфийских орденов, поскольку запрет орденов не стал строго контролироваться. В 80-е годы в районах смешанного турецко-курдского населения оживились шейхи накшбанди. Несколько курдских общин накшбанди в настоящее время функционируют в Стамбуле.

Когда суфийские ордена были запрещены в Турции, некоторые шейхи накшбанди уехали в Сирию, где проводилась более либеральная курдская и исламская политика. На северо-западе Сирии, который является излюбленным местом повеления курдов, проповедуют несколько шейхов, которые имеют также немало последователей в Турции. Весьма обширная община курдских суфиев имеется в Дамаске. Великий муфтий Дамаска Ахмад Ка-фтару является курдом, и его дочь возглавляет женское отделение ордена накшбанди в Дамаске. Это не является необычным для курдов. В Курдистане имела место практика, когда жены и дочери шейхов руководили мужской организацией мюридов.

Неортодоксальные секты также до сих пор функционируют в современном Курдистане.

Алевиты сосредоточены преимущественно в северо-западной части Курдистана, от Газиантепа до Бингеля. Крупным центром алевитов является Дерсим, который включает провинцию Тунд-жели и часть Сиваса, Эрзинкана и Элязига. Ранее т> рецкие алевиты использовали термин «кизилбаша», но в конце XX века он стал исчезать из употребления, поскольку его рассматривали как устаревший. Несмотря на то, что официальных статистических данных о количестве алевитов не существует, согласно оценочным данным, численность турецких и курдских алевитов составляет от 4 до 5 млн. человек. По другим данным - от 4,5 до 18 млн.¹⁵

Езиды и сторонники ахле-хакк обитают соответственно в центральной и южной частях этнографического Курдистана. Причем в числе приверженцев последней немало представителей иных национальностей, проживающих совместно с курдами в Иране.

По грубым подсчетам 80 % курдов являются суннитами. В южной части Курдистана среди курдов Ханакина, Мандали и Керманшаха преобладает шиитский ислам. К шиитам принадлежат курды-фейли, живущие также в Багдаде. Большой курдский шиитский анклав расположен в Иранском Хорасане. Курды-шииты обычно не участвуют в курдском национальном движении.

Со второй половины 40-х годов курдское национально-демократическое движение находилось под влиянием марксизма. И лишь кризис этой идеологии в 90-е годы XX века, а также активизация мусульманских движений в мире, наиболее значительным из которых была иранская революция 1978-1979 гг., способствовали усилению роли исламского фактора в Курдистане.

В первые месяцы после свержения шахского режима иранские курды были разобщены, поскольку их политические лидеры длительное время находились за границей. Курдские религиозные деятели в Иранском Курдистане стали выходить на политическую арену. Среди них особенно выделялись шейх Эзедин Хосейни из Мехабада и выпускник каирского исламского университета аль-Азхар Ахмад Мофтизаде в Сенендедже. Вскоре, однако, вернувшиеся из изгнания курдские политические лидеры реорганизовали секуляристские партии, которые свели на нет общественно-религиозную деятельность этих мусульманских деятелей. Ранее Хосейни сотрудничал с левыми радикалами и принял поэтому популистскую докфину исламского социализма, поддерживая самоопределение в Иране различных этнолингвистических групп¹⁶.

В 1980 г. центральное правительство направило в Курдистан армию и отряды КСИР (Корпуса стражей исламской революции), которые установили контроль над этой территорией, возникло сопротивление курдов-суннитов в Бане под руководством брата Хосейни и в районе Хаврамана во главе с шейхом накшбанди Османом. Однако курдские политические партии выступили против сведения курдского национально-демократического движения к межрелигиозной распре. Они договорились с курдскими общественно-религиозными лидерами о разделении функций: шейхи должны были заниматься лишь религиозной деятельностью и не проявлять активности в политической сфере. Лидер ДПКИК (Демократической партии Иранского Курдистана) того времени А. Касемлу прилагал усилия для создания в Иранском Кур-

дистане самоуправления в форме автономии и вел с властями ИРИ переговоры по этому поводу. Суннитский лидер курдов Э. Хосейни оказывал при этом посильную идеологическую помощь.

Таким образом, исламское движение в Иранском Курдистане потерпело фиаско. Однако во время ирано-иракской войны Иран оказал поддержку секуляристским политическим партиям Иракского Курдистана - Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотическому Союзу Курдистана (ПСК), рассчитывая стимулировать исламское движение иракских курдов. Иран стал поддерживать шейха накшбанди Мухаммеда Халида Барзани, двоюродного брата Масуда Барзани, в стремлении организовать вооруженные отряды - хезболла ал-Курди, которые в середине 1980 г. вытеснили отряды Иракской коммунистической партии и Социалистической партии Курдистана из района Бадинана. В 1990 г. «Революционные хезболла», руководимые Эдхемом Барзани и также поддерживаемые Ираном, предприняли попытки расколоть курдское национально-демократическое движение. При этом, по мнению некоторых зарубежных курдоведов, исламское движение заручилось стабильной поддержкой курдского населения и стало серьезным соперником секуляристских политических организаций в Курдистане¹⁸. Нам это замечание представляется спорным.

Саудовская Аравия предприняла аналогичные шаги, пытаясь заполнить оставленные Ираном возможности. Исламское движение Курдистана, возглавляемое муллой Османом бин Абдулази-зом из Халабжи, впервые дало о себе знать еще в 1987 г., но стало играть более или менее ощутимую роль только в начале 90-х годов. Оно использовало связи с Ираном и Саудовской Аравией, хотя сам мулла Осман, который ранее поддерживал отношения с египетскими «Братьями мусульманами», ориентировался на Саудовскую Аравию.

В 80-е годы подпольные исламские организации, ориентирующиеся на иранскую поддержку, активизировали свою деятельность и в Турецком Курдистане. Одни из них находились в оппозиции к секуляристскому курдскому движению, а в 90-е годы особо ожесточенно враждовали с РПК, из-за чего они кооперировались с турецкими организациями. Другие исламские организации приспособивались к курдскому национализму. Как многие левонационалистические организации, РПК поначалу была сску-

ляристской и даже атеистической. Но, понимая, что большинство сельского населения является религиозным, она изменила свое отношение к религии. Она создала два мусульманских филиала -Союз верующих и Союз патриотических имамов. Позднее РГЖ создала общества алевитов и езидов .

Таким образом, как в прошлом, так и в настоящем ислам играет определенную роль в курдском национально-демократическом движении. Он остается важным дестабилизирующим фактором во всех частях Курдистана.

Если прежде политическими лидерами выступали наследственные шейхи, способные мобилизовывать массы, то теперь руководство движением находится, как правило, в руках профессиональных политиков. Тем не менее и теперь представители известных курдских фамилий сохраняют влиятельные социальные позиции и вовлекаются в политическую борьбу курдов. Так, например, в период ирано-иракской войны шейх Мухаммад Наджиб Барзанджи руководил небольшой партизанской группировкой, в которую входили иранцы, выступавшие против иракского правительства. В это же время другой представитель той же фамилии Джафар Абд аль-Карим Барзанджи занимал высокий пост в правительстве Ирака в качестве президента исполнительного комитета Курдской автономии того времени. Эти факты свидетельствуют о том, что правительства Ирака, и Ирана осознают то, что если они хотят оказывать влияние на курдов, то им необходимо использовать харизму этой фамилии.

Традиционализм курдов в социально-политической сфере играет важную роль в общественно-политических процессах современного Курдистана, выполняя определенную интегрирующую роль. Следуя традиции, курды продолжают чтить своих идеологов и духовных наставников, но в то же время уровень национального самосознания современных курдов позволяет им осознавать, что от экономических и социально-политических трудностей, сложившихся в Курдистане, вряд ли можно уйти посредством «бегства от мира», обращением к аскетизму, актами самопожертвования (самосожжения в ряде случаев). Поэтому современные курдские политические организации вырабатывают секуляристские идеологии, учитывающие особенности курдской духовности и культуры. В то же время исламисты могут оказать серьезное дестабилизирующее влияние в регионе, попытаться создать му-

сульманские экстремистские группировки и свести на нет все усилия прогрессивно настроенных курдов на установление мира в Курдистане и создание курдского самоуправления в странах региона.

Примечания

- ¹ Bruinessen M. van. Introduction. The Kurds and Islam. In: Islam des Kurdes. P., 1998, p. 13.
- ² Ibid., p. 28.
- ³ Жигалина О. И. Этносоциальная эволюция иранского общества. М., 1996, с. 74.
- ⁴ Bruinessen van M. Kurdish society, ethnicity, nationalism and refugee problem. In: The Kurds: A Contemporary Overview. L, 1992, p. 13.
- ⁵ Bruinessen van M. Religion in Kurdistan. In: Kurdish Times, №1&2, 1991, p. 13-15.
- ⁶ АВПРИ, ф.144. Персидский стол, оп. 488, 2302, 3951.1, № 1, лл. 304-304 об.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Календарные обычаи и обряды народов Передней Азии. Годовой цикл. М, 1998, с. 114.
- ⁹ АВПРИ, ф. 144. Персидский стол, оп. 488, 2302 3951.1, л. 305.
- ¹⁰ Kurdish Times, p. 14.
- ¹ Hans-Lukas Kieser. Les Kurdes Alevis et La Question Identitaire: Le Soulevement du Kocgiri-Dersim (1919-21). In: Islam des Kurdes, p. 298-299.
- ¹² Там же.
- ¹³ Аристова Т. Ф. Курды Закавказья. М., 1966, с. 171.
- ¹⁴ Islam des Kurdes, p. 173-174.
- ¹⁵ Bruinessen van M. Kurdish society..., p. 37.
- ¹⁶ Жигалина О. И. Этносоциальные процессы..., с. 156-159.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Bruinessen M. van. Introduction., p. 34.
- ¹⁹ Ibid.

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВО ВНУТРИАФГАНСКОМ КОНФЛИКТЕ

Нынешняя ситуация в Афганистане, как представляется, во многом связана с обострением этнополитических процессов в период после падения режима Наджибуллы, установления власти моджахедов в форме Исламского Государства Афганистан (ИГА), а затем прихода талибов.

Как известно, страну населяют пуштуны, таджики, а также хазарейцы, узбеки, туркмены, чараймаки и представители других национальностей. Напомним, что исторически основателями афганской государственности были пуштуны. Именно из них, как правило, формировались правящая элита, высшее чиновничество, генералитет. Непуштуны, остро ощущая свое неравноправное положение, выступали против пуштунской гегемонии. Недовольство этим положением нередко проявлялось в вооруженных выступлениях, а с середины XX века - в форме создания оппозиционных властям политических группировок, опирающихся на непуштунские этносы.

В годы гражданской войны, начавшейся фактически сразу после прихода к власти Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), этнодемографический и этнополитический баланс в афганском обществе оказался существенно нарушен. Во-первых, к моменту падения режима НДПА и провозглашения ИГА пуштуны уже не составляли большинства населения страны, что было связано с их многомиллионной эмиграцией¹. Во-вторых, в ходе войны резко выросло национальное самосознание непуштунских народностей, что позволило опиравшимся на них партиям и группировкам моджахедов укрепиться в политическом и военном отношениях. В государственных, особенно силовых, структурах кабульского режима непуштуны также постепенно заняли видное место. Например, таджикский элемент устойчиво преобладал в госаппарате и в вооруженных формированиях министерства госбезопасности. В этой среде все более крепло убеждение в недопустимости возврата к прежнему доминированию

©М. Р. Арунова, 2001

Этнический фактор во внутриафганском конфликте пуштунов. Межэтнические противоречия в центре и на местах приняли открытую форму в тот момент, когда началось стремительное размывание социально-политической опоры президента Наджибуллы.

По жесткой логике внутривнутриполитической борьбы выступление против Наджибуллы объективно вело оппозиционеров внутри режима к блокированию с моджахедами, которое в условиях усиления межэтнических противоречий осуществлялось прежде всего на этнической основе.

Именно этнический фактор определил ориентацию антинаджибовской оппозиции (преимущественно непуштунской по своему составу) на крупную организацию моджахедов - Исламское общество Афганистана (ИОА) во главе с Б. Раббани, опиравшуюся на таджиков и ее ведущего полевого командира Ахмад Шаха Масуда.

Конфликт Наджибуллы с влиятельными непуштунскими военачальниками, укрепившимися на севере страны, населенном преимущественно таджиками и узбеками, стал непосредственной отправной точкой политического размежевания, приведшего в конечном счете к падению режима НДПА.

С победой в апреле 1992 г. моджахедов у власти оказалась непрочная коалиция в составе моджахедских партий (танзимов), состоявших из представителей разных этносов. Как в центре, так и на местах разгоралась ожесточенная борьба за власть, в которой этнический фактор играл далеко не последнюю роль. Положение осложнялось тем, что едва ли не за каждой из соперничавших партий, группировок и объединений стояли определенные внешние силы, в частности поддерживаемый Вашингтоном Пакистан, Иран, Саудовская Аравия, конкурировавшие за влияние в Афганистане и в регионе в целом.

С ликвидацией Республики Афганистан перестала функционировать та, пусть и весьма несовершенная и ограниченная, однако достаточно развитая система руководства страной и контроля за ходом дел на местах. Власть государственных органов ИГА была во многом номинальной и не распространялась на всю страну. Важно отметить и то, что за годы войны состав местных элит кардинально изменился. На первый план выдвинулась фигура полевого командира, который опирался на военную силу и вовсе не обязательно был выходцем из верхушки местного общества.

М. Р. Арунова

Именно военные командиры различной национальной принадлежности, разных военно-политических ориентации стали играть ведущую роль на местах. Действуя параллельно и независимо друг от друга, они не были связаны отношениями управления-подчинения.

Таким образом, в тот момент, когда власть в регионах была чрезвычайно фрагментирована и не подчинялась центру, а братоубийственная война разгоралась с новой силой, на политической арене появилось Движение талибов (ДТ). Эта организация была создана спецслужбами Пакистана при активном участии религиозно-политических партий «Джама'иат-е улемае» (ДУИ) и «Джа-маат-е ислами» (ДИ) и при разноплановой поддержке прежде всего со стороны США. Предполагалось, что талибы сумеют «навести порядок», восстановить традиционное доминирование пуштунов в общественно-политической жизни страны. Делался расчет и на то, что ДТ гарантирует приход к власти в Кабуле, по меньшей мере, дружественного, если не откровенно зависимого от Исламабада режима, что должно было, кроме прочего, обеспечить Пакистану «стратегическую глубину» и геополитическое преимущество, прежде всего в непростых отношениях с Индией, а также с Ираном. Не следует полностью исключать, что преследовались и другие далеко идущие цели, в том числе создание афгано-пакистанской конфедерации, идея которой неоднократно обсуждалась еще в 50-70-х годах в Исламабаде и Вашингтоне.

Отряды талибов формировались вначале из числа афганских беженцев, получивших религиозное образование, а затем прошедших военную подготовку в специальных лагерях. Вскоре к ним примкнули пуштуны Пакистана. Они оснащались стрелковым и тяжелым оружием, имели самолеты и вертолеты.

Следует отметить, что движение талибов неоднородно. Помимо «твердолобых» исламистов, в нем немалую роль играют, условно говоря, «интеллектуалы», для которых исламский экстремизм лишь средство в борьбе за власть, способ достижения тех или иных политических или экономических целей. Среди них, кстати, есть бывшие видные деятели прежнего режима - представители халькистского крыла НДПА.

В 1994 г. отряды ДТ перешли афгано-пакистанскую границу,

•Талиб- «ищущий знаний», учащийся, студент религиозного учебного заведения.

заняли Кандагар, а затем часть центральных и северных провинций страны. Лишь в сентябре 1996 г. они сумели взять Кабул, а в 1998 г. - овладеть значительной частью северных провинций Афганистана.

Реальный вооруженный отпор талибам осуществлял (и продолжает осуществлять) главным образом Объединенный фронт (ОФ) под руководством А. Ш. Масуда, являвшегося вице-президентом и министром обороны ИГА, к которому примкнули сохранившие боеспособность отряды других антиталибских группировок, в том числе и состоящие из пуштунов. Они более или менее прочно удерживали позиции в провинциях Бадахшан, Та-хар, Каписа, Парван, Баглан, Кундуз, Сари-Пуль. В сентябре 2000 г. талибы, активно поддерживаемые пакистанскими воинскими частями и арабскими боевиками - сторонниками известного саудовского миллионера и международного террориста У. бен Ладена, нашедшего убежище в Афганистане, резко усилили военное давление на силы А. Ш. Масуда. Они сумели захватить ряд важных позиций в провинциях Тахар и Бадахшан и вышли к афгано-таджикской границе на некоторых ее участках.

Причины неудач ОФ в значительной мере кроются в противоречиях, раздирающих его как по этническим, так и по политическим линиям. Главный фактор - периодически обостряющийся конфликт между узбекскими военачальниками прежнего режима и таджикскими отрядами А. Ш. Масуда.

Захватив большую часть территории Афганистана, талибы не только не стабилизировали, но еще больше обострили военно-политическую обстановку в стране, гальванизировали межэтнические противоречия. Религиозная и политическая нетерпимость руководства ДТ, пуштунский национализм и экстремизм, геноцид в отношении шиитов-хазарейцев и других непуштунов, убийства инакомыслящих без суда и следствия, грубые нарушения гуманитарного права в целом, особенно в отношении женщин, казнь Наджибуллы, расстрел иранских дипломатов в Мазари-Шарифе, погромы в ооновских учреждениях в Афганистане - все это вызвало резко негативную реакцию в мире.

При этом следует отметить, что политический экстремизм и религиозная нетерпимость проповедующий воинствующий ваххабизм талибов, наркобизнес все больше приобретают трансграничный характер.

Помимо организации лагерей подготовки международных террористов (причем не только афганцев, но и граждан арабских стран, а также выходцев из Центральной Азии), руководство ДТ установило контакты и налаживает координацию действий с чеченскими бандформированиями, представителями радикального крыла таджикской оппозиции, с экстремистскими исламскими группировками, пытающимися действовать на территории Киргизии и Узбекистана. Есть сведения и о связях талибов с уйгурскими экстремистами Синьцзяна (КНР).

Предоставление убежища У. бен Ладену, постепенное превращение территории Афганистана в опорную базу международного терроризма, исламского экстремизма и наркобизнеса дают основание говорить о том, что ДТ является серьезной угрозой региональному и международному миру и безопасности. В конце ноября 1999 г. в итоговом докладе Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН о положении в Афганистане генсекретарь ООН подчеркнул, что афганский конфликт достиг той точки, когда мировое сообщество уже не может игнорировать его последствия.

Отказ талибов изменить линию поведения, уклонение от конструктивных переговоров с правительством ИГА, нежелание принять предложения ООН, ОИК, «Группы соседей и друзей Афганистана» («Группа 6+2»), другие посреднические инициативы о политическом урегулировании путем создания широкопредставительного и многоэтнического правительства вынудили мировое сообщество пойти на применение адекватных мер в отношении ДТ.

15 октября 1999 г. Совет Безопасности ООН принял резолю-

По данным экспертов ООН, производство афганского опиума-сырца в 1999 г. достигло 4,6 тыс. т (т. е. около 75% объема его мирового производства), из которых 70% вывозится в Европу.

«Группа 6+2» в составе граничащих с Афганистаном стран - Ирана, Пакистана, КНР, Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, а также России и США была создана в 1997 г. по инициативе спецпосланника генсекретаря ООН Л. Брахими. Она выработала согласованные подходы к проблеме внутриафганского урегулирования, которые были зафиксированы в принятой в июле 1999 г. на выездном заседании группы в Ташкенте Декларации об основных принципах мирного урегулирования в Афганистане. Документ предусматривает урегулирование конфликта путем мирных переговоров, через создание на широкой основе многоэтнического и представительного правительства. Было решено не предоставлять военной поддержки ни одной из воюющих афганских сторон. К мировому сообществу адресовался призыв принять адекватные меры для предотвращения поставок оружия в Афганистан.

цию № 1267, которая содержит требование о выдаче У. бен Ладена и вводит международные санкции, включающие запрет на международные полеты самолетов афганской авиакомпании «Ариана» и замораживание зарубежных банковских счетов и денежных авуаров ДТ, за исключением случаев, связанных с оказанием гуманитарной и другой помощи.

Поскольку эти справедливые требования были полностью проигнорированы Кандагаром, мировое сообщество предприняло шаги по наращиванию давления на режим талибов с помощью санкции. Совет Безопасности принял 19 декабря 2000 г. резолюцию №1333, которая вводит одностороннее военное эмбарго против ДТ. Это означает, что все государства должны препятствовать прямой или косвенной продаже талибам оружия и другого военного имущества, а также оказанию им консультативного содействия по военным вопросам.

К государствам, поддерживающим дипломатические отношения с талибами, обращен призыв сократить число и уровень сотрудников диппредставительств ДТ, ограничить их передвижение по территории страны. Другие зарубежные отделения и представительства ДТ, включая все отделения авиакомпании «Ариана», должны быть закрыты полностью.

Упомянутая резолюция Совета Безопасности предусматривает, кроме того, дополнительные меры в отношении талибов. Речь идет, в частности, о незамедлительном замораживании средств и других финансовых активов У. бен Ладена, а также физических лиц и компаний, связь которых с последним установлена Комитетом, учрежденным ООН во исполнение резолюции СБ №1267 (1999). Это относится, например, к средствам и активам организации «Аль-Каида», а также средствам, получаемым или извлекаемым благодаря имуществу, находящемуся во владении или под прямым или косвенным контролем У. бен Ладена и вышеупомянутых физических и юридических лиц. В соответствии с резолюцией все государства обязаны обеспечить, чтобы эти ресурсы не использовались, прямо или косвенно, в интересах У. бен Ладена и его сообщников.

В целях борьбы с использованием доходов от наркодеятельности для финансирования терроризма запрещаются поставки талибам химических веществ, применяемых исключительно для производства наркотиков.

Вводится запрет на полеты иностранных самолетов на территорию Афганистана, контролируемую талибами, кроме как по отдельному разрешению Комитета по санкциям (под данный запрет не подпадают самолеты, перевозящие в Афганистан гуманитарные грузы).

Принятие резолюции № 1333 подчеркивает международную изоляцию, в которой оказались талибы. В качестве государственной власти в Афганистане их признают, помимо Пакистана, лишь Саудовская Аравия и ОАЭ. Несмотря на серьезные усилия с целью добиться международного признания, ДТ не удается пока улучшить свой неблагоприятный имидж на международной арене.

Дальнейшее развитие событий в Афганистане предсказать весьма сложно. Оно может пойти по различным сценариям. Гипотетически талибы могут «дожать» «Северный альянс», установив контроль над всеми северными провинциями, включая Бадахшан. Однако в этом случае силы А. Ш. Масуда уйдут в труднодоступное Панджшерское ущелье и прибегнут к тактике партизанской войны, которая может продолжаться многие годы. Разрозненные очаги сопротивления талибам сохранятся и в некоторых районах расселения хазарейцев, узбеков, туркмен, а также в отдельных местностях зоны пуштунских племен.

Подобная длительная напряженность в ряде районов страны потребует от талибов постоянного отвлечения значительных сил и средств, которые у них и без того постепенно иссякают. Да и поддерживающий их Пакистан вряд ли сможет выдержать такую нагрузку без риска обострения политического и экономического кризиса.

Не следует исключать возможности того, что правительственным силам ИГА удастся остановить продвижение ДТ и даже, используя неблагоприятные для талибов зимние условия, восстановить и укрепить свои позиции на севере Афганистана. Если это произойдет, и военное противостояние зайдет в тупик, то вероятен раздел страны на «пуштунский юг» и «непуштунский север» или даже - в случае усиления внутренних разногласий в рядах антиталибского альянса - «ливанизация» Афганистана.

Подобное развитие событий может повлечь цепную реакцию геополитических изменений, последствия которых трудно предсказуемы. Так, по-разному могут складываться отношения Севера с пограничными государствами. Возникновение «пуштунского

юга» может гальванизировать идею «великого Пуштунистана», включающего населенные пуштунами афганские и пакистанские территории. Вот тогда в полной мере проявится фактор «талибанизации» самого Пакистана - процесса, который сегодня идет, но опасность которого Исламабадом явно недооценивается. Обострение межэтнических отношений в Пакистане, провоцируемое талибами, способно повлечь политический взрыв и привести к распаду страны. Подобные перемены, безусловно, не оставят безучастной Индию. В таком случае и Иран не преминет воспользоваться ситуацией для укрепления своих позиций среди афганских шиитов-хазарейцев.

Все это, безусловно, приведет к дальнейшей эскалации напряженности в регионе Центральной и Южной Азии и Среднего Востока.

Таким образом, любые возможные варианты развития афганских событий по силовому сценарию несут серьезную угрозу стабильности и безопасности региона и мира в целом.

В этих условиях особое значение приобретает активизация усилий мирового сообщества под эгидой ООН с целью склонить противоборствующие афганские стороны, прежде всего талибов, к прекращению кровопролития и возобновлению прямого конструктивного диалога с целью достижения компромиссных договоренностей о создании коалиционного правительства. Последнее смогло бы обеспечить соблюдение прав и интересов всех политических, религиозных и этнических сегментов афганского общества, создать предпосылки для прекращения гражданской войны и восстановления Афганистана в качестве единого, независимого и территориально целостного государства, живущего в мире со своими соседями.

Примечание

¹ Важно отметить, что при общем относительном и абсолютном сокращении численности пуштунского элемента в стране претерпели изменения и отношения между исторически соперничавшими двумя крупными племенными союзами в составе пуштунского этноса - дуррани и гильзаями. В результате апрельского переворота 1978 г. структуры государственной власти оказались в руках преимущественно гильзайского руководства группировки «Хальк», что положило конец традиционному привилегированному положению дуррани, к которым принадлежала афганская королевская династия. Восстановить свое политическое доминирование даже среди пуштунов дуррани уже не смогли.

Н. М. Емельянова

ИСМАИЛИТЫ АФГАНИСТАНА И
ТАДЖИКИСТАНА -
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

При рассмотрении темы «Исмаилиты Афганистана и Таджикистана» неизбежны как исторические параллели, так и сравнение современного исмаилизма в Афганистане с аналогичным явлением в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан (ГБАО РТ). Афганских и таджикских исмаилитов связывают как общие исторические корни, единство в философско-мировоззренческой системе, так и родственные отношения. Искусственно отделенные друг от друга во время памирского разграничения в начале XX века, они продолжали сохранять контакты (хотя и подпольно) на протяжении всего XX века.

Исторический экскурс

История появления исмаилизма на Памире связана с именем Насира-и Хусроу (1004-1088). К этому времени, под властью Махмуда Газневи (998-1030), произошло объединение территорий современного Афганистана, ряда областей Ирана, Средней Азии, Индии. Памир и Гиндукуш были покорены мусульманами. Выступая в защиту мусульманского правоверия, Махмуд вел жестокую борьбу против еретиков от ислама, в первую очередь исмаилитов. Отклонившихся с истинного пути выслеживали многочисленные шпионы, по их доносам людей арестовывали, побивали камнями, вешали, имущество казненных подлежало конфискации¹. Против исмаилизма боролись и завоеватели - Сельджуки-ды, установившие в XI века свою власть от границ Китая до Средиземного моря. Но, несмотря на репрессии со стороны властей, учение исмаилитов получило широкий отклик среди как простого народа, так и аристократов. Можно предположить, что полный загадок и тайн исмаилизм был близок традиционной ментальное™ горных народов.

Насир-и Хусроу родился в 1004 г. в местечке Кубадиян на территории современного Таджикистана. Род Хусроу имел зе-

мельные владения, дохода от которых было достаточно, чтобы дать ему прекрасное образование. Отправившись в хадж в 1045 г., Насир-и Хусроу побывал в Египте, где встретился со сторонниками фатимидских халифов - руководителями исмаилитской общины. Эта поездка сделала его страстным приверженцем исмаилизма³. Впоследствии к имени Насир-и Хусроу добавилось определение Алави (то есть приверженец Али, шиит). Он стал проповедовать исмаилизм в Иране, за что подвергся преследованиям и был вынужден скрываться. После долгих скитаний Насир-и Хусроу бежал в долину Йомган на Памире (территория афганского Шугнана). Среди жителей Йомгана Насир-и Хусроу пользовался большим уважением и к концу своей жизни занял положение правителя, а фактически - пира этой местности⁴. В начале XXI века памирцы по-прежнему почитают дай Насира. В памяти народа запечатлены места, по которым он прошел десять веков назад: сегодня они окружены святилищами-мазарами. Памирцы считают, что особой святостью отмечена могила Насир-и Хусроу в Йомгане.

Формирование мировоззренческой системы исмаилизма на Памире происходило под влиянием традиционных верований горских народов - огнепоклонства, почитания различных явлений природы, а также других философско-религиозных систем, привнесенных ранее на Памир. С древнейших времен через Памир и припамирские области осуществлялись связи между народами Дальнего и Среднего Востока: уже во II веке до н. э. здесь проходили маршруты китайских и индийских путешественников. На рубеже IV-V вв. буддийские монахи совершали паломничества из Китая в Индию и из Индии в Китай целыми группами⁵. Буддийские паломничества через Памир и Гиндукуш продолжали оставаться весьма интенсивными вплоть до середины VIII века, что сыграло немаловажную роль в принятии жителями некоторых районов Памира и Припамирья буддизма. В XIX-XX вв. исследователи Памира видели остатки буддийских храмов в Бадахшане, Вахане и Южном Припамирье. Некоторые ученые даже именовали путь паломников через долину Вахана «буддийской дорогой»⁷.

Большое значение для исмаилизма имели также завоевательные походы монгольских войск на территорию Центральной Азии. Исмаилиты Памира и Гиндукуша вели себя лояльно по

отношению к завоевателям. Этому способствовала как большая веротерпимость монголов, так и желание исмаилитов найти защиту от разрушений, которым подвергались их селения со стороны соседей-суннитов.

Существовавшие культурные связи Памира и исмаилитских центров в Иране повлияли на дальнейшее развитие на Памире и в прилегающих районах Гиндукуша астрономических знаний, математики, литературы, философии. К XIII веку в исмаилизме уже сформировались две доктрины - внешняя (экзотерическая), доступная для непосвященных, и внутренняя (эзотерическая), которую открывали только немногим посвященным высших ступеней.

По широко распространенной версии, исмаилиты-исполнители террористических акций употребляли наркотики, за что и были прозваны «хашишийун». Это название, как предполагает ряд исследователей, в искаженной форме «асасин» вошло в европейские языки и стало применяться по отношению к исмаилитам-низаритам со значением «убийца»⁹. Но, возможно, слово «асасин» произошло от арабского «асас» - «основа», и для самих приверженцев секты означало построение их воззрений на первоначалах, основах ислама и таким образом наибольшую приближенность их к источнику всего сущего на земле - Аллаху. Орден исмаилитов был очень богат, в исмаилитских замках в Персии находилась богатая библиотека с обсерваторией¹⁰. Когда монголы захватили крепость в Аламуте, то нашли в замке «старца горы» огромную библиотеку, многие сочинения из которых были сожжены в кострах как «еретические». Подталкивали монголов на уничтожение этих ценных рукописей мусульмане, приближенные к хану монголов - Хулагу.

На Памире и Гиндукуше, в припамирских местностях монголы оставили свои отряды". Монгольские ханы постоянно направляли по тысяче человек для пополнения постоянных гарнизонов на завоеванных землях. Впоследствии к ним присоединялись другие монгольские отряды, получавшие название по именам своих предводителей¹². Часть этих воинов, ассимилируясь с местным населением, принимала и религиозные воззрения народов Памира и Гиндукуша. К XVI веку они уже лишь частично сохраняли монгольский язык, а территория их расселения получила название «Хазараджат». И в конце XX века из 1-1,5 млн. населения

Хазараджата 100 тыс. составляли хазарейцы-исмаилиты¹³. Полномочным представителем Имама в Хазараджате считается Сайд Шах Насир Надири - старший сын известного исмаилитского мыслителя, философа и поэта Сайд Надиршаха Кайани. В 1982 г. ОН выехал из Афганистана, а после создания исмаилитской дивизии (в составе 8 тыс. чел.), ее возглавил брат Сайд Шаха - Сайд Мансур Надири.

Таким образом, мы попытались кратко обрисовать возникновение и развитие исмаилизма в регионе. Можно утверждать, что изучение этого явления (памирского, афганского исмаилизма) в его исторической перспективе в советский период было недостаточным. Не удалось избежать тенденциозности, зачастую Имам исмаилитов изображался приспешником английских колонизаторов, исмаилизм рассматривали не как течение в исламе, а как секту. Нежелание проникать глубоко в традиции народа (в том числе и домусульманские) приводили иногда к трагедиям. Но в целом для исмаилитов таджикского Памира советская власть дала больше положительного, чем отрицательного. В результате 70-летия существования советской власти была создана мощная экономическая база: построены фабрики, уникальная сеть дорог, проводились многочисленные геологические исследования, сформирован мощный научный потенциал. Исмаилитские территории Афганистана в этом отношении остались на существенно более низком уровне развития.

Современное состояние

В связи со сложной внутривосточной обстановкой в современном Афганистане, внимание Имама исмаилитов Ага Хана IV, проживающего в Европе, в большей степени приковано к исмаилитскому анклаву Таджикистана. Организация Ага Хана по развитию в Средней Азии работает уже 15 лет. Первоначально ее усилия были направлены на развитие культуры: с 1986 г. правление Ага Хана по делам культуры поддерживало и финансировало программу по восстановлению исторических памятников г. Самарканда Узбекской ССР. В 1992 г. внимание Организации обратилось к Таджикистану. В результате гражданской войны эта горная область с населением 215 000 чел. была фактически изолирована для поставок продовольствия, памирцы оказались па грани вымирания. При поддержке правительства республики и

участии российских военных Фонд Ага Хана¹⁴ начал поставлять в ГБАО предметы первой необходимости. В декабре 1992 г. Фонд представил властям ГБАО программу социально-экономического развития региона, в разработке которой участвовали эксперты нескольких западноевропейских стран. Для реализации программы, рассчитанной на три года, Фонд выделил 15 миллионов американских долларов. Многие пункты реализовывались в рамках СНГ - России, Казахстане, Грузии, Татарстане. С этими республиками заключались соглашения о поставках продуктов питания, мыла, топлива. Непосредственная доставка осуществлялась Департаментом сельского хозяйства США. В г. Хорог ГБАО РТ была открыта штаб-квартира Программы помощи развитию Памира, а также открыты два офиса - в Москве для оказания помощи в пределах СНГ и Оше, поскольку последние два года путь для доставки гуманитарной помощи в ГБАО лежал только через Киргизию¹⁵.

Благодаря помощи Ага Хана IV удалось выжить части памирцев-исмаилитов Горного Бадахшана. Отрезанные от «большой земли» в результате гражданской войны они существовали несколько лет в основном за счет его гуманитарной помощи. «Сеть развития Ага Хана», начавшая свою работу в республике в 1992 г., вложила с этого времени в экономику страны в целом более 100 млн. долларов. В 1995 и 1998 гг. состоялись два визита Имама в ГБАО РТ, в ходе которых были затронуты вопросы борьбы с наркобизнесом, рассмотрена общеполитическая ситуация, связанная с переходом последних подразделений таджикской оппозиции из Афганистана, вероятность угрозы движения «Талибан» на таджикско-афганской границе.

В мае 1995 г. Имам исмаилитов провел первую встречу со своими последователями недалеко от Хорога, на берегу Пянджа. Имам призвал исмаилитов Памира сложить оружие и начать активно сотрудничать с официальными властями. Для того, чтобы дать возможность исмаилитам Афганистана встретиться со своим духовным наставником, через границу были пропущены духовные лидеры исмаилитов Афганистана. Всего на молитву-дидор (дидар) собрались около 80 тысяч верующих - афганских и таджикских памирцев. Основные моменты обращения имама исмаилитов сводились к следующему: использовать интеллект в рамках этики своей религии; честно жить и работать, идти прямым путем

(сырата-ль-мустакам); способствовать развитию страны, в которой доведется жить и работать; признавать и соблюдать законы своей и других стран, способствовать выполнению законов своей страны; изучать науку и технику с целью применения их достижений для развития своей страны; устанавливать и развивать отношения и контакты с более развитыми странами, для чего необходимо изучение языка международного общения - английского; беречь и восстанавливать архитектурные памятники, возрождать культурно-исторические ценности общемусульманского мира, пытаться сделать их достоянием нынешнего и грядущего поколений; допускать и развивать различные точки зрения при анализе, интерпретации религиозных и философских проблем, добиваться на основе этого знания истины; жить в мире и согласии со всеми членами общества, независимо от их расовой, религиозной, национальной и языковой принадлежности; простить друг друга за ранее совершенные проступки, не покушаться на жизнь других, даже если этому будет подвержено окружающее общество; отвечать добром на зло; помогать бедным. В один из дней Ага Хан пригласил в свою резиденцию полевых командиров Бадахшана и еще раз напомнил им, что исмаилитская традиция запрещает брать в руки оружие и проливать кровь.

Во время второго визита Имама в ГБАО РТ в 1998 г., автору этой статьи удалось побывать на Памире, в том числе присутствовать на проповеди, прочитанной Ага Ханом IV для своих мюридов. Почти неделю Памир отмечал грандиозный по своим масштабам праздник. К приезду Ага Хана все готовились заранее: в течение нескольких недель люди убирали и ремонтировали свои дома и улицы. И днем и ночью, накануне прибытия Имама, в Хороге, его окрестностях и на афганской стороне раздавались призывные звуки дафов (памирских бубнов). Офицеры хорогского отряда высказывали предположение, что поблизости празднуют свадьбу. Но это было более значительное событие - народ ждал своего духовного наставника, в их представлении - и человека и Бога одновременно. И звуки дафов были призваны, чтобы отогнать злых духов-дэвов и дать дорогу добру и свету.

Вместе с Имамом на Памир прибыл президент Таджикистана Эмомали Рахмонов, подчеркнув таким образом важность происходящего события. Со словами приветствия и благодарности за оказанную поддержку президент обратился к Ага Хану и во

время встречи с общественностью в хукумате ГБАО, и во время открытия школы имени Ага Хана IV в г. Хорог. То, что Памир в эти дни стал как бы эпицентром наиболее важных событий, показывал и визит в Хорог вице-президента Всемирного банка развития Йоханса Линна. Во время этих встреч решались важные вопросы кредитования республики. И. Линн сообщил, что 30 июля совет директоров Всемирного банка одобрил разработанную совместно с правительством Таджикистана стратегию помощи, согласно которой республике должен быть выделен на ближайшие три года (1999-2001) кредит объемом около 165 млн. долл.

Грандиозным по масштабам событием стал дидор (дидар) - проповедь, прочитанная Имамом народу. На молитву собралось около ста тысяч исмаилитов бывшей советской стороны - люди спешили сюда заранее, некоторые - даже за сутки, из отдаленных кишлаков их доставляли грузовыми и легковыми машинами. Еще около сорока тысяч мюридов ждали Имама на афганской стороне. Слова, произнесенные Ага Ханом на дидоре: «Мир вашему дому. Пусть решатся все ваши проблемы», - будут передаваться исмаилитами из поколения в поколение. В эти дни на Памире действительно царил мир, уважение и любовь в отношении людей друг к другу.

С сожалением можно отметить, что на мероприятиях, связанных с визитом Ага Хана IV на Памир, почти не было ученых, дипломатов, журналистов из России. Пристальное внимание, уделяемое организацией Ага Хана этому региону, целостность территории Горного Бадахшана, населенного почти исключительно исмаилитами, а также их близкое соседство с исмаилитами Афганистана, Индии, Китая, Пакистана позволяют сделать предположение, что в перспективе ГБАО РТ может стать центром больших перемен в жизни исмаилитов в мировом масштабе. Более тесное сотрудничество с исмаилитами сегодня, возможно, могло бы иметь важное стратегическое и геополитическое значение для России в будущем.

Перспективы развития

В завершение хотелось бы высказать несколько предположений относительно того, как будут развиваться события в таджик-, с-ком и афганском исмаилитских анклавах. Существующие данные свидетельствуют о том, что сохранение нестабильности в

Афганистане может привести к дальнейшему ухудшению социального положения исмаилитов Афганистана, сокращению их численности. Давление со стороны движения «Талибан» поведет также к утрате как исмаилитских, так и исконных народных традиций и обычаев (в частности - табу на «памирский матриархат»), постепенному обращению части исмаилитов в суннизм.

Усиление помощи со стороны Организации Ага Хана IV могло бы создать относительную стабильность в регионе. Этому же будет способствовать установление политической стабильности в Афганистане. Положительный результат могут принести международный контроль за соблюдением прав человека, социальной защищенностью населения Афганистана, осуществление более эффективных мер по борьбе с наркобизнесом в регионе. Положительные результаты может дать и работа созданного в г. Хорог в конце 2000 г. Университета Центральной Азии. Договор о совместной деятельности в сфере образования и открытии филиалов Университета подписали также правительства Кыргызии и Казахстана. Ага Хан IV, финансирующий работу Университета и его филиалов¹⁶, считает, что «Университет пока не имеет аналогов в мире и предназначен исключительно для развития образования и исследования горных регионов и обществ»¹⁷.

Образовательное направление деятельности нового международного ВУЗа предполагает подготовку специалистов в области развития экономики и инфраструктуры горных регионов Центральной Азии. Еще один аспект деятельности направлен на выработку стратегии стабилизации политической ситуации в странах высокогорья. Принц Карим Ага Хан IV считает, что этот проект позволит объединить народы нескольких стран: образование, полученное в Университете, будет востребовано как в среднеазиатских республиках бывшего СССР, так и в Афганистане, горных районах Пакистана, Ирана и Китая.

Примечания

- ¹ Массой В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. I. С древнейших времен до начала XVI в. М., 1964, с. 245.
- ² Бартольд В. В. Сочинения. Т. VII. Работы по исторической географии и истории Ирана. М., 1971, с. 286.
- ³ Массой В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. I. С древнейших времен до начала XVI в. М., 1964, с. 245.

- ⁴ Семенов А. Описание исмаилитских рукописей, собранных А. А. Семеновым. Пг., 1919 г., с. 2185-2186.
- ⁵ В IV веке н. э. появляются многочисленные записки и биографии китайских паломников, следующих для поклонения буддийским святыням в Индию. В IV веке через Памир и Гиндукуш следовали буддийские монахи Чжи Фа-доу, Дхармананди и Сангхабхути. В конце 30-х годов IV века н. э. совершил путешествие из Индии в Китай один из крупнейших переводчиков буддийских канонических текстов Кумараджива (314-413 гг.). См. J.Nobel. Kumarajiva. Sitzungsberichte Praussischen Akademie der Wissenschaften. 1929. p. 209-211. В 519г. через Вахан из Сарыкола проследовали два китайских паломника Сон Юн и Хой Шеи, запечатлевшие эту дорогу в своих путевых заметках. Б. Chavannes. Voyage de Song Yun dans PUdyana et le Gandhara. Bulletin de PEcole Francaise d'Extreme Orient. 1903, t. III, p. 380.
- ⁶ J. Biddulf. Treibes of the Hindoo-Koosch. Calcutta, 1880, p. 57-58; Ch, Ujfalvy. Les trases des religions anciennes en Asie Centrale et au sud de PHindu Kouch. Bulletin de la Sosiete d'Anthropologie de Paris. 1883, t. IV. p. 280.
- ⁷ E. Berdger. Exploration of ancient sites in Northern Afghanistan, p. 398.
- ⁸ За свое сотрудничество с монголами исмаилиты заплатились впо следствии, когда в 624 г. (1226/27 гг.) Джелаладдин, в очередной раз отступая от монголов в Иран, «управился» с ними. В 1227/28 гг. «предводитель исмаилитов еретиков прислал к татарам уведомить их о слабости Джелаледдина по случаю нанесенного ему поражения, побудить их напасть на него, вследствие этой слабости, и уверить их в победе над ним, благодаря бессилию, в которое они (т. е. монголы - Н. Е.) повергли его...». Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В. Тизенгаузена. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884, с. 36-38.
- ⁹ Ислам. Энциклопедический словарь. М, 1991 г., с. 111.
- ¹⁰ С. D'Ohsson. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusgu'a Timour bey ou Tamerlan, t. I-IV. La Haye et Amsterdam, 1834-1835; ed. 2: 1852, T. III, p. 198.
- ¹¹ Рассказывая о хоросанских походах монголов, Джувеини замечает: «Кто бы ни занялся, со всем необходимым для этого досугом, восстановлением хода событий этой эпохи, должен был бы употребить много времени, чтобы изложить происшествия в одном только округе. Как же могу я изложить их подробно, когда я мог для написания этой истории использовать лишь короткие моменты отдыха во время долгих путешествий или среди многочисленных занятий». Цит. по: К. Д'Оссон. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Т. I. Чингиз-хан, Перев. и предисл. проф. Н. Козьмина, Иркутск, 1937, с. 184.
- ¹² Тизенгаузен. Т. I, с. 394.
- ¹³ Усмонов М. А. Исмаилизм в Афганистане. Историко-этнографическое исследование. Диссертация на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Душанбе, 1996, с. 3, 82, 93, 94, 97-99, 104, 116-121.
- ¹⁴ Фонд Ага Хана был основан в 1967 г. и является крупнейшей благотворительной организацией мусульман-исмаилитов. Штаб-квартира Фонда находится в Женеве, а филиалы и отделения открыты в странах Европы, Америки, Южной Азии и Восточной Африки. Деятельность Фонда Ага Хана осуществляется в контакте с ведущими международными организациями, высшими учебными заведениями, в том числе Гарвардским и Оксфордским университетами.
- ¹⁵ Интерфакс. 21.09.98.
- ¹⁶ На развитие Университета и двух его филиалов первоначально Ага Ханом было выделено 15 млн. долл. См.: Довлатов Каххар. Университет на «Крыше мира»: Без Ага Хана опять не обошлось. Транскаспийский проект, www.transcaspian.ru. 12.02, 2001 г.
- ¹⁷ Шбинтаев Расул. А пока пули летят быстрее знаний. Экспресс К. 02.09.2000; Транскаспийский проект, www.transcaspian.ru. 12.02.2001.

И. Н. Серенко

ОБРАЗОВАНИЕ И ИСЛАМ В ПАКИСТАНЕ

Современные процессы глобализации активизируют стремление мирового сообщества к созданию единого образовательного пространства. Вместе с тем не ослабевают усилия мусульманских стран по выработке своей самостоятельной концепции национального просвещения с учетом традиционной культуры, исламской системы ценностей, морали и этики. Работа в этом направлении ведется на международном, региональном и страновом уровнях.

Первые международные конференции в Тизи-узу (1973 г.), Мекке (1977, 1981, 1984 гг.), а также Исламабаде (1982 г.) положили начало созданию унифицированной исламской образовательной модели, адаптации мусульманского образования к новым условиям развития исламской цивилизации, которое способствовало бы ее духовному единению и культурной интеграции.

Исламская Республика Пакистан является одной из ведущих стран мусульманского мира, где мусульмане составляют примерно 97% населения. Разрабатываемая здесь национальная модель воспитания и обучения достаточно репрезентативно отражает процессы, происходящие в области образования в странах мусульманской уммы.

Формирование традиционной пакистанской системы просвещения, представленной теологическими учебными заведениями (мактаба, Мадраса и дар ул-улум), имеет глубокие исторические корни. Оно связано с проникновением в VII—VIII вв. ислама на покоренные арабскими завоевателями северные территории Южной Азии (частью вошедших впоследствии в состав Пакистана). Влияние персо-исламской культуры, местного этноконфессионального плюрализма и индуистского просветительства на данную систему образования способствовало приобретению ею отдельных региональных особенностей в содержании и методах обучения. При этом она основывалась на педагогических традициях исламской культуры. Образование было ограничено рамками канонических текстов и имело религиозную направленность.

©И. Н. Серенко, 2001

В соответствии с мусульманской **доктриной** само содержание человеческих знаний сводилось к усвоению исламских традиций, постижению веры и пониманию мира посредством широкой просвещенности. Распространение знаний и овладение ими считалось одной из важнейших обязанностей правоверного мусульманина. Поэтому каждый член мусульманской общины старался оказать всяческую поддержку развитию мусульманского просвещения. К грамотным людям в обществе относились с уважением и почтением. Социальная значимость мусульманской системы образования во многом определялась тем, что она служила одним из основных источников передачи религиозных взглядов и реали-зовывалась через сеть духовных центров мусульманской общины. Именно при таких центрах (мечетях) возникали мусульманские учебные заведения, которые были доступны и бесплатны для всех прихожан независимо от их социального положения. И у мечетей, и у созданных при них конфессиональных школ была одна цель: воспитание членов мусульманской уммы, и особенно молодого поколения, в духе ислама посредством включения их в систему исламских этико-правовых норм.

Экспансия западноевропейского образа жизни в период колониального господства Британии (вторая половина XVIII века - первая половина XX века) привела к ослаблению позиций традиционной мусульманской системы просвещения и зарождению школы европейского типа по образцу метрополии. Она была чужда мусульманской общине, не отвечала ее религиозным, социокультурным традициям и потребностям, поэтому мусульмане долгое время проявляли пассивное отношение к попыткам радикальной модернизации образовательных структур по западному образцу. Чего нельзя сказать об индусском населении, более гибко адаптировавшемся к новым условиям иноземного правления и многое воспринявшем от Запада и его педагогических традиций.

Переход Индии под власть британской короны (в 1858 г., до того она управлялась английской Ост-Индской торговой компанией) и сопутствующие тому перемены заставили мусульманскую общину избрать политику терпимости и сотрудничества с **новыми** властями и пересмотреть свое негативное отношение к культурным и научно-техническим достижениям тогдашнего западного мира.

Одна из первых концепций обновления и модернизации

исламского просвещения была разработана и реализована видным мусульманским просветителем Сайд Ахмад-ханом (1817-1898 г.), учредившим в Алигархе первый мусульманский университет (первоначально - Англо-Восточный колледж). В нем студенты, наряду с традиционными теологическими дисциплинами, изучали также современные науки и западноевропейскую философию. Однако это направление реформирования мусульманского просвещения носило ограниченный характер и не получило широкого распространения в условиях колониальной зависимости. Сложившаяся в результате образовательных реформ британских властей (1835—1854 гг.), частично видоизмененная английская система просвещения не претерпела в дальнейшем значительных изменений и продолжает функционировать в современном Пакистане.

Возникновение в 1947 г. независимого Пакистана создало благоприятные условия для формирования национальной системы образования на широкой общекультурной, гуманно-демократической основе, отвечающей задачам социально-экономического и политического развития суверенного государства. Разработка концепции национальной школы шла по двум направлениям: традиционалистскому и модернистскому. Сторонники первого направления, выражавшие взгляды своего идейного лидера Абул Ала Маудуди (1903-1979 гг.), выступали за возврат к историческим корням, питающим традиционную мусульманскую систему образования, и полный отказ от чуждых пакистанцам по своей природе западных ценностей и ориентиров. Исламские модернисты - последователи идей Сайда Ахмад-хана указывали на необходимость создания интегрированной модели обучения и воспитания, сочетающей в себе достижения западной цивилизации с нормами и ценностными установками ислама.

На различных этапах исторического развития пакистанского общества эти два направления находятся в постоянном противодействии и имеют различную степень востребованности.

Следует отметить, что исламский статус пакистанского государства, закрепленный во всех трех конституциях страны (1956 г., 1962 г., 1973 г.), носил с момента провозглашения независимости до 1977 г. в основном декларативный характер, так как внутренняя и внешняя политика страны в этот период, по существу, была светской и реализовывалась в государственных

институтах преимущественно западного образца. Однако, наряду с ними, в структуру Пакистана включались и отдельные исламские институты, призванные гарантировать соответствие государственной жизни принципам ислама.

Так, статья 31 Конституции 1973 г. закрепляла религиозную направленность образования и воспитания в общеобразовательных школах. В ней, в частности, говорится: «Изучение Священного Корана и исламиата обязательно, кроме того, следует поощрять изучение арабского языка»¹. В соответствии с реформой образования (1972 г.) «исламиат» (закон божий) - стал обязательным предметом обучения в начальной и средней школе. Для изучения пакистанцами арабского языка, на котором написан Коран, были, в частности, созданы учебные телепрограммы.

Исламизация всех сфер жизнедеятельности пакистанского общества получила наибольшее распространение после установления в 1977 г. военной диктатуры во главе с М. Зия-уль-Хаком, поставившего ислам на защиту своих политических интересов. Политика исламизации пакистанского общества была направлена на широкое использование мусульманской идеологии в социально-экономической, политической и культурной жизни государства.

На основе принятой в 1978 г. новой национальной политики в области образования правительство образовало государственный Комитет по исламизации просвещения для возвращения образовательной системы к традиционным корням и ценностям. С целью «развития и формирования у молодого поколения в соответствии с положениями Корана и Сунны характера, поведения и образа жизни, достойных правоверного мусульманина», указывалось на необходимость пересмотра учебников и учебных планов общеобразовательной и высших школ на основе исламской идеологии².

В результате проведения этой политики к 1981 г., по официальным данным, из 551 учебника, действовавшего в стране, изымались все «антиисламские» материалы. Арабский язык стал обязательным предметом для учащихся VI—VIII классов общеобразовательной школы³.

Начиная с 1981 г. в учебный план вузов по подготовке к степени бакалавра наук в качестве обязательного предмета вводился исламиат и пакистановедение. Этим двум учебным дисциплинам отводилась главная роль в формировании исламского мировоз-

зрения, мусульманского образа жизни у пакистанской молодежи. Как подчеркивается в предисловии к учебнику «Пакистанове-дение» для высших учебных заведений (автор: М. М. Юсаф, 1989 г.), «цель этого обязательного курса - дать логическое обоснование необходимости возникновения Пакистана. Это будет способствовать не только укреплению веры и чувства патриотизма у молодежи, но и окажет влияние на их физическую и моральную подготовку в борьбе против всякого рода явных и скрытых посягательств на идеологию Пакистана». Изложенный в данном учебнике материал в целом соответствует содержанию учебников этого курса на всех других ступенях обучения, порой дублирует этот материал, превозносит идею «избранности» мусульман Аллахом по отношению к другим народам, проводит деление людей на «верных» и «неверных». В одном из учебников по исламатику для высших учебных заведений указывается, что «в мире существуют только две нации: одна - мусульмане, другая - "кафиры"» (немусульмане, отвергающие веру в Аллаха)⁵.

Идеи исламского вероучения отражены в курсах социально-политических, гуманитарных и естественно-научных дисциплин, изучаемых в общеобразовательной школе и высших учебных заведениях.

Исламизация, предпринятая правительством Зии-уль-Хака, не миновала и сферы научных знаний. На Всеисламской научной конференции, состоявшейся в Исламабаде в ноябре 1983 г., была высказана необходимость замены современной науки так называемой «исламской наукой», основой которой является Коран и его интерпретация в естественнонаучном, филологическом, общественно-политическом и теологическом аспектах.

Пакистанские традиционалисты во главе с Маулана Абул Ала Маудуди выступали главными защитниками исламской науки и образования в стране. В одной из своих лекций по исламскому образованию он, в частности, осуждал преподавателей за то, что те ведут учетные курсы географии, физики, химии, биологии, зоологии, экономики без опоры на ислам: «Анализ сущности современного образования и обычаев сразу же показывает их противоречие с сущностью исламского образования и обычаев. Вы преподаете молодым умам философию, которая стремится объяснить вселенную без Аллаха. Вы преподаете им естественные науки, которые лишены доказательств и здравого смысла.

Вы преподаете им экономику, юриспруденцию, социологию, по духу и сущности, отличающиеся от учения ислама. И вы все еще ожидаете сформировать у них исламскую точку зрения на жизнь?» При таком обучении, где духовное отделено от мирского, достичь цели исламского образования, по его мнению, невозможно. Для этого, как он утверждал, необходима новая система образования, которая «не требует введения еще одного курса духовного обучения. Вместо этого все предметы должны быть заменены на религиозные ("диниат") курсы»⁶.

Ликвидация военного режима после гибели Зия-уль-Хака в авиакатастрофе и установление в стране конституционно-парламентской формы правления с 1988 г. помешали традиционалистам воплотить свои планы в полном объеме, но и не заставили их уйти в небытие.

Противоборство традиционалистов и модернистов в формировании и развитии национальной системы просвещения нашло отражение во всех образовательных реформах и мероприятиях пакистанского государства. Среди них можно выделить помимо уже вышеперечисленных и следующие наиболее важные вехи: национальные конференции по вопросам просвещения (1947, 1951, 1989 гг.); Шестилетний план развития образования (1952); Комиссия по национальному образованию (1959), Комиссия по проблемам студенчества (1966); реформы образования (1970, 1992, 1998, 2000). Анализ материалов и документов по данным этапам обновления пакистанской школы показывает, что второе направление, реформаторство, все же превалирует над традиционалистским. Оно более перспективно и отвечает требованиям современной эпохи.

Видным представителем исламских модернистов в современном Пакистане является Хаким Мохаммед Сайд (1920-1998 гг.), основавший в 1983 г. на филантропической основе в Карачи Город культуры и знаний («Мадият уль-Хикмат»). Это уникальный по своей значимости просветительский центр с широкой сетью воспитательно-образовательных и культурных учреждений. Он представляет собой комплекс непрерывного образования с приютом для детей-сирот на 2 тысячи человек, общеобразовательной школой на 5 тысяч детей, университетом на 10 тысяч студентов, аспирантурой, исследовательским институтом и медицинским Центром, богатейшей библиотекой, научным музеем, ботаничес-

ким садом, домом культуры, стадионом, детским развлекательным городком. Здесь сама структура образования выстроена по западной английской модели, а содержание обучения и воспитания соответствует нормам и ценностным установкам ислама, вместе с тем учитывает и достижения мировой науки.

Будучи глубоко верующим человеком, правоверным мусульманином, ведущий магнат пакистанской фармакологической индустрии, специалист по греко-арабской, тибетской медицине Хаким Сайд активно включился в просветительскую деятельность. Сама идея о создании этого Города культуры и знаний родилась у него во время молитвы перед Каабой, когда он совершал в 1982 г. хадж в Мекку. По его признанию, он «потерял веру в нынешнее поколение. Теперь дети являются единственной надеждой для этой страны. Это пришло мне на ум как-то вдруг. Я был в Медине. Внезапно мое сердце и душа озарились, и внутренний голос сказал мне: "Сайд, ты должен сделать это!"»⁶. Мечтой Хакима Сайда - филантропа и гуманиста - было создание таких центров культуры и знаний во всех крупных городах Пакистана. Еще при его жизни началось строительство подобного учебно-воспитательного комплекса в Исламабаде, была выделена площадка под строительство и в г. Лахоре. Хаким Сайд глубоко верил в то, что ликвидация неграмотности в стране является главным условием процветания Пакистана, устранения религиозной нетерпимости и экстремизма, жертвой которых он сам и стал. Надо отметить, что в Пакистане параллельно с современной системой образования продолжают функционировать традиционные теологические учебные заведения различных уровней. К 1999 г. около 500 тысяч учащихся обучалось в 5900 Мадраса и дар ул-улум. Из них 98% - суннитских и 2% - шиитских⁷. Основой обучения в суннитских религиозных школах являются богословские нормы, присущие традиционалистским направлениям ислама: барелви, деобанди, а также ахл-и хадис. В некоторых школах учащиеся получают одновременно и военную подготовку. Учебные планы суннитских теологических учебных заведений, разработанные еще в XVIII веке, фактически мало изменились. Они включают такие курсы, как: 1) арабская грамматика; 2) синтаксис; 3) риторика; 4) философия и логика; 5) диалектическая теология (илм аль калам); 6) Тафсир; 7) Фикх; 8) исламская юриспруденция; 9) Хадисы; 10) математика.

Показательно, что многие лидеры афганского движения «Талибан» являются выпускниками данных Мадраса и дар ул-улум. Так, губернатор Джалалабада, граничащего с Пакистаном, - выпускник дар ул-улум Хаккани в Пешаваре. Посол правительства Талибан в Пакистане - выпускник дар ул-улум Бинори-тауи в г. Карачи и т. д. Как справедливо отмечает американский историк и политолог Хафиз Малик, «от выпускников этих учебных заведений трудно ожидать современных взглядов по религиозным или политическим вопросам. Кругозор талибов обусловлен ... застывшим, допотопным образованием».

Теологические учебные заведения Пакистана (за исключением Международного исламского университета в Исламабаде и немногочисленных исламских центров) являются вотчиной исламских традиционалистов, сопротивляющихся любым попыткам их реформирования. Не находят у них поддержки и последние инициативы правительства генерала П. Мушаррафа (симпатизирующего взглядам Камалы Ататюрка) адаптировать религиозное образование к современным условиям, упорядочить деятельность теологических учебных заведений, внести изменения в их учебные планы, создать образцовую модель дар ул-улум⁹.

Вместе с тем исламские богословы всех пяти мазхабов, представленных в Пакистане, вынуждены констатировать, что «большинство предметов в религиозных институтах устарели и излагаются на примитивном арабском языке». Они полагают, что такие предметы, как английский язык, математика, история и другие современные дисциплины должны включаться в учебные планы в качестве обязательных предметов. Высказывается сожаление в связи с тем, что существующие различия между суннитскими масхабами, а также суннитско-шиитская рознь ведут к религиозной нетерпимости и экстремизму, дестабилизируют жизнь страны. Так, например, всего за две недели, с 28 сентября по 7 октября 1999 г., в результате взрывов в Исламабаде и Лахоре погибло 30 человек и десятки получили ранения. И это лишь один пример в нескончаемой цепи религиозно-общинной розни, характерной для Пакистана.

Проводимая в стране на современном этапе образовательная политика направлена на дальнейшее «внедрение исламских ценностей». Уровень грамотности населения предполагается увеличить с 34% (один из самых низких показателей в мире) до 70% к

2010 г.¹² Введение всеобщего начального обучения в стране планируется достичь во многом с помощью возрождения традиционных мусульманских учебных заведений (мактаба), широко привлекая общественность, неправительственные филантропические организации, в том числе и конфессиональные. Мусульманская традиция обучения и воспитания сохраняет свои позиции в пакистанском обществе и является одной из основных компонентов в разработке концепции национальной школы.

Примечания

- ¹ Yusaf M. M. The Pakistan Study. Textbook for for Graduate & Post-Graduate Classes. Karachi, 1990, p. 237.
- ² Zaman U. S. Banners Unfurled. A Critical Analysis of Developments in Education in Pakistan. Karachi: Royal Book Company, 1981, p. 245.
- ³ National Education Policy'92 (1992-2002). Islamabad: Ministry of Education, 1992, p. 13.
- ⁴ Yusaf M. M. The Pakistan Study. Ibidem..., p. 1.
- ⁵ Lazmi, M. A. Tehfeem-i-Islamiyat. Textbook for Graduate Classes. Punjab Textbook Board. Lahore, 1987, p. 1.
- ⁶ Dawn. Karachi, 1.11.98, p. 6.
- ⁷ The Nation. Islamabad, 23.11.99, p. 8.
- ⁸ Малик Х. Исламское государство талибов в Афганистане: вызов Евразии. Сб. научных статей: Межнациональные конфликты в многонациональных государствах. Уфа, 1999, с. 154.
- ⁹ The News. Islamabad, 13.10.00, p. 5; 10.12.00, p. 25.
- ¹⁰ The News. Islamabad, 9.04.00, p. 5.
- ¹¹ The Nation, Islamabad, 23.11.99, p. 8. ¹² The News. Islamabad, 12.01.00, p. 5.

РЕГИОНАЛИЗМ В АФГАНИСТАНЕ:
«Гератская республика» Абдул Рахима
(1929 - начало 1930-х годов)

В 1919 г. в Афганистане в результате убийства эмира Хаби-буллы произошла смена власти - новый монарх Аманулла вскоре привел страну к независимости и, постепенно преодолевая внешнеполитический авантюризм (призыв к индийским мусульманам совершить «хиджрат» в Афганистан, планы создания центрально-азиатской федерации), принялся за реформирование афганского традиционного общества. Часто игнорируя его устои и другие объективные обстоятельства, усиливая налоговый пресс, он восстановил против себя значительную часть соотечественников. Глубокий социально-политический кризис выплеснулся в конце 1928 - начале 1929 гг. в гражданскую войну и катастрофическое ослабление центральной власти в Афганистане, грозящее распадом государственности. В стране резко усилились этнические, клановые противоречия, регионалистские настроения. Фактически на протяжении 1929 г. и в течение последующих нескольких лет Афганистан существовал как множество полуавтономных и вовсе автономных квазигосударственных образований, хотя все они больше тяготели именно к регионализму, чем полной независимости, а соответствующие проекты создания «североафганского» и т. п. государств носили декларативный характер.

Попытка самого Амануллы опереться на родственные ему пуштунские племена Кандагара, куда он бежал после отречения в середине января 1929 г. и где вскоре создал «национальное» правительство, оказалась неудачной. Он фактически изолировал себя даже от многих своих сторонников, которые были вынуждены действовать самостоятельно, главным образом в столице и на севере страны.

Там, кстати, в апреле-мае 1929 г. была проведена совместная афгапо-советская военная операция по восстановлению режима Амануллы на региональном уровне, с планируемым далее походом на Кабул. Операция началась успешно, но в итоге не имела

успеха, и в этом не в последнюю очередь был повинен сам бывший монарх, неожиданно покинувший страну, а также советское руководство, скупо дозирувавшее свою поддержку и принимавшее во внимание наличие, помимо Амануллы, других игроков на афганской политической авансцене.

Центральное место в афганской политике на протяжении 1929 г. играли силы, захватившие Кабул и приведшие к власти представителя социальных низов, таджика Бачаи Сакао. Он был провозглашен эмиром Хабибуллоу-гази (фактически - Хабибул-лой II), а государство, включавшее лишь столичную область и некоторые северные провинции (район Афганского Туркестана, Каттаган-Бадахшан и др.), стало именоваться, в пику предшествующим правителям - пуштунам, «Кабулистан». «Сакависты», сторонники Сакао, среди которых было немало представителей региональных элит (в основном таджикские и таджикизированные элементы из числа землевладельцев Кабульской области - «кухистанцы» и «кухдаманцы»), а также бывшей бюрократии Амануллы и реакционного духовенства, не справились с задачей создания управляемой экономики и государственной машины. Социальные особенности нового кабульского режима выглядели весьма выигрышными в глазах некоторых догматиков Коминтерна и советского руководства, не расставшихся к концу 1920-х годов с проектами крестьянской революции на Востоке. По этой и некоторым другим причинам, уже геополитического характера, СССР поддерживал рабочие отношения с режимом Б. Сакао и даже был близок к официальному признанию последнего в период его наибольшей жизнеспособности летом 1929 г.

Своеобразной моделью регионализма в Афганистане в указанный период стала так называемая «Гератская республика» - территория, включавшая Гератскую провинцию и некоторые соседние районы афганского севера и северо-запада.

В данной статье на основе документов из архива Министерства иностранных дел Российской Федерации, впервые вводимых в научный оборот, предпринята попытка проанализировать опыт регионализма в Афганистане на примере событий конца 1920-х - начала 1930-х годов в Герате.

Прежде чем перейти к изложению сути проблемы, хотелось бы кратко напомнить некоторые исторические обстоятельства ее возникновения. Герат - третий по величине город Афганистана,

центр одноименной провинции на северо-западе страны, в долине р. Герируд. В силу географических условий Гератская область естественным образом обособлена от остальных районов Афганистана горными хребтами Гиндукуша, Сефидкуха и Сияхкуха. На протяжении веков эта область меняла свои административно-политические границы, но собственно г. Герат оставался ее столицей (дар ас-салтана). Этот город был крупнейшим центром се-февидского Ирана, а позднее - державы Дуррани, борьбу за обладание Гератом и его богатейшими ресурсами вели в течение трех веков крупнейшие правители Центральной и Западной Азии. Ведущая исследовательница гератской истории Н. Н. Туманович отмечает «немалую общественную активность» гератцев различного социального происхождения, в частности их работу в городском совете. Исследователи и путешественники указывают также на порядок и большую строгость нравов в Герате.

О важной роли Герата периода средневековья и нового времени свидетельствует не только уровень торговых и иных связей его населения, но и высокий статус его правителей-наместников: эту должность обычно занимали принцы династии Дуррани, часто - наследники престола. Но реальная власть была сосредоточена в руках беглербеков (функционально - генерал-губернаторов) и на некоторое время закреплена за лидерами кызылбашских племен.

Значение Герата возросло после захвата Сефевидами Кандагара (поход шаха Аббаса II в 1647 г.), но внутренняя ситуация в этой области подогревалась противоречиями между афганцами-суннитами и шиитской династией Сефевидов, этнической пестротой населения долины Герируда и, конечно, интригами внешних сил. В первые десятилетия XVIII века Гератская провинция стала ареной борьбы Сефевидов с афганским племенем абдали, а также самих афганских племен (или их объединений) - абдали и гиль-заев. Родоплеменные усобицы раздирали эти племена изнутри, что и определило разгром абдали силами молодого полководца Сефевидов из кызылбашского племени афшаров, Надира. Но довольно скоро гератцы признали власть Ахмад-шаха Дуррани — основателя новой афганской династии и государства, однако их лояльность не была безоговорочной - и тогда, в XVIII веке, и в последующий период гератские ханы действовали вполне в сепаратистском духе. Какие же очертания приняла гератская пробле-

ма в XX в., в условиях гражданской войны конца 1920-х годов?

После бегства в Кандагар в середине января 1929 г. и создания там альтернативного «национального» правительства Ама-нулла принял решение о переезде в Герат. Этот важный стратегический пункт на северо-западе Афганистана должен был стать одной из ключевых баз его контрнаступления на Кабул. Сторонники падишаха в Гератской провинции после некоторой растерянности развернули решительные действия против консервативных сил, тем более что генерал-губернатором здесь был его дядя, Мухаммад Ибрагим-хан. Он в частности, приказал арестовать местного мустауфи, кандидатура которого была выдвинута советом улемов на пост главы провинциальной администрации, то есть на место самого М. Ибрагим-хана. Гератское духовенство выдвигало и ряд других требований: об отмене обязательной воинской повинности и организации добровольного племенного ополчения, закрытии светских школ, упразднении отдела просвещения и налогов по этой статье, отмене регистрации населения и закрытии городской управы¹. Часть этих требований была удовлетворена губернатором, другая направлена на заключение Аманулле. М. Ибрагим-хан отправил своего зятя, полковника Абдурахмана, для принесения клятвы верности Ама-нулле, -гератский эмиссар заодно получил назначение командовать войсками провинции (ранее он входил в состав свиты, сопровождавшей монарха в заграничной поездке). Занимавший этот пост Мухаммад Гаус-хан должен был с отрядом войск прибыть в Кандагар на помощь Аманулле. Эти передвижки начались из-за того, что беглый падишах, уступив просьбам населения Кандагара и представителей восточных и южных афганских племен, обещавших ему поддержку, изменил свое первоначальное решение о переезде в Герат и приступил к собиранию сил в Кандагаре для наступления на Кабул. Об этом сообщил прибывший в Герат курьер Аманулла М. Самими. Но дальше события приняли трагический оборот: 5 марта 1929 г. Абдурахман во время стычки с солдатами был убит, такая же участь постигла и генерал-губернатора - виновные решили таким образом избежать наказания. Власть в городе и провинции перешла к М. Гаус-хану, которого войска избрали своим начальником, - фактически же он стал военным администратором-диктатором².

12 марта в Герате, в канун окончания Рамазана, на совещании

совета улемов решался вопрос о традиционной молитве, обычно включающей здравицу главы государства. Несмотря на протесты М. Гауса, улемы вынесли решение в пользу Б. Сакао. Но на следующий день во время молитвы военный администратор с пистолетом в руках буквально заставил муллу произнести имя Аманулла, чем привел в негодование духовенство. Ситуация некоторое время оставалась накаленной. 27 марта в Герат прибыл отозванный из Лондона афганский посланник в Великобритании Шуджа-уд-Доуле, - он и приступил по просьбе Аманулла к исполнению обязанностей генерал-губернатора. Его приезд внес некоторое внешнее успокоение и прекратил открытую агитацию духовенства против прежнего режима. Но наиболее непримиримые во главе с Абдул Керимом продолжали выступать против М. Гаус-хана, а также разжигали вражду между местными суннитами и шиитами, в начале марта поклявшись жить в мире и согласии. Напряженность возникла также между амбициозным М. Гаус-ханом, теперь только командующим войсками провинции, и новым губернатором. Спор должен был разрешить сам Аманулла, но в этот момент на военно-политическом небосклоне афганского севера возникла, и как оказалось надолго, новая звезда - генерал Абдул Рахим-хан. С именем и деятельностью этого человека связано немало событий в Афганистане конца 1920-х - 1930-х годов, о чем несправедливо умалчивает афганская и мировая историография. Между тем и сама личность А. Рахима, и тот опыт, который он привнес в афганскую политическую культуру и практику этого периода, заслуживают самого внимательного изучения.

Биография А. Рахима, особенно та впечатляющая политическая карьера, которую он сделал в один из наиболее смутных периодов афганской новейшей истории, весьма примечательна. Будучи весьма скромного происхождения (племя сафи провинции Парван), А. Рахим имел в Ризе-Кухистане земли, оцениваемые примерно в 150 000 тыс. рупий, его сестра была замужем за всеильным мустауфи-альмамалеком М. Хусейн-ханом, - правда, это родство стало опальным неблагоприятным фактором с момента казни последнего в 1919 г. Рахим стал военным: в его послужном списке были должности начальника пограничной охраны в Кара-Тепе, командира полка в Мазари-Шарифе. Когда осенью 1928 г. в Афганистане начался мятеж шинвари, Аманулла приказал А. Рахиму явиться в Кабул с деньгами и людьми, плани-

руя бросить эти силы в район Джелалабада. Прибыв в столицу с тысячным отрядом, мазарский военачальник не спешил оказать помощь королю, а после бегства последнего перешел на сторону Б. Сакао³. Новый правитель назначил Рахима, к тому времени генерала, председателем комиссии по реформам (должность, сохранившаяся со времен Амануллы, иногда упоминаемая в документах и в других вариантах) в Гератской провинции, но поручил произвести по пути перевороты в Мазари-Шарифе и Меймене -основных центрах Афганского Туркестана. Перевороты оказались успешными, причем последний произошел еще до прибытия Рахима: 28 февраля 1929 г. он уже находился в Мазари-Шарифе в качестве командующего войсками одноименной провинции, или Афганского Туркестана. Вместе с ним в город въехал и новый губернатор - Мирза Касым-хан, известный в этой местности купец и землевладелец, таджик по национальности, впавший в немилость к Аманулле за махинации в военных поставках.

Следующим после Меймене и последним пунктом маршрута А. Рахима должен был стать Герат: 13 апреля 1929 г. он со сравнительно небольшим отрядом (по некоторым данным, включавшим 500 солдат регулярной армии, около 1 тыс. туркменских эмигрантов и некоторое количество местных скотоводов) выступил из Меймене. О выступлении А. Рахима, отряд которого двигался в сторону г. Бала-и-Мургаба и Кала-и-Нау (последний - в 98 км северо-восточнее Герата), стало известно в Герате: новый губернатор Шуджа-уд-Доуле, давно знавший А. Рахима, намеревался договориться с ним через его брата-гератца. По-иному смотрел на ситуацию комвойсками М. Гаус-хан: он тайком от Шуджи отдал приказ арестовать и убить А. Рахима и со значительными силами выступил навстречу ему, с конечным намерением восстановить власть Амануллы по всему маршруту Рахима, вплоть до Кабула. При столкновении в районе Бала-и-Мургаба победителем вышел ставленник Б. Сакао: большая часть почти 4-тысячного войска М. Гаус-хана не устояла перед пропагандой мулл из отряда туркестанцев и перешла на сторону противника, а сам он с остатками своих сторонников общим числом в 104 чел. (в том числе 16 офицеров, включая его собственного сына и племянника, ранее учившихся в СССР) 24 апреля пересек афгано-советскую границу на участке Мервского погранотряда, где был интернирован и препровожден в Кушку. Неудачник хотел немед-

ленно отправиться в Герат для формирования новых отрядов и продолжения борьбы с Рахимом, но Шуджа-уд-Доуле считал нежелательным возвращение Гауса, о чем и хлопотал перед советской стороной. Шуджа и Гаус устроили торг в неподходящий момент: как свидетельствуют советские дипломатические документы того времени, поражение М. Гаус-хана означало не только провал его плана по разгрому сил А. Рахима, но и неудачу более масштабного замысла по восстановлению власти Амануллы на афганском севере, а затем и в Кабуле объединенными афгано-советскими силами. Замысел такой операции был разработан весной 1929 г., и она начала осуществляться с середины апреля ударом советско-афганского отряда по Мазари-Шарифу.

Между тем заметно умноживший свои силы А. Рахим приближался к Герату. В городе после ухода отряда М. Гауса почти не оставалось войск, а обещанные местными ханами и представителями национальных меньшинств (хазарейцев и джемшидов) 7 тыс. человек так и не появились. Губернатор Шуджа-уд-Доуле решил даже на обман общественности и противника: 25 апреля он устроил большой праздник «по случаю взятия Амануллой Кабула и бегства оттуда Бачаи Сакао»⁶. Не имея реальных сил для защиты города, Шуджа надеялся лишь на содействие духовенства, которому пообещал не допустить М. Гауса обратно в Герат. Высланная 27 апреля навстречу Рахиму делегация из двадцати мулл с предложением мирных переговоров присоединилась к наступавшим, а губернатор Шуджа-уд-Доуле, 4 мая севший в бест в местечке Гозаргах, на следующий день бежал в Кушку, где уже находились его интернированные соотечественники во главе с М. Гаус-ханом. Как сообщал советский генеральный консул в Герате, приезд Рахима в город был «поистине триумфальным шествием»⁷, ибо рассматривался гератцами не только как избавление от засилья чиновников Амануллы и диктаторства М. Гауса, но и как восстановление истинных исламских ценностей. Триумф был несколько омрачен резней шиитов - погибли до 20 человек, в том числе известный купец Хаджи Мухтар, вышедший среди других встречать Абдул Рахима, - но новый правитель (сначала скромно именовавший себя председателем комиссии по реформам, как это первоначально и предписывалось ему в Кабуле) не скрывал, что гератцы «скорее откажутся от мусульманской веры, чем согласятся быть под властью шиитов...»⁸.

Придя довольно неожиданно к власти в стратегически важной и экономически развитой провинции, А. Рахим занял весьма осторожную позицию, особенно во внутренних делах: он, в частности, на целых полгода задержал официальное признание режима Б. Сакао, явно не торопился выполнять приказы Кабула, включая уплату налогов и назначение из центра чиновников. Чуть ли не с первых дней генерал (Рахим имел чин наиб-салара, то есть заместителя главнокомандующего) начал апеллировать к общественному мнению, а прообразом народной власти считал возникший в Герате и руководимый им представительный орган - меджлис. Гератский меджлис состоял из 48 человек - в основном лиц духовного звания, помещиков и офицерства. Особый демократический антураж ему придавало членство двух представителей приграничного населения: хазарейцев и джемшидов⁹. Свое детище губернатор стал называть «меджлис аян (совет старейшин)» и полагал, что такая структура власти станет повсеместной. От имени общественности он обратился с письмом к Б. Сакао, требуя создать в Кабуле всеафганский меджлис, и тот, по неподтвержденным данным, согласился с доводами Рахима, пообещав объявить Афганистан республикой с общенациональным меджлисом сразу после победы над Надиром¹⁰.

Республиканизм гератского губернатора, уверенно, правда в силу объективных обстоятельств по нисходящей, управлявшего одной из ключевых провинций страны на протяжении примерно пяти лет (с весны 1929 г. и до середины 1930-х годов), причем вопреки желанию центра, - особая тема. Советские дипломаты -сотрудники гератского консульства, близко и заинтересованно наблюдавшие за социально-политическими экспериментами А. Рахима, считали их лишь смутными намерениями «создать обособленную провинцию с сохранением в ней народоправия, сопряженного с традициями корана»". Сам Рахим, интересовавшийся и советским, и мировым опытом такого рода, неоднократно развивал идею преобразования Гератской провинции в автономную область или даже республику. Такие настроения особенно усилились у него осенью 1929 г., накануне потери «сакавистами» Кабула и угрозы расправы со стороны умеренно-консервативных пропуштунских сил во главе с Надир-ханом: Рахим заявил тогда одному из собеседников - амануллисту Г. Джейлани-хану, что «всеми силами будет бороться за объявление независимой

Гератской республики», чем вызвал удивление последнего¹². Между тем нельзя считать республиканские или, по крайней мере, парламентско-конституционные идеи феноменом, абсолютно новым как для Герата, так и для Афганистана в целом: известно, что в начале XX века в том же Герате пионеры конституционализма не без влияния персидских агитаторов ратовали за создание представительного меджлиса, ограничивающего власть монарха. Организованным выражением таких идей стало и движение «Машрута» («Конституция»), разгромленное режимом на исходе первого десятилетия XX века. Возрождение этих и связанных с ними республиканских настроений произошло как раз в годы афганской смуты конца 1920-х - начала 1930-х годов: их трибуной стала эмигрантская газета «Афганистан», основанная летом 1929 г. в Лахоре М. Ахмад-ханом Афганом¹³. В самом Афганистане - некоторые прогрессивно-либеральные деятели, а также такие самостоятельные, тяготеющие к автономии — сепаратизму, симбиозу традиционных и современных ценностей фигуры, как Абдул Рахим-хан, политически возвысившиеся в кризисное для страны время.

Стремясь укрепить и даже расширить свою социальную базу, А. Рахим пошел на целый ряд популистских мер: так, национальные меньшинства - жители приграничных районов Гератской провинции, а также крестьянство - были на два года освобождены от налогов, хотя власти вскоре не только отозвали свое решение, но даже усилили налоговый пресс (был дополнительно введен «айн» - специальный сбор на укрепление власти). Некоторые шаги нового гератского правителя были навеяны его частыми и длительными дискуссиями с советским консулом А. Поляком: борьба со взяточничеством, организация бюро жалоб, поездки по районам и встречи с населением провинции, - хотя они отнюдь не свидетельствовали о его просоветских настроениях. Напротив, А. Рахим, разъяренный советско-афганской акцией в Афганском Туркестане, летом 1929 г. был готов развязать священную войну (газават) против СССР - были уже отданы соответствующие распоряжения и готовились к рейдам базировавшиеся в Гератской области отряды туркменской эмиграции. По ряду причин выступление не состоялось: советско-афганская операция захлебнулась и закончилась неудачей, да и сам Рахим со временем увидел в советской линии и позиции конкретных советских представителей партнерский потенциал и ресурс для

сложных политических игр, которые он вел на протяжении ряда лет с Кабулом.

Периферийное географическое и политическое положение Герата в гражданской войне рубежа 1920 - 1930-х годов и умелое балансирование А. Рахима на социальных интересах и настроениях местного населения позволили ему не только создать функционально устойчивую структуру власти, но и расширить свое влияние далёко за пределы провинции. Верные Рахиму люди заняли руководящие позиции в Себзеварском и Фаррахском районах (здесь появились и местные меджлисы), Меймене, генерал попытался даже «дотянуться» до Кандагара. Но с углублением кризиса режима Б. Сакао, под юрисдикцией которого формально находилась и Гератская провинция, позиции А. Рахима несколько ослабли. Сам генерал-губернатор считал, что в противостоянии «сакавистов» и надировцев надо определенно стать на сторону первых, ибо Надир «ведет политику против независимости Афганистана и является простым орудием англичан». Рахим даже проигнорировал прямую просьбу Надира о поддержке, с обещанием сохранить ему власть в Герате. Однако меджлис во главе с председателем Обайдудладжаном не поддержал предложения губернатора и занял выжидательную позицию. Что касается настроений населения Гератской провинции, то оно, отвергнув ранее Аманулла, отнюдь не испытывало восторга от правления Хаби-буллы - Б. Сакао, считая его временным правителем.

Смена власти в Кабуле в середине октября 1929 г. стала серьезным испытанием для «Гератской республики» и лично А. Рахима: новая династия, которую представлял пуштунский аристократический клан Яхья в лице Надир-хана и его братьев, не собиралась терпеть ту автономию, которую олицетворял герат-ский лидер, ассоциировавшийся к тому же с «сакавистским» режимом. Премьер Хашим-хан почти сразу, даже без ведома короля и правительства, попытался заменить Рахима, назначив из Фарра-ха на его место «своих» генерал-губернатора и комвойсками. Но гератский политический ареопаг не торопился расстаться со своей властью: прибывшая в начале ноября в Кабул делегация меджлиса была настроена твердо отстаивать и новую структуру власти в провинции, и персональный состав местной администрации.

«[Гератские] делегаты все дружно твердят, что «теперь дело не в лицах - Аманулла-хан, Хабибулла-хан, Надир-хан, теперь в

государстве решает дела население (они говорили: миллият). На Кабул смотрят со спокойным достоинством и известной независимостью, очень горды, что Гератская провинция - наиболее западная, передовая - умело избегает гражданской войны, сохраняет внутренний мир и порядок»¹⁴, - сообщал советский наблюдатель. И Кабулу пришлось уступить: в Герат был доставлен указ Надир-хана о назначении Абдул Рахима командующим войсками и временным губернатором провинции. Однако генерал и здесь остался верен своей линии: он принял это назначение, лишь получив одобрение гератской общественности. Формальное же признание «надирата» далось ему гораздо труднее: сначала он послал в столицу уклончивую телеграмму о подчинении «тому, кто осуществляет власть в Кабуле в настоящее время», и лишь по настоянию советского консула занял более определенную позицию¹⁵.

Как свидетельствуют документы, советский фактор играл весьма существенную роль в определении политической линии А. Рахима и руководимой им «Гератской республики»: дело объяснялось тем, что именно персонал советского консульства обеспечивал в течение всего периода гражданской войны в Афганистане связь Герата с Кабулом. Губернатор сам признавался, что «настоящей своей карьерой в Герате он обязан только нам (то есть советским дипломатам. - Б. В.). Разумеется, это было некоторое преувеличение, так как специфику ситуации в провинции и само положение ее правителя определяли многие обстоятельства, в том числе географическое и социально-экономическое положение этого обширного приграничного края. В силу своего окраинного положения Герат почти не испытал разрушительного воздействия гражданской войны, большая часть его населения, прежде всего крестьянство, также осталась в стороне от схватки, вероятно сознавая всю бесплодность смуты. Местным земледельцам удалось сохранить посевные площади - они не только удовлетворяли собственные потребности в продовольствии, но и снабжали им население ближайших скотоводческих районов, как это бывало в прежние времена. В сезон 1929 г. в Герате был получен хороший урожай зерновых, в казну довольно исправно поступали доходы от таможенных пошлин и налоги. А. Рахим вообще показал себя бережливым правителем, во всяком случае по сравнению с его предшественником — амануллистом Шуджой-уд-Доуле - тот швырял деньгами налево и направо и, кстати,

наиболее исправно из всех гератских губернаторов выплачивал содержание известному туркменскому курбаши-эмигранту Джу-наидхану. Любопытно, что Шуджа поступал таким образом, стремясь использовать Джунаида как противовес наступавшему в то время на Герат Рахиму, но просчитался: часть туркмен осталась в стороне от борьбы, другая, напротив, присоединилась к Рахиму. Однако с приходом его к власти положение туркмен-эмигрантов даже ухудшилось - многие из них занялись мелкой торговлей, перепродажей чая, занимались на заготовку дров и т. п. Туркмены, фактически, не умели заниматься земледелием, но их предводителям были выделены участки земли (Джунаиду - 58 га), которые они сдавали в аренду. Финансовые затруднения порождали в туркменской среде ссоры - оппоненты Джунаида не исключали даже возвращения в СССР.

Гражданская война и нарушение традиционных экономических связей существенно изменили профиль и внешнеторговую ориентацию гератского купечества: большая и наиболее влиятельная его часть выехала в начале афганской смуты в СССР, другие перебрались в Мешхед (Иран). Закрытие кандагарского и дальнейших торговых маршрутов в Индию создало дефицит товаров в Герате, чем не преминули воспользоваться советские торговые организации: впервые на гератском рынке появились различные виды второстепенного экспорта (кондитерские, табачные изделия и др.), а советская мануфактура «почти совершенно вытеснила соответствующего ассортимента мануфактуру индийского рынка». Такая метаморфоза отчасти объяснялась и жесткой линией западных соседей - персов - однажды они установили на всем протяжении персо-афганской границы недельный карантин, за что заплатились свертыванием афганской торговли с Мешхедом и далее - Европой. С первыми признаками стабилизации ситуации в Герате стали возникать торговые объединения купцов (в документе - товарищества на вере), позднее названные ширкетами. Ведущую роль в процессе концентрации купеческого капитала и самоорганизации торговой буржуазии в этом регионе сыграла группа Хакимова (одно из имен недавно ушедшего из жизни патриарха афганского бизнеса Абдул Маджида Забули, тогда - пионера советско-афганских торговых отношений). Она установила монопольные цены на шерсть, кожсырье и ввозимые импортные товары, добилась административных запретов на при-

граничную торговлю и т. д.

Официальное признание А. Рахимом режима Надир-хана («надирата») не означало, что гератский правитель расстался со своими ирредентистскими идеями и другими, более затаенными, замыслами. Заверяя Надир-хана в своем полном подчинении ему, Рахим одновременно вгушал междлизу, что будет проводить в жизнь только те законы, которые будут приняты народом. Соответственно, оказалось, что постановления правительства о школах, военной службе и т. д., связанные с новым увеличением налогов, были в Герате отвергнуты. При этом Рахим умело играл на антиафганских чувствах местных национальных меньшинств, особенно чараймаков (фирузкухи, джемшиды, таймены и др.), их недовольство простиралось до идеи создания независимого северо-афганского государства. Гератский губернатор вел сложную закулисную политическую игру, но, как заключал уполномоченный советского НКВД в Узбекистане, «Абдур-Рахим (в документах встречаются разные написания его имени - *Б. В.*), видимо, очень осторожный и ... любит играть наверняка. Но он не лишен доброй доли авантюризма. Следует думать, что, как только представится подходящий момент, как только положение Кабула осложнится, как только против Кабула выступит Мазар, либо южные провинции, Абдур-Рахим может открыто выступить против Надир-шаха». Для этой цели люди Рахима запасали впрок оружие и боеприпасы. Это снаряжение немецкого производства предположительно закупалось по контрабандным ценам и переправлялось в Герат через Персию, хотя Рахим и его окружение стремились приобрести советские винтовки, качество которых было наглядно продемонстрировано в ходе мазарской операции 1929 г.

Напряженность между Кабулом и Гератом должен был разрядить Гулам Джейлани-хан (представитель семейства Чархи - главного сгустка воинствующего «аманизма» в период решающих битв 1929 г.), зарабатывавший себе прощение выполнением щепетильных поручений центра. Джейлани-хан прибыл в Герат летом 1930 г. и находился там два месяца. За этот период ему удалось уговорить Рахима сменить почти всех руководителей губернских учреждений: начальника полиции Ходжа Азима (он первым из гератцев призвал Рахима и сдал ему Кала-и-Нау весной 1929 г.), местного мустауфи - преданного друга Рахима, выделявшегося и своей нетипичной для занимаемого поста чест-

ностью. На очереди был уполномоченный МИДа Абдул Керим-хан - правая рука губернатора. Гость пытался также доказать Рахиму необходимость снятия с себя полномочий комвойсками и назначения на эту должность новой кабульской креатуры, но губернатор, прошедший многие ступеньки военной карьеры, хорошо создавал важность военной силы и не торопился расстаться с ней. Гератский гарнизон составлял внушительную силу — до 10 армейских полков, не считая полиции, однако вскоре больше половины этого войска все же пришлось уволить.

Республиканизм А. Рахима, основная особенность его политической идеологии, не был его общественным кредо, а скорее - своеобразным тактическим оружием специального назначения: так он стремился подчеркнуть новизну своего подхода, а быть может, и компенсировать некоторые слабости своего исходного и последующего положения (довольно низкое социальное происхождение - Рахим был таджикизированный пуштун-сафи из Пар-вана, связь с «сакавистами» и др.). В сущности, о республиканских идеях гератского губернатора знали немногие: советские дипломаты и разведка, кое-кто из среды сменившихся несколько раз в течение 1929 - начала 1930-х годов кабульских элит, наиболее доверенные гератцы. Но все перечисленные и оставшиеся за кадром стороны имели собственное и притом непосредственное представление о политическом имидже А. Рахима и созданной им в Герате полуавтономной «модели» общественной жизни регионального масштаба. Элементами этой «модели» в начале 1930-х годов стали периодические квазидемократические процедуры (выборы на Лоя Джиргу), допущение и даже частичная легализация прогрессистских настроений в лице группы журналиста Сар-вара Джуя. На ее противоположном полюсе оставался шариатский суд, один из жесточайших в Афганистане, консервативно-романтическая группа Халилулло - племянника Рахима и будущего литератора общенационального масштаба, более известного как Халилулла Халили.

Еще один институт гератской демократии периода смуты 1929 г., меджлис, самораспустился вскоре после установления в Афганистане «надирата». Его основной корпус - духовенство - не пожелало сотрудничать с Надиром, хотя первоначально оно вместе с губернатором выступало за введение форм социального представительства в масштабах всей страны (меджлис-аян).

Выборы делегатов на общеафганскую Лоя Джиргу 1930 г. были взяты А. Рахимом под строгий контроль. Власти сами намечали кандидатуры депутатов, не заботясь об участии широких слоев населения. В результате в качестве представителей города были избраны: 1) уже упоминаемый ранее Абдул Керим-хан; 2) Ходжа Сеид Азим - представитель местного отделения компании «Ислах», бескомпромиссный оратор, имевший опыт депутатства на одной из джирг времен Амануллы; 3) духовник Мир Ге-заргахи, отличающийся веротерпимостью, относительной образованностью и осторожностью в решениях (летом 1929 г. именно он предостерегал мулл от газавата против СССР). Весомость и полномочность выборам должно было придать их проведение в мечети, на собрании молящихся. Однако спустя уже несколько дней часть депутатов поспешила отказаться от своих мандатов, что вынудило власти повторить выборы. На этот раз депутатами оказались гораздо менее опытные люди, хотя характерным фактом было избрание главы гератских шиитов шейха Мухаммеда Амина¹⁹.

Важным, хотя политически и маловлиятельным, элементом общественной жизни Герата 1920-х - начала 1930-х годов стали прогрессисты, группировавшиеся вокруг газеты «Иттифак-и ислам» и ее редактора, журналиста Сарвара Джуя. Газета была основана в 1922 г., до 1928 г. она издавалась литографским способом. Губернатор-амануллист Шуджа-уд-Доуле (конец марта — начало мая 1929 г.) поменял ее название на «Фарьяд», но Абдул Рахим вернул прежнее - «Иттифак-и ислам». Автором большинства аналитических материалов газеты был ее редактор, Сарвар Джуя, а основными поставщиками информации международного характера (иногда - и авторами) - сотрудники советского и, в меньшей степени, персидского консульств. Функции цензора выполнял уполномоченный афганского МИДа в Герате Абдул Керим, он же являлся владельцем типографии, в которой печаталась газета. Тираж этого еженедельного издания составлял 1500 экземпляров, оно расходилось не только по уездам провинции, но также отправлялось в Кандагар и Кабул.

Профиль и политическая ориентация газеты «Иттифак-и ислам» во многом определялись взглядами ее редактора. Вокруг него и созданного им общества «Адабият» («Литература») группировалась демократическая интеллигенция и другие представи-

тели средних слоев. Сам С. Джуя использовал страницы руководимой и создаваемой им чуть ли не в одиночку газеты для постановки актуальных проблем области и страны в целом: о свободе печати, состоянии средств связи, общественной нравственности и др. Он смело бичевал пороки масс и верхов, такие как взяточничество, обломовщина, леность, ратуя за развитие науки и культуры. Особое место в газетно-публицистической работе

С. Джуя и других гератских прогрессистов занимали проблемы недавнего прошлого. Выступление сакавистов оценивалось ими как мятеж, приведший к беспорядкам и хаосу, что, по мнению того же С. Джуя, противоречило смыслу революции как «перестройки основ старого положения и устройства новых общественных и идейных форм народа». Благодаря довольно смелой и масштабной постановке проблем, газета «Иттифак-и ислам» довольно скоро переросла провинциальные рамки и была замечена в столице. По некоторым данным, Надир-хан специальным письмом на имя Абдул Рахима одобрил линию поведения газеты и даже поставил ее в пример прочим, преимущественно официальным изданиям. Но губернатор не имел особых претензий к «Иттифак-и ислам», поскольку пафос критики гератских прогрессистов был обращен не на него самого, а на представителей духовенства, некоторые центральные ведомства.

Внешняя сдержанность А. Рахима, возможно, объяснялась и более деликатными обстоятельствами, а именно: поддержкой газеты советской стороной. Эта поддержка была весьма существенна: Сарвар Джуя привез из Ташкента издательские материалы, в Баку был заказан шрифт (гератцы отказались от аналогичного предложения персидского консула), редакция «Иттифак-и ислам» регулярно снабжалась выходящими в Таджикистане газетами и политической литературой на восточных языках. Такое сотрудничество всячески скрывалось, хотя оно сказывалось на содержании и линии главной, а может быть и единственной, легальной оппозиционной газеты эпохи раннего «надирата».

Гератский опыт автономии и фактического самоуправления провинции продемонстрировал немалый управленческий и лидерский потенциал фигур - выходцев из средних страт и слоев афганского общества выдвинувшихся самовыдвиженцев конфликтного времени, сумевших задействовать новые политические средства и методы, местные и даже международные факторы. На

авансцене афганской, и более широко - центральноазиатской, политики появились лидеры, малопохожие на «местников» сравнительно недавних феодальных времен - они не просто претендовали на долю власти и полномочий, но и в чем-то доказали обоснованность своих амбициозных претензий.

Наличие целого ряда международных и внутриафганских (в том числе - собственно гератских) факторов, а также искусство политического маневрирования позволяли Абдул Рахиму еще некоторое время не только сохранять свои позиции на северо-западе Афганистана, но даже и укрепиться как политику общенационального масштаба. Однако самые амбициозные его замыслы все же не сбылись: Рахим был вынужден примириться с «надиратом» и постепенно интегрирован в новую структуру власти, причем в Кабуле ему отводились лишь второстепенные роли министра, в лучшем случае - зам. премьера правительства. К началу 1940-х годов он фактически миновал последний пик своей карьеры, а контуры гератской автономии («республиканизма») растворились еще раньше, уже к середине 1930-х годов.

В годы второй гражданской войны (1980-е - нынешнее время) вновь отчетливо проявилась тенденция к самоуправлению и автономизации отдельных регионов Афганистана, прежде всего севера, а также юго-запада. В последнем случае центром де-факто автономии стал Герат, а фактическим правителем юго-западных провинций до 1997 г. являлся Исмаил-хан. Его восхождение началось примерно в середине 1980-х годов после ряда операций против советских войск. В июле 1987 г. Исмаил-хан организовал встречу полевых командиров в провинции Гур, на которой обсуждались задачи координации военных действий и будущего устройства Афганистана. К моменту падения режима Наджибулла Исмаил-хан («Лев Герата») имел устойчивую репутацию опытного военного лидера с политико-административными задатками. В апреле 1992 г. первый президент ИГА С. Моджаддеди присвоил ему звание «звездного (полного) генерала» и амира юго-восточной зоны страны. Территория, контролируемая Исмаил-ханом, простиралась от Кандагара до Мургаба.

Появились некоторые признаки стабилизации: возобновились торговые связи Герата с другими регионами Афганистана и зарубежьем, вновь открывались школы, больницы и даже местный университет. В рамках специальной программы ООН нача-

лось разминирование местностей Гератской провинции, домой потянулись беженцы.

В июне 1994 г. Исмаил-хан выступил одним из инициаторов межафганского диалога — в 10-дневной конференции (Шура-и-Герат) приняло участие несколько тысяч человек - представителей различных течений и группировок, действовавших в Афганистане и эмиграции. Участники конференции предложили создать афганскую национальную армию и провести Лоя Джиргу.

В течение нескольких лет, до сентября 1995 г., в Герате сохранялось относительное спокойствие, но в дальнейшем в результате наступления сил движения «Талибан» Исмаил-хан покинул город, дабы избежать массовых разрушений и кровопролития. В 1997 г. талибам удалось схватить бывшего правителя Герата, но в марте 2000 г. он сумел бежать из кандагарской тюрьмы и нашел убежище в Иране.

Развитие ситуации в Гератской провинции и ряде примыкающих к ней территорий на протяжении последних двух десятилетий XX века не позволяет строить прямых аналогий с рассмотренными выше событиями 1920-1930-х годов, но лишней раз подтверждает наличие в определенных регионах Афганистана тенденции к самоуправлению - региональной автономии, опирающейся на местные традиции, природно-ресурсную базу, этносоциальную структуру, человеческий - лидерский потенциал и геополитические особенности как самих этих регионов, так и сопредельных государств.

Примечания

- ¹ РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 2, д. 1806, л. 31.
- ² Там же, л. 30.
- ³ АВП РФ, ф. Референтура по Афганистану, оп. 11, пор. 4, папка 147, л. 13; там же, оп. 13, пор. 41, папка 161, л. 113.
- ⁴ Там же, оп. 11, пор. 4, папка 147, л. 140.
- ⁵ АВП РФ, ф. Карахана, оп. 12, пор. 71, папка 75, л. 82-83, 106; ф. Референтура по Афганистану, оп. 11, кор. 68, папка 151, л. 98-98об.
- ⁶ АВП РФ, ф. Референтура по Афганистану, оп. 11, кор. 68, папка 151, л. 98об.-99. Эта «новость» не была сплошной мистификацией - отряд В. Примакова - Г. Наби-хана уже всюю хозяйничал в Афганском Туркестане и должен был двинуться на Кабул, о чем, несомненно, знал Шуджа-уд-Доуле, входивший в наиболее узкий круг амануллистов.
- ⁷ АВП РФ, ф. Референтура по Афганистану, оп. 11, пор. 4, папка 147, л. 5.

- ⁸ Там же, л. 7.
- ⁹ АВП РФ, ф. Референтура по Афганистану, оп. 12, пор. 70, папка 156, л. 249.
- ¹⁰ АВП РФ, ф. Референтура по Афганистану, оп. 11, пор. 4, папка 147, л. 8.
- ¹¹ АВП РФ, ф. Референтура по Афганистану, оп. 12, пор. 70, папка 156, л. 250.
- ¹² РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 2, д. 1806, л. 174, 181-181об.
- ¹³ См., например: Назаров Х. Народные и просветительско-антифеодалные движения в Афганистане (конец XIX - начало XX вв.). Душанбе, 1976, с. 199-200; Имомов Ш. 3. История общественной мысли Афганистана во второй половине XIX - первой половине XX вв. Докт. дисс. М., 1994, с. 296.
- ¹⁴ РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 2, д. 1806, л. 209.
- ¹⁵ Сам А. Рахим объяснял задержку и даже нежелание признать режим Надира англофильством и реакционностью нового падишаха и его окружения. Он подчеркивал, что «... такие люди, как Хашим Хан и Шах Вали Хан (братья Надира, занявшие ключевые посты в правительстве. - Б. В.) не допустят, чтобы в Афганистане существовал межджис, не говоря уже о других учреждениях республиканского порядка...» - АВП РФ, ф. Референтура по Афганистану, оп. 11, пор. 4, папка 147, л. 9-11.
- ¹⁶ АВП РФ, ф. Референтура по Афганистану, оп. 12, пор. 17, папка 153, л. 85-86. Заготовкой дров промышляли даже члены семьи Джунаид-хана: его сын несколько раз доставлял в советское посольство партии верблюдов с дровами.
- ¹⁷ АВП РФ, ф. Референтура по Афганистану, оп. 12, пор. 17, папка 153, л. 19. На донесении советского консула в Герате Поляка от 26 ноября 1929 г. рукою главы 3-го Восточного отдела Цукермана была сделана помета: «Надо закрепить это».
- ¹⁸ АВП РФ, ф. Референтура по Афганистану, оп. 12, кор. 70, папка 156, л. 206.
- ¹⁹ АВП РФ, ф. Референтура по Афганистану, оп. 12, пор. 5, папка 152, л. 6-8.
- ²⁰ Исмаил-хан родился в 1946 г. в Шинданде провинции Фаррах. После окончания военной школы служил майором афганской армии, но на почве расхождений с режимом М. Тараки стал одним из организаторов мятежа войск гератского гарнизона в марте 1979 г. После разгрома мятежников Исмаил-хан с небольшой группой сторонников бежал в горы, затем в Иран. Вскоре он присоединился к группировке «Джамиате ислами» (Исламскому обществу), возглавляемой Б. Раббани, и стал одним из его наиболее заметных полевых командиров. См., например: Adamec, Ludwig W. Dictionary of Afghan Wars, Revolutions, and Insurgencies. L., 1996, p. 163.

И. В. Жмуйда

РОЛЬ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ И КОРРУПЦИИ В ПАКИСТАНЕ

Существование «теневой» (ее еще называют «параллельной», «серой», «грязной» и т. д.) экономики - явление особое. Вопрос заключается только в том, насколько широкое распространение она получила, насколько сильно ее воздействие на ход социально-экономического развития и нормы общественной морали. Поскольку Пакистан является примером того, как пагубно воздействует «теневая» экономика и ее составные части на общее социальное - психологическое, экономическое и политическое развитие, представляется интересным рассмотреть это явление.

Надо отметить, что «теневая» экономика в Пакистане имеет свою историю. Она досталась стране в наследство от колониальных времен и в разные периоды принимала разные формы и объемы. Впервые вопрос о «теневой» экономике и коррупции был поднят сразу после создания страны одним из ее основателей Лиакат Али-ханом. В эти годы процветала спекуляция имуществом покинувших страну индусов и перепродажа недвижимости колониальных властей, торговля по завышенным ценам различными лицензиями, разрешениями и т. д. Подкуп и коррупция сопровождали многие торговые сделки. В последующие годы суть «теневой» экономики в Пакистане не изменилась: в обход государственного контроля и регулирования в оборот пускалось и пускается огромное количество «черных» (заработанных нечестно) денег. В результате в Пакистане, по оценкам, до 50% ВВП составляет «теневая экономика».

Из каких же источников формируется «параллельная» экономика ныне?

Во-первых, это уклонение от уплаты налогов; во-вторых, мошенничество с займами; в-третьих, контрабанда; в-четвертых, махинации в торговых операциях (завышение и занижение счетов в экспортных-импортных операциях); в-пятых, взяточничество и, наконец, преступления, связанные с процессом национализации и приватизации предприятий и государственным регулированием

© И. В. Жмуйда, 2001

ЭКОНОМИКИ.

Рассмотрим вкратце каждую из составных частей, формирующих «теневую экономику», остановившись более подробно на коррупции.

Уклонение от **уплаты налогов** явление не специфическое для Пакистана. Оно распространено во многих странах мира. Специфика Пакистана состоит в том, что в стране установлено огромное количество льгот, скидок, налоговых «каникул» и т. д. Поэтому, с одной стороны, идет широкое утаивание доходов от налогообложения, а с другой - официально от налогов освобождаются многие их плательщики. Все это создает своеобразный лабиринт, через который пробираются и плательщики налогов, и сборщики. На этом пути и возникают многочисленные нарушения. Еще в 1970 г., учитывая огромные масштабы утаивания налогов, была создана Комиссия по налогам, существующая до сих пор, поскольку явление это отнюдь не уменьшается. Согласно ее подсчетам, реальное налогообложение не так уж и велико. При «потолке» ставок личного обложения в 55% от налогооблагаемого дохода реальная их величина благодаря многочисленным льготам не превышала в 90-е годы 20%. И тем не менее число лиц, уклоняющихся от уплаты налогов, огромно: в то время как подоходный налог должны платить всего не более 1,5 млн. человек (при населении в 140 млн.), его внес едва ли 1 миллион, да и то лишь от частично причитавшейся с них суммы. При этом приемы, позволяющие избежать выплат, многочисленны.

Так, в то время как в 1996-1997 гг. были запланированы бюджетные доходы в 336 млрд. рупий, реально было получено 286 млрд. Та же картина наблюдалась и в 1997-1998 гг., когда вместо планировавшихся бюджетных средств в 324 млрд. рупий поступило 297 млрд. Столь значительное недополучение было связано в том числе и с незаконным уклонением от уплаты налогов³.

Надо отметить, что к сокрытию подлежащих обложению доходов прибегают, конечно, не только физические, но и юридические лица, фирмы и компании. В конце 80-х годов, например, из 14 тыс. фирм, существовавших в стране, налоги платили только около 3 тысяч, или 21,4%. Несоответствие между растущим богатством и суммами фактически выплачиваемых с него налогов свидетельствует о том, что немалая доля средств переправляется в «теневую экономику».

Существенная часть доходов госбюджета теряется из-за мошенничества с займами. Взятые на определенный срок займы возвращаются либо частично, либо вовсе не погашаются. Согласно данным Госбанка Пакистана, на 31 марта 1996 г. не было возвращено 100 млрд. рупий, а два года спустя эта сумма возросла до 150, причем 70%, по существу, украденных денег принадлежало 50 крупнейшим заемщикам. Последнее обстоятельство, по мнению газеты «Дооу», не позволяло правительству «схватить большую рыбу», вследствие политических связей.

Пакистанские экономисты подсчитали, что если взять все размеры утаивания, то реальные их размеры составят 250 млрд., или почти 40% от всех банковских ссуд в 622 млрд. рупий на 1997 год⁵.

В моменты, когда действие «теневой» экономики становится особенно ощутимым, и сама экономика оказывается в трудном положении, государство проводит амнистии на «черные» деньги, надеясь мобилизовать, хотя бы частично, неучтенные сбережения. Так было в 1958, 1969, 1976 и 1985 гг. В период военного режима Зия-уль-Хака масштабы «параллельной» экономики и взяточничества значительно возросли. Этому способствовали такие причины, как рост злоупотреблений в государственном аппарате, широкая практика утаивания доходов, строительный бум, способствовавший образованию «черных» денег, увеличение размеров недекларируемого на таможене ввоза товаров и денежных средств из стран Ближнего и Среднего Востока и ряд других. Амнистию на «черные» деньги в 90-е годы пытались вводить премьер-министры Наваз Шариф и Беназир Бхутто, но, как и прежде, они оказывались безрезультатны.

О проведении такой амнистии объявило вскоре после прихода к власти нынешнее правительство во главе с генералом Пер-вазом Мушаррафа. Суть ее состоит в том, что, если налогоплательщик продекларирует свои доходы, полученные до 30 июня 1999 г., он заплатит налог в размере 10% и совсем не будет платить налог на богатство за прошлые годы с ценных бумаг. По новой схеме уплаты налогов (Tax Amnesty Scheme) правительство рассчитывало получить не менее 3 млрд. рупий. Причем по истечении срока «амнистии» к декабрю 2000 г. оно намеревалось опубликовать данные, информирующие общество о нарушениях в налогообложении, а также имена нарушителей и применяемые

к ним меры наказания, в число которых должны были войти аресты и заключение под стражу сроком до 14 лет.

Часть доходов, недополучаемых казной, связана с огромными размерами контрабанды, поскольку с ввозимых нелегально товаров не платятся ввозные пошлины. Бытует мнение, что контрабандная торговля ведется только с Афганистаном. Однако она осуществляется также с Ираном, Индией, Китаем, государствами Персидского залива, Сянганом (особым районом КНР), Сингапуром и другими странами. С наибольшим размахом контрабанда ведется все-таки с соседями - Афганистаном, Ираном и Индией. Поскольку длина границ с этими государствами велика, вести надлежащий контроль пакистанским властям затруднительно. С Афганистаном, например, торговля по государственным каналам осуществляется с соблюдением формальностей, однако основной ее поток - контрабанда. Она осуществляется с использованием пеших троп, мулов и т. д. Причем властям известны основные пути, по которым незаконно перевозят товары, и связанная с ними специализация. Через область Читрал, например, в Пакистан ввозятся драгоценные камни, а вывозятся продовольствие, через Дир ввозится лес, а вывозятся продукты питания и нефтепродукты. Контрабанда с Ираном идет через перевалочные пункты в Ноккужди и Чамане.

По официальным подсчетам, Пакистан недополучил в 1997-1998 гг. доходов в бюджет за счет нелегального оборота (экспорта и импорта) сельскохозяйственных и несельскохозяйственных товаров только в операциях с Афганистаном и Ираном почти на 25 млрд. рупий⁷.

По приводимым в прессе данным, из Пакистана в эти страны нелегально вывезены товары стоимостью 44 млрд. рупий, а ввезено их на 67,2 млрд. рупий.

Изучая систему обложения импорта и производства товаров внутри страны, некоторые пакистанские экономисты пришли к выводу, что импортеры, производители товаров и владельцы складов связаны одной целью - стремлением избежать уплаты налогов.

Особенность экономики Пакистана состоит в существовании контрабандной торговли через так называемые местные рынки - «бара», которые созданы в последние три десятилетия и существуют главным образом в Северо-Западной пограничной провин-

ции (СЗПП) и «полосе племен», территории, примыкающей к Афганистану. В последнее время они стали создаваться и в других районах страны.

Как отмечала газета «Pakistan Observer», «контрабандисты за последние десятилетия захватили так много власти и приобрели такую силу, что государственная машина оказалась беспомощной». Они получают большую поддержку от определенных сил в правительственных органах и влиятельной части общества. Контрабандисты, полагает газета, - «это мафия с неограниченными деньгами, находящимися в их распоряжении».

Отрицательное воздействие контрабанды не ограничивается только потерями для государственной казны за счет беспошлинного ввоза товаров. В отдельные периоды она приобретала такой размах, что подрывала местное производство, особенно таких товаров, как синтетические ткани, телевизоры, электролампы и других.

После нефтяного кризиса 1973 г. и последовавшего затем огромного спроса на рабочую силу в странах Персидского залива значительно возросли переводы заработанных средств работающими там пакистанцами: они составляли 2,4-2,9 млрд. долл. в год. К концу 90-х годов эти суммы сократились до 1 млрд. И тем не менее вследствие широких контактов со странами Ближнего и Среднего Востока, где проживает более 1-1,5 млн. (по разным оценкам) выходцев из Пакистана, продолжается незаконный (беспошлинный) ввоз товаров. О величине контрабанды в 90-е годы можно судить по такому факту: из ежегодно ввозившихся 5 млн. штук наручных часов 1 млн. ввозился контрабандой, 3,5 млн. нелегально в личном багаже и только 0,5 млн. легально, с уплатой импортной пошлины.

Несмотря на констатацию отрицательного воздействия контрабандной торговли на экономику, способствующей процветанию «черного» рынка, правящие круги не предпринимают решительных мер по ее искоренению. Более того, официальные лица порой заявляют, что прекращение контрабанды вызовет трудности у местных торговцев, их агентов и покупателей. Известно, что контрабандные рынки типа «бара» находятся под покровительством чиновников, которые имеют не только доступ к импортным товарам, но и получают взятки за разрешение торговать контрабандными изделиями. Все это делает борьбу с контрабандой крайне неэффективной.

Непосредственно с проблемой контрабанды товаров, роста «черных» денег, коррупции, социального зла связана и проблема контрабанды наркотиков,

В 80-е годы начался настоящий «героиновый бум» в Пакистане. Причины его достаточно очевидны. Начавшаяся кампания по исламизации вынудила правительство Зия-уль-Хака принять в 1979 г. постановление (Худуд), запрещающее производство, продажу и употребление наркотиков, как противоречащих исламским канонам. Производителям, чтобы не попасть в тюрьму, необходимо было быстро избавиться от запасов опиума в стране, и они начали срочно вывозить его. Этому же способствовало нарушение традиционной системы транспортировки, мест переработки и отчасти выращивания мака и конопли в Иране и Афганистане, связанное с политическими событиями в этих странах. Несмотря на борьбу с посевами мака и уничтожение лабораторий по производству наркотиков, ежегодный доход от наркобизнеса превышал в 80-90-е годы 500 млн. долл. в год. По другим источникам, эта величина превышала 7 млрд. рупий, или 1,5% ВВП. Она в конце 80-х годов превосходила годовые федеральные расходы на здравоохранение и образование, вместе взятые.

Для борьбы с производством наркотиков США, Англия и ряд других стран предоставляли Пакистану помощь, однако эта борьба не принесла существенных результатов. Во-первых, крестьяне-производители мака получают хорошие доходы, и часто это единственный для них способ выживания, а во-вторых, широко проникшая в госструктуры наркомафия, сращивание госаппарата не только с местной, но и международной мафией, осложняет и даже препятствует борьбе с производителями и контрабандистами этой отравы.

Представители правительства П. Мушаррафа заявляют, что если еще десятилетие назад в Пакистане в отдельные годы производилось до 800 т опиума, то ныне его не производят вовсе, и все до одной из 100 лабораторий ликвидированы¹⁰. Если это и так, хотя и сомнительно, то Пакистан не остался без наркобизнеса: ведь до 75% всего производства наркотиков в Афганистане (а в 1999 г. было произведено 4600 тонн опиума) перевозится через Пакистан на мировой рынок. (В 1999 г. в Афганистане под посевами мака было занято 200 тыс. акров, а до прихода талибов-130 тыс.)"

Самым старым и достаточно распространенным источником получения «черных» денег являются незаконные операции во внешней торговле, связанные с занижением или завышением (что выгоднее!) по документам объемов сделок и стоимости ввозимых или вывозимых товаров. Другим источником является получение значительных скидок по схеме экспортного рефинансирования. Выявлено, например, что многие дельцы, пользуясь этой схемой, получали банковские кредиты по 3%, а затем передавали средства в неорганизованный, или «теневой» сектор под высокие проценты (24-36%).

Существенным источником роста «параллельной» экономики стала в 90-е годы денационализация промышленности и банков, осуществлявшаяся правительствами Н. Шарифа и Б. Бхутто. Процесс приватизации идет с препятствиями не только из-за зачастую плачевного состояния предприятий, трудностей с нахождением на них покупателей, нарушения установленных правил, но главным образом из-за коррупции и фаворитизма. Так, серьезной критике подвергся премьер Н. Шариф, который способствовал продаже крупного «Муслим Коммершиэл Бэнк» своему другу, известному промышленнику Миану М. Мунши по льготной цене. Также по дешевке был продан известный в Пакистане «Юнайтед Бэнк» саудовской группе «Бешарахил». И таких примеров множество¹².

В то же время нельзя не отметить, что средства, получаемые от приватизации, идут на оплату огромного внешнего долга страны. И в этом ее положительная роль.

Настоящим национальным бедствием для Пакистана давно уже стала коррупция. Операции по ее искоренению проводились еще при режиме М. Айюб-хана в 1958-1969 гг. 303 чиновника были наказаны при генерале-президенте М. Яхья-хане в 1970 г., а 1400 - правительством З. А. Бхутто в 1972 г. Следующий за З. А. Бхутто правитель генерал Зия-уль-Хак известен своим заявлением о том, что «вряд ли найдется в стране хотя бы один честный чиновник»¹³. Он начал в основном «словесную» войну с коррупцией в связи с исламской кампанией «ислах-и-муашира», которая предполагала очистку общества от взяточничества, коррупции, запрещение азартных игр, употребление алкоголя и т. д. Все кампании по искоренению коррупции оказались безрезультатными. Размеры ее стали настолько впечатляющими, что в на-

чале 90-х годов известная организация «Трансперенси интер-нэшл» поставила Пакистан по размерам коррупции на второе место в мире после Нигерии. В 1998 г. Пакистан поднялся на 14-е место из 85 стран мира, но не из-за сокращения коррупции, а из-за появления «обогнавших» его стран¹⁴.

Проведение точных подсчетов размеров коррумпированности общества невозможно, поэтому все данные о ней носят оценочный характер, но все они очень впечатляющи. Так, по заявлению бывшего премьер-министра Н. Шарифа, пришедшего к власти вторично в 1997 г. и обещавшего жестокую борьбу с коррупцией, Пакистан в конце 90-х годов терял из-за нее по 2 млрд. рупий в день. И это означает потерю 730 млрд. рупий в год, или около 25% ВВП¹⁵. По оценке известного экономиста Махбуб-уль-Хака, потери от коррупции меньше, чем заявлял Н. Шариф, но так же велики: они составляют 100 млрд. рупий в год, или почти 5% ВВП¹⁶.

Согласно еще одному подсчету, опубликованному в Докладе гуманитарного развития за 1999 г., коррупция в Пакистане выросла с 0,25% в момент получения независимости в 1997 г. до 2% ВВП¹⁷.

Следует отметить, что какое бы правительство ни стояло у власти в Пакистане, его всегда обвиняли в коррупции. Еще в начале 80-х годов, как заявлял тогдашний министр финансов Мах-буб-уль-Хак, только лица, контролирующие экономику, утаивали ежегодно 20 млрд. рупий, а через несколько лет он удвоил эту цифру и оценил ее в 40 млрд. рупий, или в 16% всего оборота денег, которые контролировали эти финансовые органы¹⁸.

В указанном выше Докладе гуманитарного развития отмечается, что в результате коррупции страна теряет 15% от инвестируемых средств в виде так называемого «частного налога».

Практически беспрерывно в пакистанской печати публикуются данные о крупных коррупционных скандалах, где замешаны известные люди. Известен в Пакистане «господин 10%», супруг Б. Бхутто, Асиф Али Зардари, который, будучи министром промышленности, за утверждение проекта брал, согласно слухам, 10% его стоимости. Сама Беназир Бхутто в 1998 г. купила в Лондоне драгоценности за более чем 300 000 фунтов и спрятала их в Швейцарии. Известно также, что все ее многомиллионные счета в Швейцарии по решению пакистанского суда арестованы и оба

супруга приговорены к 5 годам тюремного заключения. В 1999 г. разразился скандал с известным спортсменом и политическим деятелем Имран-ханом, претендовавшим на пост премьер-министра. После военного переворота сентября 1999 г. обвинения в коррупции были выдвинуты против главы свергнутого правительства Н. Шарифа¹⁹.

Широкие масштабы коррупции, несомненно, обедняют общенациональную «кассу», усиливают внешнюю финансовую зависимость. Национальная комиссия по реформе налогообложения подсчитала, что еще в 1987 г. так называемые «левые» деньги (неучтенные налогами) составляли 9 млрд. долл., в результате чего коррупция поглотила из фондов развития 2,4 млрд. долл. Она также посчитала, что служащие госсектора из числа чиновников высокого ранга были замешаны в разного рода сделках на сумму 3,5 млрд. долларов. Экономисты из ООН тогда же считали, что неучтенные деньги составляли около 1/2 ВВП¹⁹.

Огромные размеры «теневой» экономики и коррупции оказывают влияние на всю экономическую, социальную и моральную сторону жизни Пакистана. Экономический ущерб от различных видов коррупции велик. Так, по оценкам Мирового Банка, когда правительственные чиновники выдают лицензии за взятки, рост стоимости производимых товаров увеличивается на 3-10%; когда преступные группировки контролируют и устанавливают цены на рынке при попустительстве местных властей, надбавка к цене товара составляет 15—20%; когда налоговые инспекторы за определенную мзду позволяют скрыть часть доходов, бюджет недосчитывает до 50% поступлений, а когда чиновники за вознаграждение заказывают дорогостоящее оборудование или завышают стоимость общественных работ, цены на товары и услуги повышаются на 20-100%²⁰. Из приведенных данных видно, как может коррупция влиять на бюджет, цены и стоимость услуг.

После прихода к власти военного режима Первеза Мушаррафа в стране развернулась широкая борьба с коррупцией. Принят Закон о создании Бюро учета, главной функцией которого является борьба с коррупцией, определяющая наказание за нее до 14 лет тюрьмы, штраф или то и другое вместе. Публикуются списки прощтрафившихся чиновников, но подобные законы и меры принимались и прежними правительствами, но, как говорится, «взвз и ныне там».

В декабре 2000 г. федеральное правительство приняло решение подписать Конвенцию ООН против Международной организованной преступности, чтобы с помощью мировой правоохранительной системы обнаруживать скрытые богатства мошенников.

Опыт Пакистана показывает, что все годы независимого развития борьба с коррупцией и «теневой» экономикой была недостаточно успешной, что в конечном счете привело к тому, что он относится к числу самых ненадежных развивающихся стран по инвестициям в экономику.

Примечания

- 1 Newsline, Karachi, 1996/
- 2 Dawn, 27.04.1998, Dawn, 20.04.1996.
- 3 Dawn, 6.05.1999.
- 4 Dawn, 27.04.1998.
- 5 Там же.
- 6 Pakistan Observer, 15.06.2000.
- 7 Dawn, 15.09.1998; Pakistan Observer, 27.05.2000.
- 8 Там же.
- 9 Dawn, 22.06.2000.
- 10 The News, 23.11.1999.
- 11 The Economist, 28.10.2000; Pakistan Observer, 24.04.2000.
- 12 Financial Times, 20.05.1996.
- 13 Dawn, 19.04.1986.
- 14 Dawn, 27.11.1998; The Nation, 29.08.1999.
- 15 Dawn, 30.09.1999; The Muslim, 9.07.1994.
- 16 Dawn, 30.09.1999.
- 17 Pakistan Observer, 19.06.2000; Dawn, 30.09.1999.
- 18 The Newsline, December, 1996; The News, 15.04.2000.
- 19 The Nation, 8.04.1999.
- 20 Известия, 23.05.2000.
- 21 The News, 8.12.2000.

Н. Ю. Ульченко

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА В ТУРЦИИ: МАСШТАБЫ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

На сегодняшний день в экономической литературе не существует единого общепринятого определения термина «теневая экономика». В качестве более или менее универсального может быть принято следующее определение: теневая экономика представляет собой виды экономической деятельности, как разрешенные законом, так и осуществляемые вне его рамок, в результате которых создается определенный доход, не учитывающийся при подсчете национального дохода на основе используемых ныне статистических методик.

Следовательно, вторым методологическим вопросом в рамках рассматриваемой темы является вопрос об измерении масштабов теневой экономики. Существует несколько методик, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Две наиболее широко используемые методики основываются на измерении спроса на наличные деньги в рамках национальной экономики или на учете потребления электроэнергии.

Масштабы теневой экономики в Турции рассчитал Ф. Шнейдер, автор опубликованного МВФ фундаментального исследования «Теневая экономика в мире: масштабы, причины и последствия». Используя методику, основывающуюся на сопоставлении динамики спроса, предъявляемого национальной экономикой на наличные деньги, и динамики налоговых поступлений, он оценил масштабы теневой экономики в Турции по состоянию на 1999 г. в 28% ВВП. По расчетам Шнейдера, наибольших масштабов теневая экономика достигает в таких отраслях, как текстильно-швейная, туризм, строительство. На них приходится до двух третей всей системы теневой экономики в стране¹.

В число авторов одного из наиболее серьезных национальных исследований по проблемам теневой экономики - «Уклонение от налогов и теневая экономика в Турции» - входит экономист Седат Етим. На основе сопоставления данных о численности официально и реально занятых он оценил масштабы теневой экономики в Турции в 1998 г. в 33,6% ВВП. Используя же методику, в основе

которой лежит учет уклонившихся от уплаты налогов, он получил гораздо более высокие показатели - 59% ВВП в кризисном 1994 г. и 49,4% в 1997 г. Сопоставляя данные, полученные на основе использования различных методик, Етим предполагает, что наиболее близко отражает реальное положение вещей показатель в 40% ВВП².

Предложенные оценки в ряде случаев превышают показатели по странам ЕС: в 1997-1998 г. масштабы теневой экономики в Австрии не превышали 9%, во Франции и Германии - 15%. Более высокими они были для Испании и Италии - соответственно 23 и 27%. Однако они близки к показателям по странам Латинской Америки. Так, в 1989-1990 гг. масштабы теневой экономики в Мексике оценивались в 49%, в Перу - 44%, в Чили - 37%, в Венесуэле - 30%, Бразилии - 29% (рассчитаны на основании данных о потреблении электроэнергии). Одновременно показатели, оценивающие масштабы теневой экономики в Турции, близки или даже несколько ниже показателей по бывшим советским республикам, рассчитанным по состоянию на 1994-1995 годы: в Российской Федерации он составлял 41%, на Украине - 47%, в Казахстане - 34%, в Азербайджане - 59%, в Грузии - 63%^а.

При том, что причины появления и роста теневой экономики имеют свои особенности в разных странах, можно выявить и некоторые общие тенденции. Как отмечают Макконел и Брю в своей знаменитой работе «Экономикс», «...чем выше ставки налогообложения и чем больше в обществе действует различных правил и предписаний, тем более развита теневая экономика».

Очевидно, к Турции вполне применимо положение о взаимосвязи налоговой системы и развитии теневой экономики. С одной стороны, до недавнего времени низшая ставка личного подоходного налога составляла 25%⁵. Конечный уровень налогового обложения прибыли компаний колебался от 35,7 до 44%⁶. С другой стороны, с середины 80-х годов расширилась практика применения налогового фаворитизма. Турецкий экономист Илькер Парасиз считает, что ухудшение налоговой ситуации в Турции связано с тем, что правительство пошло по пути обеспечения приоритета предложения, то есть по пути финансового и организационного укрепления частного сектора. Одним из основных средств проведения данной политики стало предоставление частным компаниям налоговых льгот. Несмотря на то, что эффективная ставка налога на прибыль в тот период составляла 46%, система налоговых скидок и освобождений

©Н.Ю.Ульченко,2001

позволяла снизить его до 15%⁷. В результате, если в 1986 г. доходы, мобилизуемые государством через сбор корпорационного налога, составляли порядка 30% от общих поступлений, обеспечивавшихся подоходным налогом, то в 1989 г. этот показатель снизился до 26%, в 1993 г. до - 15%, а в 1997 г. он составил 20%.⁸ Таким образом, в Турции сложилась в классическом виде интервенционистская система налогообложения, которая предполагает дифференциацию налогов, использование многочисленных налоговых льгот при высоких общих налоговых ставках. В результате возникла ситуация, когда легализация и уплата налогов в полном объеме стали экономически обременительными, в то время как желание властей обеспечить максимум налоговых льгот частному сектору, очевидно, трансформировалось на практике в примирительное отношение к неуплате налогов.

Проводившаяся с конца 80-х годов политика роста государственного потребления, которое имелось в виду финансировать за счет увеличения масштабов заемной деятельности государства, концептуально была ориентирована на дальнейшее снижение налоговых поступлений. Ибо, как определили подобную экономическую ситуацию Р. Макконелл и Л. Брю, «...фискальная политика, ориентированная на борьбу с безработицей, предусматривает рост правительственных расходов и сокращение налогов, то есть бюджетные дефициты»⁹. К тому же активная заемная деятельность государства обеспечивала высокие доходы держателям государственных ценных бумаг, которые уже официально освобождались от уплаты налогов. Следовательно, экономика создавала благоприятные условия для высокодоходного реинвестирования прибылей от теневого бизнеса, снижая актуальность «отмывания» денег и снимая проблему их перевода в сферу официальной экономики.

Кроме того, сложности с обслуживанием внутреннего долга побуждали турецкое государство ко все более активному использованию эмиссии для покрытия своих расходов. В результате высокая инфляция выступала дополнительным фактором деградации налоговой системы в 90-е годы, поскольку недостаточность налоговых поступлений компенсировалась приростом денежной массы. Перечисленные факторы создавали общую экономическую обстановку, при которой в сфере госфинансов Турции существенно снизилось значение таких факторов, как финансовая дисциплина и стабилизация налоговых поступлений как условия ее поддержания. В результате продолжалось снижение стимулов к легализации экономи-

ческой деятельности частного капитала, и возрастала терпимость в отношении неплательщиков налогов.

Пожалуй, наиболее ярким примером примирительного отношения властей к уклонению занятых в определенных видах экономической деятельности от уплаты налогов стала их позиция по отношению к производителям, обеспечивавшим развитие «челночного экспорта». По оценкам Центрального банка Турецкой Республики, в 1996 и 1997 гг. челночная торговля обеспечила Турции соответственно 8,8 и 5,8 млрд. долл. валютных поступлений. В 1998 г. данный показатель составил 3,6 млрд. долл., а в 1999 г. снизился до 2,3 млрд. долл.¹⁰ «Челночный экспорт» рассматривается в Турции как важный фактор выравнивания дефицита по текущим статьям платежного баланса. В этой связи составной частью мер по его поддержке стало весьма либеральное отношение к его налогообложению. На основании опроса уполномоченных официальных лиц упомянутый выше турецкий исследователь Седат Етим следующим образом сформулировал их общую позицию в отношении производства товаров, обеспечивающих челночный экспорт: «Возможно, оно полностью относится к теневой экономике, но оно далеко не все незаконно. Ту часть производителей, чья деятельность не носит криминального характера, следует поддержать, но не следует подвергать их налогообложению»¹¹.

Инфляционная обстановка выводит на первый план краткосрочные экономические интересы фирмы, которые не предполагают работы в направлении формирования устойчивой репутации с точки зрения соответствия ее деятельности налоговому законодательству. По мнению известного турецкого экономиста Я. Кепенека, наряду с инфляционной обстановкой отсутствие у фирм долгосрочных интересов и, следовательно, стремления к легализации связано и с тем, что в настоящее время Турция не располагает четкой стратегией роста на перспективу, находясь на перепутье. По его мнению, в 60-70-е годы экономический рост был обеспечен в ходе импортозамещающей индустриализации, развития сборочных производств. В 80-е годы фактором роста турецкой экономики стал экспорт. В настоящее же время турецкая экономика не располагает факторами, которые были бы способны обеспечить рост в дальнейшем, например высокими технологиями, нацеленными на повышение качества продукции¹².

Некоторые турецкие исследователи в числе причин разрастания теневой экономики указывают на возросшую в последние годы не-

равномерность в распределении доходов: в Турции коэффициент Джини демонстрирует одно из наиболее высоких значений, уступая лишь таким странам из числа крупных, как Бразилия, Мексика, Чили, Венесуэлла, Таиланд и Южная Африка. На фоне ухудшения материального положения значительной части общества, и формирования все более резко удаляющейся от жизненных стандартов большинства национальной экономической элиты происходит девальвация моральных принципов общества, что позволяет оценивать положительно любые формы быстрого обогащения, независимо от их законности.

Важно отметить и то, что в рамках официальной системы найма на работу в Турции существует довольно заметная разница между заработной платой и суммарными издержками работодателя по найму, которые отличаются на величину выплат в социальные фонды. Так, в 1993 г. в частном секторе разница между двумя показателями превышала 100%, а к 1998 г. снизилась до 69%¹⁴. В условиях, когда только официальная безработица без учета занятых неполностью составляет 6-7%¹⁵, у работодателей появляется выраженная мотивация для нелегального найма, что означает частичный или полный перевод предприятия в область теневой экономики.

Как следует расценивать последствия существования теневой экономики? Ф. Шнейдер выделяет ряд ее положительных, как и негативных, сторон, но только в отношении той части, которая не охватывает криминальные виды деятельности. По его подсчетам, по крайней мере две трети дохода, производимого в теневой экономике, расходуются в официальном секторе. Приток этих средств способствует экономическому оживлению и к тому же повышает стимулы для предпринимательской деятельности¹⁶.

С. Етим к числу позитивных последствий существования обширного сектора теневой экономики относит повышение занятости (в качестве основного фактора роста безработицы в Турции после 1994 г. он относит не валютно-финансовый кризис, а снижение масштабов челночной торговли), поддержание темпов экономического роста в условиях ухудшения экономической конъюнктуры в сфере официальной экономики. По его мнению, поскольку потребители продолжают распоряжаться суммами, которые в случае легализации подлежали бы изъятию в виде налогов, расширяется спрос, что обеспечивает рост производства. В результате растут благосостояние общества и национальный доход, снижается социальная напряженность.

К негативным последствиям наличия теневой экономики он относит погрешности в оценке величины национального дохода и занятости, что затрудняет выработку и правильной макроэкономической политики, и оценку ее эффективности. Вторым важным негативным фактором является нарушение законов справедливой конкуренции и появление у предприятий, уклоняющихся от уплаты налогов, неоправданных преимуществ перед теми производителями, которые ведут законную экономическую деятельность. В-третьих, на фоне роста инфляции ужесточается налоговое бремя, возлагаемое на честных налогоплательщиков. Наконец круг замыкается: в силу недостаточности налоговых поступлений дефицит бюджета приобретает хронический характер, растет инфляция и государственный долг, что ведет к деградации налоговой системы¹⁷.

Программа финансовой стабилизации, начавшаяся во второй половине 1998 г. и проводившаяся с особо жесткой последовательностью с 2000 г., была нацелена, во-первых, на разрушение питательной базы теневой экономики в Турции, расцвет которой связан с особенностями государственной фискальной политики, проводившейся на протяжении 90-х годов. Во-вторых, она была призвана решить проблему неустойчивости темпов экономического роста. Но, как следует из вышесказанного, позитивная роль теневой экономики сводится главным образом к стабилизации темпов роста в условиях неустойчивой экономической конъюнктуры, которая, в свою очередь, является порождением сочетания экономического роста с дефицитностью в сфере госфинансов. Следовательно, позитивное экономическое воздействие теневой экономики утрачивает свое значение по мере изменения макроэкономических условий. Одновременно возрастает значение налоговых поступлений как одного из основных средств повышения сбалансированности госфинансов. Поэтому в 1998 г. в стране принят закон о налоговой реформе, который призван сформировать более здоровую налоговую систему в стране: ставки прямых налогов снижены, но при этом унифицированы для всех налогоплательщиков. Большое значение отводится при этом сокращению масштабов уклонения от уплаты налогов и росту числа налогоплательщиков. Поэтому будет правильным ожидать формирования более выраженного негативного отношения к теневой экономике и снижения ее роли в Турции.

Знаменательно, что одновременно с принятием нового налогового законодательства была проведена акция по легализации «гряз-

ных» денег. То есть было объявлено, что суммы, поступившие на банковские счета в течение 30 сентября 1998 г., не будут рассматриваться в качестве объекта налогообложения. В результате было легализовано порядка 20 млрд. долл., что, по оценкам официальных лиц, соответствует четвертой части стоимости товаров и услуг, производимых в рамках теневой экономики.

На протяжении 2000 г. в Турции довольно активно проводилась политика по ужесточению борьбы с теневой экономикой. Министр финансов Сюмер Орал представил общественности специально разработанную в этих целях программу¹⁹. Одним из ее пунктов стала проверка размеров налоговых выплат каждого юридического и физического лица, совершившего в 1998 и 1999 гг. более пяти сделок в год по продаже недвижимости. Всего таких организаций и физических лиц насчитывалось около 6 тыс. (из них 727 совершили более пяти сделок как в 1998 г., так и в 1999 г.), общее количество совершенных ими сделок по продаже недвижимости составило чуть менее 56 тыс. В ходе проверки особое внимание предполагалось уделить выявлению того, были ли заявлены в налоговых декларациях все доходы от продажи недвижимости. Эксперт газеты «Finansal Forum» Эркем Сарысу, оценивая решение правительства, отметил, что оно своевременное и правильное. При этом он отметил особый размах уклонения от уплаты налогов в строительстве. Наиболее распространенная схема уклонения - деятельность под видом строительных кооперативов, которые официально освобождены от уплаты подоходного налога. По утверждениям Эркема Сарысу, общая сумма налогов, собираемых в Турции, приблизительно равна сумме налогов, которые могли бы быть получены от уклоняющихся от выполнения своих финансовых обязательств от государства²⁰.

В ноябре 2000 г. Советом по контролю и упорядочению деятельности банков были введены новые правила покупки банков, в соответствии с которыми требовалось предоставить информацию о происхождении средств покупателя и доказать отсутствие их связи с теневым бизнесом. Тогда же широкий масштаб получила операция «чистые руки», в рамках которой к ответственности привлекались фирмы, осуществлявшие беспощинный ввоз товаров якобы в рамках транзитной торговли, а впоследствии продававшие его в Турции²².

Таким образом, поскольку легализация экономической деятельности предполагает легализацию связанных с ней доходов и уплату предусмотренных законом налогов, то мероприятия по борьбе с

Теневая экономика в Турции: масштабы и факторы развития теневой экономикой в значительной мере совпадают с общей системой мер по повышению эффективности налоговой системы. То есть, с одной стороны, понижение налоговых ставок должно сделать более выгодной уплату, налогов и получение предпринимателем официального экономического статуса. С другой стороны, более активной должна стать система государственных мероприятий, направленных на пресечение нелегальных видов экономической деятельности и сокрытие доходов.

Примечания

- ¹ Capital, 6.2000, с. 90.
- ² Там же.
- ³ Там же, с. 86,90,91.
- ⁴ К. Уразова Е. И. Экономика Турции. От этатизма к рынку. М.,1993, с. 119.
- ⁵ Р. Маконнел, С. Л. Брю. Экономикс. Принципы, проблемы и политика. Москва, 2000, с. 151.
- ⁶ Inter Media. Executive's Handbook Turkey. Almanac 1998.1st., 1998, с 61.
- ⁷ Parasiz I. Kriz ekonomisi. Hiperenflasyon ve YUksele Enflasyonla MuCADELE Onlu Istikrar Politikalan ve 5 Nisan Kararlari. Bursa, 1996, с 229.
- ⁸ Подсчитано по: Economic report 1990. Ankara, 1990, с 265; Economic report 1994. Ankara, 1995, с 57; Economic report 1998. Ankara, 1999, с 89.
- ⁹ Кэмпбелл Р. Маконнел, Стенли Л. Брю. Экономикс. Принципы, проблемы и политика. М., с. 95.
- ¹⁰ DTM. Baslica ekonomik gostergeler. Mart-Nisan 2000. Ankara, 2000, с. 37.
- ¹¹ Capital. 6.2000, с 88.
- ¹² Ekonomik denge. Aralik, 1998, с 13.
- ¹³ Сопоставление произведено на основании данных World Development Indicators 1998. Wash., 1999, с. 68-70. Расчеты по Турции произведены на основании данных Turkiye Istatistik yilligi 1995, с. 292.
- ¹⁴ Подсчитано по: Economic report 1998, с. 126.
- ¹⁵ Там же, с. 123.
- ¹⁶ Capital. 6.2000, с. 92.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Ekonomik denge. Aralik, 1998, с. 11.
- ¹⁹ См. подробнее: Finansal Forum, 21.03.2000.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же, 05.11.2000.
- ²² Там же, 11.11.2000.

**ТУРЦИЯ:
ОТ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУР
К ТОВАРНО-РЫНОЧНОМУ ХОЗЯЙСТВУ**

К началу XX века султанская Турция и страны Запада по всем показателям социально-экономического прогресса и качества жизни находились, можно сказать, в разных исторических эпохах. Причем в данном случае речь идет не о количественном разрыве в уровне материального и нематериального производства и культуры, а об отставании Турции на целую общественную эпоху. Если Запад, пройдя стадии классического развития капитализма (мануфактурную и свободной конкуренции), прочно вступил в индустриальную (монополистическую) фазу, то социально-экономическую систему Османской империи характеризовала такая многоукладность, при которой господствующая роль по всем линиям принадлежала докапиталистическим формам хозяйствования, производства и распределения; капиталистический же уклад в силу ряда исторических причин не смог набрать полную силу и претендовать на роль системообразующего, формационного.

Каковы причины отсталости Османской империи? И вообще, почему страны Востока, которые в XV-XVII вв. по уровню общественного прогресса не только не отставали от европейских государств, но по ряду важных показателей превосходили их², стали потом в убыстряющемся темпе сдавать свои позиции по всем параметрам социально-политического, экономического и культурного развития? Как известно, советская наука за все 75 лет своего существования так и не смогла дать четкого и однозначного ответа на этот кардинальный вопрос. Между тем ответ лежит буквально на поверхности. Как теперь известно, это частная собственность, ее масштабность и стабильность.

Одно время было модно видеть первопричину всех бедствий народов Азии и Африки во внешних факторах, т. е. колониальном господстве Запада в вышеназванных регионах планеты. Однако ныне очевидно, что вторжение европейских держав было важнейшей, но отнюдь не единственной и не решающей причиной стагнации

стран Востока вообще, султанской Турции в частности.

Между тем многие современные турецкие ученые, как левого (Д. Авджиоглу, И. Джем, О. Кеймен, М. Сенджер и др.), так и правого направления (О. Л. Баркан, К. Булутоглу, М. А. Кылычбай, Н. Иналджик, Т. Туная и др.), упорно стремятся доказать, что влияние Европы было главной и практически единственной причиной отсталости и неразвитости производительных сил Османской империи. По мнению указанных ученых, капитализм на их родине явился продуктом не внутренних социально-экономических процессов, а был привнесен извне, и именно этот «чуждый османскому обществу капитализм» способствовал не прогрессу страны, а, наоборот, ее развалу. Известный в Турции ученый и общественный деятель Д. Авджиоглу, например, писал: «Договор 1838 г. создал условия для свободной торговли, а танзимат с помощью административных, финансовых и других реформ сформировал в интересах западного капитализма основу системы открытого рынка»³. И далее: «Если бы Европа оставила Турцию вне своего влияния, то в Турции стал бы развиваться капитализм».

Другой турецкий ученый И. Джем утверждает следующее: «Фирманы о реформах танзимата 1839 и 1856 гг., которые в нашей истории обычно преподносятся как благодетельный процесс спасительной для нас вестернизации, были лишь одним из средств империалистической экспансии»⁵.

Но почин в этом отношении, т. е. в негативной оценке влияния Запада на Турцию в период султаната, принадлежит К. Ататюрку, который в одной из бесед с учеными своей страны заявил, что инициатива танзиматских реформ якобы целиком исходила не от местных реформаторов-сторонников прогресса на базе вестернизации, а от агентов западных держав, стремившихся с помощью подобных реформ еще более разложить османское общество и ослабить силы его сопротивления в условиях усилившегося натиска европейского капитала. С целью развернутого обоснования этой идеи «великого гази» в 1940 г. (уже после смерти К. Ататюрка) была даже опубликована специальная работа «Танзимат», представлявшая собой сборник статей ведущих турецких историков тех лет по различным аспектам затронутой темы⁶.

Нельзя не отметить, что и советские ученые-востоковеды, находясь под идеологическим прессом правящей КПСС, упрощенно-схематически трактовали такие явления, как «империализм», «коло-

ниализм». Поэтому при анализе роли иностранного капитала в колониях и полуколониях они длительное время, особенно в 20-50-е годы, исключительное внимание концентрировали лишь на негативных моментах, возведя в абсолют тот факт, что монополии Запада повсеместно использовали в своих интересах существовавшие на колониальном Востоке докапиталистические формы собственности и отношений. Абсолютизация этого в целом правильного положения приводила к выводу о якобы полной «закупорке всех пор хозяйственного организма» в колониях и зависимых странах.

Изучение последствий проникновения иностранного капитала в Османскую империю, например, велось в то время по схеме: «Национальный капитализм под влиянием иностранного капитала развивался в империи, но по тем же причинам он там развиваться не мог». В настоящее время совершенно очевидно, что противоборство между тормозящими и стимулирующими факторами общественного прогресса в империи не всегда лежало по линии «внутренние - внешние». Нельзя не заметить, например, что торговые договоры, заключенные Турцией в конце 30-х годов XIX века, сыграли определенную позитивную роль для генезиса капитализма в империи, так как неизбежно вовлекали империю с ее отсталой экономической структурой в отношения свободной конкуренции с державами Запада, переживавшими в то время промышленную революцию, и способствовали тем самым ликвидации феодальных «заповедников отсталости», таких, например, как торговые монополии - «йед-и вахит», как система разорительных для производителей государственных регламентации и принудительных закупок. Все это объективно создавало предпосылки для хозяйственного переустройства общества на буржуазной основе⁷, т. е. подъему производительных сил страны.

Столь же очевидно, что реформы танзимата имели в качестве движущего механизма не стремление усилить подчинение страны иностранному капиталу, как по сей день считают многие турецкие авторы, а «были вызваны главным образом внутренними потребностями социально-экономического развития и политическими причинами».

Следует подчеркнуть, что хотя исходный толчок для становления капиталистического уклада в султанской Турции был дан в первой половине XIX в. извне, но решающее значение для уровня и характера его развития имели процессы *внутренней* экономической

динамики⁹. Внешние факторы постоянно оказывали неоднозначное и противоречивое воздействие на характер общественных процессов в изучаемой стране, в том числе на темпы трансформации традиционных структур в современные. Однако это происходило не прямо, а опосредствованно, через призму внутренних условий как самостоятельного фактора во взаимодействии национальной экономики с мировым капиталистическим хозяйством.

А каковы же эти внутренние условия? В советские времена обычно следовал ответ, что корень зла следует искать в чрезвычайной отсталости в данной стране общественного строя, в отсутствии там прочного государственного правопорядка. Но в свою очередь закономерен вопрос: почему же создалась подобная ситуация со строем и правопорядком? При анализе системы общественных отношений в Османской империи все российские авторы обязательно приводили следующее хорошо известное положение Ф. Энгельса: «Турецкое, как и любое другое восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; ... нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности - безопасности личности купца и его собственности»TM (курсив наш. -Я. М).

Все исследователи, приводя это высказывание Ф. Энгельса, акцентировали исключительное внимание лишь на факте отсутствия в данной стране правопорядка, полностью игнорируя факт нестабильности частной собственности. И это легко объяснимо. Как известно, К. Маркс считал частную собственность проклятием человека и человечества, носителем всех бед и невзгод. «Собственность - это кража», - повторял он слова анархиста Прудона. И эту идею якобы антигуманной сущности частной собственности буквально вдалбливали в сознание советских людей на протяжении всей жизни, включая годы учебы". Поэтому любая попытка советского ученого объяснить депрессию производительных сил на Востоке отсутствием там стабильной частной собственности была бы воспринята в кремлевских верхах в лучшем случае как явное недомыслие или даже глупость, а в худшем - как идеологическая диверсия со всеми вытекающими отсюда последствиями для смельчака.

Короче говоря, советские ученые находились в ситуации, исключавшей для них какую-либо возможность понять подлинную сущность института частной собственности, осознать ее поистине

созидательную роль в истории человечества. Ведь *частная собственность, рынок и демократия - это три кита, три краеугольных камня любого цивилизованного общества современности.*

Напомним далее, что К. Маркс в одном из своих писем к Ф. Энгельсу писал о том, что на Востоке, оказывается, преобладает не частная, а государственная форма земельной собственности.

Кремлевские хранители стерильности марксистских риз безапелляционно предлагали считать данное высказывание Маркса, естественно, не ошибкой (классики не ошибаются), а явной оговоркой, неточностью, вызванной якобы тем, что классики не располагали достаточной информацией по данному вопросу. Между тем ныне уже общеизвестно, что государственная собственность на землю была на азиатском континенте самой распространенной, и длительное доминирование этой формы собственности сыграло решающую негативную роль в социально-экономическом и политическом отставании стран Востока от Запада. Наоборот, давно утвердившийся в Европе институт частной собственности послужил важнейшим исходным моментом создания там правового государства и всестороннего развития производительных сил.

Разумеется, на Востоке, можно сказать, с античных времен существовала частная собственность, в том числе и на землю, но она была неполной, необеспеченной, поскольку не была защищена всей силой и авторитетом государственной власти и правопорядка.

Переходя к анализу ситуации в республиканской Турции, отметим, что для успеха общественного прогресса молодой республики решающее значение имел провозглашенный в Конституции 1924 г. и закрепленный гражданским Кодексом 1926 г. священный принцип частной собственности. Естественно, по изложенным выше причинам ни один наш исследователь-турколог не имел права сделать акцент на этом важнейшем моменте социально-политической жизни рассматриваемой страны.

Отметим далее, что для общественного прогресса любой страны огромное значение имеет сущность и характер политической власти. Так, в Турции переход в начале XX века от феодально-теократической, султанской формы правления к основанной на секуляризме парламентской республике - первой и единственной до середины 40-х годов на всем мусульманском Востоке - представлял собой качественный скачок, создавший предпосылки для всестороннего прогресса турецкого общества. В результате завоевания под-

линного национального суверенитета страна, во-первых, перестала быть пассивным объектом международных экономических отношений и все более становилась субъектом исторического процесса. Во-вторых, она получила возможность полностью распоряжаться своими природными и материально-финансовыми ресурсами, что создавало предпосылки для целенаправленной борьбы за экономическую самостоятельность.

Для всех стран и народов, освобождавшихся от колониального ига, характерны были два самостоятельных и последовательных исторических этапа. Сначала - это этап борьбы за политическую независимость, а затем - этап борьбы за экономическую самостоятельность. Такое положение наблюдалось в развивающихся странах Азии и Африки, обретавших политический суверенитет как в 20-х годах, так и в 40-60-х годах, когда распад колониальной системы принял глобальный характер.

Проблемы борьбы за экономическую самостоятельность постоянно привлекали большое внимание российских востоковедов-социологов и экономистов. Едва ли не первым мероприятием в этом отношении было проведение в 1960 г. в Институте востоковедения АН СССР по докладу Р. А. Ульяновского¹² научной дискуссии о проблемах достижения экономической самостоятельности, которая позволила выявить точки зрения и расставить акценты. В 1974 г. изд-во МГУ выпустило книгу под названием «Развивающиеся страны: проблемы достижения экономической самостоятельности», авторы которой (Н. Н. Шмиголь, И. П. Фаминский, В. М. Колосов) стремились на базе конкретного материала выяснить сущность задач достижения экономической самостоятельности развивающихся стран и показать роль национального государства в решении этой кардинальной проблемы. Содержание, средства и методы решения данной проблемы в условиях борьбы двух социальных систем подробно рассмотрены в двухтомнике «Зарубежный Восток и современность» (М., 1974), подготовленном сотрудниками ИВ АН СССР, и в коллективной монографии «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы» (М., 1974), представляющей собой комплексное теоретическое исследование политики, экономики и идеологии стран «третьего мира», проделанное силами научных работников ИМЭМО АН СССР. Наконец, во второй половине 80-х годов увидела свет монография «Развивающиеся страны в борьбе за преодоление отсталости» (М., 1986), выполненная коллективом

сотрудников научных учреждений «социалистических стран ЕврОпты» и содержащая анализ взаимосвязи и противоречий экономического и социального развития освободившихся стран. Имеется также специальная публикация на данную тему и по Турции¹³.

Методологически важно выделить внутренние и внешние аспекты экономической самостоятельности⁴. Внутренний аспект предполагает создание развитого, многоотраслевого хозяйства, способного производить потребительные стоимости, которые могут эффективно, т. е. с прибылью реализоваться на мировом рынке. Другими словами, наличие в стране диверсифицированного хозяйства не равнозначно потребности выпускать внутри данной страны весь ассортимент необходимых ей средств производства и предметов потребления¹⁵. При создании отраслей экономики должны учитываться сравнительные (традиционные и благоприобретенные) преимущества данной страны, обусловленные уникальностью ее природных ресурсов, выгодами географического положения, величиной затрат на переменный капитал из-за низкой стоимости рабочей силы.

Что касается внешнего аспекта, то, несмотря на глубокую противоречивость современного мира и коренные различия государств, его составляющих, он находится ныне в состоянии экономической взаимосвязи и взаимозависимости и представляет собой определенную целостность. Однако система мирового хозяйства знает в настоящее время два принципиально различных типа зависимости: а) взаимозависимость развитых государств, обладающих равнозначными элементами производительных сил; б) асимметричная зависимость развивающихся государств от развитых, возникающая на базе экономического неравенства партнеров из-за разности уровней производительности труда¹⁶.

В ходе борьбы за экономическую самостоятельность развивающаяся страна должна преодолеть зависимость второго типа и выступать на мировом рынке в качестве равноправного партнера. Однако достигается это отнюдь не на основе свертывания связей отставшей страны с мировым рынком, т. е. стремления к экономической автаркии под лозунгом «опоры на собственные силы». В настоящее время не подлежит сомнению истина, что «участие в международном разделении труда служит условием не только достижения, но и сохранения уже достигнутой экономической самостоятельности»¹⁷.

Так как экономическая самостоятельность - объективное явление, обусловленное уровнем развития производительных сил, то достижение его возможно лишь на базе экономических решений и никакие внешнеполитические акции, даже самые прогрессивные и бескомпромиссные, не способны обеспечить успех в данном отношении. Другими словами, если установление равноправных экономических отношений мыслится не на базе создания диверсифицированного хозяйства, а лишь вытеснения иностранного капитала во всех его формах, то успех такой политики ничем не гарантирован. Ведь установление национального суверенитета над экономикой решает лишь небольшую часть проблем хозяйственной самостоятельности страны.

Следует отметить, что все еще не завершены дискуссии относительно критериев экономической самостоятельности, а отсюда и комплекса мероприятий, необходимых для ее достижения. Впрочем, долгое время была дискуссионной и сама возможность для освободившихся стран достичь хозяйственной самостоятельности на путях перерастания товарно-капиталистического уклада в формацию и формирования национальных производительных сил. Ныне совершенно очевидно, что наиболее продвинутые освободившиеся страны, используя традиционные и благоприобретенные преимущества, выходят на экономический рубеж, позволяющий им производить потребительные стоимости, которые способны обмениваться на мировом рынке на условиях экономического равенства. Пример «новых индустриальных стран» свидетельствует в пользу правомерности подобного вывода. Прогресс Турции в развитии ряда отраслей национальной индустрии (особенно пищевой и текстильной промышленности) говорит о том же¹⁹.

Борьба за экономическую самостоятельность всегда носит политический характер: различные социально-классовые силы, заинтересованные в создании независимого национального хозяйства, вкладывают далеко не одинаковый смысл в это понятие. Если для простого люда города и деревни данное общественное явление ассоциируется с быстрым подъемом всех отраслей хозяйства, со значительным повышением материального уровня жизни народа, с предоставлением ему демократических прав, то для правящей элиты это прежде всего рост капиталонакоплений и прибыли и утверждение на подобной основе монополии политической власти в стране.

Социальные корни четко прослеживаются и в экономической

политике турецких властей с первых лет республики, независимо от того, протекала ли эта политика под флагом экономического «либерализма» или этатизма. Ведь в своих воззрениях и особенно практических действиях К. Ататюрк и его сторонники выступали как последовательные идеологи молодой турецкой буржуазии, заинтересованной в создании и укреплении экономической базы своего политического господства. И поэтому проводимая им борьба за экономическую автономию посредством сужения сферы влияния иностранных фирм и компаний ставила в качестве первоочередной цель создания условий для предпринимательской деятельности местной буржуазии. Но так как в Лозанне в 1923 г. не были решены все спорные политические и внешнеэкономические проблемы (например, о Мосуле, об Османском долге, иностранных концессиях и др.), то Турция не могла сразу полностью сосредоточиться на вопросах экономического возрождения. Дополнительные трудности возникли в связи с мировым экономическим кризисом 1929-1933 гг.

Следует также принять во внимание, что Турция оказалась в числе тех немногих освободившихся государств, которые приступили к перестройке традиционных структур экономики еще в 20-х годах XX века и потому, естественно, были лишены возможности воспользоваться опытом других развивающихся стран. Это вынуждало Турцию практически самостоятельно искать пути продвижения вперед и нередко совершать ошибки. Намерение осуществить экономическое возрождение нищей полуфеодальной страны на путях свободного частного предпринимательства было одной из таких ошибок. Развернутая программа выращивания в Турции собственных миллионеров - промышленников, банкиров, крупных аграриев - была изложена, как известно, в речи М. Кемали, на открытии Измирского экономического конгресса в феврале 1923 г. ° Лейтмотив этого выступления - необходимость и даже неизбежность повторения Турцией западной модели экономического развития. В одном экономическом документе, подготовленном американскими экспертами, по данному поводу говорится следующее: «С момента своего появления Турецкая Республика рассматривает Западную Европу как модель своего политического и экономического развития»²¹.

Весьма показательны, что даже страны, добившиеся политического суверенитета, спустя четверть века после Турции (например, Индия, Пакистан, Индонезия) вначале также надеялись положить в основу национальной стратегии развития опыт высокоиндустриаль-

Турция: от докапиталистических структур к товарно-рыночному хозяйству

ных государств Запада²².

Правящие круги Турции, отбив в 20-е годы все атаки слева и справа по поводу выбора пути социально-экономического развития, окончательно решили для себя в начале 30-х годов вопрос о формах и методах национального прогресса. Так как хозяйственная отсталость Турции была глубока и разностороння, экономический потенциал слаб (в 1925 г. ВВП на душу населения составлял в ценах 1978 г. 259 долл.²³), а свобода маневрирования ограничена, то достигнутый за первые годы социально-экономический прогресс был в целом незначителен. Слаборазвитая разноукладная турецкая экономика, в которой преобладали низшие уклады, производившие продукцию главным образом для собственного потребления, не могла осуществлять сколь-нибудь значительные внутренние накопления и одновременно по ряду причин не располагала возможностью привлечь внешние заемные средства. Позитивные сдвиги были особенно малозначительными в деревне, где почти нетронутыми сохранялись традиционные формы быта, культуры, общественного сознания. Рост сельскохозяйственного производства едва поспевал за динамикой населения. Внедрение сельскохозяйственной техники, использование минеральных удобрений, ирригационное строительство - все это было еще далеко вперед²⁴.

Лишь со второй половины 30-х годов проявились обнадеживающие черты роста. Реформы 20-30-х годов, обращение к политике государственного капитализма и постепенное вытеснение иностранных монополий из национального хозяйства путем выкупа иностранных концессий²⁵ - все это послужило толчком к росту материального производства, известному развитию индустрии (объем цензовой промышленности с 1932 по 1939 гг. вырос в 2,4 раза) и сети железных дорог. Перечисленные же мероприятия заложили первые камни в фундамент экономической самостоятельности. «Национализация иностранных компаний и политика этатизма, - писал Д. Ав-джиоглу, - это шаги на пути к экономической независимости»²⁶.

Из числа внешних факторов, способствовавших росту национальной экономики можно назвать сотрудничество с Советским Союзом. Напомним, что Турция была первой развивающейся страной, которая еще в 30-х годах попыталась использовать советский опыт планирования, а также экономическую и техническую помощь СССР для создания основ национальной индустрии²⁷.

С конца 40-х годов и особенно после прихода в 1950 г. к власти

П. П. Мусеев

правительства Демократической партии (ДП), выразившей интересы усилившегося за годы войны крупного торгово-спекулятивного капитала и крупных землевладельцев, была официально провозглашена новая модель развития. Суть ее: внутри страны - отход от кемалистских идей государственного предпринимательства и принятие за основу курса «экономического либерализма», а на внешней арене - отказ от строгого протекционизма и ориентация на иностранный капитал с целью повышения нормы накопления и динамизма хозяйства²⁸. Однако экономические реалии оказались сильнее программных лозунгов: и в это время протекционизм после непродолжительных экспериментов в 1950-1951 гг. сохранялся, а государственный сектор продолжал играть роль ведущего общественного уклада и главного условия решения задач экономической

29

самостоятельности.

После государственного переворота 1960 г. и принятия в 1961 г. более либеральной конституции в развитии национального капитализма под влиянием ряда внутренних и внешних факторов четко обозначились положительные тенденции: заметно поднялся темп роста ВВП, повышался размер национального дохода на душу населения, наблюдались позитивные межотраслевые (за счет повышения доли индустриального сектора в ВВП) и внутриотраслевые сдвиги (особенно в промышленности и производственной инфраструктуре), облагородилась структура национального экспорта за счет увеличения в ней доли промышленной продукции, активизировались процессы концентрации и централизации производства и капитала. В результате экономического скачка 60-70-х годов Турция из отсталой аграрной превратилась на том этапе в афрано-индустриальную страну со средним уровнем развития производительных сил. Несомненно, повысился в это время уровень ее хозяйственной самостоятельности, и по ряду параметров она уже тогда вплотную подошла к «новым индустриальным странам»³⁰.

Скачок в экономическом базисе, произошедший за годы трех пятилетних планов (1963-1977 гг.), позволил турецкой буржуазии в начале 80-х годов поднять вопрос об изменении стратегии хозяйственного развития на базе превращения «закрытой» экономики в «открытую»³¹. Выход на мировой рынок и успех в конкурентной борьбе, естественно, под силу лишь достаточно мощной буржуазии, существенно модернизовавшей экономические и организационные формы своей деятельности. Кроме того, для Турции, давно

Турция: от докапиталистических структур к товарно-рыночному хозяйству

стремящейся стать полноправным членом «Общего рынка», проблема подтягивания национального производства к мировым стандартам особенно актуальна.

Обнарожденная в январе 1980 г. и дополненная впоследствии, особенно в декабре 1983 - январе 1984 гг., новая экономическая стратегия предусматривала отказ от прежней модели «догоняющего» развития на базе импортозамещающей экономики и переход к модели углубления взаимозависимости с мировым капиталистическим хозяйством посредством ориентации национального производства на экспорт и ослабления протекционизма в импортной политике³².

В целом программа экономической стабилизации 1980 г., разумеется, не решила всех основных проблем. Даже турецкий капиталист «номер один» В. Коч выражал беспокойство по поводу перспектив развития национальной промышленности. «Вследствие чрезмерной либерализации, - говорил он, - нам придется отказаться от индустриализации»³³. Впоследствии обнаружилось, однако, что эти опасения были явно преувеличены (см. сноску 18 данной статьи).

Напомним, что идеал экономической самостоятельности реализуется как на базе национальных решений, так и коллективных действий развивающихся стран. Наиболее ярким примером таких действий является сформулированная в мае 1974 г. на VI Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН программа борьбы РС за новый международный экономический порядок (НМЭП). Борьба РС за перестройку международных отношений - это важная составная часть их движения за подлинную экономическую самостоятельность. Специально отметим при этом следующее обстоятельство: если международное разделение труда колониального типа просуществовало свыше полутора столетий, то за короткий промежуток времени (примерно четверть века) суверенного развития освободившиеся государства почувствовали острую необходимость перестройки неоколониальной системы международных экономических отношений, что, безусловно, связано с определенным сдвигом в экономике стран «третьего мира».

Так как основные направления борьбы за НМЭП выработывались на конференциях неприсоединившихся государств, а Турция является активным членом военно-политических (НАТО) и внешнеэкономических организаций (ОЕСР, ассоциированный член ЕЭС) высокоразвитых капиталистических держав, то она, как

правило, занимала в этой борьбе позицию пассивного наблюдателя³⁶. Однако это не лишает ее тех выгод, которые неприсоединившиеся страны добились в своем стремлении улучшить для себя условия внешнеэкономических связей и создать тем самым необходимые предпосылки для их общественно-экономического прогресса.

Чтобы рельефней показать особенности движения Турции от полуфеодальных структур к экономической самостоятельности, зафиксируем специальное внимание на роли частного и государственного секторов, их взаимосвязи и взаимодействии. Как известно, при анализе экономической истории Турецкой Республики принято выделять пять этапов, или периодов, общественной эволюции: экономический либерализм 20-х годов; кемалистский этатизм 30-40-х годов; либеральный этатизм в 50-е годы; этап «смешанной экономики» 60-70-х годов; и наконец, формирующаяся с начала 80-х годов система господства по всем линиям товарно-рыночного хозяйства и углубляющихся взаимосвязей и отношений с мировым рынком³⁷. Важно то, что для всех этих этапов характерно наличие частной собственности, частного сектора хозяйствования; причем на протяжении всего республиканского периода именно частный сектор находился и находится по количественным показателям на первом месте. Даже в самый пик этатизма основная часть национального производственного потенциала находилась в частных руках: в конце 30-х годов в нем было занято около 85-90% экономически активного населения и создавалось 80-85% ВВП. Аналогичная картина была и в конце 70-х годов, т. е. накануне перехода к этапу свобод-ного рынка .

Отметим вместе с тем, что начавшаяся с 1980 г. «рыночная эйфория» и фронтальное повышение роли товарного хозяйства и частного предпринимательства в свою очередь не означало и не означает полного устранения государственного регулирования из экономической жизни страны и бескомпромиссного отрицания роли государства как собственника определенного материального потенциала, особенно в сфере производственной и социальной инфраструктуры. Поэтому ныне речь должна идти о *синтезе* товарно-рыночного и этатистского хозяйствования при решающей и определяющей роли частного предпринимательства.

Если в заключение сопоставить опыт развития Турции и России, то обнаружится, что, в то время как Россия, являясь частью СССР, была в течение многих десятилетий вовлечена в абсолютно

бесперспективный эксперимент построения так называемого «самого передового и самого справедливого бесклассового общества», Турция, двигаясь медленно и осторожно, шла от этапа к этапу по восходящей линии во всех сферах общественного бытия. В итоге Россия оказалась к концу XX века в глубочайшем социально-политическом и экономическом кризисе. Что касается Турции наших дней, то с точки зрения общественно-политических реалий это государство явно более правовое, более светское и более интегрированное в западную систему ценностей и приоритетов, чем ее ближневосточные соседи (например, Иран, Ирак или Сирия), а в некоторых отношениях, чем даже ее соседи по Европе, такие как Россия, Украина или Болгария. В экономическом плане Турция - страна, вплотную подошедшая по многим основным параметрам к стадии индустриально-аграрного развития. Между тем совсем еще недавно наши оценки уровня общественного развития России и Турции имели совершенно противоположный характер.

Разумеется, не следует преувеличивать ни достигнутый Турцией уровень демократизации общественно-политической жизни, ни стадию экономической зрелости. Достижения значительны лишь по сравнению с низким исходным уровнем. Если же положение в Турции сопоставить с ситуацией в высокоразвитых государствах, то картина будет намного менее впечатляющей. В самом деле, формирование в Турции демократических норм и традиций происходит в атмосфере постоянных политических катаклизмов, хронических приливов и отливов. В стране полностью не устранена дискриминация личности по социальным и особенно по национальным мотивам; все еще велик отрыв Турции по уровню экономического развития от стран Запада (очень высоки в рассматриваемой стране показатели безработицы и инфляции); страну постоянно сотрясают кризисы разного рода.

Подводя итоги, можно все же сказать, что достигнутый в уходящем XX веке мировой общественный прогресс не обошел Турцию стороной, обогатив ее материально и морально и создав необходимые предпосылки для закрепления политической независимости и завоевания экономической самостоятельности. За всем этим стоит, во-первых, многолетняя сбалансированная политика и практика государственной власти по созданию основ гражданского общества, цивилизованного рынка и частного предпринимательства; во-вторых, целенаправленная деятельность конкретных исполните-

лей вышеназванной политики. Опыт вхождения Турции в рыночную экономику, безусловно, может быть полезен для ее северного соседа - России и других стран СНГ, пытающихся найти свой путь выхода из затянувшегося общественно-политического кризиса.

Примечания

- ¹ Об экономическом строе Османской империи подробнее см.: Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983; Миллер А. Ф. Краткая история Турции. М., 1948; Новичев А. Д. История Турции. Т. 1-4, Л., 1963-1978; Шабанов Ф. Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период Танзимата. Баку, 1967.
- ² В этой связи достаточно вспомнить китайскую или индийскую цивилизации, которые с античных времен и до промышленной революции XIX в. были выше европейской цивилизации. Полагают, что в середине XVIII в. средний уровень жизни в Европе был несколько ниже, чем в остальных странах мира, исключая, естественно, примитивные общества. Но в 1875-1880 гг. разрыв уровня жизни в странах, которые мы ныне называем третьим миром, и в развитых странах был уже в пользу последних и составлял 1 к 3,3, а сто лет спустя, в 1970 г., уже 1 к 7,2. См.: World Economic Survey. 1969-1970. The Problem of Appraising Progress. N. Y., 1971, с 209-210.
- ³ Avcioğlu D. TÜrkiye'nin duzenini (dun, sugiln, yarin). 1. tilt Istanbul, 1973, s. 116.
- ⁴ Там же, с. 117.
- ⁵ Cem I. Tiirkiye'de geri kalmi?ligin tarihi. 1st, 1973, с 241.
- ⁶ См.: Tanzimat, с. 1.1st, 1940. Продолжения публикации не последовало и первый том остался единственным.
- ⁷ См.: Дулина Н. А. Англо-турецкий договор 1838 г. и его влияние на экономическое развитие Османской империи. Народы Азии и Африки. 1976, №3, с. 70.
- ⁸ Новичев А. Д. История Турции. 3. Новое время. Часть 2 (1839-1853). Л. 1973, с. 6.
- ⁹ По авторитетному мнению ряда российских туркологов первые ростки новых, т. е. капиталистических производственных отношений, начали появляться в султанской Турции еще в первой трети XIX в. Реформы танзимата 40-60-х годов ускорили этот процесс. См.: Миллер А. Ф. Краткая история Турции. М., 1948, с. 39-86; Инджикян О. Г. Буржуазия Османской империи, Ереван, 1977, с. 56-142; Петросян Ю. А. Младотурецкое движение. М., 1971, с. 13-27.
- ¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 33.
- ¹¹ Любопытно отметить, что в советские школьные хрестоматии особенно охотно включались те произведения писателей, где осуждалась идеология частника, хозяина своего дела, и возвеличивались фантазеры-мечтатели из числа люмпенов и пауперов наподобие Челкаша М. Горького, Калиныча И. Тургенева и т. д. Из всего богатого драматургического наследия А. Н. Островского в советской школе «прохо-

Турция: от докапиталистических структур к товарно-рыночному хозяйству

- дили» лишь пьесу «Свои люди - сочтемся». И подобных примеров великое множество.
- ¹² Ульяновский Р. А. Некоторые вопросы борьбы за экономическую независимость в несоциалистических странах. М., 1960. На правах рукописи.
 - ¹³ См.: Моисеев П. П. Главные аспекты борьбы за экономическую независимость. Политика и экономика современной Турции. М., 1977, с. 109-133.
 - ¹⁴ В двухтомнике «Зарубежный Восток и современность» высказывается сомнение в правомерности членения проблемы экономической самостоятельности на внутренний и внешний аспекты (Т. 2, М., 1974, с. 476). Разумеется, в реальной жизни эти аспекты тесно связаны между собой, но в научном исследовании подобное членение как форма абстракции не только допустимо, а просто необходимо.
 - ¹⁵ Проблемы развития и укрепления экономики развивающихся стран. Л., 1968; Славный Б. И. Немарксистская политэкономия о проблемах отсталости и зависимости в развивающемся мире. М., 1982.
 - ¹⁶ По данному вопросу специально см.: Развивающиеся страны: законы мерности, тенденции, перспективы. М., 1974, с. 52-78.
 - ¹⁷ Зарубежный Восток и современность, Т. 2, с. 485.
 - ¹⁸ В качестве примера гипертрофии внешнеполитических мер в ущерб экономическим можно назвать Индонезию, где в период «направления экономики» (1957-1965 гг.) осуществлялись решительные меры по вытеснению из страны иностранного капитала, но игнорировалась необходимость сбалансированного развития национальных производительных сил. См.: Архипов В. Я. Экономика и экономическая политика Индонезии (1945-1968). М., 1971, с.104-113.
 - ¹⁹ Так, турецкие аналитики-международники полагают, что в конце 80-х годов около 78% продукции местной индустрии были способны успешно выдержать внешнюю конкуренцию и лишь 22% промышленных товаров имели недостаточную конкурентоспособность. См.: Report on Developments in External Economic Relations of Turkey. Foreign Trade Association of Turkey. Ankara, 1978, p. 14. Цит. по: Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001, с. 113-129.
 - ²⁰ См.: Okcuun G. TÜrkiye iktisat kongresi. Izmir, 1923. Haberler - Belgerer - Yorumlar. Ankara, 1968.
 - ²¹ Marketing in Turkey. Overseas business report. Wash., 1983, с 8.
 - ²² В отношении Индии, например, установлено, что официальная стратегия развития в первые годы независимости во многом опиралась на западные экономические теории и исходила из относительного автоматизма преобразования докапиталистических форм производства в капиталистические по мере ускорения экономического роста. См.: Традиционные структуры и экономический рост в Индии. М., 1984, с. 3.
 - ²³ The Turkish Economy 1979.1st, 1979, с. 58.
 - ²⁴ См.: Моисеев П. П. Аграрные отношения в современной Турции. М., 1960.
 - ²⁵ Нами подсчитано, что с 1928 по 1944 гг. турецкое правительство осу-

П. П. Моисеев

- шествовало 25 актов выкупа у иностранцев предоставленных им ранее концессий на строительство железнодорожных линий, разработку руд и минералов, эксплуатацию муниципальных предприятий и т.д. См. Avcloglu D. Tiiirkiye'nin dilzeni. С. 1, s. 452-454. «Yon», 12.11.1962.
- 26 См.: СССР-Турция. 1917-1979. М., 1981, с. 128-132.
- 27
- 28 Основные параметры экономической стратегии ДП нашли отражение в программах правительства А. Мендереса, зачитанных им на заседаниях в межджисе в мае 1950 г., в марте 1951 г., мае 1957 г. и др. (всего за период 1950-1960 гг. он был во главе пяти правительственных кабинетов). См.: Oztiiirk K. Tiiirkiye Cumhuriyeti hukiimetleri ve programlari. 1st, 1968, с. 347-461.
- 29 Специально по данному вопросу см.: Киреев Н. Г. История этатизма в Турции. М., ГРВЛ, 1991, с. 126-130.
- 30 The Political Economy of Income Distribution in Turkey. N.Y. - L., 1980, с. 32.
- 31 Kilibay A. Turk ekonomisi. Modeller, politikalar, stratejiler. Ankara, 1984, с. 173-178.
- 32 Ulagay O. Ozal ek onomisinde paramiz pul olurken kirn kazandi kim kaybetti. Ankara, 1987, с. 48-50; Sonmez M. Tiiirkiye ekonomisinde bunalinim. 25 ocak karariari ve sonrasi. 1st., 1982, с. 7-9, 11-15.
- 33 Le Monde. 10.01.1984.
- 34 Специально по данному вопросу см.: Колосов В. П., Комлев Л. И. За равноправные экономические отношения. М., 1978; Моисеев П. П. Борьба за новый мировой экономический порядок и империализм. Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1981. №4, с. 3-13.
- 35 Особенно важна в этом отношении IV Конференция Неприсоединившихся стран (Алжир, 1973), где была впервые разработана всеобъемлющая стратегия борьбы за НМЭП, против экономического господства монополий Западной Европы, США и Японии.
- 36 Лишь впоследствии Турция присоединилась к группировке развивающихся стран, которая называется «Группа-77».
- 37 Подробнее см. Капитализм в Турции. Социально-экономическое развитие в 50-80-х годах. М., 1987; Уразова Е. И. Экономика Турции: от этатизма к рынку (внутренние и внешние источники экономического роста). М., 1993; Алибеков И. В. Государственный капитализм в Турции. М., 1966; Турция: современные проблемы экономики и политики. М., 1997.
- 38 В 1980 г., например, государственный сектор аккумулировал лишь 10,5% экономически активного населения и произвел 14,5% ВВП. См.: Экономическое развитие современной Турции. Сб. статей. М., 1983, с. 57.

А. З. Арабаджян

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Комплексный анализ экономического потенциала Исламской Республики Иран (ИРИ) в первой половине 90-х годов на основе выявления динамики валового продукта страны, нормы инвестиций и развития производительных сил в отраслях народного хозяйства показал, что наращивание этого потенциала происходило в сложных условиях, которые были предопределены действием факторов, как имевших объективную природу, так и носивших субъективный характер.

Важнейшим объективным фактором являлись (и продолжают оставаться) высокие темпы прироста населения (1956-1966 гг. -3,12%, 1966-1977 гг. - 2,71%, 1976-1986 гг. - 3,91%, 1986-1996 гг. - 1,9%)), сужавшие сбережения как основу роста и развития экономики.

Важнейшими факторами, носившими субъективный характер, после падения монархии и установления исламского режима стали:

-диктат Хомейни, навязавшего обществу концепцию так называемой «тоухидной экономики» (или иначе - «экономики божественной гармонии»), обрекавшей страну на замкнутость и прозябание;

-ирано-иракская война (сентябрь 1980 г. - август 1988 г.) с ее огромными человеческими жертвами и страшными разрушениями производительных сил, которая, если не своим началом, то своей продолжительностью, была связана с волей Хомейни.

Важнейшим свидетельством того, что рост экономического потенциала происходил, явился рост валового внутреннего продукта (ВВП), взятого в постоянных ценах (1982/83 гг.), среднегодовыми темпами, равными 5%².

Подтверждением реальности происходившего наращивания экономического потенциала стало развитие производительных сил практически во всех отраслях народного хозяйства.

©А. З. Арабаджян, 2001

А. З. Арабаджян

Решающим источником валютного обеспечения развития производительных сил явились доходы от нефти. Экзогенный характер их происхождения и зависимость величины этих доходов от колебаний цен на нефть на мировом рынке оказывали противоречивое влияние на наращивание экономического потенциала страны.

Пятипроцентный среднегодовой темп роста ВВП в конкретно-исторических условиях ИРИ даже при продолжающемся процессе индустриализации страны, который свидетельствует о возвращении исламского режима к дореволюционной стратегии развития, нацеленной на превращение Ирана в промышленно развитую по среднемировым меркам страну, крайне недостаточен.

Свидетельством этой крайней недостаточности является стоящий за комплексно развивающимися производительными силами Ирана низкий уровень ВВП, взятого в расчете на душу населения. В 1996/97 гг. в долларовом исчислении он составил 1830 долл., а с поправкой на инфляцию - 1371 долл.³ Истинный смысл этой величины раскрывает размер минимальной реальной зарплаты, составившей по официальным данным Центрального банка страны в 1996/97 гг. в долларовом исчислении 25,8 долл. Этот показатель по праву может находиться среди комплекса других показателей, позволяющих судить о характере роста экономического потенциала ИРИ: в 1991/92 гг. минимальная реальная зарплата составляла 23,7 долл., свидетельствуя о росте таковой за пять лет на 2,1 долл. при росте индекса цен на потребительские товары со 120,7 пункта до 458,8 пункта (1990/91 гг. = 100)⁴.

Не менее важным симптомом крайней недостаточности для преодоления экономической отсталости страны пятипроцентного темпа роста общественного продукта является развитие экономики ИРИ в условиях низкой производительности труда. Среднегодовой темп прироста ее в 1991/92-1994/95 гг. составил 2,1%. Глубокий смысл, стоящий за этой величиной, раскрывают данные, которые относятся к другим периодам экономической истории Ирана, взятыми по указанному же показателю (таб.1)⁵:

Прирост производительности труда (в%)

1966/67-1976/77	9.6
1976/77-1986/87	-4.4
1986/87-1991/92	0.92
1986/87-1994/95	-1.9

В последней величине (-1,9) наиболее полно отразились последствия тех лихих лет, сквозь которые прошла ИРИ, прежде чем вступить в первую половину 90-х годов.

Описанное выше движение производительности труда, взятое вкуче с величиной ВВП в расчете на душу населения, размером минимальной реальной зарплаты, безусловными положительными сдвигами в развитии производительных сил, с весьма серьезным ростом потенциала нефтяного экспорта (1986/87 гг. 915,8 млн. долл., 1987/88 гг. 1160,8 млн. долл., 1990/91 гг. 1312,2 млн. долл., 1994/95 гг. 4824,5 млн. долл.) может служить основанием для следующего вывода: нацеленность ИРИ на преодоление экономической отсталости страны дает результаты, но сам процесс преодоления ее носит асимптотический (в данном случае -вечно догоняющий) характер.

Монархический Иран кануна революции 1978-1979 гг. был близок к тому, чтобы попытаться избежать асимптотичности такого процесса.

Исламская Республика Иран, судя по положению дел на середину 90-х годов, оказалась в плену этой асимптотичности.

Основанием для такого вывода могут служить и задания Второго плана развития ИРИ, завершившегося 20 марта 2000 гг. По-своему об этом же свидетельствует манера, в которой составлен Третий план развития ИРИ на 2001-2003/05 гг.: в нем опущены плановые задания, взятые в их количественной определенности⁶.

Все изложенное дает основание полагать, что руководящие деятели ИРИ исходят в своих действиях и предначертаниях из того, **что** решение задачи приобщения страны к сообществу экономически развитых стран - дело не одного десятилетия. Это тем более так, если учесть, что и экономически развитые страны не будут стоять на месте.

Сдвиги, происходящие в экономическом потенциале ИРИ в первой половине 90-х годов, прежде всего в развитии производительных сил в отраслях народного хозяйства, не были бы возможны без внешнеэкономических связей страны с развитыми странами. Сделанные подсчеты показывают, что доля одиннадцати стран - основных контрагентов ИРИ в импорте - в 1996/97 гг. составила 48,8% от всего импорта. Доля этих же стран в экспорте Ирана, взятом без нефти, на эту же дату равнялась 38,7%⁷.

Приведенные две цифры представляются весьма многозначи-

тельными. Первая по-своему подтверждает, что экономический потенциал весьма солидной группы представителей мирового хозяйства служил источником не просто подпитывающим, а даже питающим экономику ИРИ. Вторая - по-своему показывает, что ИРИ воспринимается этими странами как контрагент, способный не только питаться их поставками, но, так или иначе, и подпитывать их.

Естественен вопрос - что же это за одиннадцать стран? Это Германия, Англия, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Япония, КНР, Россия, Канада и США, то есть страны, которые способны быть поставщиками техники высокого класса в сочетании с передовой продвинутой технологией.

Рост экономического потенциала ИРИ, и прежде всего потенциала ее нефтедобывающей промышленности, остро нуждающейся в обновлении оборудования, мог бы быть заметно выше, если бы не одно обстоятельство. Вклад одной из этих одиннадцати стран в указанные выше 48,8%, относящиеся к иранскому импорту, составил 0,6%. Такой страной были США. Между тем в 1976/77 гг., когда доля этих же одиннадцати стран в иранском импорте составляла 77,2%, вклад США в формирование этой величины составлял 15,4% (в экспорте соответствующие величины выражались в следующих цифрах: 77,2%, 57,3% и 6,6%). В 1996/97 гг. они составили 38,7% и 0,1 %⁸.

Представляется, что мизерность экономических связей США и ИРИ есть результат и проявление известной внешнеполитической концепции исламского режима в отношении США. В свете приведенных выше цифр можно сказать, что эта концепция оказалась по-своему оправданной исторически. Позицией, занятой по отношению к США, исламский режим действительно сумел доказать, что он способен обеспечить себе абсолютный внешнеполитический суверенитет. Но он за это заплатил очень дорогую цену.

Наконец, последнее. Одной из составляющих экономического потенциала ИРИ является ее военно-экономический потенциал. Сдвиги происходили и в нем. Стремление ИРИ наращивать его понятны. ИРИ озабочена своим экономическим и социально-политическим будущим, формироваться которое будет в условиях опять-таки высоких темпов роста населения, которое через двадцать лет достигнет, как полагают демократы, ста миллионов.

Ирану, как никогда, нужен мир, война с кем бы то ни было убийственна для его экономики. Поэтому ИРИ должна быть готова охранять свой мир созданием достаточного для этого военно-экономического потенциала.

Сохранение мира для страны, отсутствие войны исторически стали императивом для решения задачи превращения ее в высокоразвитое государство. Если именно этим целям будет подчинено наращивание военно-экономического потенциала ИРИ, то ее усилия по наращиванию его (вплоть до создания ядерного оружия) станут исторически понятными.

Однако как бы велико ни было значение военно-экономического потенциала, наиболее надежной для каждой страны является оборона, обеспечиваемая методами, используемыми в геополитике.

В 90-е годы ИРИ было сделано много для того, чтобы занять видное место в международных отношениях и, как было показано выше, получить возможность использовать экономический, технологический и научный потенциал мирового сообщества для решения насущных задач иранского общества.

Автор уверен, что важнейшим шагом ИРИ для дальнейшего укрепления и своего внутреннего положения, и своих внешнеполитических позиций является урегулирование ее отношений с США.

Жизнь подталкивает иранское общество и к другому шагу, который **лишь при** недостаточно глубоком подходе к совершению такого представляется недопустимым. Автор имеет в виду поиск модуса вивенди с Израилем. Эти слова некоторыми будут восприняты как нечто граничащее с безумием. Не будем вступать в спор. Лишь привлечем внимание ужаснувшихся к двум обстоятельствам, свидетельствующим, что различие мировоззренческих систем не является непреодолимым препятствием для установления взаимовыгодных и взаимоприемлемых отношений. Как и исповедание одной и той же веры народами разных стран, если вера используется как орудие политики, не гарантирует гармонии.

В своем Завещании имам Хомейни отвел место для таких слов: «Мы видим, что король Фахд каждый год расходует большую часть народного достояния на печатание Священного Корана и финансирование пропаганды антикоранических идей; как он распространяет полное предвзвешенное учение ваххабитов, склоняет несведущие народы на сторону сверхдержав, и использует

ислам и Священный Коран для уничтожения того же ислама и Корана».

Иорданский принц Хасан бен Талал, основатель Королевского института межконфессиональных исследований в Аммане, многие годы вместе с покойным королем Хусейном тайно встречался с израильскими лидерами, стремясь найти путь к урегулированию отношений. Не далее как в ноябре 2000 г., в дни, когда многие теряли веру в возможность мира между израильянами и арабами, он сказал: «Мне кажется, что как раз сейчас диалог нужно возобновить, чтобы возродить надежду и взаимное доверие между израильянами и арабами»¹⁰.

Подчинение как внутренней, так, в особенности, и внешней политики ИРИ общенациональным интересам страны - обязательное условие обеспечения более высоких, чем было показано, темпов ее экономического развития. В первом случае критерием такого подчинения является противодействие экономическому своекорыстию отдельных страт общества, во втором - противодействие политическому своекорыстию тех или иных страт этого же общества, своекорыстию, определенному в конечном итоге и их экономическими интересами.

Отрицательно отражаясь (через сложный механизм взаимодействий) на накопительных возможностях экономики, это своекорыстие сдерживает темпы развития страны и наращивания ее экономического потенциала, придавая в итоге процессу преодоления ее экономической отсталости асимптотический характер.

Народ Ирана имеет все основания для того, чтобы, заглядывая в историческую перспективу страны, не смириться с таким характером указанного процесса, характером, преодоление которого (в этом смысле преодоления) должно привести Иран к приобщению к сообществу высокоразвитых стран.

Примечания

- ¹ Салнамее амарие кешвар 1377, с. 54.
- ² Наш подсчет на основе данных Салнамее амарие кешвар 1373, с. 604; Салнамее амарие кешвар 1377, с. 836.
- ³ См.: Central Bank of the Islamic Republic of Iran. Economic Research Department. Economic Trends. № 8, First Quarter 1376 (1997). Общий индекс цен вырос в 1996/97 г. на 25,1% при практически неизменном курсе долл. (1995/96-1747,5 риала, 1996/97 - 1752 риала).
- ⁴ Central Bank of the Islamic Republic of Iran. Annual Review 1374

Иран (1995-1996), с 37; Central Bank of the Islamic Republic of Iran 1375 (1996-1997), с 36,51.

- ⁵ Подсчитано на основе ряда данных источника Сохраби Хамид, Хашеми Сейед Али, Вахиди Паридохт, Нафиси Абдол Хосейн. Арзе ва течазае нируе энсание мотакассес дар Иран, 1376, с. 55-57.
- ⁶ См.: Кануне барнамее севвومه тоусэе эктесади, эджтемаи ва фарханчие джомхурие Иран (1379-1383). Мосаввабе 17.1.1379 маджлесе шодрае эслами. Джомхурие эсламие Иран. Наш подсчет на основе Амаре базарчяание Хареджие Иран. Салнамее 2535, часть 1, с. 1-2; Салнамее амарие Кетвар 1372. Джомхурие эсламие Иран. Сазмане барнаме ва будже. Марказе амаре Иран, с. 281-282, 289-290; Салнамее амарие Кешвар 1375. Джомхурие эсламие Иран. Сазмане барнаме ва будже. Марказе амаре Иран 338-339,344-345.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Религиозное и политическое завещание Хомейни. Москва, 1999 с. 10.
- ¹⁰ Известия, 15.11.2000.

А. 3. Арабаджян

ислам и Священный Коран для уничтожения того же ислама и Корана»⁹.

Иорданский принц Хасан бен Талал, основатель Королевского института межконфессиональных исследований в Аммане, многие годы вместе с покойным королем Хусейном тайно встречался с израильскими лидерами, стремясь найти путь к урегулированию отношений. Не далее как в ноябре 2000 г., в дни, когда многие теряли веру в возможность мира между израильянами и арабами, он сказал: «Мне кажется, что как раз сейчас диалог нужно возобновить, чтобы возродить надежду и взаимное доверие между израильянами и арабами»¹⁰.

Подчинение как внутренней, так, в особенности, и внешней политики ИРИ общенациональным интересам страны - обязательное условие обеспечения более высоких, чем было показано, темпов ее экономического развития. В первом случае критерием такого подчинения является противодействие экономическому своекорыстию отдельных страт общества, во втором - противодействие политическому своекорыстию тех или иных страт этого же общества, своекорыстию, определенному в конечном итоге и их экономическими интересами.

Отрицательно отражаясь (через сложный механизм взаимодействий) на накопительных возможностях экономики, это своекорыстие сдерживает темпы развития страны и наращивания ее экономического потенциала, придавая в итоге процессу преодоления ее экономической отсталости асимптотический характер.

Народ Ирана имеет все основания для того, чтобы, заглядывая в историческую перспективу страны, не смириться с таким характером указанного процесса, характером, преодоление которого (в этом смысл преодоления) должно привести Иран к приобщению к сообществу высокоразвитых стран.

Примечания

- ¹ Салнамее амарие кешвар 1377, с. 54.
- ² Наш подсчет на основе данных Салнамее амарие кешвар 1373, с. 604; Салнамее амарие кешвар 1377, с. 836.
- ³ См.: Central Bank of the Islamic Republic of Iran. Economic Research Department. Economic Trends. № 8, First Quarter 1376 (1997). Общий индекс цен вырос в 1996/97 г. на 25,1% при практически неизменном курсе долл. (1995/96-1747,5 риала, 1996/97 - 1752 риала).
- ⁴ Central Bank of the Islamic Republic of Iran. Annual Review 1374

Экономический потенциал Исламской Республики Иран

(1995-1996), с 37; Central Bank of the Islamic Republic of Iran 1375 (1996-1997), с 36, 51.

- ⁵ Подсчитано на основе ряда данных источника Сохраби Хамид, Хашеми Сейед Али, Вахиди Паридохт, Нафиси Абдол Хосейн. Арзе ва течазае нируе энсане могахассес дар Иран, 1376, с. 55-57.
- ⁶ См.: Кануне барнамее севвومه тоусэе эктесади, эджтемаи ва фарханчие джомхурие Иран (1379-1383). Мосаввабе 17.1.1379 маджлесе шодрае эслами. Джомхурие эсламие Иран. Наш подсчет на основе Амаре базарчяание Хареджие Иран. Салнамее 2535, часть 1, с. 1-2; Салнамее амарие Кетвар 1372. Джомхурие эсламие Иран. Сазмане барнаме ва будже. Марказе амаре Иран, с. 281-282, 289-290; Салнамее амарие Кешвар 1375. Джомхурие эсламие Иран. Сазмане барнаме ва будже. Марказе амаре Иран 338-339, 344-345.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Религиозное и политическое завещание Хомейни. Москва 1999 с. 10.
- ¹⁰ Известия, 15.11.2000.

НЕФТЬ КАСПИЯ И ПУТИ ЕЕ ТРАНСПОРТИРОВКИ

История добычи нефти в бассейне Каспийского моря насчитывает много веков. Она стала играть важную роль сначала в царской России, а затем в СССР. С 60-х по 80-е годы значение каспийской нефти существенно снизилось. Но с возникновением в 1991 г. независимой республики Азербайджан, а также республик Казахстан и Туркмения она вновь приобрела исключительно важное значение как для этих стран, так и для мирового рынка. В то же время именно в 90-е годы чрезвычайно обострилась проблема транспортировки жидкого топлива на мировые рынки.

Нефть и новые независимые государства Прикаспия

Открытые советскими геологами месторождения черного золота поделили Азербайджан, Казахстан и Туркмения. Отход от социалистического ведения хозяйства, разрыв хозяйственных связей между бывшими советскими республиками подорвали экономику новых суверенных государств. Спасение они увидели в экспорте нефти, который обещали щедро финансировать страны Запада и Турция. Во всех этих республиках были приняты законы, поощряющие приток и деятельность иностранного капитала.

Еще одним из методов привлечения иностранных инвесторов стало преувеличение запасов нефти на Каспии (в чем особенно преуспел Азербайджан). Если раньше суммарные запасы оценивались в 2-3 млрд. т, то в середине 90-х годов - в 10 млрд., а в их конце - свыше 50 млрд. т. Причем местные и зарубежные геологи продолжали «открывать» все новые перспективные месторождения жидкого топлива¹.

В завышении запасов нефти проявили заинтересованность и иностранные компании, если даже они только участвовали в разработке месторождений. Слухи о новом Клондайке повышали котировку их акций, что поднимало конкурентоспособность этих ТНК.

Под шумные заявления об открытии новых месторождений

Азербайджан в 1994 г. подписал «контракт века» на разработку выделенных нефтяных акваторий. В нем половину нефтяного пирога получили западные ТНК, небольшую долю - Российская ЛУКойл и турецкая компания. Под этот и последующие контакты страны Запада и Турция выделяли многомиллионные кредиты. Были обнародованы новые «суперпроекты» «Шах-Дениз», «Карабах», «Дан-Улдузу», «Ашрафи» и др., часть которых оказалась в акватории, на которую претендует Туркмения.

В Азербайджан не только вернулись нефтяные компании, некоторые из которых являются наследницами тех, что действовали там еще до 1917 г., но и появилось множество новых. Так, в республике аккредитованы американские компании: «Эксон», «Мобил», «Шеврон», «Рамко», «Пеннзойл», «Юнокал» (первые три участвуют в контрактах в качестве операторов, т. е. контролеров сделок), английская «Бритиш Петролеум», норвежская «Стат-ойл», французская «Тоталь» и др. Фактическими монополистами азербайджанской нефти стали американские нефтяные компании, которые, как представляется, были больше озабочены не столько добычей нефти, сколько консервацией месторождений².

Казахстан располагает на побережье Каспийского моря крупным месторождением близ поселка Тенгиз (по официальной оценке, запасы там равны 2,1 млрд. т). В 1992 г. в освоении месторождения стоимостью 20 млрд. долл., долевое участие в 50% получила «Шеврон», которая и создала совместное предприятие «Тенгизшевройл». Это СП и занялось вопросами добычи и транспортировки нефти.

Активизировалась и нефтегазовая разведка шельфа и дна Каспийского моря, где, опять же по казахстанским оценкам, залегают 3,5-4,8 млрд. т жидкого топлива. Здесь еще в 1970-х годах были открыты запасы нефти, которые тогда по экологическим причинам решили не использовать. Руководство Казахстана, столкнувшись с глубоким экономическим кризисом, пошло на возобновление работ. Для этой цели в 1993 г. было подписано соглашение о создании международного консорциума «Казах-станкаспийшельф» в составе государственной компании «Казах-станкаспийшельф», англо-норвежской «Бритиш петролеум энд Статойл», английской «Бритиш газ», итальянской «Аджип», французской «Тоталь», американской «Мобил», англо-голландской «Ройял-датч-Шелл». Все они обязались внести по три мил-

лиона долларов. Вскоре после начала поисковых работ президент Казахстана Н. Назарбаев заявил, что запасы углеводородного сырья на шельфе Каспия составляют от 6 до 12 млрд. т, что выводит республику на второе место в мире по их величине после Саудовской Аравии³. В последующие годы никаких уточнений не последовало.

Туркмения, объявившая себя «газовым Кувейтом», не очень распространялась в отношении нефтяных богатств. Чаще всего она оценивала прикаспийские запасы жидкого топлива в 6,5 млрд. т, но в экономической политике республики они всегда стояли на втором месте после природного газа.

Тем не менее, когда в 1997 г. Азербайджан включил в план своих разработок нефтяные месторождения Чираг, Азери и Кя-паз, находящиеся в середине Каспия или даже ближе к Туркмении, последняя выразила свой решительный протест. За последние два с лишним года истекшего столетия конфликт несколько поутих, но так и не решен. Видимо, к окончательному решению обе стороны придут только после того, как будет определен статус Каспийского моря (подробнее об этом см. ниже).

В нефтедобывающую промышленность Туркменистана пришли все те же американские, английские, французские, плюс еще немецкие компании. Большую активность здесь проявляют также иранские и турецкие нефтяные фирмы. К 2000 г. они довели производство жидкого топлива до 7 млн. т. Но это - лишь уровень добычи советского периода. Об общем состоянии с добычей нефти в прикаспийских государствах (Иран лишь к 2000 г. стал осваивать нефтепромыслы на шельфе Каспия) можно судить по таблице 1.

Таблица 1

Производство нефти в прикаспийских республиках бывшего СССР

(млн. т)

Республики	1980 г.	1990 г.	1996 г.	1998 г.
Россия	546,79	515,89	302,87	304,34
Казахстан	18,66	25,82	22,96	25,93
Азербайджан	14,66	12,51	9,10	11,42
Туркмения	7,99	5,64	4,35	6,37

Источник: OPEC Bulletin, Vienna, Sept., 1999, p. 7.

Как видно, падение добычи нефти к концу 90-х годов прекратилось и даже намечилось некоторое ее увеличение. Причем три

тюркские республики производили в 1998 г. лишь 14% от уровня производства нефти в России.

Правда, у трех республик есть другое весьма важное преимущество. Если издержки производства жидкого топлива в России колеблются от 5,0 до 10,0 долл. за баррель, то на Каспии лишь от 3,0 до 4,0 долл., т. е. себестоимость добычи российской нефти в два с лишним раза выше себестоимости каспийской. Однако это преимущество нивелируется тем, что три республики не располагают собственными трубопроводами, необходимыми для транспортировки в зарубежные страны.

Проблемы нефтепроводов

Исторически сложилось так, что Азербайджан, Казахстан и Туркмения в годы существования царской России и затем СССР были преимущественно связаны с Москвой и не имели достаточно развитых отношений с зарубежными государствами. Нефтепровод Баку - Батуми, построенный еще в начале XX века, постепенно устарел и вышел из строя. На смену ему пришел более современный трубопровод Баку - Грозный - Новороссийск, осуществлявший относительно небольшую часть экспорта советской нефти.

Между тем обстановка на Кавказе стала быстро осложняться с конца 80-х годов. С опорой на решимость граждан или с помощью вооруженных формирований независимость от Азербайджана объявил Нагорный Карабах, от Грузии - Абхазия и Южная Осетия, и от РСФСР независимость в 1991 г. провозгласила Чечня (Ичкерия). Крайне напряженная ситуация усугублялась вмешательством США, Турции и других государств, а также ТНК.

Национал-сепаратисты Чечни во главе с президентом Дудаевым, разогнав парламент, стали устанавливать в самопровозглашенной республике порядки, носившие исламский характер. Российский президент долгое время терпимо относился к независимости Чечни, взявшей в свои руки нефтедобывающую промышленность и трубопровод Баку - Грозный - Новороссийск. Отношение к «бандформированиям» генерала Дудаева резко изменилось после подписания Азербайджаном «контракта века» в 1994 г. и начала восстановления нефтепровода Баку - Тбилиси - Батуми. Россия оказалась перед угрозой не только потерять историческое влияние на Кавказ, но и лишиться доходов за транспортировку бакинской нефти.

В конце 1994 г. президент Б. Н. Ельцин и глава правительства В. С. Черномырдин приняли решение о «наведении конституционного порядка» в Чечне вооруженным путем. Война привела к гибели около 100 тыс. человек, 300 тыс. стали беженцами, нефтепромыслы и нефтепровод были разрушены⁵. Полковник Масхадов, заменивший на посту президента убитого Дудаева, подтвердил независимость Ичкерии. Россия, обессиленная деструктивными реформами и поражением своей армии, была вынуждена подписать соглашение о мире, а в переговорах с Азербайджаном об условиях транспортировки нефти предоставила равные права представителю Чечни. Российское правительство согласилось за свой счет восстановить нефтепровод с правом получения дохода в размере 5 млрд. долл. и правом Чечни на получение 1,5 млрд. долл.⁶

Страны НАТО, включая Турцию, отнеслись к чеченским сепаратистам с большой симпатией, хотя и не решились признать независимое государство Ичкерия. Ссылаясь на нестабильность на Кавказе, они все активней вмешивались во внутренние дела кавказских народов, и обвиняли Россию в «имперских амбициях». Серьезные самостоятельные попытки оказать давление на Россию предприняла Турция.

Еще в начале 90-х годов там появился проект нефтепровода, альтернативный северному маршруту на Новороссийск. Проект предусматривал прокладку труб от Баку до Батуми (точнее до местечка Супса близ города Поти), а затем - через турецкую территорию до порта Джейхан на Средиземном море (близ города Искендерун). Первоначально на проект не обратили должного внимания. Тогда Турция в 1994 г. в одностороннем порядке ввела ограничения на проход нефтеналивных судов по Босфору под предлогом «возрастания экологической опасности». Тем самым она выступила против использования нефтепровода на Новороссийск и конкретными акциями подкрепила проект прокладки трассы в обход России. И хотя через год Международная морская компания признала незаконным самоуправство Турции, последняя, в той или иной мере, продолжала ограничивать проход российских танкеров.

США, категорически отвергшие возможность транспортировки каспийской нефти через территорию враждебного Ирана, полностью и активно поддержали турецкий проект. Однако они

понимали, что реальной альтернативы северному маршруту пока нет, поэтому приняли решение о транспортировке «ранней нефти» по трубе из Баку на Новороссийск. А для строительства основного нефтепровода на Джейхан стала формироваться группа инвесторов.

Турецкий проект неожиданно нашел поддержку со стороны располагавшей определенной самостоятельностью в 1996-1999 гг. Чечни. А. Масхадов в 1997 г. провел встречу с президентом Грузии Э. Шеварнадзе, на которой была обсуждена возможность строительства шоссейной дороги и нефтепровода Грозный -Тбилиси с подсоединением последнего к трубопроводу на Джейхан⁸. Чечня таким образом освобождалась от необходимости использовать трубопровод на Новороссийск.

Нефтяной фактор, наряду со взрывами домов в России и вторжением чеченских бандитов в Дагестан, послужил основанием для начала в сентябре 1999 г. «антитеррористической акции» против Чечни. Вторая война проходила более успешно для российских войск. Чеченские бандформирования были разгромлены и рассеяны, а их остатки перешли к проведению отдельных террористических актов. Российская компания «Роснефть» приступила к повторному восстановлению нефтяной промышленности Чечни и перекачке жидкого топлива на Новороссийск.

Для Казахстана, запертого в центре Азии, важнейшее значение имела транспортировка нефти. В результате либерализацион-ных реформ большая часть предприятий добывающей промышленности оказалась в совместном владении с иностранными, преимущественно американскими, фирмами. По их рекомендации казахстанское правительство дало согласие на участие в строительстве трубопровода Баку - Тбилиси - Джейхан. Однако оно не захотело, что называется, «класть яйца в одну корзину» и создало Каспийский трубопроводный консорциум (КТК), где 50% акций согласился приобрести Оман. В 1996 г. США смогли «осадить» Оман, оставив ему долю в 7%, а сами получили 50%, тогда как России досталось 24% и Казахстану остальные 19%⁹. Правда, правительство получило заверения от американской компании Шеврон, играющей немаловажную роль в добыче и транспортировке прикаспийской нефти, что она построит нефтепровод от Тенгизского месторождения до Новороссийска уже к концу 2000 г. Фактически строительство затянулось до середины 2001 г."

Неспешность компании Шеврон объясняется, в частности, тем, что она предложила альтернативный проект: вместо российской территории использовать дно Каспийского моря для прокладки нефтепровода до Баку, а далее уже известным маршрутом на Джейхан. Надо заметить, что Казахстан для экспорта добываемой нефти нередко пользовался сложными путями. Так, танкеры доставляли его нефть в Баку, откуда она в цистернах доставлялась по железной дороге в Батуми, а там снова переливалась в танкеры. Это редко поднимало себестоимость казахстанской нефти. Но и проект «Шеврона», по оценкам экспертов, оказался не лучше. Прокладка нефтепровода по дну Каспия чрезвычайно дорога, экологически опасна, технологически сложна и потому - не реализуема¹². Кроме того, строительство подводной трассы невозможно, поскольку еще не определен статус Каспийского моря.

Туркмения, добывая в 2000 г. уже 7 млн. т нефти, также искала пути ее экспорта. Экспериментальная транспортировка жидкого топлива началась на автомашинах в Северный Иран.. Совместно с германскими компаниями «Сименс» и «Тиссен» было намечено строительство нефтепровода через иранскую территорию к Персидскому заливу, против чего немедленно возразили США. В качестве альтернативы был предложен проект сооружения трубопровода по дну Каспийского моря на Баку, что тоже было затруднено в связи с неопределенностью статуса моря.

В связи с последним следует напомнить, что, в соответствии с советско-иранским договором 1921 г., Каспийское море могло использоваться только с учетом интересов двух примыкающих государств - СССР и Ирана. А на основе соглашения 1940 г. Каспий считался закрытым для иностранных судов и зарубежных компаний. Эти два документа остаются в силе, пока не будут заменены другими¹³.

После распада СССР Азербайджан, поддержанный Турцией и рядом западных государств, предложил провести государственную границу по середине Каспия, чтобы получить как можно больше нефтяных акваторий. Стремление к такому дележу моря не нашло поддержки у России и Ирана, а первоначально и у Казахстана с Туркменией. Правительство РФ заявило, что «Каспийское море и его ресурсы являются общим достоянием прикаспийских государств и объектом их совместного использования»¹⁴.

Но постепенно Россия стала изменять свою позицию. При

разрешении спора вокруг принадлежности нефтеносных районов на севере Каспия была достигнута договоренность о делимитации российско-казахской части дна на основе принципа равноудаленных от берегов точек при сохранении в общей собственности большей части поверхности моря⁵.

Во время визита президента РФ В. В. Путина в Баку в январе 2001 г. стороны достигли договоренности о принятии за основу будущего статуса Каспия Соглашения между Россией и Казахстаном. Добавлено также, что спорные месторождения следует использовать по принципу участия 50:50. Кроме того, условились, что возобновится совместная разведка и эксплуатация углеводородных месторождений. Президент России также гарантировал бесперебойную транспортировку бакинской нефти на Новороссийск (Россия на всякий случай завершила в 2001 г. строительство участка нефтепровода в обход Чечни). Если эти договоренности будут приняты Ираном и Туркменией, то в скором будущем можно будет ожидать подписание договора о новом статусе Каспийского моря.

В Баку В. В. Путин получил предложение, чтобы Россия приняла участие в сооружении нефтепровода на Джейхан. Однако трудно ожидать, что это предложение будет принято. Более того, можно предположить, что турецкий проект вообще будет отложен до лучших времен. Тем более что новый президент США Буш-младший полагает что его предшественник переоценил углеводородные запасы Каспия и окупаемость строительства трубопровода Баку - Тбилиси - Джейхан¹⁷.

В связи с предстоящим уточнением отношения США к каспийской нефти и путей ее экспорта снижается ценность еще одного проекта транспортировки в обход России. Речь идет о прокладке маршрута поставок нефти танкерами из Батуми до Одессы, откуда украинское правительство уже почти завершило строительство нефтепровода до местечка Броды. Далее имеется в виду проложить трубу на Польшу и в страны Прибалтики. Каспийская нефть здесь должна компенсировать нехватку тюменской нефти, которую Россия намерена направить в обход Украины (ведущей «несанкционированный забор» нефти и газа из бывших советских трубопроводов), а также Латвии и Эстонии (бюджет которых на 25% формируется за счет транспортировки российской нефти) через два новых окна в Европу - портов

Приморска и Усть-Луга в Ленинградской области¹⁸.

Наконец, есть еще один путь транспортировки каспийской нефти. Во время все того же визита В. В. Путина в Азербайджан президент Г. Алиев обратился с просьбой восстановить движение кораблей по каналу Волга - Дон и далее в Черное море. Согласие было получено. Видимо, водным путем смогут воспользоваться и другие прикаспийские страны, включая Иран, если они приобретут танкеры типа «река-море»

В заключение хотелось бы заметить, что каспийская нефть, известная местным жителям с давних пор, впервые вышла на мировой рынок в начале XX века. С упразднением СССР она приобрела исключительное значение для новых прикаспийских тюркских республик. Камнем преткновения служили главным образом два обстоятельства: отсутствие нового статуса Каспийского моря и ограниченность путей ее экспорта. Тем не менее на стыке двух столетий появились обнадеживающие признаки решения этих проблем, и нефть Каспия, хотя и в ограниченных объемах, сможет покрывать быстро растущие мировые потребности в черном золоте.

Примечания

- ¹ OPEC Bulletin, Vienna, Sept. 1999, p. 5; НГ, 4.9.1997.
- ² Независимая газета (НГ). Содружество, 1998, № 4.
- ³ Там же.
- ⁴ Нефть России, 199, № 1, с. 1.
- ⁵ Правда, 5, 6.12.1996.
- ⁶ НГ, 15.10.1996.
- ⁷ Avrasya dosyasi, Ank., 30.5.1997, s. 4.
- ⁸ Независимая газета, 19.3.1998, 14.7.1998.
- ⁹ За рубежом, 2000, № 38, с. 12.
- ¹⁰ НГ, 16.11.1996.
- ¹¹ НГ, 27.3.2001.
- ¹² Avrasya dosyasi, 1997, № 17, s. 8.
- ¹³ Азия и Африка сегодня, 1994, № 12, с. 7.
- ¹⁴ Правда-5, 6.2.1996.
- ¹⁵ За рубежом, 2000, № 40, с. 15.
- ¹⁶ НГ, Политэкономика, 23.1.2001.
- ¹⁷ Советская Россия, 16.1.2001.
- ¹⁸ НГ, 5.12.2000.
- ¹⁹ Советская Россия, 16.1.2001.

РОССИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ

Для успешного развития экономики России немаловажное значение имеет транспорт. Географическое положение к тому же предопределяет то место, которое он занимает в национальном хозяйстве страны. Расположенная между Европой и Азией, занимающая более 30% территории Евразийского континента, Россия весьма заинтересована в трансконтинентальных транспортных потоках. Развитие международного транзита через территорию страны за счет взимания транзитной ренты может стать весьма доходной статьей национального бюджета.

Мало зависящий от колебаний конъюнктуры на мировом рынке энергетического сырья российский потенциал в этой области пока используется не в полном объеме. Вместе с тем многие соседние государства объединяются в международные организации для осуществления совместных транспортных проектов. Поэтому для улучшения экономического положения России следует быстрее проводить разработку планов реализации крупных транспортных проектов и привлекать иностранных инвесторов, заинтересованных в более дешевом перемещении грузов. Совершенствование системы транспорта, использование всех его видов (железнодорожного, водного, воздушного) обеспечит важную для России реализацию евразийских связей и предоставит крупные валютные поступления от транзитных перевозок.

В 90-е годы наблюдался рост торговли между евразийскими и азиатскими странами, к 2000 г. объем торговли между странами Европы и Азии составил 600 млрд. долларов в год¹. Значительную часть товаров составляют грузы в контейнерах. Европейские и азиатские страны посредством ряда организаций (например, Комитет по внутреннему транспорту Европейской экономической комиссии ООН) рассматривают вопросы международного сотрудничества в области транспорта с целью повышения эффективности внешнеторговых и транзитных связей. Развитие транспортных связей рассматривалось на международных конференциях.

©Л. Б. Аристова,
2001

Л. Б. Аристова

В 1994 г. на общеевропейской конференции по транспорту (остров Крит) было сформулировано понятие транспортных коридоров. Транспортный коридор (МТК) представляет собой «совокупность магистральных транспортных коммуникаций с соответствующим обустройством, как правило, различных видов транспорта, обеспечивающих перевозки пассажиров и грузов в международном сообщении, на направлениях их наибольшей концентрации, связывающих различные страны». Значительный транспортный потенциал России складывается из системы морских портов на Балтийском, Азово-Черноморском, Каспийском, Северном и Дальневосточном бассейнах и железнодорожных путях по стране.

По территории России проходит три международных транспортных коридора. Через Россию проходит два Евроазиатских направления: 1) Запад - Восток (коридор №2); 2) Западная Европа - Россия (Транссиб) - Корея, Япония с ответвлением путей на Казахстан, Китай и Монголию. Основным стержнем этого Евроазиатского направления является Транссибирская железнодорожная магистраль. В состав российской части коридора № 2 включаются железнодорожные и автомобильные магистрали от границы с Белоруссией до Нижнего Новгорода, аэропорты Московского транспортного узла, аэропорт Нижнего Новгорода, а также уже имеющиеся и находящийся в стадии строительства терминалы в Смоленске, Вязьме, Московской области, Владимире и Нижнем Новгороде. В настоящее время по данному коридору автомобильным транспортом перевозится около 5 млн. тонн грузов в год, объем перевозок железнодорожным транспортом составляет 15,2 млн. тонн, из которых транзит достигает по территории России 4,7 млн. тонн. Направление Запад - Восток в основном уже сформировано, для обеспечения перевозок на этом направлении имеются сеть технически оснащенных железных дорог, достаточно качественных автомобильных магистралей, сеть внутренних судоходных путей и система морских портов.

Второе направление транзитных перевозок - Север - Юг (коридор № 9) находится в стадии формирования. В этом направлении будут использоваться транспортные системы района При-каспия и Северо-Кавказского региона. Направление Север - Юг включает страны северной Европы - Россия (Каспийское море) -Центральная Азия и Кавказ - Иран (Персидский залив) - Индия.

В 2000 г. объем грузоперевозок автомобильным транспортом составил 8 млн. тонн, а железнодорожным - около 42 млн. тонн, в том числе 3 млн. тонн транзитных грузов. По судоходным путям 9-го МТК прошло более 5 млн. тонн, в том числе 0,5 млн. тонн транзит.

Внешнеэкономическая политика России, направленная на расширение взаимовыгодного сотрудничества со странами Евразийского континента в области транспорта, содействует превращению ее в одного из крупнейших участников мирового грузопотока. В конце XX века темпы роста мировой торговли превышали скорость увеличения ВВП в 1,5-2 раза. Количество только грузовых контейнеров, обращающихся между Западной Европой и Восточной Азией, составляет 6 млн. единиц в двадцатифутовом исчислении (ТЕИ) при суммарной стоимости товарной массы 250 млрд. долларов³.

Заинтересованными в развитии транспортных евразийско-континентальных коридоров «Восток - Запад» и «Север - Юг» являются страны Западной и Центральной Европы, Скандинавия. В Азии таковыми, безусловно, являются Китай, Корея, Япония, Индия, Иран, Казахстан, Монголия.

Использование морских путей не только удлиняет путь передвижения грузов, но и повышает стоимость транспортировки. Евразийский транспортный коридор в обход России, проходящий по территории расположенных к югу от нее стран, так же усложняет и удорожает перевозки. Государство является владельцем всех транспортных сетей, но и частичная сдача их в России в эксплуатацию для транзита грузов и пассажиров вносит достаточно высокие доходы в бюджет. На переговорах экспертных групп в Тегеране по проекту коридора «Север - Юг» было достигнуто соглашение удвоить объем грузоперевозок между Россией и Ираном к 2001 г., доведя его до 2 млн. тонн. Транспортный коридор «Север - Юг» частично начал действовать с сентября 1999 г. Объем перевозок грузов между портами России и Ирана на Каспийском море составил 1,1 млн. тонн (это на 12% больше уровня 1998 г.). Чтобы повысить эффективность перевозок, разрабатывается система согласованных ставок, сборов и тарифов. Российская сторона предложила снизить сборы в портах Каспия обеих стран на 20% для судов России и Ирана⁴.

В 2000-2001 гг. Россия вела переговоры с Канадой и США об

открытии транзитных авиационных трасс. Получение дополнительных средств от использования авиационных сообщений через Северный полюс весьма привлекательно, а возможность такого рода реальна, так как новые авиатрассы сокращают время пути перелета из Европы в Северную Америку.

Подчеркивая особую роль коридора № 2, следует отметить большое значение в нем Транссибирской железнодорожной магистрали. В настоящее время ЕС прорабатывается план продления этой трассы на Запад, а в перспективе магистраль соединится с сетью Американского континента через Аляску, через тоннель под Беринговым проливом.

Значительные финансовые ресурсы могут быть получены Россией благодаря развитию перевозок комбинированного типа с использованием автомобильного, железнодорожного и внутреннего водного транспорта. Таковыми являются евразийские перевозки по коридорам «Север - Юг» и «Восток - Запад». Новую роль приобрел внутренний водный транспорт. К его средствам относятся суда типа река-море, которые могут курсировать по большому транспортному кольцу - Балтийское море - Нева - ВБВП - Волга - ВДСК - Дон - Азовское море - Черное море - Дунай - Рейн - Балтийское море. Это реально существующий водный путь может использоваться более широко и эффективно при заинтересованности стран ЕС, России и государств, по территории которых он проходит. Преимущества проекта в том, что бесперевалочные транзитные перевозки осуществляются из любой точки в любой пункт кольца. Особый интерес представляет транспортировка по этому маршруту части каспийской нефти. Значительную роль играет доставка нефти в Европу также железнодорожным транспортом. С учетом интересов стран ЕС и России предполагается провести унификацию российского железнодорожного подвижного состава для обеспечения его пропуска по дорогам Европы. Обновление состава и модернизация сократит время погрузочно-разгрузочных работ и ускорит доставку грузов, повысит их сохранность, будут снижены транспортные затраты, что позволит перевозить значительно большие объемы российских нефтепродуктов на Запад. Возможно, будут пересмотрены тарифные ставки. Транзитные перевозки будут иметь минимальные издержки при достаточно высокой доходности, если плата за транзит по тарифным ставкам будет согласована с

самими транзитными странами. Проведение новых железнодорожных путей, освоение объемов перевозок пассажиров и грузов в международных сообщениях, повышение их эффективности предъявляют большие требования к совершенствованию российской транспортной системы. Основные направления формирования и развития системы Российских международных транспортных коридоров рассматривались на ряде международных конференций по транспорту в 2000 г. (Вторая международная Евроазиатская конференция по транспорту, Санкт-Петербург, сентябрь 2000 год)⁴.

Даже краткий анализ проектов перевозки грузов через российскую территорию позволяет представить, насколько заметное место могут занять в планах России новые пути. В развитии транспортных коридоров по территории России главную роль должна сыграть деятельность правительства и, в частности, министерства транспорта. Эффективное использование национального ресурса России, связанного с проектами Евроазиатских коридоров призвано стать одним из целей такой политики. Для успешного осуществления транспортных проектов может использоваться широкий круг средств, включающий международные договоры, государственные гарантии, кредитные соглашения, законодательные акты, налоговые и таможенные льготы и т. д.

Примечания

- ¹ Материалы Санкт-Петербургского экономического форума. Санкт-Петербург, 13-17 июня 2000 г., с. 30.
- ² Там же, с. 8, 9, 10; Независимая газета, № 13, 1.2000.
- ³ Эксперт, №10, 2000.
- ⁴ Третий взгляд. Новости, репортажи, комментарии из Иранской прессы. 2000.

Н. Г. Киреев

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И БОРЬБА
С РАДИКАЛЬНЫМ ИСЛАМИЗМОМ В ТУРЦИИ

Антитеррористическое законодательство. На протяжении всех восьми десятилетий существования Турецкой Республики в ее уголовном праве наиболее опасными противниками нового государства считались три политические силы: исламизм, сепаратизм (движение курдов Турции за независимость) и коммунизм. Стремление этих сил свергнуть новый, утвердившийся в условиях интервенции и гражданской войны режим и учредить иной, *шариатский* либо *коммунистический* режимы, так же, как и создать на территории Турции курдское государство, квалифицировались как преступная, уголовная антигосударственная деятельность. Правовые республиканские нормы по этой тематике утверждались в 20-е годы, заменяя собой остатки прежних шариатских принципов, в конечном счете они сконцентрировались в положениях нового, республиканского, *Уголовного кодекса*, принятого в 1926 г. и претерпевшего начиная с 1938 г. целый ряд модификаций¹.

Правовое регулирование тех лет, сама судебная система, сформировавшаяся на судах независимости, сохраняли свою жесткость и безапелляционность еще многие годы после подписания мирного договора в Лозанне в 1923 г.

Что касается нового УК 1926 г., принятого по образцу итальянского кодекса 1889 г. с заметной степенью ужесточения и уже без прошариатских статей, то преступления, связанные с антигосударственной деятельностью, были перечислены в 173 статьях первого раздела. Речь в них идет о деятельности, направленной против территориальной целостности Турецкой Республики, против существующего строя, о вооруженной борьбе против государства, его руководства, вооруженных сил и т. п. Наибольшую «популярность» долгое время, вплоть до 1991 г., сохраняли три статьи этого действующего и поныне закона - 141, 142 и 163.

Статья 141, принявшая после ряда уточнений относительно стабильный вид с июня 1936 г., была направлена конкретно против

тех лиц и организаций, кто «путем насилия» стремился «ликвидировать какой-либо социальный слой»; «установить одного социального слоя над другими»; «ликвидировать существующий в стране экономический или общественный строй» ^{речь} шла также и о намерении «установить личную либо групповую ипасть противоречащую республиканским и демократическим принципам». В зависимости от степени участия в заговоре обвиняемые приговаривались к тюремному заключению на срок от 8 до 15 лет. Для заговорщиков, занимавших государственные посты, устанавливалась смертная казнь. Дополняющая ее статья 142 определяла уголовное наказание за пропаганду действий, перечисленных в статье 141. Обе эти статьи, как и комментируемая ниже ст. 163, сохраняли силу до 1991 г.²

Статья 163 УК была специально посвящена пресечению деятельности лиц и организаций, использующих религию (в условиях Турции имелся в виду прежде всего ислам) в качестве инструмента подрывной деятельности против государства. Источником статьи были не упомянутые османские законы - таковых по этой тематике не могло быть по определению, - а турецкий *Закон об измене родине*, принятый 29 апреля 1920 г. только что созданным в Анкаре новым парламентом (ВНСТ) на заре деятельности кемалистской власти (по счету это был второй закон, принятый в Анкаре ВНСТ). Закон этот был первоначально направлен против соглашательской политики султанской, халифатской власти в отношении интервентов, затем неоднократно пересматривался с учетом конкретной обстановки в условиях многочисленных антиправительственных выступлений и курдов, и оппозиции - правой и левой. Статья 163 претерпела некоторые изменения лишь после 1949 г., сохранив свою основную предназначенность - запрещать использование в Турции религии в политических и личных целях. В первом ее абзаце говорилось: «Всякий, кто учреждает, организует общество, либо руководит обществом, целью которого является даже частичное внедрение в социальную, экономическую, политическую, правовую основы государства религиозных принципов и убеждений, противоречащих принципу светскости, подлежит уголовному наказанию сроком от восьми до пятнадцати лет». В том случае, когда все перечисленные виды уголовной деятельности осуществлялись в государственных учреждениях, сроки наказания в отношении служащих увеличивались на 1/3.

© Н. Г. Киреев, 2001

Все упомянутые три политические силы с их идеологиями - исламизмом, коммунизмом и сепаратизмом - на протяжении всего периода республики были и остаются объектами уголовного преследования в тех случаях, когда суд подтверждает, что их деятельность носит антигосударственный характер. Турецкие курды постоянно подвергались неоднократным насильственным переселениям как сепаратисты; лидеры и активисты коммунистического движения находились либо в тюрьмах, либо в эмиграции, именно они долгое время считались главной опасностью для режима. Что касается исламистов всех течений, то их ордена, общины были разогнаны, они подверглись жесточайшим преследованиям после создания республики, власти следили за тем, чтобы религиозная деятельность не выходила за ворота мечети. В послевоенное время, в годы *холодной войны*, в целях нейтрализации воздействия на часть общества коммунистической идеологии была дана частичная свобода деятельности политическому исламу. В идеологическом поле самым верным помощником государства, армии были *тюркисты*, особенно их крайнее течение - *пантюркисты*, *пантуранисты*².

И после войны именно они рассматривались властью, и прежде всего военными кругами, как главный заслон и от сепаратистов-курдов, и от коммунистов. Однако власть не всегда была в состоянии регулировать размах националистического экстремизма, а иногда и не спешила это делать; лишь в крайних случаях, когда возникала угроза режиму уже со стороны пантюркистов и пантуранистов, она преследовала их по тем же упомянутым статьям УК. Такое случилось в 1979-1980 гг., когда возглавляемые Альпарсланом Тюркешем пантюркисты поставили перед собой задачу заменить своим режимом существующую власть. Поскольку они выступили против власти как вооруженные заговорщики, их лидеры, активисты были преданы суду, подверглись на протяжении 80-х годов суровым уголовным наказаниям, а некоторые, лично участвовавшие в уничтожении своих противников, были приговорены к смертной казни либо пожизненному заключению. Но уже в 90-е годы, после распада СССР, пантюркистская идеология вновь оказалась востребованной - в хоре голосов о создании во главе с Турцией *Великого Турана*, *Великого Туркестана* и т. п. их голоса звучали громче всех.

Понятие *терроризм* как средство политической, идеологической, вооруженной борьбы с существующим конституционным режимом, его институтами и его элитой утвердилось в современном

турецком уголовном праве сравнительно недавно, с принятием в 1991 г. *Закона о борьбе с терроризмом*, и стало спецификой уголовной юриспруденции 90-х годов (о законе - ниже). До этого времени использовалась, как выше отмечалось, терминология, подразумевавшая прежде всего *уголовную* антигосударственную, подрывную деятельность (включая вооруженную, идеологическую и т. п.). Как очевидно, терроризм - это крайняя, экстремистская форма политической борьбы, сами понятия *терроризм* и *экстремизм* близки. Собственно, именно так и подразумевается в турецком праве. Уголовный кодекс действует, как уже сказано, с 1926 г., преследование такого рода экстремистских выступлений, требований основывается и на некоторых статьях Конституции (например, ст. 14).

Сами турецкие интеллектуалы признают, что и поныне, уже много лет, менталитет *народа, окруженного врагами*, остается у части турецкой элиты, поддерживается и используется в общественном сознании для оправдания радикального национализма, сохранения остатков полицейского режима в стране и напряженности в отношениях с соседями. И сейчас некоторые специалисты современного уголовного права Турции считают, что их страна «обречена географически на то, чтобы быть целью терроризма». Вместе с тем окончание холодной войны, требования Запада либерализации уголовного права, защиты прав человека вынуждают власти Турции, и прежде всего военную верхушку, смягчать соответствующее законодательство. Принятый 12 апреля 1991 г. Закон № 3713 *О борьбе с террором* (ЗБТ) своей отдельной статьей отменил упомянутые выше статьи УК - 141, 142 и 163, имея в виду, что новые, отвечающие требованию времени положения, предусматривающие борьбу с террором, отныне представлены в самом этом специальном законе. Одновременно новый закон содержит и отсылки к ряду статей УК, которые касаются преступлений, напрямую или косвенно имеющие отношение к тому определению террора, которое сформулировано в законе. Такого рода уточнения и отсылки свидетельствуют о полном единстве двух законов.

В 1-й статье ЗБТ впервые для ныне действующего турецкого законодательства сформулировано понятие террора: «Террором являются совершаемые членами какой-либо организации либо отдельными лицами различные действия, имеющие целью путем давления, принуждения, насилия и жестокости, запугивания и угроз изменить характер Турецкой Республики и провозглашенный в ее конститу-

ции политической, правовой, социальной, светской, экономической строй; разрушить нерушимое единство государства, страны и нации; поставить под угрозу само существование Турецкого государства и Республики; ослабить, либо разрушить, либо захватить власть в государстве; ликвидировать фундаментальные права и свободы; разрушить внутреннюю и внешнюю безопасность государства, общественный порядок и благополучие нации». В этой же статье раскрывается понятие *организация* - имеется в виду группа из двух и более лиц, объединенных одной целью. Это понятие аналогично тому, которое применяется в УК и других законах. Читатель обратит внимание на широкое толкование в 1-й статье понятия *терроризм*, оно отнюдь не ограничено вооруженными действиями, подразумевает психологическое воздействие, запугивание, и т. п.

Статья 2-я ЗБТ устанавливает юридическое определение уголовного преступника как *террориста* (*teror suclusu*), т. е. лица, которое в составе организации или в одиночку совершило какое-либо из преступлений, перечисленных в статье 1-й, а также любого лица, которое принадлежит к организации, осуществившей указанные преступления и юридически определяемой как *террористическая организация*. Иными словами, Законом о борьбе с террором введены понятия *террорист* и *террористическая организация*.

Статья 3-я ЗБТ перечисляет те статьи Уголовного кодекса (их 10), по которым совершенное уголовное преступление отныне квалифицируется как терроризм. Первой в этом перечне стоит статья 125: «Тот, кто предоставляет территорию государства полностью или частично в распоряжение иностранного государства, либо ограничивает суверенитет государства, либо разрушает его единство; кто действует таким образом, чтобы часть находящейся во владении государства территории вывести из-под государственного контроля, приговаривается к смертной казни». Согласно статье 131-й УК, к длительным срокам тюремного заключения приговариваются лица, приведшие в полную или неполную негодность принадлежащие армии имущество, суда, самолеты, другой транспорт, склады, дороги и т. п. К террористическим актам относит статья и всякого рода диверсии в пользу противника в условиях начавшейся или ожидаемой войны - за эти действия выносятся смертный приговор.

Ст. 146 УК гласит, что «подлежат осуждению на смертную казнь лица, стремящиеся силой изменить, пересмотреть или упразднить, полностью или частично, Конституцию Турецкой Республики либо

принудить к молчанию, воспрепятствовать деятельности Великого Национального Собрания Турции, учрежденного в соответствии с этим Основным Законом». Статья перечисляет различные формы подстрекательства к упомянутым насильственным действиям, к беспорядкам - письменные, печатные, речи перед публикой, эти действия требуют наказания в виде либо смертной казни, либо тюремного заключения сроком от 5 до 15 лет. Равным образом по следующей статье УК, 147-й, подлежат осуждению на смертную казнь лица, силой препятствующие деятельности правительства. Статья 148-я предусматривает тюремное заключение от 3 до 6 лет для лиц, «без согласования с правительством либо вербующих турецких граждан для деятельности в интересах иностранных служб, либо снабжающих их оружием».

Статья 149-я УК устанавливает уголовное наказание в виде тюремного заключения сроком не менее 20 лет за поддержку вооруженного восстания населения против правительства путем применения оружия, а также наркотического, удушающего или горючего газа и взрывчатых веществ; равным образом за поддержку кровопролития в ряде регионов Турции путем поставок оружия воюющим сторонам. «Если благодаря такой поддержке возникло восстание либо сражение, виновники этого либо те, кто руководит восставшими, приговариваются к смертной казни». Рядовые участники этих преступлений приговариваются к тюремному заключению на срок не менее 6 лет. По статье 156-й УК участники заговора против президента страны подлежат наказанию в зависимости от степени вины либо в виде смертной казни, либо в виде пожизненного заключения.

Статья 168-я УК была заново отредактирована в январе 1983 г. (последний год военного режима после переворота 1980 г.). Она устанавливает, что лица, создающие вооруженные группы с целью совершения преступлений, перечисленных в статьях 125, 131, 146, 147, 149, и 156-й УК, либо возглавляющие такие группы, подлежат тюремному заключению на срок не менее 15 лет. Рядовые участники таких групп осуждаются на сроки от 10 до 15 лет. Последняя статья Уголовного кодекса, отнесенная по Закону о борьбе с терроризмом к разряду антитеррористических - 172-я. Согласно этой статье, за некоторыми исключениями, если в публичных местах население открыто поощряется к применению одного из преступлений, перечисленных в ст. 125, 131, 146, 147, 149, 156-й наказание варьируется либо от трех до пяти лет (по ст. 125, 131 и 156), либо от

Н. Г. Киреев

двух до четырех лет (ст. 146, 147, 149), а также денежные штрафы.

Следующая, 4-я, статья ЗБТ называет те статьи УК, уголовные преступления по которым могут квалифицироваться как преступления *террористические* (*teror amaçlı He işlenilen suçlar*) лишь по конкретным признакам и целям, т. е. в тех случаях, которые перечислены в ст. 1. В случае квалификации уголовного преступления по этим статьям как *террористического* разбирательство будет проходить, согласно ЗБТ, в *судах госбезопасности*. Среди этих статей УК - 145-я (о преступлениях против флага), 150 и 151-я (о беспорядках, в т. ч. с применением оружия), 152, 153, 154, 155-я (о преступлениях, связанных с военной службой и военным имуществом, действиями вооруженных сил и т. п.), ст. 157-я (связана с покушением на президента страны), ст. 169-я (о содействии или соучастии в некоторых уголовных преступлениях, не упомянутых в ст. 64 и 65-ой УК).

Таким образом, как очевидно, в новом законе не повторены виды и сроки наказания за *террористическую* деятельность, если они уже были ранее приведены в текстах УК и других законов. Перечислены, как уже отмечено, лишь номера статей либо их отдельных абзацев, если речь идет о терроризме. Об этом специально напоминает в 5-й статье ЗБТ, которая посвящена увеличению наказания. В ней также содержится чрезвычайно важная оговорка, которая в принципе расширяет или скорее конкретизирует *понятие терроризма не только как преступление против государства, но и против личности*. Так, констатируется, что наказания по упомянутым выше статьям УК, в том случае если они квалифицируются как преступления против личной свободы, а также денежные наказания увеличиваются вдвое. Вместе с тем наказания за преступления против свободы личности не могут превышать 36 лет тюрьмы строгого заключения, 25 лет обычного и 10 лет тюрьмы без изоляции.

Статья 6-я ЗБТ подробно перечисляет ограничения для СМИ, когда они информируют общественность о событиях и лицах, имеющих отношение к террористическим актам и их расследованию. Перечислены крупные размеры денежных штрафов за информацию, наносящую вред расследованию, а также ведущим его лицам, свидетелям и т. п. Также эта статья закона определяет, что «за публикацию, выпуск передач, содержащих заявления либо декларации террористических организаций, устанавливается денежный штраф в размере от пяти до десяти миллионов лир» (по среднегодовому

курсу 1991 г. = примерно от 1,2 тыс. долл. до 2,5 тыс. долл.). Перечислены и другие виды крупных штрафов на СМИ.

Кто же сегодня, в самом начале нового тысячелетия, по мнению турецких правоведов, главные враги светского, республиканского общества и государства, своими действиями вынуждающие сохранять суровые положения уголовного и антитеррористического законодательства даже в ожидании властной элитой страны принятия ее в «самый демократический клуб в мире» - ЕС? Ведь и в документах ЕС, принятых им в ноябре 2000 г. по поводу принятия Турции, были подтверждены такие требования к ней, как необходимость привести турецкую процедуру судебного разбирательства и вынесения приговора в соответствие с той, которая применяется в странах ЕС, при этом было заявлено о нецелесообразности сохранения судов госбезопасности, о необходимости соблюдения прав человека (в том числе верующих), моратория на смертную казнь, отмены запрета на теле- и радиопередачи на языках меньшинств («сепаратистов»!), повышения социально-экономического и культурного уровня жителей Юго-Востока Турции, где проживает курдское население.

Ныне в законодательных актах и правительственных документах, решениях Совета национальной безопасности (СНБ), заявлениях Генштаба от имени Турецких Вооруженных Сил (ТВС) террористической деятельностью считается прежде всего сепаратизм (фактически лишь курдский) и антигосударственные выступления исламистских кругов, объединяемых понятием *иртиджа*. На второй план отодвинута угроза террористической деятельности левацких элементов, которые активно проявляли себя в конце 70-х годов и которых правящая элита, как правило, не отделяет от коммунистического, а то и в целом социалистического движения. Да и на Западе признавали и признают, что «марксистские и другие крайне левые группы никогда не были более чем маргинальным фактором в национальной политике, даже когда им было позволено действовать как легальным партиям»⁶. Запрет на деятельность компартии сохраняется по решению Конституционного суда 1991 г., в котором есть ссылка на 14-ю статью Конституции Турции, запрещающей деятельность, целью которой является «установление господства одного социального класса над другим».

И поныне, в начале нового 2001 г., четко и безапелляционно как экстремизм и терроризм либо как содействие, поощрение такового трактуются турецкими судебными органами совместно с военным

руководством некоторые курдские требования по признанию их этнокультурных прав, эти требования именуются проявлением *сепаратизма*. После ареста и вынесения смертного приговора курдскому лидеру Оджалану власти заявляют, что с курдским сепаратизмом, как главной внутренней угрозой для Турции, покончено. Генеральный штаб распространил заявление об «успешном завершении» борьбы с ПКК; в опубликованной по этому поводу брошюре отмечается, что продолжавшаяся с 1984 г. борьба *Турецких Вооруженных Сил* против ПКК, т. е. против ее намерения «нарушить национальное единство и территориальную целостность, разрушить режим светского и демократического государства, успешно завершена». Как и насколько успешно проходит ныне замирение в мятежных в недавнем прошлом районах Юго-Востока страны турецкие СМИ сообщают скупно, очевидно по причине жесткой цензуры и опасений наказания все по тому же Закону о борьбе с террором. Уже в начале нового 2001 г. сами власти признали, что сопротивление турецких курдов сохраняется, преследуя их, турецкие войска уже который раз пересекали границу с Ираком. Анкара утверждает, что именно там находятся базы сепаратистов из РПК⁷. Косвенным свидетельством продолжения в турецком Курдистане вооруженных выступлений против властей является сохранение в шести провинциях Юго-Востока страны режима *чрезвычайного положения*. Пока не признаны, несмотря на давление демократических сил, права на *культурную автономию*, Генштаб и в начале 2001 г. отвергал робкие предложения гражданских политиков разрешить трансляцию в регионе телеканала на курдском языке, на чем, кстати, настаивает ЕС.

Уголовное преследование радикального исламизма. Как уже отмечено, после ареста Оджалана и суда над ним некоторые сторонники секуляризма во властных структурах, и прежде всего генералитет, сочли, что отныне реальными и наиболее опасными противниками для нынешнего государства остаются радикальные исламисты - сторонники установления шариатского режима в Турции. Пройдя этапы существенных метаморфоз, политический ислам обрел новый облик и влияние в турецком обществе. Давно легализована деятельность исламистов в рамках политической партии, действовавшей долгое время под именем *Рефах*. Более того, эта партия сумела в середине 90-х годов обеспечить себе многомиллионный электорат, успешно выступала на всеобщих и местных выборах.

Турции В 1996-1997 гг. на протяжении многих месяцев она возглавляла очередное коалиционное правительство, причем, заняв правительственные посты, ее лидеры во главе с Эрбаканом поспешили заговорить о возможности возрождения в стране режима шариата.

Заявления исламистов о шариатском режиме, произнесенные на министерских постах и из депутатских кресел, явно нарушали Конституцию и другие законы, под нажимом военных правительство Эрбакана ушло в отставку, а 22 февраля 1998 г. *Конституционным судом* было принято постановление о закрытии *Рефах*. Н. Эрбакан и еще пять руководителей партии были лишены депутатской неприкосновенности, самому лидеру к тому же было запрещено заниматься политической деятельностью и создавать политическую партию. На 329 страницах постановления можно было найти немало положений, аргументирующих закрытие *Рефах*. Утверждалось, что Н. Эрбакан «безусловно в течение 28 лет остается последователем шариата», что он «призывал к строю, основанному на религии», что партии «не могут стремиться к учреждению государственного строя, порождающего религиозный раскол.., не могут опираться на религии, секты и учения»⁸.

Преемницей *Рефах* стала срочно созданная в 1998 г. парламентариями-исламистами партия *Фазилет* («добродетель»), ее руководителем стал Реджаи Кутан. После парламентских выборов 1999 г. по числу депутатов эта партия оказалась *третьей* в меджлисе, но в оппозиции - самая главная. Но и над ней уже к концу 2000 г. нависла угроза закрытия, судебное расследование ее деятельности длится уже более года и проводится все под теми же обвинениями в *прошариатской деятельности*. Внутри партии, как считают некоторые, не ко времени уже разгорелись внутренние разногласия; так называемые *новаторы (енилжчилер)* обвиняют Кутана в авторитаризме, угрожают уйти из партии и создать свою, «новаторскую». В добавление к этим трудностям, которые беспокоят всех активистов политического ислама, их признанный лидер Н. Эрбакан, оказавшийся без партии, не только был лишен по закону заниматься политической деятельностью, но и осужден позднее на один год тюремного заключения судом госбезопасности г. Диярбакыр. Находясь на полуправильном положении и добиваясь через своих адвокатов отсрочки исполнения приговора, Эрбакан одновременно безуспешно пытался обратиться в Европейский суд по правам человека (АШМ) по поводу нарушения его прав, доказывая, что осуждение находя-

щегося в преклонном возрасте видного политика, занимавшего пост премьер-министра, вызовет беспокойство в общественном мнении Турции и Европы⁹.

Уместно отметить, что антиконституционная деятельность политиков от ислама вызывает протесты не только со стороны светских кругов, военного руководства. Против использования ислама в политической и идеологической борьбе, за сохранение светского режима в стране выступают влиятельные религиозные круги страны, ученые-богословы. Председатель Управления по делам религии при правительстве Мехмет Нури Иылмаз заявляет от имени верующих страны - «мы против эксплуатации религии». Известный и давний противник активизации политического ислама в Турции религиозный публицист, профессор богословия Яшар Нури Озтюрк опубликовал в 2000 г. свою очередную книгу под характерным названием «Как привели ислам к деградации». Вместе с тем, как нам представляется, старания антиклерикальных властных кругов, в первую очередь генералов, всеми способами, прибегая и к уголовному, антитеррористическому законодательству, ограничить влияние исламистов в обществе удаются лишь частично, это показали выборы 1999 г. - исламисты передвинулись в парламенте с первого места на третье, оказавшись в роли главной оппозиционной партии.

Происламские СМИ, защищая Фазилет от судебного преследования уже как «главную оппозиционную партию», напоминают читателям, что будущее возможное принятие Турции в ЕС обусловлено демократизацией общественной и политической жизни общества, а это невозможно, когда закрывается партия, выполняющая тяжелую миссию оппозиции власти. Перестройка экономики, которую требует ЕС, невозможна без выявления коррупции, и это тоже - миссия Фазилет. Журналист *Ени шафак* - одной из происламских газет - задает риторический вопрос - может ли правительство сохранять свой авторитет и влияние в системе власти, уступая требованиям военных? Он уверен, что гражданская власть будет до тех пор испытывать вмешательство военных, пока Генштаб не перейдет в ведение главы правительства. По его мнению, «никто не должен думать, что закрыть Фазилет - благое дело, ближайшая альтернатива для страны, в которой заставили замолчать главную оппозицию - политический хаос»¹⁰.

Борьба происламской оппозиции за то, чтобы было прекращено уголовное преследование Рефах и Фазилет, стала в новом 2001 г.

более уверенной. Выступая в апреле в качестве первого докладчика на организованной стамбульским муниципалитетом международной конференции, посвященной началу нового тысячелетия, Н.Эрбакан, окрещенный журналистами «запрещенным лидером», в присутствии многих своих сторонников утверждал, что если бы Рефах была у власти, она не допустила бы экономического кризиса конца 2000 - начала 2001 гг., не стала бы в поисках финансовых средств обращаться к США, Германии, Франции. Такие средства следует искать и находить в самой Турции - в Анкаре, Конье, Диярбакыре². Эти города названы не случайно — они символизируют возможности азиатского исламского, т. е., как считают исламисты, национального капитала. В том же апреле на заседании МЮСИАД - происламского общества предпринимателей - от Фазилет выступил Р. Кутан, заявивший, что проблемы Турции следует изучать в первую очередь «не через очки крупного западного капитала, а через национальные очки». Будучи у власти, утверждал Кутан, Рефах снизила банковский процент до 28%, «сейчас же он достиг 44-45%»¹³.

Дальнейшее давление на политиков-исламистов, уголовное преследование их лидеров, как представляется, все более становится делом лишь одних военных. Активисты Фазилет, ее лидер Кутан убеждают общественность, что они не покушаются на светский режим в стране, что секуляризм не должен означать преследование верующих под предлогом защиты государства. Они убеждены, что партия не будет закрыта, тем более что в парламенте с их же участием готовится пересмотр статьи 69-й Конституции, которая допускала весьма облегченный принцип закрытия партии - достаточно решения Конституционного суда. Ожидается, что пересмотренная статья установит более усложненную процедуру такого закрытия, соответствующие изменения будут внесены и в *Закон о политических партиях*. Утверждается при этом, что такие изменения в уголовном законодательстве отвечают требованиям Европы о демократизации правовой системы Турции, облегчают защиту прав человека в этой стране и приближают время принятия ее в ЕС.

На случай закрытия Фазилет ее руководство объявило даже о приостановке приема в партию новых членов. Таким образом будет создан кадровый резерв для немедленного создания новой исламистской партии, уже вместо Фазилет в случае ее закрытия, и обойдены конституционные требования, запрещающие создавать новую партию на прежнем кадровом фундаменте¹⁴. Поступают сообщения

о том, что некоторые члены Фазилет в провинции переходят в Партию националистического действия, демонстрируя таким образом близость позиций этих двух партий в провинции¹.

Не менее влиятельным фронтом противостояния нынешнему светскому режиму вновь, как в первые годы республики, являются мусульманские ордена, общества, группы и их финансовые фонды. В их распоряжении - тысячи мечетей, земельные участки, приюты, интернаты, школы. Некоторые турецкие авторы даже уверены, что «запрещенные в 1925 г., тарикаты сегодня переживают золотой век; их члены активны на всех уровнях политической жизни - в партиях, в правительстве, в общественных службах, в кругах интеллектуалов, а также в мире предпринимателей и финансистов».

Стремительно, особенно на протяжении 90-х годов, в условиях глобализации и распространения новейшей информационной технологии обрели небывалую силу и влияние происламские холдинги, активно действующие не только в промышленности и торговле, но и в информационно-пропагандистском бизнесе. Конгломерат мусульманского капитала и джемаата в области информации, так сказать, в индустрии «пропаганды и агитации» на исходе 90-х годов в Турции действительно проявляет невиданную активность и размах, он имеет в своем распоряжении новейшие средства полиграфии, издательского дела, активно использует такие достижения глобализации, как созданное турками (и не только турками) спутниками связи, системой Интернет всемирное единое информационное пространство, экономическую и финансово-кредитную интеграцию. По данным на 1994 г., мусульманский издательский сектор Турции насчитывал 200 издательств, выпускал более 600 журналов, его ежедневный газетный тираж достигал миллиона экземпляров. Активно используется в пропаганде исламизма радио- и телевидение, также широко прибегающее к системе спутниковой связи. Одна турецкая газета приводит пример, как по каналу *Михр-ТВ* один из ведущих, Искендер Эвренесоглу, в мантии и чалме грозит в своей программе адом тем, кто не вступает в *тарикаты*, утверждая также, что обязательно грянет последняя мировая война между сторонниками Аллаха и его врагами, причем победителем станут сторонники Аллаха. Недавние землетрясения в Турции оцениваются как наказание за преследование сторонников Аллаха.

В светских кругах высказывают все большую тревогу по поводу проникновения исламистов во многие правительственные и судеб-

ные инстанции, армию. Председатель Государственного совета Э. Чыракман утверждал, что тысячи нынешних чиновников, судебных работников являются выпускниками школ имамов-хати-бов, в своей деятельности они придерживаются исламских догм, а не правовых норм светского государства. Председатель анкарской коллегии адвокатов Х.С. Окай считает, что самое трудное - очистить прокуратуру от реакции, от *иртиджа*, «в ней есть выпускники лицеев имам-хатибов». Многие выпускники таких лицеев предпочли поступить на факультеты политологии и управления, в «результате работниками прокуратуры, судьями стали лица, получившие религиозное образование. Их мировоззрение отражается и в принимаемых судебных решениях... Уже многие годы на судебном процессе сказывается влияние религиозных общин и тарикатов».

Судебное преследование исламистов в стране вынуждает их усиливать свою партийную пропаганду и агитацию в среде сохраняющего прочные связи с родиной турецкого населения стран Западной Европы, прежде всего в Германии. Активно используется здесь фактор недостижимости турецкого уголовного права, наличие либеральных режимов в западных странах, вынужденных все более учитывать голоса электората турецкого и исламского происхождения. По мнению некоторых турецких обозревателей, прибывшие ранее на заработки в Европу турки в большинстве случаев, заработав на жизнь, предполагали вернуться на родину, однако теперь они этого делать не намерены. Между тем, согласно статистике ЕС, из каждых родившихся в середине 90-х годов в Германии 79 106 детей 43 921 ребенок - турок. Треть турок в Германии - это молодежь до 17 лет, что свидетельствует о «чрезвычайно динамичной структуре турецкого населения Германии»¹.

Турецкие исламисты (иртиджа) надеются использовать складывающуюся в Европе демографическую ситуацию в своих целях. Давно переселившийся в Германию публицист Метин Гюр, последовательный сторонник поиска путей интеграции германских турок в европейскую культурную среду, в одном из разделов книги, названном «Станут ли немцы мусульманами?», приводит высказывания некоторых турецких исламистов о том, что так оно и будет, Германия действительно станет мусульманской страной, причем это *предсказано давным-давно, еще при жизни пророка*. Автор пишет -если ранее немецкий народ сохранял романтическое и толерантное отношение к исламу, то сегодня все изменилось. Одна из причин

этого, возможно главная - отсутствие достаточной информации об этой религии и об обязанностях ислама. Сказывается и негативная информация об исламе, распространившаяся последнее время. «Другой фактор - враждебное отношение некоторых мусульманских групп к германскому обществу. Любой хозяин дома не сможет долго терпеть, когда его гость постоянно его поносит. Например если некоторые мусульманские организации во время демонстраций, в своих листовках и на плакатах открыто объявляют немецкому народу гражданскую войну, такие действия не вызывают радости...»¹⁹.

Тот же автор пишет в *Джумхуриет* о «шариатских гнездах» в Европе, имея в виду прежде всего такую исламскую организацию, связанную с Рефах и Эрбаканом (с центром в Кельне), как *Национальный взгляд — Исламское общество*. Она имеет в 252 городах Европы, главным образом в Германии, лагеря и школы, в них 14 тысячам учащихся *преподается шариат*. В некоторых преподавательских центрах, изучающих Коран и политический ислам, уроки дают депутаты ВНСТ от Фазилет. Ныне это обучение в Европе проходит под названием Эгитим (обучение) - 2000. 126 школ ведут занятия в 29 крупных германских городах, таких как Кельн, Гамбург, Мюнхен, Штуттгарт, Берлин, Бремен, Ганновер, Дюссельдорф. Проводятся специальные компании с тем, чтобы сосредоточить в этих центрах детей и молодых людей для промывания мозгов и последующей замены этими молодыми кадрами состарившиеся исламистские общины и кадры. Кампанию поддерживают газеты *Милли газете* и *Акит* с помощью специальных выпусков для Германии.

Во главе персонала мусульманского Центра просвещения и культуры в Брауншвейге стоит бывший муфтий и бывший преподаватель курсов имам-хатипов Осман Фехми Дурсуноглу. В преподавании курсов «промывании мозгов», принимали участие депутаты от Фазилет Ясин Хатипоглу и Лютфю Доган, а также один из активистов закрытой Рефах. Этот Центр в Брауншвейге - крупнейшее представительство в Германии от исламистов, ежегодно он привлекает 247 человек различных возрастов. Из 14 тысяч молодых людей, обучающихся под его эгидой на летних с ночлегом курсах при мечетях и в стационарных центрах в Германии, Австрии, Голландии, Бельгии, Дании, Швейцарии, Франции и Швеции, насчитывается 6 171 юношей. Один из преподавателей на летних курсах сообщил автору, что наряду с уроками религии преподается и политический ислам: «В Германии в течение 30 лет преподавался полити-

ческий ислам. С того момента, как возникло течение Национальный взгляд, проповедуемый им ислам таковым не является. Они эксплуатируют чувства людей, выгребают деньги из их карманов, манипулируют детскими мозгами, говорят о религии, а сеют неверие; молятся на Эрбакана, говорят о мире, а готовят детей воевать; относятся недоброжелательно к тем, кто не думает так, как они».

В Страсбурге, где, как известно, заседает Европейский суд по защите прав человека, исламисты от *Национального взгляда* готовятся открыть свое бюро, которое будет помогать лицам, намеренным обращаться в этот суд со своими жалобами. Такие же бюро они намерены учредить в Брюсселе, чтобы готовить обращения граждан, связанные со вступлением Турции в ЕС, а также в Гааге - для оформления жалоб в Международный трибунал «по поводу военных преступлений в Косово, Боснии-Герцеговине и Чечне». Упомянутые бюро будут укомплектованы адвокатами и опытными переводчиками.

Религиозной общине Фетхуллаха Гюлена - одной из самых влиятельных последователей Сайда Нурси (1873-1960), *нур-джистов*, а главное - ее лидеру Фетхуллаху Полену уделялось судебными властями, военными Турцией во второй половине 90-х годов наибольшее внимание. В печати приводились свидетельства мирной, но весьма активной прошариатской деятельности общины, которую, кстати, поддерживают США как представляющую *мягкий ислам*. После нескольких неудачных попыток, осенью 2000 г, властям удалось добиться начала судебного расследования деятельности Ф. Гюлена. Так, сенсацией стало заявление начальника Генштаба генерала Кыврыкоглу на праздничном приеме 30 августа 2000 г., прозвучавшее как безусловное требование привлечь наконец к суду Ф.Гюлена и таким образом выполнить давние решения СНБ по поводу нейтрализации *иртиджа*, известные в Турции как *решения 28 февраля 1997г.* На следующий день после заявления генерала прокурор суда госбезопасности Н. М. Юксель представил в этот суд обвинительное заключение на 79 страницах в отношении Ф. Гюлена. Правда, иск носил заочный характер, поскольку к этому времени обвиняемый уже полтора года находился на лечении в США.

В обвинении утверждалось, что Гюлен «при участии хорошо подготовленных и обученных в принадлежащих ему школах, интернатах и на курсах кадров намеревался отвергнуть принципы Ататюрка и ликвидировать светскую республику, чтобы создать

государство, опирающееся на шариат». В обвинении подчеркнута политика *безмолвного и глубокого проникновения* группы Гюлена в *Турецкие Вооруженные Силы*. Организация Гюлена «стала самой сильной реакционной структурой в Турции». В обвинении были приведены подробные данные по истории нурджизма, дешифровке видеокассет, школам в тюркских республиках Средней Азии, проникновению в военный лицей Мальтепе. Отмечались успехи группы Гюлена в проникновении в кадры госучреждений, в том числе органы образования и безопасности. Источниками, обеспечивающими влияние группы, стали «созданная им империя крупного капитала и постепенно возросшая в последние годы политическая поддержка, достигавшая подчас масштабов помощи». Политика Гюлена в отношении Турецких Вооруженных Сил - демонстрировать доброжелательность, в то же время укреплять полицию, чтобы использовать ее в случае необходимости как противовес армии. Группа Гюлена контролировала в целом 88 фондов (вакуфов), 20 обществ, 128 частных школ, 218 фирм, 129 учебных курса, интернаты для учащихся, а также 17 печатных органа (включая на английском языке), газету с тиражом 250 тыс. экземпляров, телестанцию, две радиостанции с вещанием на всю страну, финансовую организацию с беспроцентным кредитованием, страховое общество.

Расширяя заграничную деятельность, с 1992 г. группа открыла в 35 странах 6 университетов и вузов, 236 лицеев, 2 начальных школы, 8 центров изучения иностранного языка и компьютера, 6 курсов подготовки к университету, 21 интернат. Цель создания общиной Гюлена школ за рубежом - готовить кадры администраторов для данного государства, обеспечить в будущем их симпатии к Турции, в которой к тому времени будет создано исламское государство.

В заключительной части обвинения утверждалось, что за деятельность по созданию организации, имеющей целью изменение светского режима государства на религиозный, согласно первому абзацу пункта 1 статьи 7 *Закона о борьбе с террором*, Ф. Гюлен подлежит тюремному наказанию - заключению на срок от 5 до 10 лет²².

В *Джумхуриет* было высказано мнение и о том, что «школы Фетхуллага за границей стали причиной ухудшения отношений Турции особенно с Узбекистаном; правительство этой страны закрыло все школы, открытые как Ираном, так и Ф. Гюленом. Турецкий атташе по образованию выслан из этой страны, узбекские

студенты отозваны из Турции». Отмечалось также, что и религиозные кадры в школах Гюлена, и преподаватели религии от Мин-проса преподносят Ататюрка как атеиста; такая ситуация вызвала сильное беспокойство особенно в Азербайджане. Приводятся и такие данные - в 13 официальных школах, открытых Турцией в тюркских республиках, «господствует Гюлен». Библиотеки этих, казалось бы, официальных школ заполняются книгами, осуждающими светскость и Ататюрка, а также произведениями Гюлена по нурджизму. Со ссылками на досье по Полену отмечается, что он, уделяя главное внимание республикам Центральной Азии, «стремится расширить там зону влияния США; после распада СССР его община стала влиятельной и организованной силой»²³.

Здесь уместно напомнить, что и ранее, в 1999 г., в СМИ Турции сообщалось, что открытие Фетхуллахом-ходжой в Центральной Азии 250 прекрасно оборудованных школ при поддержке США расширило географию нурджизма, а портреты Ататюрка вывешены в этих школах лишь для того только, чтобы остался довольным турецкий МИД. США же поддерживают такое распространение нурджизма с тем, «чтобы вновь Средняя Азия не оказалась в объятиях России. Это - продолжение все той же прежней политики США, когда утверждалось, что ислам - лучшее лекарство от коммунизма»²⁴.

Проблемы *школ Гюлена* коснулся и новый президент Турции Ахмет Неджет Сезер, когда рассказывал о своей поездке по тюркским республикам. Он напомнил о кризисе между Турцией и Узбекистаном из-за этих школ, сообщив, что предложил «вместо действующих сейчас там школ открыть школы от имени турецкого государства. Такое предложение встречено положительно». Однако сопровождавший президента в поездке госминистр Абдулхалок Чай утверждал, что «речь не идет о категорическом желании президента закрыть упомянутые школы»²⁵.

Наиболее распознаваем терроризм в деятельности тех исламистских групп, которые сосредотачивают свою подрывную в отношении государства активность не столько на идеологической, сколько на подпольной вооруженной борьбе. Постоянное внимание в этой связи органов безопасности уже не один год привлекает турецкая ветвь проиранской исламистской организации *Хезболлах*. Приводится информация о ее активистах в некоторых провинциях страны, организации подпольных школ, а также легких лагерей с военной подготовкой и организацией стрельбищ. В учебный курс

входило изучение произведений иранских религиозных деятелей, включая имама Хомейни²⁶. В ходе судебных разбирательств было установлено, что приверженцы *Хезболлах* в Турции стремились к ликвидации существующего режима, созданию в курдских районах на *шиитской* основе и по *иранской модели* исламского курдского государства.

Позже, уже в 1999 г., силы безопасности в Диярбакыре после ознакомления с некоторыми захваченными у членов *Хезболлах* документами установили, что эта местная шариатская террористическая организация приняла решение обосноваться в Анкаре, Стамбуле, Измире, Конье и Адане. Вместе с тем, судя по информации в турецких СМИ, издавна активнее всего ведет себя эта организация в провинции Диярбакыр. В числе задержанных в последние годы упоминаются *интеллектуалы*, компьютерный оператор, учителя, студенты университетов, перечисляются также виды захваченного оружия, валюта, компьютерное оборудование, дискеты, литература. Приводятся случаи нападений на солдат, жандармов, гражданских служащих. Также продолжается следствие по делу арестованных в различных районах страны в течение 2000 г. некоторых руководителей этой организации. Они обвинены в подготовке заговора против конституционного режима и создании исламского государства на принципах шариата, в убийстве 23 государственных служащих. Прокуроры требовали для большинства обвиняемых, согласно ст. 146 УК, смертной казни, для нескольких других, согласно ст. 168 — от 12 лет 6 месяцев до 15 лет.

После продолжительного, почти семилетнего, разбирательства суд государственной безопасности Анкары определил, что массовое убийство в Сивасе 2 июля 1993 г. (погибло 37 человек, из них 35 сгорели) «было направлено на то, чтобы опорочить взгляды и действия Азиза Несина, ликвидировать важнейшие принципы конституционного режима - республиканизм и светскость». Сообщается, что перед и вслед за этим событием неизвестными лицами были распространены листовки, в которых напоминалось, что Азиз Несин опубликовал в газете *Айдынлык* некоторые отрывки из книги Салмана Рюшдю *Сатанинские стихи*, которые порочат ислам и пророка. В листовках утверждалось также, что верующие должны сражаться с друзьями сатаны... «На предсмертные крики сгорающих в огне людей никто и бровью не повел, умирающим отвечали шариатскими лозунгами, с удовольствием за ними

Турции наблюдали». В завершающей части решения 33 обвиняемым объявлялась смертная казнь, согласно ст. 146 УК²⁹. И в западной литературе, и в турецкой давно высказано твердое убеждение, что это массовое убийство было подготовлено сторонниками проиранской мусульманской группы, «специализирующейся» на убийствах журналистов, политиков, ученых - «тех, кто заявил о себе как защитник турецкого секуляризма»³.

Целый ряд террористических организаций действует в Турции как ветви арабских вооруженных групп. Среди них - *Хизб-ут Тахрир*, «борцы за Иерусалим» и др. Арестованный во время одной из операций Рюштю Айтүфан, член организации «борцы за Иерусалим» («*Кудюс саваичылар*»), был обвинен прокурором суда госбезопасности Х. Келешом в убийстве известного публициста Кышлалы. Прокурор потребовал для него смертную казнь, для 4 других сообщников - тюремное заключение до 5 лет за помощь организации и предоставление крова³¹. В том же 2000 г. был завершен судебный процесс над членами *Ислами харекет оргютю*

- террористической организации в Турции, замешанной в убийстве журналиста Четина Эмеча и других актах террора. Вынесен один смертный приговор - Ирфану Чагырыджи, четыре приговора о пожизненном заключении, 12 приговоров о тюремном заключении по 12 лет 9 месяцев тюрьмы; высказаны обвинения в адрес Ирана в том, что он косвенно участвовал в создании и деятельности этой организации³².

Завершая статью, еще раз отметим активизацию деятельности организаций, представляющих в Турции различные оттенки радикального ислама, ставящего перед собой задачу в долговременном плане любым способом - от мирного, исподволь, до вооруженного

- заменить нынешний светский режим страны на шариатский. Очевидно, что к началу нового XXI века турецкое общество ока залось вовлеченным в сложные процессы радикализации одной из влиятельнейших мировых религий. Как и повсюду, исходные при чины этого явления кроются прежде всего в неспособности либо в нежелании местной светской элиты решать должным образом накопившиеся в условиях глобализации в стране социальные проблемы. Властями используется чаще всего, как показано выше, более доступное средство - уголовное преследование. Пользуясь этим, лицемерно апеллируя к мировой демократической обществу, политики от религии во имя реализации своих

честолюбивых тоталитарных устремлений в состоянии и поныне объединять под своими знаменами широкие массы верующих.

Примечания

- ¹ Прежний османский УК, принятый в 1858 г., по образцу французского (с включением положений шариатского законодательства) ранее также неоднократно модифицировался, «приспосабливался» к европейскому уголовному праву, особенно при младотурках. В него были внесены изменения уже и при кемалистах, в условиях крайней нестабильности и чрезвычайщины тех лет они максимально ужесточали наказания за антигосударственные преступления, стали правовой поддержкой силовых мер по укреплению кемалистского режима. Так, изменения, внесенные в этот османский закон Великим Национальным Собранием Турции 22 апреля 1925 г., предусматривали смертную казнь для лиц стремившихся изменить либо упразднить республиканскую конституцию, распустить меджлис, воспрепятствовать его деятельности, провоцировать вооруженные восстания и т.п. См. подробнее: GÜnlühal Bozkurt. *Bati hukukunun Türkiye'de benimsenmesi*. Ankara, Türk Tarih Kurumu, 1996, с 96-103; М. А. Гасратян. *Курды в Турции в новейшее время*. Ереван, 1990, с. 94.
- ² Отмененные ныне статьи 141, 142, 163-я комментируются по изданию; Kani Eksioğlu. *Son değişiklik ve notlarla sivil hukukun Türk Ceza Yasası*. İstanbul, Yasa yayımları, 1984.
- ³ В турецком толковом словаре так трактуются понятия Туран, туранизм: Туран - название государства, которое намерены создать туранисты путем объединения всех тюрок в мире. Туранизм - течение, ставящее своей целью объединение всех тюрок в одно отечество и под единым флагом, оно возникло в последние годы Османской империи в противовес течениям османизма и исламизма; синоним - тюркизм. *Türkçe sözlük*. Cilt 2. Yeni baskı. Ankara, 1988, s. 1495.
- ⁴ Уместно напомнить определение террора в словаре С. И. **Ожегова**: физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам. *Словарь русского языка*. 20-е изд. М., 1988, с. 649
- ⁵ Pinar, Ibrahim. *Terörle mücadele ve ilgili mevzuat*. Ankara, Seckin yayınevi, 1997, с 48.
- ⁶ Turkey. *A country study*. Washington, 1988, p. 352.
- ⁷ Радиостанция «Свобода», 07-01-2001.
- ⁸ Radikal, 23.02.1998
- ⁹ Milliyet, 31.08.2000.
- ¹⁰ Radikal, 26.12.2000; Cumhuriyet, 26.12.2000.
- ¹¹ Yeni Safak, 30.12.2000.

- ¹² Milliyet, 28.04.2001.
- ¹³ Türkiye gazetesi, 29.04.2001.
- ¹⁴ Cumhuriyet, 26.12. 2000. Hurriyet, 30.12.2000. Zaman, 27.12.2000. Zaman, 31.12.2000.
- ¹⁵ Zaman, 31.12.2000.
- ¹⁶ Cizre, Umit. *Muktedirlerin Siyaseti*. Merkez Sag-Ordu-islamcihk. İstanbul, 1999. с 107.
- ¹⁷ Cumhuriyet, 3.09.2000.
- ¹⁸ Dünya, 13.01.1996.
- ¹⁹ Gfir, Metin. *Seriat ve Refah*. İstanbul, Çağdaş yayımları, 1997, с.7,9,10,247.
- ²⁰ Cumhuriyet, 3.09.2000
- ²¹ Zaman, 31.12.2000.
- ²² Cumhuriyet, 1.09.2000
- ²³ Cumhuriyet, 3.09.2000.
- ²⁴ Cumhuriyet, 9.11.1999
- ²⁵ Radikal, 25.10.2000.
- ²⁶ Cumhuriyet, 17.09.1995, Yeni Yüzyıl, 19.04.1995.
- ²⁷ Cumhuriyet, 16.09. 1995
- ²⁸ Cumhuriyet, 8.09.2000 Cumhuriyet, 12.09.2000. Cumhuriyet, 14.09.2000. Sabah, 13.10.2000.
- ²⁹ Cumhuriyet, 8.09.2000
- ³⁰ <http://cvv2.loc.gov/cgi-bin/querf/>
- ³¹ Cumhuriyet, 3.09.2000. Sabah 13.10.2000.
- ³² Milliyet, 31.08.2000.

MUSLIM STATES NEAR CIS's BORDERS

Contents

<i>V.Ya.Belokrenitsky</i> . Muslim region near CIS southern borders: structure, importance and prospects	5
<i>V.G.Korgun</i> . Afghanistan at steep turns of history of the 20-th century.....	23
<i>V.N.Moskalenko</i> . The results and prospects of the development of Islam Republic of Pakistan	29
<i>N.M.Mamedova</i> . Iran: from a monarchy to the republic. A present situation and prospects	46
<i>Ye.I.Urazova</i> . Some special features and prospects of social, economic and political development of Turkey	61
<i>M.S.Lazarev</i> . Kurdish nationalism in the 20-th century (specific features of the development and the present situation).....	79
<i>S.B.Drujilovsky</i> . Islamic model of the development as an alternative to westernization of Eastern society (problems of the theory and practice).....	96
<i>I.L.Fadeeva</i> . Splitted society: Middle East political leaders' submissions on the democracy (80-90-th years)	116
<i>RRSikoyev</i> . From emirat to caliphate (messianic ambitions of talibs' leaders)	141
<i>O. V.Pleshov</i> . Pakistan talibanization -real or imaginary threat?.....	148
<i>O.V.Pleshov</i> . Pakistan: Islamic fundamentalism and military regime.....	157
<i>V.I.Danilov</i> . Islamic movement and political crisis in Turkey of 90-th years.....	165
<i>B.M.Yagudin</i> . Evolution of parliamentarism in Turkey	179
<i>O.I.Jigalina</i> . Islam of Western Asia's kurds	198
<i>M.R.Arunova</i> . The ethnic factor in the intraafganian conflict.....	210
<i>N.M. Yemelyanova</i> . Ismailits of Afghanistan and Tadjikistan - brief history and modernity	218
<i>I.N.Serenko</i> . Education and Islam in Pakistan	228
<i>V.S.Boyko</i> . Regionalizm in Afghanistan: Abdul Rahim's «Gerat Republic» (1929 - beginning of 1930 years)	237
<i>LV.Jmuyda</i> . A role of shadow economy and corruption in Pakistan	256
<i>N. Yu. Ulchenko</i> . Shadow economy in Turkey: scales and factors of development.....	266
<i>P.P.Moiseyev</i> . Turkey: from pre-capitalist structures to market economy.....	274
<i>A.Z.Arabadjan</i> . Economical potential of Islam Republic of Iran and problem of national security	291
<i>G.I.Starchenkov</i> . Caspian Oil and transportation routes	298
<i>L.B.Aristova</i> . Russia and international transport corridors	307
<i>N.G.Kireyev</i> . The antiterrorist legislation and strife with a radical Islam in Turkey	312

Вниманию оптовиков!

Издательско-книготорговая фирма
предлагает всегда широкий
ассортимент (более 5 тыс. наименований) книг по
**ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ, ПСИХОЛОГИИ,
ВОСТОКОВЕДЕНИЮ, НОВОЙ ХРОНОЛОГИИ,
СОЦИОЛОГИИ, КУЛЬТУРЕ**

а также
**альбомы, иллюстрированные издания,
словари, энциклопедии,
учебно-познавательную литературу,
прозу и поэзию**
издательств:

**Республика, Аграф, Аспект-пресс, Логос,
Муравей, Голос, Сибирский хронограф,
Знание, Радуга и многих других**

129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14,
«Крафт+»
тел. 186-93-78,363-68-73
в С.-Петербурге: 141-23-37
E-mail : kraft@podlipki.ru.
www.podlipki.ruV-kraft

Научное издание
**Мусульманские страны у границ
СНГ**
(Афганистан, Пакистан, Иран, Турция -
современное состояние, история
перспективы)

Утверждено к печати

Институтом востоковедения РАН

Институтом изучения Израиля и Ближнего Востока
Лицензия ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г. (ИВ РАН)
Лицензия ИД Ма 00173 от 27.09.99 г. («Крафтч+»)
Сдано в набор 25.05.2001. Подписано к печати 10.07.2001.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 21 п.л

Тираж 1000 экз. Зак. 274

Институт востоковедения РАН
Научно-издательский отдел
Зав. отделом Ю.Б. Чудов
103031, г. Москва ГСП, ул. Рождественка, 12
ООО Издательство «Крафтч+»
Отв. За выпуск В.С. Белов

129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14

Тел.: 186-93-78.363-68-73

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ГУЛ «Облизден».

248640, Калуга, пл. Старый горі. 5. тел. 57-40-70

